

II-10.
D-151.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. ПЕСОЦКИМЪ.

7958.7010
8567

ГОДЪ ВОСЬМОЙ
1846.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. С. Пушкина
ТЕАТРА ДРАМЫ

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стрѣжи.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 Іюля 1845 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ.

1846.

I. Старыя пѣсни, старыя сказки. Стихотворенія <i>А. Григорьева</i>	421	X. Дѣдушка Назаръ Андреичъ. Водвилъ въ одномъ дѣйстви, соч. <i>Скриба</i> . Передѣланный съ французскаго <i>П. С. Оедоровымъ</i>	583
II. МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ ТЕАТРА. Русская драма и русская сцена. Статья <i>А. Григорьева</i> . — Старинный московскій комикъ Ожогинъ. Статья <i>М. Н. Макарова</i>	427	XI. Отрывокъ изъ комедіи: Дѣдушка Правдинъ. Соч. <i>У. У.</i>	610
III. Молящейся дѣвущикъ. Стихотвореніе <i>А. С.</i>	438	XII. Незвѣстность. Стихотвореніе <i>Платона Ч**</i>	625
IV. Мадлена. Повесть <i>Жюли Сацзд.</i> (Окончаніе).	439	XIII. Юмористика. Есть ли счастливые люди. (<i>Нѣкто на подобіе диссертаціи</i>).	626
V. Лючя. <i>А. Трилезистова</i>	458	XIV. Падающая звезда. Стихотвореніе <i>Платона Ч**</i>	637
VI. Ариша козачка. (<i>Разсказъ Черноплорца</i>). <i>М. Н. Макарова</i>	465	XV. Смѣсь. Мученикъ дружбы. — Независимія обстоятельство. (<i>Изъ записокъ провинціала</i>). — Сказаніе о пѣкоемъ моемъ прителѣ и, какъ онъ остался вѣчнымъ холостикомъ.	638
VII. Дума. Стихотвореніе <i>А. С.</i>	485		
VIII. Владимиръ Заревскій. Драма въ пяти дѣйствіяхъ	486		
IX. Опекуны. Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. <i>Е. Дементьева</i>	548		

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. (АВГУСТЪ.)

I. ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ. — Парижскіе. Монастырская болтовня, комическая опера. — Кларисса Гарловъ, драма.	57	Третьякова: — Царскіе потѣшныя. — Арабская полька г. Калпинскаго. — Домовой. — Влюбленный Жидъ. — Дѣдушка Русскаго флота.	64
II. РУССКІЕ ТЕАТРЫ.		Михайловскій театръ. 1) Французскіе спектакли. <i>Monsieur et M-me Pichnon ou ce que femme veut, Dieu le veut.</i> — <i>Catherine ou la croix d'or.</i> — Дебюты г. Давьлуи. — <i>Kean ou desordre et genie.</i> — <i>Le chevalier de St. Georges.</i> — <i>Un mariage sous Louis XV.</i> — <i>Un procès criminel.</i> — 2) Нѣмецкіе спектакли. <i>Die Quälgeister</i>	74
1) С. Петербургскіе.		2) Провинціальныя театры. Одесскій театръ	82
Александринскій театръ. Что нѣбемъ не хранимъ, потерявши плачемъ. — Заколдованный принцъ. — Комедія съ дяношкой. — Владимиръ Заревскій. — Чего на свѣтѣ не бываетъ. — Сиротка Сусанна. — Приключеніе на водахъ. — Жена пикарты. — Иголкинъ. — Студентъ-артистъ, хористъ и афферистъ. — Дѣвушка морякъ. — Эсмеральда. — Иоаннъ герцогъ финляндскій. — Бенефисъ г-на		III. Новости.	94

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
ИВАНА ГЕВЕНА,

на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ
домѣ г-жи Энгельгардтъ,

поступили въ продажу слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро.)

(*) РУССКАЯ Исторія Н. Устрялова, изд. 3-е, два тома съ
5-ю картами и 36-ю планами. Спб. 1845 года, цѣна 5 р., вѣс.
за 4 ф.

ПРАВЫ, обычаи и памятники всѣхъ народовъ земнаго шара,
изданіе Семена и Стойковича, украшенное множествомъ рисун-
ковъ, отпечатанныхъ и раскрашенныхъ въ Парижѣ. Москва 1846
г., цѣна 6 р., вѣс. за 5 ф.

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ, или общій штатъ Россійской Имперіи
на 1846 г., 2 части. Спб. цѣна 4 р. 60 к., въ корешкѣ 5 р., вѣс.
за 4 ф.

ТЕОРІЯ садоводства, или опытъ изъясненія главнѣйшихъ
производствъ садоводства изъ началъ растительной физиологіи.
Сочиненіе Липдлея. Спб. 1845 г., цѣна 3 р., вѣс. за 2 ф.

ИСТОРИЯ Консульства и Имперіи во Франціи. Сочиненіе Тье-
ра, перевелъ Кони. Часть 4-я, съ портретомъ Мюрата. Спб.
1846 г., цѣна 1 р., вѣс. за 1 ф. Тоже часть 1. 2. 3., цѣна каж-
дой по 1 р., вѣс. за 1 ф.

ОБОЗРѢНІЕ Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, въ статисти-
ческомъ, этнографическомъ, топографическомъ и финансовомъ
отношеніяхъ, изданное по Высочайшему соизволенію, въ 4-хъ
томахъ, съ картою Россійскихъ владѣній за Кавказомъ. Спб. цѣ-
на 8 р., вѣс. за 7 ф.

ОСНОВНЫЯ формы уголовныхъ слѣдствій, вообще принятыя
при ихъ производствѣ, собраны Долговымъ. Спб. 1846 г., цѣна
50 к., вѣс. за 1 ф.

КАРМАННАЯ поваренная книга, составленная К. Авдеевой.
Спб. 1846 г., цѣна 50 к., вѣс. за 1 ф.

ГРЪХИ грамматики, за ними правильная основа умѣнья пи-
сать. Спб. 1846 г., цѣна 20 к., вѣс. за 1 ф.

(*) Въ 8-й книжкѣ «Ренертуара и Пантсона» ошибкою было опубликова-
но: Цѣна 1 руб., а надобно читать 5 руб.

СТАРЫЯ ПѢСНИ, СТАРЫЯ СКАЗКИ.

посвящены С—ъ Г—ъ К.

I.

Книга старинная, книга забытая,
Ты ли попалась мнѣ вновь —
Глупая книга, слезами облитая,
Въ годы, когда для любви не закрытая
Душа понимала любовь!

Съ страницъ пожелтѣлыхъ, мѣстами разорванныхъ
Что это вѣсть опять?
Запахъ цвѣтовъ ли безвременно сорванныхъ,
Звуки ли струнъ въ изступленіи порванныхъ,
Святой ли любви благодать?

Чтобы то ни было — книга забытая,
О, не буди не тревожь,
Муки заснувшія, раны закрытыя....
Прочь твои пятна, годами не смытыя
И прочь твоя сладкая ложь!

Ждешь ли ты слезъ? ожиданія тщетныя! —
 Ты на страницахъ своихъ
 Слезь сохранила слѣды неспечетныя —
 Были то — первыя слезы, завѣтныя —
 Да чтожь было проку отъ нихъ?

Въ годы ли дѣтства съ моленія шепотомъ,
 Ночью ль безсонной потомъ,
 Лились тѣ слезы съ рыданьемъ и ропотомъ —
 Что мнѣ за дѣло? Извѣданъ я опытомъ
 Съ надеждой давно не знакомъ.

Звать я на судъ тебя книга лукавая
 Передъ разсудкомъ готовъ —
 Ты содрогнешься предъ нимъ какъ неправая —
 Ты облила своей сладкой отравой
 Рядъ даромъ прожитыхъ годовъ....

II.

Въ часъ томительнаго бдѣнья,
 Въ часъ безсоннаго страданья,
 О тебѣ мой моленья,
 О тебѣ мой стенанья

И тебя мой ангелъ свѣта,
 Озарить молю я снова —
 Бѣдный путь — лучемъ привѣта
 Звукомъ ласковаго слова

Но назовь мой безотвѣтна —
 Тишина и тьма почная....
 Безраздѣльна, безпредметна
 Грусть безплодная, больная!

Или то, что пережито
 Какъ мертвецъ къ стенамъ глухо,
 Какъ эдемъ на вѣкъ закрыто
 Для отверженнаго духа?

Отъ чего же сердце просить
Все любви не устаетъ
И упорно память посылтъ
Дней утраченнаго рая?

Отъ чего въ часы томленья,
Въ ночь безсонную страданья
О тебѣ мой моленья,
О тебѣ мой стенанья?

III.

Бываютъ дни... Въ усталой и разбитой
Душѣ моей, огонь подъ пеломъ скрытой
Надеждъ желаній вспыхнеть... Снова, снова
Больная грудь высоко подыматься
И трепетать и чувствовать готова
И льются слезы... Съ ними жаль разстаться,
Такъ хороши и сладки эти слезы,
Такъ вѣрится въ несбыточные грѣзы.

Одвой тебѣ, мой ангелъ, слезы эти,
Одвой тебѣ... О вѣрь, ничто на свѣтѣ
Не выжметъ слезъ изъ глазъ моихъ иное...
Пускай любви, пускай я воли жажду,
Въ спокойствіе закованъ ледяное,
Внутри себя я радуюсь и стражду,
Но образъ твой съ очами голубыми,
Встрѣчаю я рыдающими глухими

IV.

То лѣтняя ночь, іонская ночь то была,
Когда они оба подъ старыми липами вмѣстѣ бродили —
Казенная спутница страсти по небу плыла
гуна неизбежная.... Тихо листья говорили —

Все было какъ слѣдуетъ, такъ какъ ведется всегда
Они только оба о вздорѣ болтали тогда.

Двѣ тѣни большія, двѣ тѣни по старой стѣнѣ
За ними бѣжали и тѣсно другъ съ другомъ сливались
И эти двѣ тѣни большія — молчали онѣ,
Но — видно за тѣмъ, что давно ужъ другъ другу сказались —
И, чуть ли двѣ тѣни большія въ таинственный мигъ
Несчастливѣй были, умнѣй чуть ли не были ихъ.

Былъ вечеръ тяжелый и душный... и вьюга въ окно
Стучала печально... въ гостиной свѣча нагорѣла —
Все было такъ скучно, все было такъ кстати темно —
Лице ея яркимъ румянцемъ болѣзни алѣло —
Онъ былъ какъ всегда и насмѣшливъ и холодно золь,
Зѣвая, взявъ шляпу, зѣвая, съ обычнымъ поклономъ ушелъ.

И только... Онъ ей не сказалъ на разлуку *прости*,
Комедией глупой не сталъ добиваться признанья,
И память не кончанной драмы унесъ онъ въ груди...
Онъ право хотѣлъ сохранить на хулу и роптанье —
И долго, и глупо онъ тѣшился праздною хулой,
Пока надъ нимъ тѣшился лучше и проще другой.

V.

Есть старая пѣсня, печальная пѣсня одна
И подъ сводомъ небеснымъ давно раздается она.

И глупая старая пѣсня — она надоѣла давно
Въ той пѣсни печальной поется всегда про одно.

Про то, какъ любили другъ друга — человекъ и жена,
Про то какъ покорно ему предавалась она

Какъ часто дышала она тяжело — горячо,
Головою склоняясь тихо къ нему на плечо.

И какъ Божій міръ имъ широкъ представлялся вдвоемъ
И какъ трудно имъ было разставаться потомъ.

Какъ ему говорили: «Пускай тебя любить она —
Вы не пара другъ другу» а ей: «ты чужая жена!»

И какъ умиралъ онъ вдали изнуренъ, одинокъ
А она изнывала какъ сорванный съ корня цвѣтокъ.

Ту глупую пѣсню я знаю давно наизусть —
Но — услышу ее — на душѣ безысходная грусть.

Та пѣсня — все къ тѣмъ же несется она небесамъ,
Подъ которыми весело — любо свистать соловьямъ.

Подъ которыми слышешь страстный шепотъ листовъ
И къ которымъ восходятъ испаренья цвѣтовъ.

И доколѣ та пѣсня подъ сводомъ звучитъ голубымъ
Благородной душѣ не склониться во прахъ предъ нимъ.

Но высоко поднявши чело — на вражду, на борьбу
Видно звать ей надменно всегда лиходѣйку — судьбу.

VI.

Старинные, мучительные сны!
Какъ стукъ сверчка или визгъ пилы желѣзной,
Какъ дребезжанье порванной струны,
Какъ плачь и вой о мертвомъ бесполезный
Мнѣ тягостны мучительные сны.

За чѣмъ они такъ дерзко-неотвязны,
Какъ ноги финскія съ ихъ гнойной бѣлизной, —
За чѣмъ они терзаютъ грудь тоской?
За чѣмъ безумны, мутны и безсвязны
Лишь прожитымъ однимъ они полны
Тѣ старые, болѣзненные сны?

И отъ души, чего теперь имъ надо?
Имъ — совѣсти бичамъ и выходцамъ изъ ада,
Со дна души подъявшимся змѣямъ?
Иль больше нечего сосать имъ жадно тамъ?
Иль живъ доселѣ коршунъ Прометей,

Не разрѣшенъ съ Зевесомъ старый споръ,
И челоуѣкъ разсѣять дымъ не смѣя
Привыкъ лишь проклинать свой страшный приговоръ?

Или за міромъ призранныхъ явленій,
Намъ тшетно суждено, бесплодно жизнь губя,

Искать себя, искать тебя
О разрушенія зиждительнаго геніи?
Пора, пора тебѣ о демонъ міровой,

Разбить послѣдніе оцлоты
И кончить весь расчетъ съ драхлѣющей землей....

Уже совершены подземныя работы
Основы сущаго подкопаны давно....

Давно созданіе Творцемъ осуждено,
Чего жъ ты ждешь еще? . . . . .

. . . . .

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

..Юль 1846.

=

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

РУССКАЯ ДРАМА и РУССКАЯ СЦЕНА.

I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

A ceux qui regretteront les
idoles, — on dira le Dieu
reste.

V. Hugo.

Театръ — училище массы, и пусть смѣются теперь надъ такимъ классическимъ опредѣленіемъ, оно тѣмъ не менше вѣрно. Драма, есть послѣдній шагъ искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ его профанация; искусство сходя съ своего высокаго эпического пьедестала на театральныя подмостки, теряетъ свою дѣвственность, давая наслаждаться собою всемъ и каждому, безъ различія. Не даромъ гіерофанты обвинили пѣкогда отца театра Эхила въ оскорбленіи святыни таинствъ, гіерофанты вообще любятъ мракъ и боятся вѣчнаго солнца разума. Драма въ древнемъ мірѣ была

протестомъ противъ аристократическихъ боговъ Олимпа, протестомъ полнымъ надеждъ на явленіе Искупителя, богослуженіемъ мистерій, въ которыя должна была сокрыться вѣчная, какъ міръ истина. Въ греческой драмѣ, господство силы вопіетъ за право, но въ самыхъ противоборствующихъ силахъ лежитъ рокъ, *fatum*, *Αναγκη* причина ихъ торжества или паденія. *Bellum omnium contra omnes* вотъ то состояніе, въ которомъ является въ греческой драмѣ человѣчество: сила торжествуетъ, слабость падаетъ, ибо по понятіямъ античнаго человѣка, право и добродѣтель есть сила; въ личности, цѣнится только ея достоинство, существованіе личности какъ личности не признано.... Не такова драма новаго времени, не таковъ Шекспировъ Гамлетъ. Гамлетъ слабъ какъ ребенокъ, но сознаніе личности придаетъ ему силы Немецкаго льва и вокругъ него гибнетъ все, все что сильнѣе и слабѣе его безъ различія, гибнетъ и Офелія, гибнетъ и король, гибнетъ наконецъ и самъ Гамлетъ, но гибнетъ отъ случайности, отъ злодѣйства. Случайность тотъ же рокъ, но ее никто въ христіанскомъ мірѣ не признаетъ правомъ. Всякая личность напротивъ во имя себя самой, имѣетъ право бороться съ этой случайностью и пусть падетъ она въ этой борьбѣ, не слышно болѣе древняго хора, осуждающаго бесплодную борьбу, преклоняющагося передъ рокомъ.

И такъ рокъ и случайность, вотъ два періода, которые прошла доселѣ драма. Всѣ явленія, совершающіяся на нашихъ глазахъ, пророчутъ третью эпоху, ту эпоху, когда личность будетъ не только права, но и *de facto* пользоваться полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ потребностей.

Diï abeunt, повсюду звучитъ этотъ голосъ; сознаніе значенія каждой самой мелкой личности слышится и въ сухой провѣи, съ которою Гоголь чертитъ образъ Акакія Акакиевича и въ письмахъ Макара Алексеича Дѣвущкина, и въ претензіи Голядкина старшаго, которая доводитъ его наконецъ до сѣмашества.

Таково значеніе искусства въ наше время, такова по преимуществу задача драмы. Истинное искусство, орудіе въ рукахъ избранника, которому Вышней волею завѣщено сказать человѣчеству новую истину, снять съ него одно изъ тяготящихъ на немъ страданій. Всѣмъ извѣстно, какъ смотрѣлъ на поэзію Вольфгангъ Гёте; всѣмъ извѣстно, какъ этотъ могущественный духъ былъ выше своего орудія и какъ *Farben Lehre* было для него созданіемъ столько же важнымъ, какъ Фаустъ. Все это слишкомъ старыя истины въ наше время, когда иску-

ство для искусства, искусство само себя служащее цѣлю; безъ сочувствія съ общою жизнью, стало почти смѣшно. Да и въ самомъ дѣлѣ, не смѣшенъ ли, не жалокъ ли человѣкъ, который среди общаго стога слышитъ только свою пѣню, среди страшныхъ общественныхъ явленій обдѣлываетъ съ величайшимъ стараніемъ свою маленькую статуйку, и любитъ ее, когда кругомъ него: страшныя, блѣдныя, изурннныя голодомъ лица?

Идея каждаго вѣка, проникая въ явленія, оствѣчиваетъ наиболѣе на извѣстныхъ *Points culminants*, на извѣстныхъ исключительностяхъ; въ другія явленія озаряются точно такъ же ея свѣтомъ, но это озареніе совершается постепенно и сіяя сперва на группахъ явленій, только мало по малу начинаютъ быть видимы на каждомъ — но, присутствуетъ идея въ каждомъ явленіи, только на многихъ, едва замѣтно для простаго глаза... Отсюда, свѣтящіеся пункты кажутся постоянно въ противуположеніи, въ борьбѣ съ обыкновенными явленіями и иногда падаютъ въ этой борьбѣ, но это — одинъ оптический обманъ. Содержаніе ихъ, свѣтъ ихъ не падаетъ, а разливается на группы. Въ ихъ видимомъ паденіи совершается побѣда свѣта, для котораго группы столь же важны какъ и выдавшіеся рѣзко особенности.

Всѣмъ этимъ хочу сказать я то, что повседневныя явленія, явленія категорическія, столько же важны какъ исключительности, потому что въ нихъ такъ же совершается процессъ вѣковой идеи, и что слѣдовательно, драма повседневныхъ явленій точно такъ же важна, какъ драма явленій исключительныхъ, что на ней лежитъ та же обязанность провидѣть въ группахъ явленій таинственное совершеніе жизни. Мы думаемъ, что этотъ родъ драмы нельзя назвать комедіей, потому что комедія есть только способъ представленія вещей; содержаніе ея можетъ быть такъ же исключительно, какъ и повседневно: смѣхъ и слезы, равно могутъ быть проявленіемъ страданія. Сбивчивость раздѣленія на *tragedio* и *comedio* почувствовали еще въ XVIII вѣкѣ, когда развитіе жизни въ среднихъ слояхъ общества вызвало новый и по тогдашнему незаконнорожденный видъ трагедіи, *tragedie bourgeoise*.

И за что же ее, эту драму повседневныхъ явленій, осудили на какое-то отверженіе, на какое-то изгнаніе изъ области искусства? Виною всему ложное понятіе объ искусствѣ. Ее считали профанаціей искусства, т. е. свѣденіемъ его съ ходуль, приближеніемъ къ понятіямъ массы — и это, очень хорошо зналъ самъ отецъ новой драмы. Шекспиръ зналъ это, и, болѣе еще, какъ человѣкъ сто-

явшій на грани двухъ міровъ, средневѣковаго и новаго, страдалъ этимъ; по крайней мѣрѣ свои, теперь забытые сонеты и поэмы, онъ считалъ единственно чистымъ служеніемъ искусству, и между-тѣмъ, зная это и страдая этимъ, все таки профанировалъ искусство, повинаясь голосу, который въ душѣ избранника слышнѣе его личныхъ убѣжденій. Дѣло въ томъ, что въ наше время возгласы о профанаціи искусства стали смѣшны, и та истина, что не человѣчество существуетъ для искусства, а искусство для человѣчества, перестала даже быть новою.

И такъ отъ драмы ли исключительныхъ, отъ драмы ли повседневныхъ явленіе, требованіе въ наше время — одно, представляетъ ли она высокіе идеалы, анализируетъ ли мелкое существованіе въ родѣ Дѣвушкина.

Остается приложить теперь это требованіе къ явленіямъ нашей драматической литературы, разпластовать, такъ сказать, ея содержаніе, выставить на видъ ея идеалы и воззрѣнія на жизнь, чтобы показать, въ какой яркой дисгармоніи эта бѣдная драматургія и съ потребностями общества и съ нашей, вполне Европейской сценой, что мы и сдѣлаемъ въ слѣдующей книжкѣ.

А. ТРИГОРЬЕВЪ.

СТАРИННЫЙ МОСКОВСКИЙ КОМИКЪ

ОЖОГИНЪ.

(Изъ записокъ моихъ прошлыхъ лѣтъ.) (*)

«Смѣшенъ былъ онъ игрой и рожею,
«На всѣхъ поясовъ схожею;
«*Да неужой* поясъ онъ былъ,
«Не зналъ замашки водевильной,
«*По-русски* съ русскими шутилъ;
«Пускалъ и онъ *пузырикъ* мыльной;
«Но тотъ *пузырикъ* былъ *по-русскому*
хорошъ,
«А на *французскій* не похожъ!...»

(Изъ послан. Impromptu къ Д. П-вицу Глбову).

Въ 1795 году я, десятилѣтній мальчикъ; я, сынъ лейбъ-конной-гвардіи офицера, а при томъ (если еще хотите такихъ же о мнѣ подробностей?) то уже и самъ *лейбъ же* конной гвардіи вахмистръ; а притомъ и вполне рядовой ученикъ Московскаго уни-

---

*) Редакція «Репертуара и Пантеона», съ признательностью помѣщая статьи объ «Ожогинѣ» и превосходный рассказъ: «Ариша казачка», проситъ покорнѣйше, почтеннѣйшаго Михайла Николаевича, не оставить ее и впредь своими воспоминаніями *добраго стараго времени*, которыя, по художественной простотѣ рассказа (кромѣ другихъ достоинствъ) выше многихъ и мнѣхъ *современныхъ* произведеній.

верситетскаго пансіона, я... Но гвардію и пансіонъ въ сторону! Начинаю всю эту мою записку опять съизнова и передоложу ее слѣдующимъ: въ 1795 году; я, десятилѣтній мальчикъ, былъ уже необыкновенно страстнымъ любителемъ Московскаго *Петровскаго* театра, а преимущественно: принадлежавшаго ему комика *Ожогина*, тогда единственнаго комика, во всей нашей древней столицѣ!...

Давно, очень давно все это было, пора бы ужъ и забыть *все это, что было*; но *Ожогинъ*, такъ сильно нащекотилъ собою мое сердчишко, что я и на *шестомъ* моемъ десяткѣ, все еще смотрю на того же, сказаннаго *Ожогина*, какъ бы на поставленнаго теперь, въ сію минуту, прямо мнѣ подъ носъ, на блюдечкѣ. Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ позапрошлый *Донъ Коррадо-де-Геррера*, въ *Козараръ*! Посмотрите, какъ уморительно досадуетъ онъ передъ красоткою *Гиттою-Сандуновою*, какъ онъ ревнуетъ ее къ *Тито*, незабвенному, тоже актеру *Пономареву* и поетъ свое, имъ только *Ожогинымъ*, неподражаемо, въ речитативѣ пѣтое:

«*Не можъ, не можъ моеи досады!*»

А вотъ, онъ же *Ожогинъ*, изъ Испаніи переѣхалъ уже прямо въ *Русь*, и какъ же онъ и тутъ славно *навариваетъ* (говорю по-русски) *сосѣда мельника, не бездѣльника, ворожейку!* Цѣлая тысяча зрителей русскихъ, чуть, чуть не захлебавается отъ смѣха! Да мало ли что!

Ожогинъ всегда обворожалъ насъ—дѣтей, по *льтамъ, настоящимъ дѣтей*, и съ тѣмъ же вмѣстѣ, и *дѣтей взрослыхъ*, извѣстныхъ, какъ у насъ на Руси, такъ и вездѣ, по цѣлому европейскому свѣту, подъ фирмою: «простолудія». И вотъ мы *ты* и *другіе дѣти*, веселились и радовались великому мастерству *Ожогина*, всѣхъ насъ морить со смѣху. — *Ожогинъ Бочаръ мельникъ, Волдыревъ* съ своими *Волдырянами*; *Ожогинъ* даже (ужасъ!) *Баба-Яга*, онъ въ *ступнѣ пздитъ*, *пестомъ погоняетъ!* Ужъ это диво не послѣднее; но и тутъ, какъ и вездѣ *Ожогинъ*—натура неподражаемая, совершенно Русскому родовая, и не было того спектакля, въ которомъ-бы игра *Ожогина*, не уставляла не только весь *театральный рай*, но даже и всю *театральную землю* (весь партеръ) единственно *дѣтскою публикою*. Кресель и стульевъ, въ старыхъ театрахъ стаявало немного, и потому о *вечеровой выручкѣ* съ нихъ, лишняго слова не бывало. Что жъ принадлежитъ до *ложъ*, большею частію, бывшихъ годовыми,

въ нихъ при Ожогинѣ собирались цѣлыя школы, многочисленные пансіоны дѣтей!

Тотъ же Ожогинъ удерживалъ спосною, въ нашихъ дѣтскихъ глазахъ, и драму Коцебу, и при немъ такія же нѣмецкія драмы Гемлингена, и комедіи Голберга, Лессинга и проч. и проч. Даже многія нѣмецкія трагедіи, нами выслушивались только, только что для Ожогина; да за то уже часто французская водевильная комика, какъ-то въ ладъ не подходила къ Ожогину!

Мы дѣти *настоящіе* и дѣти-народъ, конечно, очень, очень еще скучали собственно драмою, и особенно трагедіею; но въ той, или въ другой, иногда являлся Ожогинъ — *управитель*, Ожогинъ — *трактирищикъ*, *льсничій*, даже *могилицки* Ожогинъ и, этого уже достаточно было, чтобъ соглашать насъ видѣть и слышать драму, или трагедію, обыкновенно, *въ обществѣ* дѣтствѣ нашемъ, наводившемъ на насъ дремоту!

Чудо чудное, диво дивное! А между тѣмъ, люди *старше* насъ, растроганные драмою, не отрывались слухомъ своимъ ни отъ одного изъ ея словъ: они плакали, рѣзко *очищали* все худое въ сердцахъ своихъ, по крайней мѣрѣ, на эту минуту и готовили ихъ на все доброе, на все хорошее! *Старшихъ* насъ скорѣй проникалъ *просвѣтъ солнечный* своими благотворными лучами; мы же дѣти на *чисто-сѣверной* своей посадкѣ, далекіе еще отъ теплоты животворящей, рѣшительно, въ дремотѣ нашей, пропускали мимо все слезное, все то, что говорило чувствамъ достигающаго совершеннѣйшаго человѣка, все это послѣднее, заключу я, былъ безтолковый сонъ для насъ, стоящій одного только забвенія, и потому-то мы всю эту скуку нашу старались искупать одною только *гримасою*, однимъ *только* словомъ нашего безцѣннаго комика, для котораго единственно и посѣщали театр!...

Смѣсь странная! Подумаютъ нынче. Но, право, такъ было и, притомъ еще съ великою пользою для насъ дѣтей: ибо, мы дѣти *настоящіе*, а подлѣ насъ и дѣти — *простолудіе русское*, въ самое то же время, изъ-за *разливовъ* нашего дѣтскаго смѣха, иногда, какъ будто бы взрослые люди, старались отдохнуть отъ излишняго хохота нашего, а во время отдыха этого, иной изъ насъ, волею, или неволею всматривался уже и въ достоинства драмы, комедіи, трагедіи, начиналъ изучать ихъ и по нимъ же, формируя вкусъ свой, привыкать къ нимъ. Такимъ образомъ, въ началѣ царствованія Александра Благословеннаго, большая часть, насъ дѣтей, уже почти слилась въ своихъ мнѣніяхъ со *старшими*: скоро мы полюбили и драму, и трагедію, *даже* безъ Ожогина,

насъ высадилъ уже изъ парниковъ на грядки, и мы уже росли и цвѣли сами собою. Чудесное садоводство, посмотрите, какъ оношло у насъ при *Ожогинъ*; то комизмъ, то важное, или на оборотъ: то важное, то комизмъ. Невольно вспомнишь Наполеона, съ его словами: «*Отъ великаго до малаго!...*»

Тутъ-то мы начинали толпами зацвѣтать, и тутъ-то уже нашъ обще дѣтскій балаганъ, остался только утѣхою для народа-дитяти, неотставшаго еще, какъ и нынѣ, отъ свайки и бабки. — Это дѣтище не пересаживалось еще въ парникъ, и даже не цвѣло еще на грядкѣ!

Однажды, въ домѣ Барона Александра Сергѣевича *Строгонова* (*) — незабвеннаго для меня, покровителя моего дѣтства — я встрѣтясь съ Августомъ *Фонъ-Коцебу*, директоромъ, тогдашняго С. Петербургскаго театра, весьма прилѣжно слушалъ его сужденія, почти о томъ же, о чемъ я, при имени комика *Ожогина* такъ уже долго говорю, здѣсь. *Коцебу*, мѣшая французской языкъ съ своимъ роднымъ и свой родной, частію съ нашимъ русскимъ, громко вопіялъ на французскую настойчивость, непременно выпустить на всѣ театральныя сцены Европы свои водевилы, какъ онъ же *Коцебу*, присовокуплялъ: «зрѣлище балаганное.» — За тѣмъ дальнѣйшія слова его были: «конечно», говорилъ онъ, и водевилъ, въ школь нравовъ—лекція; но лекція, наставляющая только на легкое, на нетрудное: это наука мастерству думать безъ думы, судить безъ суда. «Вашъ русской театръ», продолжалъ драматикъ, обращаясь прямо къ Барону, теперь стоитъ только на своей дильной точкѣ, и посмотрите, какъ же быстро онъ поведетъ всѣхъ русскихъ къ ясному свѣту; только, Бога ради, не слушайте французовъ и не ставьте на вашу сцену чисто парижскаго водевила. У васъ есть свой мальчикъ, свои гостинныя дворы и многое, многое тому подобное! Сколько я понялъ, или сколько я понимаю ваше русское, тутъ безцѣнно дѣйствуютъ на всю толпу народа вашего, въ Петербургѣ, *Воробьевъ*, а въ Москвѣ, какъ говорятъ, *Ожогинъ*! Сознаюсь, я не хорошо знакомъ съ языкомъ русскимъ; но разсмотрѣвши *Воробьева*, понялъ его, какъ роднаго, онъ именно, что-то очень хорошее, въ искусствѣ вытлгивать Русь въ высь, въ высь, а съ тѣмъ же вмѣстѣ и не лишать ее роднаго характера по образцамъ чужихъ. Всѣхъ лучше понимала это Великая Екатерина, написавъ, для русскаго

(*) Баронъ А. С. жилъ тогда на *Ангельской* набережной. М.

театра, своихъ *царевичей и богатырей*. О водевилѣ у ней никогда не было слова?... «Подумаемъ, послѣ такихъ и подобныхъ сужденій *Коцебу*, противникамъ истины, необходимо нужно было умертвить его. — Для *легкомыслія*,» онъ негодился ни на что; «и — вотъ его», какъ говоритъ народъ нашъ, «*взяли, да умертвили!*»

Чужая музыка, современная *Ожогину*, была гораздо проще теперешней настоящей нашей смѣси музыкальной, *взболтанной* изъ *старыхъ и новыхъ звуковъ*, вмѣстѣ. *Мартини*, господствовавшій, во время оно, на петербургской сценѣ былъ весьма сподрученъ нашимъ простымъ пѣвцамъ натуральнымъ, труднѣе для нихъ бывали *Даллейракъ* и *Паэзіелло*. Впрочемъ послѣдній, хорошо опушенный нашими руссизмами, шелъ какъ нельзя лучше — *Маркизь Тюлиано Ожогинъ* (въ *колбасникахъ Паэзіелло*) также долго, долго жилъ на памяти москвичей! О русскихъ операхъ, при *Ожогинѣ*, и говорить нечего, онѣ для него, и не мастера пѣть, были, во всей силѣ слова: именно *родныя*, и потому-то онъ въ нихъ разгуливалъ на-диво; если же, иногда, онъ же *Ожогинъ*, тутъ и сбивался въ чемъ: то, какъ разъ, всякую его ошибку преживописно закрашивалъ его же, даровитый *комизмъ* и — вотъ зрители утѣшенные тѣмъ, уже *всѣмъ своимъ скопомъ* осыпали *Ожогина* оглушительными рукоплесканіями!

Никакъ и никогда, тоже, не могу позабыть, упоминаемаго же мною старика комика, въ роли *Еремеевны*, мамки въ *Фонъ-Визина Недоросль* и въ роли *Свахи* въ *Копьева Лебѣдьянской ярмаркѣ*; и та, и другая роль, кажется были сотворены рѣшительно для *Ожогина*; а *Ожогинъ* — для нихъ! Теперь такія родныя наши мамки и няньки въ столицахъ исчезли, и дать о нихъ понятіе безъ *Ожогина*, едва ли кто можетъ? *Свахи*, списанныя *Копьевымъ* въ Москвѣ, станется, еще и водятся подъ сурдинной; но кто знаетъ, спрашиваютъ ли онѣ своихъ франтовъ-жениховъ, такъ, какъ спрашивала *Лебѣдьянская сваха* франта *Затыйкина* о томъ, что значать *надѣтыя имъ вдругъ пять эилетовъ*, и наконецъ: получаютъ ли онѣ *свахи* на таковой вопросъ свои отвѣты *Затыйкиныхъ*: «это такъ-съ, ничего-съ, это-съ у насъ по *Питерски!*» Какъ-бы, кетати были и въ настоящее время *Копьева свахи* съ изложеннымъ вопросомъ; но вопросъ этотъ несравненнымъ шелъ только изъ устъ *Ожогина*?...

Ничего не могу сказать за подлинно о годѣ и мѣсяцѣ рожденія этого комика. Въ 1795 году, ему было за сорокъ лѣтъ, слѣдовательно, онъ родился на глазахъ поэзін *Ломоносова*, *Сумарокова*, *Князнина*, *Попова*. Не знаю, тоже вѣрнаго, къ какому клас-

су людей принадлежалъ *Ожогинъ* до своего актерства; но, знаю и видѣлъ, что въ первыхъ годахъ государствования Александрова, онъ еще твердою ногою стоялъ на Московской Петровской сценѣ и былъ онъ, безъ измѣненій, все еще утѣшитель *дѣтскій*: наша уморюшка смѣховая, и мы не разъ его осыпали не *цвѣтами*; а червонцами. Тогда еще было *червонцебѣсіе*!

Написавъ когда нибудь цѣлую біографію *Ожогина*, я могу думать, что тѣмъ услужу исторіи нашего театра вполне.—Теперь мнѣ хотѣлось сказать только, что у насъ въ Москвѣ былъ и такой актеръ, который *собственно своимъ сценическимъ мастерствомъ* соорудилъ было намъ *оригинальный комизмъ* русской и чрезъ него же, мастереки же, сблизжалъ насъ съ важными, серьезными зрѣлищами, и тѣмъ творилъ охотниковъ—зрителей роднаго нашего театра — *въ толпахъ* народныхъ.

Нельзя, нельзя позабыть *Ожогина*!...

Тѣмъ докончивъ мою статью, я готовъ уже былъ скрѣпить ее моимъ именемъ и получить за то себѣ въ возмездіе, по крайней мѣрѣ такую же отмѣтку, которую нѣкогда получилъ въ Репертуарѣ при словахъ моихъ о *Херасковѣ*, собранныхъ не изъ фактовыхъ дѣлъ книжныхъ; но изъ рассказовъ В. А. Пушкина, И. И. Дмитріева, кн. П. И. Шаликова и проч. и проч. современниковъ творцу *Россіяды* и *Чесменскаго боя* — замѣтка эта безъпмянная; но... Вотъ и еще приискалъ я *воспоминаніе объ Ожогинѣ* же: чудакъ *этотъ* любилъ, иногда, вдругъ, неожиданно выскочить изъ-подъ опущеннаго уже занавѣса, и выскочивъ, любилъ сдѣлать прыжокъ, гримаску, погрозить на свою публику, она останавливалась (даже, если расходилась) и тутъ же помирала со смѣху. — Великое веселье, тоже бывало, если на занавѣсѣ, оставалась какая нибудь *скважина*, черезъ нее *Ожогинъ* творилъ свои *фигли-мигли*, пѣлъ *кукуреку*, лаялъ собакой и проч. и проч. И все-то это къ нему шло, какъ говаривали, и все-то это, не знаю, скоро ли бы еще устало правиться народу!—*Народные* комикки Италіи, Испаніи, даже Франціи, то-же дѣлають еще и до-нынѣ.—Это еще живой, чистый духъ *Арлекина*, *отца всякаго комизма*!...

Отличительными операми для игры *Ожогина*, были: *«Аптекарь и докторъ»*, въ которой обыкновенно копировался, какой нибудь изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ Московскихъ докторовъ, или аптекарей — Латинщиковъ или Нѣмцевъ. Другая опера, слава же *Ожогина*, (уже помянутая мною) *Баба Яга* (князя *Горчакова*), третья — *Бочаръ*, водевилъ французской до послѣдней своей

МОЛЯЩЕЙСЯ ДѢВУШКѢ.

Когда бѣжишь отъ тмы житейской ночи
Къ началу вѣчной чистоты,
И — къ небесамъ благоговѣнно ты
Подъемлешь вѣрою увлажненыя очи...
Вѣрь, небеса отвѣтствуютъ тебѣ,
И нѣжно смотрятся въ душѣ твоей прекрасной
И — улыбаются твоей улыбкѣ ясной —
Сочувствуя твоей мольбѣ!...
И — въ этотъ часъ святой, въ предчувствіи чудесъ,
Не знаю, въ сладкомъ упоеньи —
Я вижу ль Ангела спорхнушаго съ небесъ,
Иль смертной въ Ангела одно преображенье?!...

6 августа 1846.

А. С.

МАДЛЕНА.

Романъ Жюль Сандо.

I.

Морисъ очень кетати вздумалъ заняться рѣзьбой на деревѣ. Давно оставленная, почти позабытая, эта отрасль искусства, начала опять приходить въ славу, благодаря капризамъ всевластной моды; въ эту эпоху господствовалъ, какъ извѣстно, фуроръ, къ среднимъ вѣкамъ, — самая литература для того, чтобы помолодѣть немного, должна была сдѣлаться готическою. Владычествующій вкусъ въ поэзіи, распространился и на все прочее. Живопись, ваяніе, архитектура, все это запечатлѣлось средневѣковымъ характеромъ. Естественно, что и въ мебели отразилось тоже вліяніе. Началось тѣмъ, что ограбили всѣ старые замки для того, чтобы удовлетворить парижской жадности къ средневѣковому, — потомъ, когда не достало *настоящихъ среднихъ вѣковъ* — явились поддѣльные. Не одного знатока даже обманули повѣйшія издѣлія во вкусъ готическихъ украшеній. При помощи Пьера-Марсо, Морисъ тотчасъ же почти былъ заваленъ заказными и довольно

важными работами — въ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ могъ, если не распространить кругомъ себя богатство и довольство, то по крайней мѣрѣ избавить отъ нужды два существа, которыя поручили себя его попеченіямъ. Это была бѣдность, но бѣдность трудолюбивая, которая ни у кого ничего не проситъ, не раскаявается во вчерашнемъ, не дрожитъ за завтра, бѣдность, которая въ тысячу разъ была лучше обманчивой и мучительной роскоши, среди которой прежде жилъ Морисъ. Правда, впрочемъ, что молодой человѣкъ не былъ ни тронуть, ни убѣжденъ выгодами своего новаго положенія. Онъ покорялся своей судьбѣ, но проклиная ее, — онъ работалъ, хотя и ропталъ на трудъ. Сколько разъ, въ первые мѣсяцы, онъ чувствовалъ, что мужество его слабѣетъ и воля колеблется. Сколько разъ, не въ силахъ совладѣть съ безумнымъ отчаяніемъ, даже въ присутствіи своей кухни, онъ съ гнѣвомъ бросалъ свои инструменты и ломалъ начатую работу, забывая, что жертва не стоить ничего безъ улыбки на устахъ. Морисъ былъ тогда страшенъ. Мадлена смотрѣла на него съ печалью; потомъ, когда несчастный ребенокъ, ослабѣвшій, истерзанннй, падалъ на свою постель — она подходила къ нему, отирала потъ съ его чела, счастливая уже, когда онъ не прогонялъ ее отъ себя какой нибудь грубостью. То что подстрекало и поддерживало его въ борьбѣ, была гордость. Онъ прежде всего хотѣлъ ничѣмъ не быть обязаннымъ своей кухнѣ. Мысль, что она продала свои брильянты и работала во время его болѣзни, эта мысль его тяготила. Онъ думалъ такъ же часто, что чѣмъ скорѣе обезпечить онъ Мадлену, тѣмъ скорѣе онъ будетъ свободенъ. Самоубійство еще являлось его душѣ и являлось не грознымъ привидѣніемъ, но ангеломъ избавителемъ.

И между тѣмъ есть радость неизвѣстная тѣмъ, кому жизнь ничего не стоить, радость, которою Морисъ наслаждался тѣмъ болѣе, что не предвидя ее, не могъ отъ нея воздержаться. Я говорю объ этой радости, ребяческой, если хотите, но тѣмъ не менѣе упоительной, которую человѣкъ испытываетъ, получая первыя деньги за свой собственный трудъ. Нѣтъ, это радость не ребяческая; ибо она есть нечто иное, какъ сознаніе нашей личной цѣнности, нашего достоинства. Богатство, созданное нашимъ собственнымъ трудомъ, не лучшее ли, не законнѣйшее ли изъ всѣхъ, — не имъ ли однимъ мы имѣемъ право гордиться? Наслѣдникъ-богачъ, который считаетъ свое золото, предъ взоромъ Божиимъ бѣднѣе работника, получающаго свою дневную плату. Эти размышленія были слишкомъ далеки отъ души Мориса, но когда онъ

увидѣлъ на своемъ рабочемъ столѣ нѣсколько эки, полученныхъ за него Пьеромъ-Марсо, онъ любовался ими съ дѣтскимъ любопытствомъ. Слѣдя сердечному движенію, достойному лучшихъ дней его юности, онъ вышелъ весело, чтобы съ торжествомъ отнести эти первыя деньги Мадленѣ. Онъ улыбался—ему было двадцать лѣтъ, но увы — онъ не успѣлъ еще дойти до дверей комнаты молодой дѣвушки, какъ чувство это показалось ему пошлостью и глупостью. Урсула была въ передней. Морисъ холодно бросилъ деньги ей въ передникъ и удалился, не сказавъ ни слова.

Въ исполненіи каждаго серьезнаго долга, есть однако невольное внутреннее самодовольство, — грызя свои удила, Морисъ однако былъ радъ сдѣлаться полезнымъ и необходимымъ. Иногда даже искусство какъ искусство ему улыбалось. Къ несчастію всѣ эти прекрасныя сѣмена не могли оплодотвориться въ душѣ Мориса. Утромъ, онъ завтракалъ весьма умѣренно въ своей комнатѣ, — вечеромъ, когда шесть часовъ било на городскихъ часахъ, онъ скидалъ свою блузу, одѣвался и уходилъ, иногда цѣлый день не выдавшись съ своей кузницей: ему казалось, что кромѣ обезпеченія ея жизни, онъ ей ничѣмъ не обязанъ. Онъ выходилъ довольно спокойный, съ свѣжею головою, съ кровью охлажденной работой, молчаніемъ и уединеніемъ. Сначала онъ испытывалъ радость, покидая свой чердакъ, среди толпы народа, свободный, неизвѣстный ни кому. Но куда же идти? онъ разорвалъ разомъ всѣ связи съ своимъ прошедшимъ. У него не оставалось ни одного друга, — скажемъ болѣе, въ томъ кругу, гдѣ онъ погубилъ свою молодость, можно имѣть товарищей — друзей никогда. Онъ шелъ безъ цѣли — но обыкновенно къ мѣстамъ, напоминавшимъ ему прошедшее. Возвращаясь домой, онъ почти всегда заходилъ къ Мадленѣ, которая, какъ я уже говорилъ, имѣла привычку сидѣть съ Урсулою за полночь за работою. Не подумайте, чтобы въ этомъ случаѣ Морисъ выполнялъ долгъ учтивости. Ему нужно было хоть на эти два бѣдныхъ существа излить свою желчь и досаду. Эгоизмъ вообще таковъ, что страдая самъ, хотеть во-кругъ себя тоже страданія.

Морисъ находилъ Мадлену и Урсулу, всегда за работою, всегда веселыхъ, какъ на берегахъ Вьени или въ Вальтраверской залѣ. Не скидая шляпы, въ застегнутомъ до верху сертукѣ, онъ входилъ съ истерзаннымъ лицомъ, съ строгимъ взглядомъ, съ презрительной улыбкою. Обѣ они вставали и шли ему на встрѣчу, Урсула съ ласкою, Мадлена съ улыбкою. Оттолкнувши грубо свою молочную сестру и окинувъ взглядомъ рисунки мо-

лодой Пѣмки, онъ садился въ углу и смотрѣлъ на нихъ съ раздосадованнымъ или насмѣшливымъ видомъ. Ясность двухъ этихъ лицъ, тишина ихъ домашняго быта, порядокъ, царствовавшій подъ этимъ смиреннымъ кровомъ, — все это, вмѣсто того, чтобы успокоивать, приводило его въ отчаяніе. Скоро, иногда совершенно не кетати, желчь его разливалась на все. Обыкновенно молчаливый, онъ былъ иногда жестоко и неумолимо веселъ — становился злобно уменъ и краснорѣчивъ для того только, чтобы терзать сердце своей кузины. Мадлена только улыбалась, но Уреула знала, сколько слезъ стоятъ молодой дѣвущкѣ эти разговоры.

Оскорбленія должны были идти дальше. Морисъ принадлежалъ къ этой распутой школѣ закулисныхъ Ловлесовъ, Дон-Жуановъ низшаго полета, которые не вѣрятъ женской добродѣтели, потому только, что промотали имѣніе съ развратницами. Хотя Морисъ никогда не находилъ своей кузины прекрасной, но ему вздумалось, что онъ до сихъ поръ играетъ съ ней роль дурака.

Вышедши разъ изъ дому по-утру, потому что цѣлый день ему нечего было дѣлать, Морисъ проходилъ до вечера по Парижу. Онъ обѣдалъ въ одной изъ нечистыхъ тавернъ, около стараго итальянскаго театра, ѣлъ мало, за то выпилъ нѣсколько бутылокъ сквернаго, подмѣшаннаго вина. Это были не прежніе его обѣды съ друзьями въ Парижскомъ кафе, когда карета ждала его у воротъ и грумъ на лѣстницѣ. Опершись локтями на столъ, закрывши руками лобъ, онъ долго сидѣлъ раздраженный виномъ и хаосомъ странныхъ мыслей. Вечеръ онъ провелъ въ одномъ изъ кабаковъ, слѣдя взорами за движеніями гнусныхъ сиренъ, этихъ изверженій Парижской жизни. Когда онъ вошелъ въ комнату своей кузины и увидѣлъ ее одну, онъ не могъ удержаться отъ чувства дикой, неустовой радости. Уреула была нездорова и должна была лечь раньше. Когда Морисъ вошелъ, Мадлена читала. Она закрыла книгу, положила ее на столъ и приняла своего кузина по обыкновенію, вовсе по видимому не замѣчая искаженія его чертъ, мрачнаго блеска глазъ и дикаго румянца на щекахъ. Морисъ сѣлъ подлѣ нея и сухимъ, но горячимъ и отрывистымъ тономъ, прямо началъ съ такихъ вещей, что молодая дѣвушка сначала смотрѣла на него съ изумленіемъ, а потомъ расхохоталась. Этотъ серебряный смѣхъ, эта веселость неосторожной нимфы преслѣдуемой сатиромъ, окончателно раздражили Мориса. Онъ заглушилъ въ себѣ досаду и началъ говорить о

любви съ бѣшенствомъ ненависти, о нѣжности тономъ гнѣва, темнымъ и страшнымъ языкомъ нашихъ романовъ. Блѣдная, холодная, неподвижная, подобная богинѣ цѣломудрія съ изумленіемъ видающей у ногъ своихъ жертвы, назначенныя безстыдной Венерѣ, — Мадлена смотрѣла на него съ такимъ грустнымъ, скорбнымъ и вмѣстѣ гордымъ видомъ, что Морисъ наконецъ, подъ влияніемъ ея взгляда, остановился въ самой серединѣ рѣчи. А Мадлена продолжала смотрѣть на него съ тѣмъ же печальнымъ и гордымъ видомъ, даже безъ гнѣва, съ какимъ-то материнскимъ состраданіемъ. Морисъ не выдержалъ — онъ всталъ и выбѣжалъ съ ужасомъ.

Когда послѣ нѣсколькихъ часовъ свинцово-тяжелаго сна, который бываетъ всегда слѣдствіемъ пьянства, несчастный вспомнилъ проснувшись обо всемъ происшедшемъ, онъ едва не умеръ отъ стыда. Не потому, чтобы наконецъ проснувшаяся совѣсть терзала его заслуженными упреками — давно уже онъ приучилъ ее къ крайней снисходительности, но ему была нестерпима мысль, что онъ долженъ краснѣть предъ Мадленою. Какъ онъ покажется ей на глаза? День кончался, когда кухня его вошла къ нему. Онъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, смутился; онъ хотѣлъ бы провалиться сквозь полъ. Но съ тихимъ и улыбающимся взглядомъ, съ милою улыбкою, Мадлена назвала его братомъ — такъ, что всю сцену, бывшую наканунѣ, онъ счелъ за тяжкій сонъ. Что ни говорите, а всякій мужчина съ прирожденнымъ благородствомъ души, чувствуетъ уваженіе къ женщинѣ, которая могла бы его унижить, и между тѣмъ, была добра и снисходительна. Не показывая виду, Морисъ былъ однакоже слишкомъ живо тронутъ благородствомъ Мадлены; передъ своимъ внутреннимъ судомъ онъ сознался, что добродѣтель можетъ быть иногда и несмѣшна.

Мадлена приглашала Мориса въ этотъ день обѣдать вмѣстѣ съ нею. Морисъ взглянулъ на небо, которое обѣщало дождливую погоду. Идти изъ дому, было очень невесело, — къ тому же и желудокъ его не переварилъ вчерашняго. Я читалъ гдѣ-то, что только на другой день оргіи дѣлаются наскоретамп. Морисъ согласился на просьбу Мадлены.

II.

Столъ былъ покрытъ въ маленькой столовой, оклеенной хорошенькими обоями подъ дубъ: онъ былъ очень скромный, скро-

мень до того, что отъ него не отказался бы и квакеръ, — но столовое бѣлье было блестяще-чисто, но все кругомъ было просто и мило. Садясь съ молодою дѣвушкой, которая и въ бѣдности умѣла сохранить благородство богатства, Морисъ былъ принужденъ созваться внутри себя, что это все не хуже наконецъ, хоть той скверной таверны, гдѣ онъ обыкновенно обѣдалъ. Блюдь было немного—но за то они были чисты и здоровы. Уреула превзошла себя въ этотъ день, — она клала своему господину лучшіе куски, заботилась о немъ. Мадлена ѣла очень мало и занималась только имъ. Морисъ не могъ не быть тронутымъ такою заботливостью; онъ спросилъ себя, что онъ сдѣлалъ, чтобы заслужить ее. Надобно прибавить, что онъ удивился и умѣнью Уреулы готовить кушанье, котораго до сихъ поръ не подозрѣвалъ. За десертомъ ждалъ его другой сюрпризъ. Уреула подошла къ нему съ огромнымъ букетомъ и принялась говорить выученное заранѣе привѣтствіе, но слишкомъ сильно растроганная, не окончила и, бросившись на своего молочнаго брата, просто поздравила его со днемъ ангела. Мадлена въ свою очередь тоже подала черезъ столъ Морису свою руку. А между тѣмъ, столъ покрылся вальтраверскими лепешками; бутылка стараго вина стояла по-средиѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ родительскій кровъ, Морисъ въ первый разъ праздновалъ день своего ангела. Этотъ день, забытый болѣе десяти лѣтъ, пробудилъ въ немъ лучшія воспоминанія юности. Онъ вспомнилъ время, когда этотъ день былъ общимъ праздникомъ въ Вальтраверѣ, онъ снова видѣлъ себя между маркизой и кавалеромъ, окруженный слугами, которые въ простотѣ души, и отъ чистаго сердца, желали ему всего лучшаго. Электрическая дрожь пробѣжала по его тѣлу,—глаза его наполнились слезами. Мадлена, которая наблюдала за нимъ, встала и подошла къ нему: она оперлась на его плечо, и подобная статуѣ Полимии, или скорѣе ангелу-хранителю, нѣсколько минутъ оставалась въ этомъ положеніи. Думая о томъ, чѣмъ была она для него, и чѣмъ былъ для нея онъ, Морисъ наконецъ почувствовалъ, что истощенная душа его вновь растворялась. Застыгнувшая нежданно его гордость, вмѣсто того, чтобъ раздражиться, склонила колѣна передъ добродѣтелью. Ни одно слово не смутило этой умильной сцены. Даже Уреула молчала. Только, когда молодой-человѣкъ схватилъ руку Мадлены и съ живостью поднесъ ее къ губамъ, Уреула не могла удержаться отъ крика радости. Весь вечеръ былъ проведенъ въ комнатѣ Мадлены, при свѣтѣ лампы, среди тихихъ разговоровъ, они говорили о Вальтраверѣ, о маркизѣ, о добромъ кавалерѣ, объ

этомъ осеннемъ вечерѣ, когда впервые они встрѣтились, Морисъ верхомъ на лошади, Мадлена въ слезахъ на травѣ. Имъ обоимъ было сладко вспоминать всѣ эти подробности. Изрѣдка только у изумленнаго Мориса слышался насмѣшливый аккомпанементъ романса Доль-Жуана. Уходя, онъ долженъ былъ сознаться, что въ жизни есть свои порядочныя минуты и у бѣдности свои праздники. Возвратясь въ свою комнату, онъ взглянулъ безъ гнѣва на свои инструменты, съ удовольствіемъ на портретъ отца, потомъ заснулъ спокойно и глубоко. Разбуженный на зарѣ голосомъ Пьера-Марсо, который встрѣчалъ день пѣсенію и работою, Морисъ вскочилъ съ постели и съ рѣшимостью принялся за дѣло.

III.

Считать Мориса спасеннымъ, радоваться и думать, что ему стоить теперь пожелать только возвращенія его погибшей молодости — значитъ жестоко ошибаться и не знать путей Промысла, который хочетъ, чтобы очищеніе предшествовало возстановленію.

Осень была въ концѣ. Хотя и перескошныя, обѣды бывали всегда хороши и веселы. Морисъ вообще ѣлъ съ страшнымъ апетитомъ, которымъ онъ былъ обязанъ работѣ, и который дѣлалъ его очень снисходительнымъ къ кушаньямъ. Къ несчастію, вечера были невыносимо долги, не для Мадлены и Урсулы, а для Мориса, который рѣшительно не зналъ, чѣмъ бы ихъ занять. Замѣтимъ, что женщина всегда найдетъ занятіе, тогда, какъ мужчина ровно ничего не дѣлаетъ, окончивши серьезный трудъ. Сидя подлѣ лампы, Мадлена и Урсула шили; Морисъ, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по комнатѣ съ скучнымъ видомъ. Онъ подходилъ то къ той, то къ другой, смотрѣлъ на ихъ работу, вставалъ, ходилъ, опять садился. Даже и для умныхъ людей разговоръ нечерпывается, и очень понятно что люди изобрѣли карты и шашки, чтобы уволить себя отъ обязанности говорить; съ того дня, какъ Морисъ съ оскорбленіемъ вошелъ въ комнату своей кухни, онъ сталъ гораздо умѣреннѣе въ рѣчахъ. Онъ наблюдалъ за собою и удерживался болѣе. Не разъ удерживалъ онъ желчное слово, готовое слѣзть съ его устъ. И между тѣмъ, приведенный въ отчаяніе скукою, онъ рѣдко кончалъ вечеръ безъ того, чтобы не сказать какого-нибудь горькаго и оскорбительнаго

слова. Болѣе уже увѣренная въ своей власти, Мадлена, вмѣсто того, чтобы по-прежнему склонять голову, отвѣчала съ кроткою твердостью, этимъ милымъ языкомъ разсудка, смягченнаго граціей и добротой. Время отъ времени Урсула говорила тоже слова два, отъ которыхъ не отказалась бы любая мольеровская служанка. Морисъ сначала сердился; но иногда не могъ удержаться отъ улыбки.

Не смотря на ангельскую доброту и предупредительность Мадлены, вечера казались Морису еще очень длинны. Часто разговоръ не клеился, начавшись, тотчасъ же кончался. Молодая дѣвушка просила Мориса читать, но онъ сильно воспротивился. Среди праздной и разсѣянной жизни, ему рѣдко удавалось даже открывать какую-нибудь книгу. Онъ занимался только лошадьми, экипажами, и ни разу не подумалъ искать утѣшенія въ чтеніи. Но Мадлена не отказалась отъ своего намѣренія. Однажды вечеромъ, она подала своему кузину Векфильдскаго священника. Морисъ невольно зачитался, этой домашней эпопеей, не смотря на свое гордое презрѣніе къ тому, что онъ называлъ сказками нянюшекъ.

Пьеръ-Марсо съ женою приходили иногда проводить вечеръ у Мадлены, которая искренно привязалась къ этому честному семейству. Она видѣла въ Пьеръ-Марсо орудіе providѣнія для спасенія Мориса; она не могла позабыть, что безъ него, Морисъ, быть можетъ, еще долго бы выжидалъ случая приняться за работу. Съ своей стороны, добрые ремесленники не могли позабыть, что Мадленѣ были они обязаны помощью Мориса. Морисъ еще пугалъ ихъ немного, но Мадлену они обожали. Они понимали, что Морисъ и Мадлена, которыхъ они считали братомъ и сестрою, были не на своемъ мѣстѣ — и потому исполнены были къ нимъ глубокаго уваженія.

Разъ вечеромъ, всѣ сидѣли вмѣстѣ. Тереза — такъ звалась жена молодого ремесленника, принесла свою работу — сидя подлѣ лампы, три женщины работали и говорили въ полголоса. Морисъ смотрѣлъ на нихъ съ улыбкою. Иногда Тереза, не переставая шить, съ улыбкою поднимала на него глаза, и тогда лицо молодого работника озарялось кроткою радостью. Опершись одною рукою на столъ, и запустивши другую въ волосы, Морисъ переворачивалъ страницы книги, которой выборъ удивилъ бы Мадлену, еслибъ она понимала только весь ядъ, который тамъ заключался. Но замѣтивши перемену въ Морисѣ, молодая дѣвушка поняла, что эта книга поглощала все его вниманіе. Она просила Мориса читать ее вслухъ. Онъ поспѣшно повиновался.

Это былъ одинъ изъ романовъ новой школы, гдѣ герои, падая подъ бременемъ великой души своей, проклинаятъ все на свѣтѣ, кромѣ самихъ себя. Морисъ сочувствовалъ этой книгѣ и читалъ ее съ жаромъ. Мадлена слушала его съ трепетомъ, Тереза съ наивнымъ изумленіемъ, Урсула съ немного насмѣшливымъ видомъ. Кончивши чтеніе, Морисъ бросилъ книгу на столъ и посмотрѣлъ на своихъ слушателей съ торжествомъ.

— Что за вздоръ, сказала Урсула, что за сборъ глупостей! Кто этотъ негодай, который хочетъ передѣлать свѣтъ, и не хочетъ передѣлать самъ себя?

— Во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Пьеръ-Марсо, престранный герой—человѣкъ, который не выдумалъ ничего лучше самоубійства.

Тереза просто призналась, что она ровно ничего не поняла. Мадлена молчала и взглядами только, поощряла слова Урсулы, Марсо и Терезы. Изумленный странными послѣдствіями своего чтенія, Морисъ взялъ шляпу и вышелъ.

Но вечеръ этотъ не былъ потерянъ для Мориса.

Морисъ и Мадлена ходили иногда въ театръ. Разъ давали Вильгельма Теля, слушая дивную оперу, для либретто, которой служила основою великая поэма Шиллера, Морисъ почувствовалъ, какъ въ душѣ его мало-по-малу пробуждалась святая любовь къ родинѣ. Вечеромъ Мадлена просила его читать ей Шиллерова Теля. Онъ съ радостью повиновался — и при чтеніи голосъ его звучалъ какъ-то религіозно-торжественно.

Благодаря работамъ, Морисъ началъ уже наслаждаться нѣкоторымъ довольствомъ. Мадлена знала музыку и пѣла. Морисъ не забылъ этого, и при первомъ удобномъ случаѣ купилъ ей пѣяно. Мадлена пѣла мелодіи Шуберта, эти дивныя мелодіи, которыя требуютъ непремѣнно души для выполненія. Она пѣла разъ «Прости», съ такою трогательной граціею, что Морисъ готовъ былъ плакать.

Онъ поднималъ на нее взглядъ, и впервые понималъ, что она была прекрасна, не той правильной красою, которая есть только типъ совершенства, но красою говорящею душѣ. Новое чувство пробудилось въ душѣ Мориса. Онъ смотрѣлъ на Мадлену съ тѣмъ религіознымъ чувствомъ, съ какимъ колѣнопреклоненный пилигримъ смотритъ на Мадонну.

IV.

Такъ осуществлялась та мечта, которую создавала себѣ маркиза за нѣсколько часовъ до смерти; изъ бездны, въ которую упалъ онъ, Морисъ восходилъ мало по малу къ небесамъ, благодаря Мадленѣ, которая подавала ему руку. Съ нимъ совершалось полное, совершенное обновленіе.

Не надобно впрочемъ думать, чтобы у Мориса не было своихъ дурныхъ дней. У Мориса бывали еще дни отчаянія и утомленія. Иногда сознаніе проступковъ падало на него всюю тяжестью, иногда являлось ему привидѣніе его погибшей молодости и перажало его нѣмымъ ужасомъ. Люди, которые жили дурно, долго послѣ еще влечать за собою память страшнаго прошедшаго. Въ эти-то дни отчаянія и безмолвной меланхоли, Мадлена удваивала вокругъ Мориса свои попеченія. То сидя, какъ молодая мать подлѣ своего кузина, она кротко и важно разговаривала съ нимъ, то садилась она за пьяно, и какъ Орестъ при звукахъ голоса сестры своей Электры, Морисъ находилъ успокоеніе.

Но за исключеніемъ этихъ дней, которые становились все рѣже и рѣже, время протекало спокойно и тихо. Два года, которые Морисъ обязался жить для своей кузины, прошли уже, нѣсколько мѣсяцевъ—и онъ ни разу не подумалъ потребовать возвращенія своей свободы. Приучившись къ работѣ, онъ пристрастился къ своему искусству. Въ работѣ у него не было недостатка: при посредствѣ Пьера Марсо, который питалъ къ нему дружбу и преданность безъ границъ, онъ не искавши нисколько, имѣлъ много заказовъ. Морисъ въ рѣзбѣ на деревѣ имѣлъ такой же успѣхъ, какъ отецъ его въ игрушкахъ. Съ своей стороны Мадлена больше не была принуждена разрисовывать экраны; миниатюрные портреты ея славились вездѣ, особенно въ аристократическихъ гостиницахъ, гдѣ разнесся слухъ, что одинъ молодой человѣкъ, сынъ старинной фамиліи и его сестра, разоренные процессомъ, жили своими трудами, на чердакѣ, въ Вавилонской улицѣ. Перетерпѣвши бѣдность, Мадлена и Морисъ наслаждались наконецъ избыткомъ, который всегда увѣнчиваетъ усилія воли, когда этой волѣ вспомошествоуетъ чувство порядка, простота быта, скромность требованій. Они могли бы оставить свой чердакъ,

нанять квартиру лучше, по крайней мѣрѣ не такъ высоко. Морисъ объ этомъ думалъ. Не потому, чтобы онъ для себя хотѣлъ получше комнату, онъ любилъ свой маленькій уголокъ, онъ признавалъ наконецъ ту истину, что стѣны, гдѣ мы падемся, мыслимъ, работаемъ, всегда стѣны дворца. Комната, которая видѣла его возрожденіе, сдѣлалась для него, какъ бы святилищемъ, которое покинуть было бы ему горестно и трудно, по этотъ молодой человѣкъ, нѣкогда суровый и жесткій, теперь заботился съ любовью брата о благосостояніи Мадлены. Потому, онъ нѣсколько разъ предлагалъ ей нанять квартиру по обширнѣе и по удобнѣе, въ кварталѣ, который былъ бы не такъ далеко отъ центра города. Мадлена отвѣчала: «зачѣмъ перемѣнять нашъ бытъ, когда мы въ немъ счастливы? У счастья есть свои привычки, которыя опасно трогать. Мы немного слишкомъ близки къ небу, но мы дышимъ чистымъ воздухомъ; мы живемъ въ пустынномъ кварталѣ, но у насъ есть паркъ подъ окнами, вмѣсто шума каретъ, насъ будить по утру пѣвіе птицъ. Наши комнаты малы, но зимой намъ въ нихъ тепло. Повѣрьте мнѣ, другъ мой, останемся на нашемъ чердакѣ, оставимъ его, было бы неблагодарностью». И если Морисъ еще настаивалъ для спокойствія своей совѣсти, въ тайнѣ онъ радовался разсудку своей подруги. Они продолжали жить по прежнему, работали другъ для друга и были этимъ счастливы.

Они жили уединенно, не имѣя ни кого знакомыхъ, кромѣ добрыхъ Марсо. Нѣсколько дамъ, очарованныхъ умомъ и граціей Мадлены, нѣсколько разъ приглашали ее къ себѣ, но молодая дѣвушка умѣла уклониться отъ этихъ приглашеній, внушенныхъ, правду сказать, чувствомъ любопытства. И она была такъ чиста, что никогда ни Уреула, ни Морисъ не слышали отъ нея жалобы, даже сожалѣнія о потерѣ хорошаго состоянія. Она рѣдко говорила объ этомъ несчастномъ происшествіи, она говорила бы даже весело, если бы дѣло шло не о наслѣдствѣ Мориса. Въ этомъ случаѣ, Морисъ былъ не такъ терпѣливъ, какъ она: онъ не могъ безъ угрызеній совѣсти и безъ желчи вспомнить объ этомъ замкѣ, въ которомъ онъ родился, гдѣ умеръ его отецъ и который онъ потерялъ по своей собственной винѣ. Часто, сердце его съ горестью обращалось къ Вальтраверу. Хотѣть, чтобы было иначе, значило бы слишкомъ многого требовать отъ чловѣческой воли, значило бы уже черезъ чуръ преувеличивать радости чердака, удовольствія рѣзбы на деревѣ. Что касается до Уреулы, она ни о чемъ не сожалѣла и ничего не желала. Она

только безпрестанно пѣла хвалебныя гимны Морису, и повторяла на каждомъ шагѣ, что онъ ангель, Божій ангель, небесный ангель. «Полно, полно—говорилъ ей иногда добродушно Морисъ, ты знаешь, мое доброе животное, что если здѣсь есть ангель, то ужъ конечно не я, и не ты.» При словахъ «мое доброе животное» которые были всегда самымъ искреннимъ выраженіемъ привязанности Мориса къ его молочной сестрѣ, Уреула обливалась слезами, смѣялась, какъ въ петерпкѣ и говорила, что Морисъ все таки ангель. Лѣтомъ, проработавши цѣлую недѣлю, они въ воскресенье отпраивлялись за городъ. Это было для нихъ лучшимъ праздникомъ.

V.

И между тѣмъ, молодой человѣкъ съ нѣкотораго времени, сталъ испытывать подлѣ Мадлены какое то особенное смущеніе. Каждый день онъ больше и больше то блѣднѣлъ, то краснѣлъ отъ ея взглядовъ, трепеталъ при звукѣ ея голоса. Вечеромъ, когда она шла, онъ по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на нее безмолвно, но не раздѣлится съ прежнимъ угрюмымъ и наемѣшливымъ видомъ. Когда онъ входилъ къ ней, кровь бросалась сильно къ его сердцу. Если Мадлена входила къ нему, онъ встрѣчалъ ее съ дѣтскою неодолимостью. Иногда онъ плакалъ, не угадывая источника своихъ слезъ. Что въ немъ происходило?

Черезъ Марсо, Морисъ получилъ одну заказную работу: онъ долженъ былъ сдѣлать большую фигуру Св. Елизаветы Венгерской, которую одинъ богатый баронетъ, вѣрный преданіямъ своей католической фамиліи, предназначилъ для капеллы своего замка въ Ленкшейрѣ. Молодой артистъ тѣмъ съ большею охотою принялся за дѣло, что мать его носила имя этой святой, и что обѣ они сливались для него въ единомъ чувствѣ уваженія. Между тѣмъ, не смотря на умѣнье, которымъ онъ былъ обязанъ урокомъ своего отца, не смотря на навыкъ, приобретенный имъ отъ работы, онъ не довѣрялъ себѣ. Время шло, между тѣмъ, онъ занимался пока отдѣлкою рукъ и одежды. Желаніе сдѣлать наконецъ что нибудь, чтобы утвердило его славу и заслужило похвалу его кузины, поддерживало его мужество и въ тоже время дѣлало его болѣе строгимъ въ отношеніи къ самому себѣ.

Онъ никогда не былъ доволенъ тѣмъ, что кончалъ, самыя руки останавливали его. Но когда пришло время приняться за голову, нерѣшимость его удвоилась. Скоро однако онъ привыкъ за дѣло и рѣзецъ сталъ повиноваться въ его рукахъ таинственному вліянію какой то мысли. Чело округлялось безъ всякаго усилія съ его стороны, глаза выражали блаженное созерцаніе молящейся души: уста дышали снисходительностью и добротою. Наконецъ онъ отбросилъ свои инструменты и отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы видѣть свое произведеніе. Въ эту минуту вошла Мадлена и безъ труда узнала сама себя въ статуѣ. Она заблѣла въ ладоши и показала навную радость, когда Морисъ смущенный, встревоженный, не зная, что ему дѣлать. Ища модели въ своемъ сердцѣ, онъ нашелъ тамъ Мадлену.

Эта фигура Св. Елизаветы, была въ его жизни причиною бури, которой онъ не ожидалъ и которая должна была окончательно рѣшить его судьбу.

Эта фигура стояла еще въ его мастерской, Морисъ, казалось не могъ рѣшиться разстаться съ ней. Всякой разъ, какъ приходилъ за нею отъ богатаго баронета, онъ находилъ предлогъ еще удержать ее у себя. А между тѣмъ, артистъ не прикасался болѣе къ своему созданію; какъ Пигмалионъ, онъ только смотрѣлъ на него. Однажды утромъ, явился самъ баронетъ; высокій, стройный, съ голубыми глазами, съ русыми волосами, онъ былъ еще молодой человѣкъ и казался моложе Мориса, хотя былъ старше его нѣсколькими годами, костюмъ его былъ простъ и изященъ. Онъ вошелъ холодно, поклонился разсѣянню, потомъ не занимаясь ни сколько самимъ хозяиномъ, оборотился прямо къ фигурѣ Св. Елизаветы.

Меня не обманули, сказалъ онъ наконецъ послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвнаго созерцанія, это — идеаль, который мнѣ грезился, это — созданіе великаго артиста.

И сэръ Эдуардъ (имя джентльмена) впервые рѣшился поднять глаза на Мориса и заговорить съ нимъ. Слушая его, сэръ Эдуардъ скоро почувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ равнымъ себѣ, и черезъ два часа разговора, они оба растались чрезвычайно довольные другъ другомъ.

VI.

Сэръ Эдуардъ приходилъ всегда послѣ обѣда, съ хорошими заграничными сигарами, садился на край постели и курилъ, пока Морисъ работалъ, разговаривая съ нимъ. Иногда сэръ Эдуардъ вставалъ, чтобы взглянуть на работу—иногда самъ Морисъ перерывалъ свои занятія, закуривалъ сигару и садился подлѣ него. Два молодыхъ человѣка наконецъ очень серьезно привязались другъ къ другу. Морисъ не чувствительно дошелъ до довѣрчивости. Если онъ молчалъ о своей прежней жизни изъ благоразумія, за то онъ отъ полноты души говорилъ о своей сестрѣ, которая работала подъ одной съ нимъ крышей. Одаренный нѣжной природой и поэтической организаціей, сэръ Эдуардъ любилъ слушать рассказы объ этой братской жизни—и между тѣмъ, хотя очень сильно желалъ узнать молодую сестру Мориса, но по скромности не смѣлъ просить своего молодого друга познакомить его съ нею—и странное дѣло! не смотря на свою привязанность къ сэръ Эдуарду, Морисъ хранилъ на этотъ счетъ всегданнее молчаніе, какъ будто предчувствуя, что отъ этаго разрушится его счастье. Но увы! никто не уйдетъ отъ своей судьбы! Однажды, когда баронетъ былъ у Мориса, вошла Мадлена. Морисъ нѣсколько разъ говорилъ ей о своемъ новомъ другѣ и молодая дѣвушка, радуясь пробужденію всякаго благороднаго чувства въ его сердцѣ, съ восхищеніемъ смотрѣла на эту дружбу. Мадлена въ присутствіи сэръ Эдуарда была сама собою, хотя разумѣется, изъ желанія сдѣлать удовольствіе своему кузину, еще ласковѣе, еще веселѣе обыкновеннаго. Она ушла пробывши съ часъ.

— Вы были правы, вскричалъ съ энтузіазмомъ сэръ Эдуардъ, когда она вышла, — вы были правы, когда говорили мнѣ о вашей сестрѣ; мнѣ кажется только, что вы говорили о ней слишкомъ холодно. Я понимаю, что вамъ легко творить превосходныя созданія: красота модели поясняетъ геній артиста; другъ мой, фортуна поступила съ вами не такъ дурно, какъ мнѣ прежде казалось, потому что она вамъ оставила это драгоценное сокровище.

Онъ могъ бы говорить и больше и долѣе — потому что Морисъ не перервалъ бы его. Склонясь надъ своимъ рабочимъ столомъ, Морисъ повидимому мучился надъ кускомъ дерева и не

слушалъ того, что ему говорилъ сэръ Эдуардъ. Въ этотъ же день во время обѣда и вечеромъ, въ комнатѣ Мадлены говорилось только о баронетѣ. Изящною простотою своихъ манеръ, деликатностью языка, возвышенностью мыслей, сэръ Эдуардъ приобрѣлъ симпатію молодой дѣвушки, которая поздравляла своего кузина съ такою связью. У женщины любящей, есть удивительная способность оцѣнивать настоящимъ образомъ всякую связь мужчинъ. Но это не все еще. Урсула, которая встрѣтила джентельмена на лѣстницѣ, не уставая, его расхваливала и вовсе не хотѣла вѣрить тому, что онъ Англичанинъ. Наконецъ Пьеръ Марсо, который пришелъ вечеромъ къ Мадленѣ и который давно уже зналъ сэръ Эдуарда, разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о его благородствѣ, которые повидимому живо поразили воображеніе молодой Нѣмки. Морисъ такъ же не оставался нѣмымъ, слушая этотъ концертъ похвалъ—и между тѣмъ, онъ страдалъ, не отдавая самъ себѣ отчета въ своемъ страданіи, страдалъ какъ растѣніе, которое чувствуетъ бурю, хотя небо чисто и безъоблачно.

Съ этого дня сэръ Эдуардъ познакомился съ Мадленою. Сначала не продолжительные и рѣдкіе визиты его, сдѣлались наконецъ чаще и чаще; онъ являлся днемъ а уходилъ позднимъ вечеромъ. Мадлена принимала его съ радостью и вовсе не скрывала этой радости. Морисъ смотрѣлъ на это съ безпокойствомъ—часто онъ замѣчалъ въ себѣ невольныя движенія ревности, бывали часы, когда бѣдный молодой человѣкъ чувствовалъ невольную, не объяснимую досаду на своего друга. Скоро онъ замѣтилъ наконецъ, что кузина его стала холоднѣе къ нему, откровеннѣе съ гостемъ. Онъ замѣтилъ даже, что баронетъ не говорилъ больше о путешествіи, которое предпринималъ прежде. Разъ вечеромъ, онъ рѣшился спросить его, поѣдетъ ли онъ, — баронетъ отвѣчалъ, что онъ не поѣдетъ; и Морису показалось, что Мадлена поблагодарила его улыбкою. Все это стало наконецъ слишкомъ серьезнымъ въ душѣ Мориса — онъ искалъ уединенія и потерялъ охоту къ работѣ. Но что было въ этомъ особенно страннаго, такъ это то, что Мадлена, когда-то столь предусмотрительная, казалось вовсе не замѣчала перемѣны своего кузина. Можно было сказать даже, что она видѣла одного только сэръ Эдуарда.

Разъ утромъ, когда Морисъ сидѣлъ на своей постели, печальный, задумчивый—сэръ Эдуардъ вошелъ въ его комнату серьезнѣе обыкновеннаго. Онъ сѣлъ подлѣ него и не рѣшаясь начать разговоръ, чертилъ по полу концемъ своей палки, съ ви-

домъ челоуѣка, которому хотѣлось бы сказать что-то важное, и который не знаетъ чѣмъ начать, когда Морисъ смотрѣлъ на него съ волненіемъ, какъ бы угадывая, что буря, которую онъ давно предчувствовалъ, наконецъ разразится надъ его головою.

— Морисъ — сказалъ онъ наконецъ съ тѣмъ безпокойствомъ, которое такъ пристало къ богатству, когда оно обращается къ бѣдности — я любилъ вашу сестру, еще не зная ее. Разговоры ваши о ней, заставили меня уважать ее — я ее узналъ и чувство это скоро обратилось въ любовь. Да и могло ли быть иначе, будьте вы сами судьей; если бы она не была вашей сестрой, могли ли бы вы не любить, не обожать ее? Благородныя дѣти, я не знаю ничего, ни о вашей фамиліи, ни о вашей участи, — но я видѣлъ вашу жизнь и этаго для меня довольно. Терпѣиємъ, съ которымъ вы переносили бѣдность — вы показали, что вполне достойны богатства: съ своей стороны, я кажется доказалъ такъ же, что не совсѣмъ недостойнъ бѣдности. Морисъ — мы друзья, — хотите ли вы, чтобы мы были братьями?

Поблѣднѣвши какъ мертвецъ, Морисъ сжалъ оледенѣлою рукою руку баронета.

Сэръ Эдуардъ, отвѣчалъ онъ взволнованнымъ голосомъ — то, что я слышалъ, заставляетъ меня еще больше уважать васъ, но Мадлена, по моя сестра... любить ли она васъ?... согласна ли она? говорили ли вы съ нею, узнали ли вы тайну ея души?

— Нѣтъ другъ мой, нѣтъ — я не знаю, любимъ ли я, отвѣчалъ скромно сэръ Эдуардъ, но я вѣрю твердо въ силу истинной любви, и вѣрю, что можетъ быть постоянная нѣжность, безпредѣльная преданность, въ состояніи наконецъ тронуть женщину.

— Но Мадлена, сэръ Эдуардъ, Мадлена знаетъ, что вы ее любите?

— Не знаю — прежде ея согласія, я счелъ обязанностью испросить ваше.

— Хорошо, сказалъ Морисъ послѣ минуты молчанія. Я поговорю съ Мадленою.

Баронетъ ушелъ.

Теперь и теперь только понялъ Морисъ, какъ глубоко, какъ сильно любилъ онъ Мадлену.

Онъ рыдалъ долго, безутѣшно.

— На что ты жалуешься безумный? вскричалъ онъ наконецъ, едва выбившись изъ грязи, въ которой ты влачилъ свою молодость, ты смѣешь жаловаться на то, что ты не любимъ, что тебѣ

предпочтень челоуѣкъ съ благороднымъ сердцемъ, съ совѣстью безъ упрека.

Но Морисъ любилъ искренно, любилъ смиренно.

Онъ схватилъ наконецъ перо и написалъ къ своей кузинѣ письмо слѣдующаго содержанія:

— «Мадема, я сдержалъ свое обѣщаніе. Вы требовали отъ меня, чтобы я жилъ съ вами два года. Срокъ, назначенный вами, прошелъ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Вы требовали отъ меня двухъ лѣтъ отреченія и преданности, и между тѣмъ сами заняли мое мѣсто. Вы сдѣлали для меня больше, чѣмъ я для васъ сдѣлалъ. Заставивши меня узнать сладость труда, великость и святость долга, вы почти стерли съ чела моего слѣды заблужденія; каково бы ни было будущее, которое готовитъ мнѣ providѣніе, я буду полонъ къ вамъ чувства вѣчной признательности — но я не могу, я не долженъ болѣе принимать вашихъ пожертвованій, — это было бы съ моей стороны грубымъ, непростительнымъ эгоизмомъ. Сэръ Эдуардъ васъ любитъ, онъ достоинъ всякой любви — онъ поставитъ васъ въ обществѣ на ту степень, которой вы достойны: Прощайте же, — я уѣзжаю! не беспокойтесь о моей судьбѣ — гдѣ бы я ни былъ, работа, вы знаете, удовлетворитъ мои нужды. Если я ослабѣю когда-— я вспомню только вашъ образъ и онъ подкрѣпитъ меня. Я хочу видѣть снова замокъ моихъ предковъ, я хочу явиться чистымъ и возрожденнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя видѣли меня падшимъ. Потомъ, твердыми стопами пойду я, куда поведетъ меня судьба. Прощайте еще разъ Мадема — будьте счастливы!»

Братъ вашъ Морисъ.

Онъ запечаталъ письмо и черезъ четверть часа вышелъ съ котомкою за плечами.

VII.

Пока Морисъ не вышелъ еще изъ Парижа, къ горести его примѣшивалось еще какое то тайное негодованіе. Казалось, въ атмосферѣ большого города былъ еще остатокъ тѣхъ вліяній, которымъ онъ нѣкогда подвергался. Но вышедши изъ Парижа, онъ почувствовалъ, что грудь его дышетъ вольнѣе воздухомъ полей, гдѣ въ его утихъ, сердце смягчилось и имъ овладѣло безъ

примѣси единственное чувство, чувство любви къ Мадленѣ. Въ прежнія времена его бурной жизни, всякое препятствіе или сопротивленіе, возбуждало въ немъ досаду или ненависть. Онъ не понималъ любви безъ обладанія: онъ улыбулся бы съ сожалѣніемъ и насмѣшкою, если бы ему сказали, что сердце можетъ быть счастливо и не обладая любимымъ предметомъ. Теперь, на единѣ съ самимъ собою, онъ постигалъ всю важность и святость прежде незнакомаго ему чувства. Онъ удалялся отъ Мадлены, сердце его обливалось кровью, и между тѣмъ въ самой горести, было для него неизъяснимое наслажденіе. Путешествіе въ Вальтраверъ, заставило его предпринять не только желаніе примириться съ памятью отца — нѣтъ! ему хотѣлось видѣть мѣста, гдѣ впервые явилась ему Мадлена, дышать воздухомъ, напоеннымъ ея присутствіемъ.

Черезъ пятнадцать дней, онъ дошелъ наконецъ, никѣмъ не узнаанный, до маленькаго городка, близкаго къ Вальтраверу. Его костюмъ былъ достаточенъ для инкогнито — да и кто бы могъ узнать въ мужѣ съ гордымъ и яснымъ взглядомъ, съ спокойствіемъ и достоинствомъ на челѣ, молодаго человѣка, котораго видѣли здѣсь истощеннымъ и разочарованнымъ?

Онъ дошелъ наконецъ до той аллеи, гдѣ въ одинъ осенній вечеръ, встрѣтилъ онъ свою кузницу. Онъ вспомнилъ всѣ подробности этого поэтическаго вечера.

О несчастный! Какой демонъ увлекъ тебя? вскричалъ онъ съ горестію, она была передъ тобою, она уже прекрасная и тогда, передъ тобою, какъ счастье, которое ты за собой оставилъ.

Передъ нимъ былъ паркъ. Машинально отворилъ онъ калитку и вошелъ. День вечерѣлъ. Морисъ слышалъ кругомъ только шелестъ листьевъ отъ вѣтра, на поворотѣ аллеи почти передъ фасадомъ, онъ сжалъ грудь обѣими руками, наконецъ онъ взглянулъ... Долженъ ли онъ былъ вѣрить своимъ глазамъ?... Не было ли это сномъ, миражемъ, видѣніемъ его разстроенной души? Онъ хотѣлъ закричать, крикъ замеръ на его устахъ. Палка выпала изъ его рукъ, колѣна подогнулись, и чтобы не упасть, онъ былъ принужденъ приклониться къ дереву. Въ двадцати шагахъ отъ него, сидѣли на террасѣ Мадлена, сэръ Эдуардъ, Пьеръ Марсо и его жена. Вдругъ Мадлена встала и подошла къ Морису всеелая, спокойная, тихая.

— Другъ мой, мы васъ ожидали, сказала ему она.

И схвативши руку своего кузина, молодая дѣвушка тихо повлекла его къ баронету, Терезѣ и Марсо, которые всѣ встали,

чтобы их встрѣтить. Безмолвно пожали они руки другъ другу, сердца ихъ были полны, уста нѣмы.

— О друзья мои, сказалъ Морисъ дрожащимъ голосомъ, о друзья мои? что такое случилось? что теперь со мною? отвѣчайте мнѣ.

Окружавшіе отвѣчали только улыбкою.

— Другъ мой, сказала наконецъ Мадлена — вы въ замкѣ вашихъ предковъ, въ нашемъ собственномъ замкѣ. Простите ли вы мнѣ испытанія, которыя моя любовь къ вамъ придумала для вашего возрожденія?

Морисъ упалъ на колѣна передъ своимъ ангеломъ-хранителемъ.

Черезъ мѣсяць Морисъ и Мадлена обвѣнчались въ Неви ле-Буа, въ присутствіи друзей и слугъ. Пьеръ Марсо не смотря на убѣжденія Мориса остаться въ замкѣ, скоро уѣхалъ въ Парижъ. Сэръ Эдуардъ такъ же уѣхалъ; но еще долго, долго въ его сердцахъ хранился образъ Мадлены.

ЛЮЧЯ.

(изъ воспоминаній дилеттанта *).

I.

Печему-то, судьба предвзначила мнѣ сталкиваться на моемъ *жизненномъ* пути, говоря *высокимъ* слогомъ съ болѣе или менѣе замѣчательными личностями: вознаграждала ли меня эта *благая* судьба за недостатокъ собственной, весьма небогатой событіями жизни — хотѣла ли она дразнить меня чужой жизнью, — такъ или иначе, только на муку читателей Репертуара, вотъ уже второй годъ я рассказываю имъ *повѣсти: безъ начала, безъ конца и безъ морали*, повѣсти о моихъ знакомыхъ, преимущественно — хорошихъ. Не знаю, нравятся ли это имъ — то есть и моимъ читателямъ и моимъ знакомымъ, но самъ я давно не читая ровно ничего, привыкъ съ наслажденіемъ читать живыя, ходячія книги и передавать прочтенное мною другимъ. Въ этомъ дѣлѣ — я дилеттантъ въ полномъ смыслѣ слова....

И такъ вотъ вамъ еще одна изъ моихъ *встрѣчь*.

Это было осенью 1844 года. Петербургъ еще не бросилъ своихъ глупыхъ дачъ, а погода уже была прескверная. До откры-

---

* См. «Репертуаръ и Пантеонъ» книжка I. и II.

тія оперы оставалось еще двѣ *добрыхъ* недѣли. Миѣ, человѣку *par excellence* праздному на свѣтѣ, рѣшительно некуда было дѣваться.

Но — у меня образовалась привычка — *чудовище привычка*, какъ называетъ ее Гамлетъ — привычка, два раза въ недѣлю непременно бывать въ *одномъ* довольно грязномъ трактирѣ на *одномъ* изъ острововъ Петербургскихъ и постоянно — внимательно смотрѣть на эквалибрически — акробатическія представленія и восхожденія по канату. Къ этого роду удовольствія, приучилъ меня одинъ мой добрый пріятель Ф. В., котораго Русская хандра и богатство, сдѣлали чистымъ Англичаниномъ, которому приѣлось рѣшительно все, кромѣ акробатическихъ довольно грязноватыхъ представлецій и круглаго билиарда. Его жизненная философія, была очень проста: онъ любилъ больше всего ѣсть, и даже объѣдаться; пить онъ не любилъ, потому что вино уничтожаетъ власть разсудка, когда объядѣнье напротивъ производитъ тоже чувство оупѣнія, но оупѣніе сознательнаго, — и я право былъ готовъ иногда согласиться съ нимъ, что въ этомъ единственно выражается торжество духа надъ природою. Но дѣло не въ этомъ моемъ пріятелѣ, хотя его личность, такъ-же чрезвычайно замѣчательна, а въ другомъ. —

Кромѣ насъ двоихъ, самымъ постояннымъ посѣтителемъ *вышеупомянутаго* заведенія, было еще одно лице, на которое не могъ даже не обратить вниманія и мой свинвическій товарищъ, хотя надобно сказать правду, ни въ лицѣ этого *лица*, ни въ его наружности не было ничего особенно ярко выдающагося. Одѣтъ онъ былъ какъ всѣ или по крайней мѣрѣ, какъ многіе — тамъ, гдѣ мы его встрѣчали, онъ всегда являлся сверху до низу застегнутый въ черное триковое пальто, въ бѣлой фуражкѣ, съ сигарой, никогда не выходившей изо рта, физіономія его, блѣдная и облитая желчью, была очерчена рѣзцомъ природы чрезвычайно тонко и вмѣстѣ угловато, — взглядъ неподвижный и оупѣлый былъ тяжелъ невыносимо, когда въ него бывало всмотрѣшься. Миѣ еще прежде случалось встрѣчать этого человѣка въ одномъ знакомомъ миѣ домѣ, я даже мелькомъ слышалъ его фамилію — и помнилъ, что мое любопытство узнать ее было возбуждено именно этимъ *оупѣлымъ* взглядомъ, о которомъ безпрестанно говорила одна очень умная и милая женщина. Послѣ, я услышалъ, что какія-то скандальныя сплетни зачесли туда присутствіе этого страннаго человѣка, и больше о немъ не заботился.

Въ островскомъ трактирѣ, онъ былъ всегда какъ будто при-

кованъ къ одному мѣсту, — онъ сидѣлъ всегда у окна, ближайшаго къ семейству странствующихъ артистовъ, расположившемся на вѣчныя времена въ одномъ изъ угловъ довольно большой комнаты, — курилъ сигары, пилъ безпрестанно огромные стаканы чаю и неподвижно, мутно, безцѣльно и безмысленно глядѣлъ вдаль... Когда кто-либо изъ членовъ странствующей семьи музыкантовъ, по окончаніи пьесы, обходя всѣхъ для полученія подаванія, подходилъ и къ нему, онъ почти не оборачиваясь вынималъ изъ кармана пальто, мелкую серебрянную монету, клалъ на тарелку и продолжалъ по прежнему смотрѣть вдаль.

— Чѣмъ занимается этотъ человѣкъ на свѣтѣ? спросилъ меня однажды Ф. В., уставши наконецъ смотрѣть на фарсы паяца.

— Вѣроятно ничѣмъ, отвѣчалъ я.

— Онъ постоянно здѣсь?

— Какъ вы и я.

— Страшно!

— Почему же страшно?... неужели вы думаете, что только мы съ вами и хандримъ?

— Пойдемте слушать артистовъ, сказалъ мой пріятель, не отвѣчая на мой вопросъ.

Пожалуй.

И оставивъ балконъ, мы вошли въ общую залу.

Зала была почти пуста... Лѣтній вечеръ обливалъ ее въ окно грустными, запоздалыми лучами солнца, падавшими прямо въ тотъ уголокъ, гдѣ помѣстилась бѣдная кочующая семья музыкантовъ — и въ этомъ свѣтѣ, ярко обозначалась вся грустная бѣдность, — все страдательное положеніе артистовъ. Мы стали у дверей, прямо противъ большой арфы, изъ-за золотистыхъ струвъ которой мелькалъ блѣдный образъ съ яркими голубыми глазами, да маленькая, граціозно обутая нога, да красный цвѣтъ кашмироваго платья. Передъ нами, изъ этой грязи возникло какое-то радужное видѣніе, болѣзненно-грустное, наводящее тоску, несходную тоску на сердце.

А вѣдь она хороша, сказалъ мой пріятель, улынувшись жирною улыбкой человѣка, который наконецъ очнулся отъ хорошаго обѣда — но то, что онъ думалъ, онъ передалъ не мнѣ а трактирному слугѣ, который только улыбнулся на слова, сказанныя ему шепотомъ.

— Кто она? артистка? спросилъ я, всматриваясь въ рѣшетку струвъ.

— Да — и я думаю.... Продолжалъ мой пріятель.

Мнѣ стало гадко.

Артисты кончили свою пьесу — и вслѣдъ за тѣмъ, дѣвушка, въ красномъ платьѣ, вышла изъ-за арфы. Она была чудно сложена, — ея голыя руки были бѣлы, какъ мраморъ, ея бюстъ былъ совершенно античный — ея большіе темно-голубые глаза сіяли какъ двѣ звѣзды, — самая усталость и истощеніе, отпечатлѣвшіяся на ея еще молодомъ лицѣ, обливали ея орсолою падевія и страданія.

Когда она подошла къ моему пріятелю, онъ съ улыбкою положилъ ей на тарелку депозитку. Она взглянула на него безъ удивленія — тоже съ улыбкою.

Знаете ли вы, что такое улыбка, готовая всегда, на всякій случай, запасная улыбка падшей женщины, страшная хула на жизнь и на радость?....

Очередь дошла наконецъ до господина въ пальто, такъ же неподвижно сидѣвшаго у окна.

Но дѣвочка прошла мимо его.

Онъ обернулся однако и привставши съ мѣста, положилъ на тарелку мелкую монету.

Артистка на него взглянула съ удивленіемъ, — потомъ, наклонившись къ нему, шепнула:

Mein lieber Herr, wollen sie, dass wir etwas aus *Lucia*.....

O nein... перерывъ было онъ, но дѣвушка быстро подошла къ арфѣ и взяла аккордъ прелюдіи знаменитой fra rосо та rigovero...

Симфонія странствующихъ артистовъ немилосердно драла чело-вѣческія уши; одинъ мой пріятель дожидался ея конца съ флегматическимъ спокойствіемъ — да господинъ въ пальто, судорожно сжималъ себѣ подбородокъ.

Я уѣхалъ одинъ, потому что Ф. В. почему-то рѣшился пробыть долѣе обыкновеннаго.

II.

Я еще не слыхалъ Италіанской оперы. Рубини удалось мнѣ слышать въ концертѣ въ Москвѣ; но онъ не произвелъ на меня особеннаго впечатлѣнія.

Сезонъ наконецъ открылся, открылся, разумѣется — *Лючією*, торжествомъ Бергамскаго соловья, какъ говорили по крайней мѣрѣ.

Я не любилъ и не понималъ Итальянской музыки, — еще менѣе видѣлъ толку въ Маэстро Донизетти и даже въ его *chef d'oeuvre*, въ его *Лучи*. Что мнѣ за дѣло до этой сладенькой любви, до этого самоубійства самца отъ потери самки? Такъ по крайней мѣрѣ я думалъ, потому что изъ Москвы привезъ съ собою запасъ идей о человѣчествѣ, понятій о любви, какъ о борьбѣ двухъ личностей... Любить, — значитъ враждовать, проклипать — мы не можемъ любить, потому что любить женщину стыдно, потому что есть иные интересы жизни, къ которымъ человѣкъ долженъ быть привязанъ — вотъ тѣ *квакерскія убѣжденія*, съ которыми я прѣхалъ въ Петербургъ. Послѣ, конечно, я добрался до той мысли, что любить нельзя потому только, что любить *некого* и *ничего*, — что безъ хлѣба и женщины, для человѣчества нѣтъ интересовъ, — ну, да это послѣ.

Я однако взялъ билетъ на *Люцію*, потому что Итальянская опера входила такъ же въ число *соціальныхъ* интересовъ. Волею рока и за недостаткомъ большихъ финансовъ на ту пору, я помѣстился въ высшія сферы театра.

Народу было столько, что становилось душно, не смотря на то, что я помѣстился на очень выгодное мѣсто къ самой балюстрадѣ, потому, что успѣлъ придти за три четверти часа до поднятія занавѣса. Ждать вообще чрезвычайно скучно, и я уже сильно досадовалъ на свой проклятый билетантизмъ. И добро бы еще, я забрался такъ рано для Роберта—для этой исполненной трагедіи, гдѣ дьяволъ — герой и жертва — а то для *Люции*, для безвѣтнаго созданія какого-то Итальянскаго маэстро: что мнѣ за дѣло до сьумазброднаго Равенсвуда, до его *Люции*, до всей этой старинной Шотландской баллады?

Внизу меня, на балконѣ, сидѣлъ опять господинъ въ пальто, котораго я встрѣчалъ въ одномъ домѣ и въ островскомъ трактирѣ. Онъ часто привставалъ и оборачивался съ нетерпѣніемъ; его, какъ будто что, говорится, ломало или била неотвязная лихорадка. Блѣдныя черты его были судорожно искажены.

Поднялся наконецъ занавѣсъ. Я прослушалъ равнодушно превосходную бравурную арію *Тамбурины*... но вотъ появился Эдгаръ... При первыхъ звукахъ этого, кажется устарѣлаго голоса, меня подрало морозомъ по кожѣ,—по мнѣ пробѣжало какое-то новое, доселѣ неиспытанное впечатлѣніе... Мой знакомый незнакомецъ чуть не перевѣсился за барьеръ... Все молчало или разражалось неистовыми рукоплесканіями, только по окончаніи аріи, только когда совершенно замгло самое эхо этого мучи-

тѣльнаго голоса... То была сцена любовнаго свиданія, полного надеждъ, страсти, радости, полного клятвъ и увѣреній — простая дочь дикой Шотландіи, она клядась ему, своему избранному сердцемъ въ вѣчной любви, въ вѣчной вѣрности: небо слышало эти клятвы, небо благословляло эти клятвы, ибо небо знаетъ, что возможна вѣчная любовь двухъ половинныхъ существъ, ибо небо создало ихъ изъ одного свѣтила, ибо оно готовило имъ полное, уничтожающее противорѣчія слияніе за предѣлами гроба.... Зачѣмъ же люди встали между ними, люди съ ихъ враждою за калія то семейныя преданія, съ ихъ неотвязной любовью, которая хуже вражды, съ ихъ Китайскимъ уставомъ приличій, съ ихъ цѣпями и палачами? Они заставили ее забыть свои клятвы, ее, бѣдную, слабую Лючію.... Но вотъ является Эдгаръ, подъ звуки грознаго военнаго марша, ему непонятно, все что происходитъ передъ его глазами, непонятно потому, что противорѣчитъ его здравому разуму.... она *его* Лючія, и кто же смѣетъ сказать что она не *его*?.... Кто?.... Она сама... И онъ раздражается страннымъ, раздрающимъ душу проклятіемъ.

Внизу меня послышалась глухія рыданія.... господи въ пальто бѣсновался; когда я взглянулъ на его искаженныя черты, мнѣ не нужно стало добиваться истолкованія его жизни. Надъ нимъ, какъ и надъ многими, отяготѣла старая, глупая пѣсня о Лючіи и Эдгарѣ, о Ромѣо и его Юліи.... отяготѣла безъ исходной, все — уничтожающей тоской, тоской, подѣвшею всѣ другіе интересы существованія.

Да и гдѣ они, эти другіе интересы?.... Не всѣ ли стоны человечества сливаются въ одинъ стонъ о хлѣбѣ и женщинѣ — не вздоръ ли все остальное, не средства ли только все остальное?

Я полюбилъ этого больнаго человѣка, рыдавшаго безъ стыда отъ раздрающихъ стоновъ Эдгара, я полюбилъ этого Эдгара, когда онъ замирающимъ, переходящимъ въ вѣчность голосомъ, пѣлъ:

Di bell'alma innamorata....

да, да — неудовлетворенный на землѣ, онъ переносилъ въ иную жизнь свое вѣчное стремленіе, съ укоромъ землѣ, съ надеждою на небо.... на то лучшее бытіе, гдѣ окованное и стѣсненное, не

знаешь цѣпей и преградъ, но сіяешь, свободно, спокойно, вѣчно.

И этаго человѣка, пояснившего мнѣ страшную драму любви мужчины и женщины — я назвалъ съ той минуты, братомъ.

Я съ нимъ сошелся, — я о немъ расскажу вамъ когда нибудь.

А. ТРИСМЕГИСТОВЪ.

1846 года.

Августъ.

АРИША КОЗАЧКА.

(РАЗСКАЗЪ ЧЕРНОМОРЦА).

1797 года отецъ мой, по дѣламъ службы, будучи между козаками въ Черноморьѣ, приобрѣлъ этотъ разсказъ, (по его мнѣнію: «какъ драгоценность») отъ самаго разскащика стараго Эсаула Никанора Прохоровича *Большака-Синеусова*. Эсаулъ этотъ любилъ моего старика и охотно хаживалъ къ нему на поговорку, болтать, что попало про свою *Черноморичью* родную старинку. Признаюсь, какъ для другихъ; а для меня весьма любопытна эта былъ и небыль, намъ *Москалямъ-Руссамъ* не всегда памятная! Въ предложенномъ здѣсь козачьемъ разсказѣ есть одна часть *недопытанныхъ* его очерковъ. Они сводятъ, быть можетъ, совсѣмъ въ другой бытъ и въ другую сторону отъ всего того, что мы знаемъ въ нашей старинѣ, по одной и той же части съ этимъ разсказомъ *Прохоровича*, но то ужъ дѣло не мое—я передаю только то, что мнѣ досталось отъ Прохоровича, и въ томъ самомъ словѣ, какъ именно *то оно отъ него* сказано, да пересказано. Слушайте жъ, вотъ что онъ Эсаулъ Никаноръ Прохоровичъ *Большакъ-Синеусовъ* говоритъ о своей именистой, (что увидите послѣ) *Аришь-козачкь*:

«А быть тому» говоритъ онъ «въ глубокую, дальнюю, непамятную старинку! Тоже гуторили о ней, о той же о старинкѣ, и отцы наши, и дѣды, и прадѣды, да и прапрадѣды!» А *старый Попъ-Батько, нашъ отецъ Савонтій*, на то же дѣло пробаялъ: «что

быть оному дѣлу, о чемъ рѣчь пойдетъ, не по рѣчи словесной, а по грамоткѣ, спрѣчь-де по запискѣ бумажной и быть-де тому въ лѣто отъ рождества Господа нашего Иисуса Христа тысенца чотырехъ сотъ педесятъ другое (1452) али и около-де только тоя поры? Было, тогда времячко! То-то времячко! Помни!»

«Шла-де, тогда у насъ по Русью» (продолжалъ Никаноръ Прохоровичъ) княжая усобица и шла-де она, такимъ разгуломъ, да побыгомъ, что и не скажешь! Родная власть братская на родную же власть братскую пошла напускомъ: и видомъ не видать, такая кровяная мятелица закурила! А на тотъ же побытъ, на оказію эдакую и Татары-де насъ били, сильно, молодецки опі насъ били! Зорко высмотрѣли всякіе злодѣи воду нашу мутную, да и катали они насъ по той по мутной по водѣ, какъ хотѣли! Говорится же, *лиха бѣда взмутить*, а тамъ ужъ *выплывай пузырьми да и самъ смутьянъ, лопайся!* А другая рѣчь и это что бы! Дѣло, не дѣло! Пословица: *«Терпи козакъ, Атáманъ будешь!* Такъ нѣтъ, и того врагу мало, смотришь, глядишь еще, и вотъ она же татаршина поганая, не упиалась до сыта нашею кровію Православною, да опять грозное слово шлетъ во всю нашу землю Русскую: *«Не поклониши-де ты Русь, нашему Богу Татарскому, разгромимъ-де мы, не то что бы тебя, да и родимую-де твою матушку Москву бѣлокаменную, туда-де, да сюда размечемъ, всѣ ея золотыя макóвочки, камни на камень не оставимъ!* То-то времячко было! Вспомнишь!

Намъ-то вспоминать *мочно!* А нашимъ старикамъ дѣдамъ, прадѣдамъ и прапрадѣдамъ, чего тутъ помнить было? *Вражье злодѣйство, что твой день Божій, все за свой, да за свой имъ.* Привыкли! Да не по чемъ же имъ, тѣмъ же старикамъ нашимъ была и похвала Татарская: Грозенъ-де врагъ, да милостивъ Богъ: *«Грози собѣ паганые, а Господи Иисусе Христе съ нами, да съ нами!»*

Слушайте жъ! А и были наши въ церкви Божіей, Св. Илію Пророка Господнева праздновали! Охъ! тепло они всѣ помолились, дума у нихъ еще была не сбитою антихристомъ, отъ Господа Бога! А на-послѣ, они же всѣ, потрапезничали, какъ у кого достало, а тамъ, они же всѣ, и на берегъ широкаго моря Чернаго, да вотъ, почитай себѣ, хоть бы на-прямикъ туда, гдѣ по нашему времени, связано Кубанская крѣпость Суджукъ стала, да постаеваесть! Сошлася тутъ, собралася, на томъ, на святомъ мѣстѣ Русь молодецкая, пошелъ ее *громовой говоръ, Гагагъ — зашумѣли!....*

И пили и ѣли тутъ наши всего вдоволь; а пили они все вины *заморскіе*, меды сладкіе *Московскіе*. Та рѣчь: *кто припасъ!* А у насъ, *не посадное* было дѣло, какимъ медамъ, да винамъ, тогда бывать? А пили, они наши, старики не малявочкою чарочкою какою, не карцемъ какимъ ковшичкомъ. Вотъ тебѣ! Вина и меду у нихъ бывало вдоволь, — пей не хочу! Такъ-де и пили они тотъ медъ, да вино изъ ведеръ *черезъ край!* То-то было время! Помни его! А помни и то, что не всѣ же наши, тутъ пили; другому что вино заморское, что медъ Московской, никакая прочая невидаль! Да опъ, другой и капли того, аль прочаго не отвѣдаетъ! Народъ трезвый, разумный, велика ему находка меды и вина, онъ такъ себѣ и не взглянулъ бы на нихъ, похаживаетъ между собою, посмѣвается, да попѣваетъ, аль, какую иную, *такъ ласу пускаетъ!* Смотришь туда, сюда, слушаешь, вонъ тебѣ выискался молодчикъ, ножкою притопнулъ, *гоць! гоць!* Крикнулъ, сорвалъ съ себя же шапку, да, какъ *кинетъ ее въ верхъ: ловите-де мою шапку дѣвушки;* а красныя дѣвицы и на самой вещи ловятъ ту *козацкѹ шапку: не пастъ-де ей шапкъ на земь,* намъ достанься. Поймали, опять, давай кидать ту же шапку въ поднебесную, прямо на красное солнце! А визгу-то, а крику-то, а бѣготни-то. То-то же!» По *Сенюшкѹ шапочка,* такъ игра называлась!

А не всѣ же наши козаки и *Сенькиной шапкой* съ дѣвками играютъ, а вотъ гляди себѣ пожалуй: тѣ ребята борются, тѣ ребята въ кулачки бьются, какъ кто гораздъ: въ розмахъ, на топорокъ, тычкомъ въ *прикуску.* Русская забава богатырская!

Любуешься, задоришь, похваливаешь, того молодца, али этаго, и вонъ оно: всѣ схватились, пошла борьба тѣсная, кости трещать, *Мирамошки, да Парамошки, снопомъ валятся;* а богатыри стоятъ, все ломаютъ, силенъ кулакъ ихъ, изъ-подъ него у *Мирамошекъ, да у Парамошекъ* зубы, какъ орѣхи сыплютъ! Жалко право, неволей, по христіанскому обычью скажешь, писалъ о томъ *старый Попъ Батко, нашъ отецъ Союнтій:* «Эй! вы молъ *Мошки, Мирмошки,* уймитесь, кладите гнѣвъ на милость, другихъ зубъ не выростеть, такъ пѣтъ, куда вамъ! Уйма пѣтъ, все сами паровятъ. Охъ! время, то-то время-то было: и носъ расплюнуть, и шея съѣдигъ на сторону; а глазъ, *что зубъ и не считай ихъ!* Хорошь, пригожь ты, *что только кривой оставишь;* а то и прямо въ *темную воду* тебя *окунутъ,* моргай себя тамъ, какъ хочешь; да ужъ красное солнышко на твоей полянкѣ *житейской* во вѣки вѣковъ свѣтитъ не будетъ! Бѣда!

И кажись бы то-то вражда, тутъ, у нашихъ бывала, добрый человекъ то скажетъ: «нечистая-де сила ихъ всѣхъ нашихъ помутила, кровнымъ грѣхомъ на нихъ, какъ бы своимъ поганымъ хвостомъ махнула! Такъ бы *стать*, а не та-де *стать*, смотришь, почасешь, разведешь перстомъ какъ должно, а грѣха-то, тутъ нѣтъ и въ поминѣ. Старая побасенка, тоже игрище въ *Сенькину шапку*, что молвили прежде! Не безъ креста же отцы наши ходили, а при святомъ крестѣ не силѣ *нечистой* шутить съ человекомъ, наши ребята сами вели свою шутку, а за такую шуткою *свой своему* все брать, да свать! Эхъ! дружно, они отцы наши живали, ужъ намъ не пожить такъ. Времячко! *усть подбери-ваемъ!* теперь ужъ намъ собою одной крѣпкой стѣны противъ врага не поставитъ, *стриженаго отлптитъ*, да и вырветъ его изъ *перемычки!* Бритый народъ заумничалъ, тотъ за себя, тотъ за себя, кто въ шапкѣ, кто въ шляпкѣ, а кто и въ *картузъ!*.... Ужъ за-одно не стоять! Ну, да я не про своихъ-то слово бросаю! Съ нами Богъ!

Гречани, съѣди наши и по *Суджуску*, и по другимъ, по прочимъ мѣстамъ родимаго нашего *Русскаго* моря, смотрятъ себѣ, на ину пору, что *наши*, и какъ *наши*, посмѣваются надъ нами, похваиваютъ ихъ, говорятъ не запинаячи: «Молодцы, молодцы-де вы, *Русселаны* православные! А наши-то?... Ну! да Гречани, ни тѣ дни были, еще себѣ на умѣ! Ошибъ имъ крылошки Турокъ! А все-таки они Гречани, охъ! народецъ, и продасть и выкупить!»

Сказано про дѣвокъ, что *Сенькой-то въ шапку* играютъ? Ну! та игра дѣвчья! Что имъ? *Ловятъ себѣ онѣ дѣвки шапку*, да твердятъ, что *та шапка*, на кого надѣнуть ее, *по Сенькѣ* она, аь не *по Сенькѣ!* Завалаясь въ перебросахъ шапочка пылью, да грязью, надѣнуть ее, онѣ дѣвки, на кого имъ надо, и валяную грязью и пыленую, да и поютъ съ выпляскою: *по Сеньюшкѣ шапочка!* Кому охота головушку свою грязью смазавать, сорвешь съ себя шапку, кипешь ее на-пропалаю, опять смѣхъ до умору — смотрятъ, на головѣ-то болото стоитъ, по всей образишъ у тебя *грязные ключи бьютъ!*

А бывали, тутъ, съ нашими, на *Суджускскихъ* же долахъ, луговинахъ и такой масти бабы и дѣвки, что и *не подойди* въ нимъ, чуть что не по нихъ, сами въ свалку плутъ: ни кулака, ни схватки не побоятся! Шнырять онѣ себѣ, тутъ-же на *вылетъ* съ молодцами, та за мужемъ *ниточкой тянется*, та съ родимымъ братцомъ, *ножка съ ножку ступаетъ*, а та и за милень-

кимъ, сердечпенькимъ дружкоймъ, какъ-бы ласточка лѣтунья лѣтаетъ, и *пожски-то* ее не слышно, червячку подъ нею легко! Говори ты имъ, гуторь: Эй, баба! Али: Эй, дѣвка! смотри въ-оба; а она тебѣ свое воркуетъ: «*Куда-де иголка, туда и нитка!*» Право такъ!

Да ужъ была у насъ и женщина-то старинная, великая женщина: здорова, крѣпка, рослая такая! Давай ей на силу, теперь любовь Черноморца, посмотритъ, да захохочетъ! Нечего, бабы были! А дѣвки-то, Ась? — Молвишь и въ нашу *сію* пору: «Хороша у меня сестрица, у тебя матушка, у кого жена, или тетушка съ кумушкой, богато онѣ ловко одѣлись, глядѣть не устанешь, славныя козачихи! А все онѣ *то*, да *не это!* Старинная-то, аль *дыдовская* баба, аль дѣвка была, иная рѣчь! Въ той же она козацкой шапочкѣ, *чапурочкѣ*, что и наша, таже на ней золотистая *кыка*, да у старинной то *поньки* хвоста нѣтъ! Понька — *понька*, а не юбка долгохвостая, на ходу она *понька* ногъ не путаетъ, хвостомъ пыль не мететь! *Козакинъ* на козачкѣ бывалъ съ перехваткою, пояскомъ перетянутой; а на поясу у нее мечъ кладенець, одною ручкой она коня править, а другою копые несетъ! О! да та *дыдовская* баба, аль дѣвка, нашъ же братъ козакъ; да и только!

И дрался и рубился онѣ тѣ бабы и дѣвки молодецки! Все онѣ были *царь двищи*! Не даромъ же вѣдь и сказка о *царь двищахъ*! Ни мужа, ни брата, да и никакой родной крови бывало не выдадутъ! А ужъ старику отцу, аль дѣду, *старинная* наша баба, аль дѣвка щитъ желѣзной, тутъ ее и *самосийкой* не возьмешь! Наскочить де бывало незнамо, невѣдомо, какъ подвернется себя подъ ножку супротивную, загнулась *она*, *пожска*, упалъ и самъ ворогъ, лежать; а тутъ де ужъ лежащему-то ворогу, то щипокъ, гдѣ толчекъ, гдѣ *тукманецъ*; а много и зубомъ грызуть! То-то бабы, то-то дѣвки-то были! Ужъ отъ нихъ ли не быть, да не разживаться, въ ихъ былую пору, *Илимъ Муромцямъ*, да *Добрынямъ Никитичамъ*? За то ужъ и супротивники на такихъ бабъ и дѣвокъ не нашипскими очами глядели. Хороша серъга у красавицы, оторветъ вмѣстѣ съ ухомъ, удушитъ ее красотку, уходитъ на смерть, ее же косою русою! Только де и слышешь: «*На что пошла, то нашла, не подвертывайся, не суйся въ воду, не спросель броду!*» Горько плакивала о томъ иная дѣвка, аль баба — рана, убой бѣднягѣ не *въ-сносу*; а старики наши, что имъ? Глядятъ, да трунятъ: «*Ништо-де валь, ништо! Не бабье тутъ дѣло!*»

Бывали на игращахъ нашихъ дѣдовскихъ и такія красавицы писанья, что и въ сказкѣ тебѣ не скажешь; а разбору и тѣмъ не было — подвернется и — пропала! Не посмотрятъ на *повѣлоку глазную*, сшибуть и ее! Ну! да свалка, до разборовъ ли тутъ: кто красивъ, кто *помеломъ* писаной?»

Сосѣдъ у насъ Турѣкъ, не то, что нынѣ; *вольничалъ!* Больно лакомъ былъ къ чужому, и не говори ему *то-де*, али *это-де* мое, не дамъ! Господи тебя помилуй отъ такого слова, размахнется саблею, да *окрошку* изъ тебя и сдѣлаетъ въ *покоримокъ* вороньямъ! Закажетъ бывало султанъ-царь, аль его же *паша* какая: «Эй! де ты *правовѣрный!* пошелъ-де на *Черноморье*, да *палови-де* мнѣ добрыхъ женъ русскихъ! *Вотъ-де* тебѣ за *то золота, серебра, каменя самоцвѣтнаго напредки*; а не *то-де* голову сорву съ твоихъ плечь, какъ *шапку!* Вотъ и поѣдитъ *ловець* турецкой, *пританется* гдѣ надо, да и *паловить*, сколько тебѣ надо, нашихъ *пѣвчихъ* пташекъ — нашихъ женъ, да дочекъ! И *турятъ* бывало Туркїи за ними — за нашими!... Но — то въ-расплохъ! А въ большой какой ни наестъ толпѣ нашей женской, и никакой Турѣкъ ничто *возметъ: протуритъ* за-даромъ! Куды-тѣ, тогда, и кому было *воставать* на Святую Русь у роднаго ея *Русскаго моря!* Славный былъ тутъ, у насъ народъ! Ужъ никто изъ нашихъ живой врагу не давался!

Сказано: «Грекъ, что Грекъ!» Слово идетъ: и теперь-де эти Греки, смотрятъ, ино, на нашихъ по доламъ, да лугамъ *Суджукскимъ!* Смотрятъ они? А не смотрятъ, *народъ считаютъ!* Ну! и сочили они всѣхъ нашихъ, сколько ихъ было старыхъ и малыхъ, еередовиковъ, бабъ и дѣвокъ (говорю о старинкѣ?) смекнули они, изъ нашихъ, по числу вѣрному, что было, да и *продали живьемъ*, кого надо, Туркамъ *подвели* они Греки, тѣхъ *злѣбевъ* въ *пятеромъ* больше супротивъ русской силы!... А все-де *рука военная*, съ *пищалью*, съ *утаганомъ*, съ *саблею!* Да и на *первыхъ* порахъ у *чужаго расплоха* смѣлъ Турѣкъ! Не даромъ же онъ и *Туркомъ* прозывается, тутъ онъ *мастеръ затуривать* — пошелъ себѣ *свистать утаганомъ*, али *финтить* саблею! Ну! вотъ тебѣ, какъ тутъ, *подвели* они Греки къ нашимъ Турковъ; они же, про-

дажные Греки и сами засѣли, съ ними же Туркѣми на *Кобаньей прикрыши*; *зикнутъ* отселѣ, глядишь и съ добычей! Ужъ какихъ-де, тогда, бабъ и дѣвокъ наши тутъ не пропили, да не прогуляли! Ну! да и хитрость та *грецкая* прилучилась нежданая! Вся кимъ часомъ человекъ не обережется, на то человекъ! Вотъ и самую-то, что и напервѣйшую у насъ красавицу воры *налеты*, тогда же, схватили! «Хорошъ-де это подарочекъ царю-султану!» И вотъ они же разбойники! Въ лодки, на плоты, такіе старинные, что твое купецкое судно! Да и поминай ихъ Турковъ, какъ звали!

Нечего! Разсерчали-де и мы люди Русскіе; куда-те и хмель соскочилъ съ другова! Давай погою за ворами, пустили за ними, въ *по-слѣдъ*: тотъ дротикомъ, тотъ стрѣлою (у кого нашла она), а кто и камнемъ; аль *булдыгою* какою! Ну! да гдѣ ужъ! Что твои сокола, летѣли враги наши *по-русскому* взморью, разомъ пропали, какъ бы и не бывали; а наши-то: *охъ! ахъ!* Такъ было! А подумаешь: «и какой ихъ пележкой нашихъ, на *Суджукскія*-то поля носилъ -- Грекамъ подъ бокъ? То-то, братъ русской, пособратъ бы тебѣ умомъ, прежде! У насъ все послѣ, да погоди, въ частую только на *закатъ солнечный* привыкли зѣвать!

А на ту, на пору въ *тысенца чоторехъ сотъ пядесять другомъ* году, скажетъ старый попъ батько, нашъ отецъ *Совоитій*, паремъ-де у Турка былъ *Махмутъ* султанъ-царь, умный-де такой царь былъ и, на зло эдакое, какое прочее, по сусѣдству пускаться неохочь! Художество онъ всякое зналъ домашнее, *звѣзды самъ считалъ на небѣ* по наукамъ премудрымъ, да и мало ли что? Ну! царь, какъ царь онъ былъ! Пусть же былъ, онъ царь, да царь *поганый*, а не православной!

А кто боялъ про-то дѣло, *тотъ и баялъ*, у нѣмыхъ только языка нѣтъ, а у глухихъ *послушанія*; а то, знать каждому, что и вся земля на *слуху*, *служомъ-де* однимъ и полнится! Такъ вотъ наши Руссаки узвали, что есть-де при Царѣ Турковъ изъ красавицъ красавица; а та-де ребята красавица, наша же русская дѣвка, прямо съ нашего русскаго моря! То-ли, ей-ли, а наша *Ариушка* попала въ *горькую калинушку*, *своей родной малинушки ужъ не покушаетъ*, крѣпко ее сжала *медвѣжья лапа*, а душа ее христіанская! Эхъ! закипѣли наши! Да что взять? Козу намъ-ея бирюкъ повалилъ, и что толку-то было; а тутъ, какъ тебѣ не толковать. почитай *всю станицу* дѣвокъ, да бабъ нашихъ къ Туркамъ сподвалъ загнали! Вѣдь ужъ не козы же дѣв-

ки; да бабы у насъ! Есть о чемъ и по-багать и по-гуторить! И вотъ кто въ что гораздъ, понеслось о бѣдѣ нашей святое русское слово! Тотъ, какъ водится, по ласкъ, убаявалъ: «такъ-де». А тотъ съ плеча рубилъ—гуторилъ: «эндакъ-де» Да то-ли, это-ли? Въдѣ ужъ какъ пойдуть о чемъ чесать, не-уймешь! Ну! а горько было! рыдалъ, да рюмилъ и старшина нашъ Черноморской *Иванъ Михайловичъ*, батька *Аринушкинъ*! Вотъ, какъ сказать: выла и старуха *Васильевна*, жонка *Михайловича*, матка *Аришина*. Да въдѣ и есть о чемъ, не нагляднымъ у нихъ солнышкомъ была *Аринушка*, вся ихъ тутъ, другой дочурочки у нихъ не было! Плакалъ горько и *Юрокъ*, сынишка *Тысячниковъ*.—*Обручникомъ*—законнымъ онъ былъ нарѣченной ему, запобѣдной *Ирины Ивановны*! Говорить-де, бывало, онъ тутъ сердечной: «вотъ бѣда, такъ бѣда!» — «Что ты-молъ *Юрій*?» Молвишь ему. А онъ *Юрій*, такъ и покатится. Ну! да какъ это, выдернет-ко у кого изъ-подъ вѣнца невѣсту-обручницу! — Что?...

Умеръ бы отъ той бѣды *Турской Юрокъ*, чтобы ужъ ему жить безъ милъ-сердечной? Да на ту на пору, какъ та бѣда турецкая съ нашими сбывалась, его *Юрка* на игрищѣ не прилучилось; табуны считалъ на раздольяхъ; а ужъ приближалъ онъ на взморьѣ, такъ только и слышалъ, крикнула-де она *Аринушка*: «Господи Боже, Спасъ Милостивый, помилуй насъ грѣшныхъ!» Голосокъ-де былъ этотъ знакомецъ! И какъ не знать *Юрку* голосочка *Аришина* — на то, про-все у нихъ любовь была!

Не однажды, эдакъ, старшина *Иванъ Михайловичъ*, думаетъ, печалуется, печалуется, да и подошлетъ въ царь-городъ къ *Махмуту Султану*, *Царю Турковъ*, богатый выкупъ за дочку свою. Сто дѣвицъ онъ давалъ за одну ее свою ненаглядницу! Ну, да что ему старшинѣ *Ивану Михайловичу*, Господь съ нимъ! сытъ онъ былъ, что серебра у него было, что золота! А дѣвицъ красавицъ писаныхъ, что въ *Грузіи*, что въ *Черкесахъ*, развѣ, для него же *Ивана Михайловича* уже не было? Не жалѣй только онъ *Иванъ Михайловичъ*, денежки—пенязей; а то всего ему вдоволь!

Греки сосѣди торговались о томъ, о семъ съ *Иваномъ Михай-*

ловичемъ и съ *Махмутонъ* царемъ Турковъ, за крестнымъ знаменіемъ по рукамъ съ нашими били, глазами божились, великую другую святую присягу держали. Да они Греки, ужъ сказано? что о нихъ говорить вѣрное! Люди! *Апполіонъ* у нихъ лѣшается!

Дай Богъ ему царство небесное и вѣчно достойную память, Великій Князь Русскій *Василій Васильевичъ* (Темный, что послѣ звали?) спохватился объ нашихъ черноморцахъ, дознавъ о сиротствѣ нашихъ дѣдовъ, да и самъ послалъ пословъ къ Султану царю Турекому: «А что-де, батюшка, *Махмутъ царь Турковъ*, здравствуй! На *русколѣ*-де на морѣ живеть нашъ народъ русской, одного-де онъ святаго Креста съ нами? Греки-де *твои холопы* сплутовали, старшину Христіанскаго обидѣли, наше-де великокняжье дѣло сторона; а ты молъ *Махмутъ царь-Султанъ Турковъ*, въ томъ старшинскомъ дѣлѣ *притча*! Ступай же, ты брате вселюбезный на выкупъ, бери и серебра и злата, какъ позволишь; да и выдай въ козачину *Аришку Козачку* и другихъ бабъ и дѣвокъ русскихъ! Есть-молъ и *Турскія дѣла* грѣшныя, побойся ихъ! Аль ты бездушный?» Да что тебѣ? вся та *княжская рѣчь*, царю Султану Махмуту, что къ стѣнѣ горохъ! Какъ ты столкнешь съ человѣкомъ—нехристію поганою!

Молодецъ *Юрокъ*, обручникъ *Арины Ивановны*, самъ ходилъ къ Царю-городу съ *грамотами* княжими. — Да тоже, хоть и неходить бы ему туда бѣдняжкѣ!...

«Что конечно, то *всеконечно*! По запискѣ, *грамотою* же, на тѣ же времена, *держалъ* старый попъ батько нашъ отецъ Сооивтій.» Махмутъ-де Султанъ царь Турковъ не то, чтобы прежде, а ужъ плотно насѣлъ на Грековъ, а съ нами по русскому морю жилъ ладно; да и дѣвокъ нашихъ съ бабами многихъ *поступилъ* намъ; почти всѣхъ прислалъ сюда, какъ надо, всѣ тутъ, всѣ какъ были, лишъ-де *Ариши-то Юрковой* все нѣтъ, какъ нѣтъ! «Она-де моя *въковыльница*; она-де моя сердечушко *Руссалана*, моя набольшая султанша!» Нѣлъ-то давынѣвалъ Царь-Султанъ. «Смотри пожалуй!» говорили и наши люди, и Грекъ-сосѣдъ говорилъ тоже: «Смотри пожалуй; экъ-де въ какіе *хороны* залетѣла ворона—русская дѣвка!» Машетъ-де тамъ своими сизыми крылошками, какъ хочеть, а Царь-Султанъ изъ соколовъ-соколовъ; а не-знаеть что передъ нею и дѣлать!» Такова-то была, да жила наша *Арина Ивановна*, поищика ты, теперь, такихъ дѣвокъ! — Ась?

«Ну! глядимъ еще, что будетъ!» домолвилъ, онъ же старый попъ батько нашъ отецъ Сооивтій, глядимъ-де, посмотримъ, вотъ-де и пришелъ къ намъ *Муригъ*, черный такой, диковинка! Сбѣ-

жался глазѣтъ наши на чернаго челоуѣка, дивуются все такому диву дивному!» Родятся же-де у Господа Бога эдакіе челоуѣки, а тоже и ходять-де они и говорятъ тоже, какъ и нашъ братъ чистый, бѣлый челоуѣкъ! Вотъ и тотъ *Мурынъ*, что пришелъ къ намъ, и Крестное знаменіе творить, какъ должно и нашему русскому слову гораздъ, и сталъ говорить онъ: «А вотъ-де я, братцы! пришелъ изъ Царя города, вамъ поклоны отъ вашихъ привезъ; султанша-де *Ирина Иоановна*, родительской молитвы просить и честнаго благословенья! И что-де-то она за царица *Турская*, такой-де тамъ и не раживалось! Слова нѣтъ объ васъ русскихъ, вы Руссы братья ей; а то-де и всякой челоуѣкъ словенской у ней подъ крылошкомъ, житье пошло въ Царь-городѣ, всякому роду словенскому! Да ужъ-де и *царь-султанъ* Махмутъ, ее любить, говори, себѣ о томъ пожалуй, рассказывай; а, на его любовь къ ней великую, ни въ нашихъ, ни въ вашихъ языцѣхъ и слова нѣтъ! Любить да и только, любить *до нельзя*! Скажитко кто этого болѣе, гдѣ еще на тоже дѣло рѣчи ласковѣй? Ась?

Была де и другая *звѣзда* у Султана, жена-любимница *Хатъма* черкешенка, до нашей *Ариши* все ей было; а тутъ ужъ при *Аринь* не ей *Хатъмъ* въ большомъ чину быть, *прошла кому малая*—вездѣ *Ариша*, да и только! По ней лишь, по вашей по *Иринь Иоановнѣ* Царь Султанъ *Туркской* и свѣтъ Господень видить и живъ и дышитъ *Аришей козачкою*. Тамъ послушаешь, сямъ послушаешь, другаго отъ Царя Султана и слымомъ не слыхать, какъ *что-то Ариша, гдѣ-то Ариша, какъ-то она* моя голубынька? А сама-то она *Ирина Иоановна*, не съ *бѣсовскою* гордостію знается, на другихъ царю не мутить, другихъ не гонить, любить да жалуетъ она и *Хатъму*:—Черкешенку, ну да что ей? *уши выше лба не выростутъ*. Иной бы молилъ *Ариша-то* любить *Хатъму*, да *Хатъмъ-то* *разлучница* по сердцу-ль? Любить ли не любить ли, и та и другая, другъ въ подругѣ и души не знаютъ, *объ дѣлѣ*, онѣ одно сердечушко ретивое! Эдакая притча и нашему народу *Мурынскому* на диво!

«Года три, аль и по больше» записано было у стараго попа батьки отца нашего Соовнтія, «года три, аль и по-больше,» прописалъ онъ отецъ Соовнтій, «она-де султанша наша *Ирина Иоановна*, жила-де въ Царь-городѣ. Ахти мнѣ! На *Русскомъ* нашемъ морѣ всякое намъ стало приволье, льгота такая несказанная и, ужъ не тронъ *Турокъ* нашего *рускоморскаго* челоуѣка! Вотъ и старшина *Иванъ Михайловичъ*, будетъ жить съ нами на *побережьѣ*, по тогдашнему сказать: ни въ избѣ, ни на дворѣ, взялъ

Васильевну, взявъ все свое доброе, да и *поминай его*, какъ звали, въ Царь-городъ побѣжалъ къ царицѣ — къ дочкѣ! И то ужъ молвить: что-жъ ему съ нами *цареву* тестю, *не рыбу же все ловить!* Кита въ *одиночку* поймаешь и, тотъ не подивить! Что ему?

Юрокъ? — И Юрку слѣдъ другой; ушелъ Юрокъ въ Болгары, бьется онъ тамъ въ *Тарновъ*, въ *Варнь*, въ *Николполь-городѣ*, по всему батюшкѣ Дунаю, пришелъ онъ тоже своею правдою-истиною и султану царю Махмуту на сердце близко! Глядишь себѣ: и онъ Юрокъ въ Болгарахъ набольшимъ, отворилъ и ему *настежь* Царь-Султанъ, свои двери дворцовыя! Житье было и Юрку, да онъ-то думалъ, гадалъ, что-де еще мнѣ за житье! Пришелъ-де «сюда (думалъ онъ) для милъ-сердечной, а милъ-сердечной-то, нашей любушки еще и въ поминѣ нѣтъ! Гдѣ она, какъ она? А и то сказать, что-де ужъ ты козакъ для царицы? Да и она-де царица хотъ и царица; а все-де жена мужняя, *отхваченой ломоть!*... Ну! была не была!» То думалъ онъ Юрокъ; да и къ *Иринь Иоановнѣ* о немъ рѣчь перепала! Тутъ, да не тутъ онъ для нее!... Ну да времячко скажетъ! — Такъ бы и шло — Турокъ за даромъ, что *поганой*, а ино по-лучше Немца, Турокъ доброй человекъ, хлѣба нѣтъ у него, такъ *кукурузой* накормить; а ужъ на бабъ, да на дѣвокъ, онъ строгъ живетъ, къ его бабѣ, аль дѣвкѣ не подходи; не токмо что жену, аль *дочурку* и служанку припрячетъ, такъ что ужъ ни въ *пятеро* глазъ ее не увидишь! А нашъ Юрокъ, конечное слово, молодой былъ парень, да вѣдь не зорчѣе же насъ грѣшныхъ проживалъ? И онъ ни какой стѣбы своимъ глазомъ *не пролизывалъ!* Туды, сюды; а какъ бы свозу упала для него *Ирина Иоановна*, пожалуй ворочайся за потерей, а ужъ ее подняли!... Искать бы ему и вѣкъ этого пропалого; да вдругъ закипѣла война у Его *Турковскаго* Величества, зашевелился-де противникъ его, *сосѣдство* Немѣцкое — аль другое какое Польское, аль Угорское? Друзей-то *по сусѣдству* у царей султановъ не бываетъ! Всяка душа христіанская судить, да рядить: «Турокъ-де что? — Собака!... Вотъ и пошелъ царь султанъ на сторону со вѣмъ своимъ войскомъ... Пусто въ Царь-городѣ, безъ хозяина Царь-городъ; а безъ хозяина, въ самомъ его домашнемъ быту, ужъ не одно окошечко *въ растворъ* пошло, вездѣ распахнуто настижъ! Иная женка хозяйская, молоденькая откроетъ окошечко, другое, третье, четвертое, да и смотритъ себѣ въ волю, а тутъ ужъ смотреть, смотреть, да и вы-смотреть, *что бы ей надо!* Вотъ и нашъ Юрокъ, такъ ли, сакъ

ли, а высмотрѣлъ *Ирину Иоановну*, нашель, встрѣтилъ ее, какъ ему надобно; и была она *Ирина Иоановна*, съ кѣмъ великая *болырыня*, царица *Туркская*; а съ нашимъ Юркомъ все она *по былому*; да по прежнему... *Аришушка*, да *Ариша*, своя сестрица родимая *Черноморка*! Въ одномъ только, какъ бы не хорошо ей на *совѣсть*, сказано: *жужияя жена она*, хоть и *Туркекаго мужа обручица*; да по *роду-то* она совѣтливая *Русачка*... Поведеть ино душою и такъ бы и сякъ бы, мѣшаетъ, мѣшаетъ крѣпкую думушку въ своей головкѣ... Ахти! упала!... Такъ вѣтъ, на ту же пору, она же молвить: «Ужъ знать мнѣ Богъ повелѣлъ за поганымъ быть... нехристь мой муженекъ, а въ мѣну и его пустишь, грѣха не сжить!» То-де поговаривала она *Ирина Иоановна*; а другая рѣчь, кто ее зналъ?... Молодая баба! Угадай-ко?... Ась? Такъ было, такъ и есть!

Да какъ это добрался-то нашъ Юрокъ, до своей *Ариши* ненаглядной? Скажемъ и то:

На свѣтѣ живеть, великая, проворная, ученая госпожа... *деньга*! А эта *денезска* и *камень долбитъ*, вотъ она же *деньга-денезска* *продолбила* для Юрка и крѣпкую стѣну палатъ бѣлокаменныхъ царя султана Махмута! Лиха была у тѣхъ у палатъ сторожа *Туркская*; а какъ покормили ее, ту сторожу, *золотую лошною*, такъ она и лаять не стала, смириѣ ягненка *родилась*; да и говорить Юрку: «милости-де просимъ *Ваше Благородіе*, господинъ Юрокъ, такой, сякой, хорошій, расписаной! А молодцу-то Юрку, того-то было и надобно, растворили ему калиточку во зеленой садокъ и загулялъ онъ подъ вишеньемъ, подъ чершеньемъ, да прямо къ султаншѣ *Иринѣ Иоановнѣ*, а тутъ и *пошло писать*! Сказалъ бы и еще, да не сказка же это какая либо, чтобы все рассказывать? Знамо-де одно, что наша *Ирина Иоановна* туда, сюда за слово, да и *закрѣпила* къ себѣ молодца Юрка въ свои самыя вѣрныя слуги; «онъ-де мой *невольникъ вольной*, Ага, или *Паша* *какая* ни на есть, то лп, сѣ ли, а мой онъ, мой собственной и, жить-де ему Юрку у насъ въ палатахъ султанскихъ!... И жилъ онъ тамъ Юрокъ!... «Гдѣ была вода, тамъ и буде.» Шла-де такая молва по черноморью, какъ прослышали-де наши о молодцѣ братѣ Юркѣ, да о царицѣ султаншѣ *Иринѣ Иоановнѣ*. А старый попъ батько, нашъ отецъ Совоитій прописалъ только: «Эхъ-маль *Ирина Иоановна*! Царя Султана Махмута, теперь, вѣтъ съ тобою; да мать то твоя старуха-то *Васильевна*, что жъ за тобою не смотреть! Аль въ *Турковскую* вѣру пошла? Ну! быть же бѣдамъ, ребятушки!

Конечно, такъ сказать *турковская*, али какая татарская голова, не то, что наша Христiянская; во всякой пачистой головѣ много задору; а гдѣ эдакъ надо: то, и ей злобной раздумкѣ подолеть *вода темная!* Не раепознали же все *турковскія* головки и нашего Юрка—*Юркомъ*. «А тому-ста *Юрку-руссу*, гдѣ моля, теперь быть у насъ въ Царѣ-городѣ, тотъ-де Юрокъ (не моимъ словомъ молвить о Христiянинѣ) *проклятой Юрокъ!* Давно-де онъ свою буйную головушку, сложилъ, въ *наскокахъ* на богатства папскiя: то-де мы *Турки* и сами видѣли, какъ по *Савь* по рѣкѣ съ султаномъ нашимъ ходили?» Вотъ такъ и шло про Юрка, въ Царѣ-городѣ у Турковъ. Ну! да *Турки!*.... А ино подумаешь себѣ: «дѣло дѣломъ, а то дѣло не въ *подрядъ* всякихъ дѣлъ! Ужъ, какъ бы это, кажись, и всякiе люди дворскiе знаютъ-де они и видятъ-де они и *то и се чужое*, какъ-де что и *гдѣ-молъ* какъ, судятъ, радятъ, толкують о томъ *не своемъ-чужомъ*, а *своего роднаго*, почитай всегда и *подъ носомъ* у себя не видятъ! Хотѣ-бы примѣромъ, эдакъ молвить: ну, какъ бы это и царь султанъ Махмутъ, такой неправной султанъ, *малыску* звѣздочку подѣ облакомъ видить, а при себѣ и того не звалъ, не вѣдалъ, что нашъ *молодецъ*, *залезъ къ нему во дворецъ!* Да еще что же, *при его же султанскомъ пророкъ* покаяся: «жилъ-де я для тебя и живу-де я для тебя, моя матушка *Ирина Ивановна!* То-то, братцы! Смекнешь старымъ бытомъ, да и скажешь опять: то-то время, шло! Великъ, разуменъ былъ царь Махмутъ; да война-то его султана къ себѣ тянула.... А другая рѣчь: продали царя султана Махмута! Что жъ онъ возьметъ? Ищи того *торговаго*, *что души-то продаетъ*, да совѣтъ не жалѣетъ? Ну, да это высоко пойдетъ! Этой торговли ни по коимъ уставнымъ пошлинамъ не доберешься, она это торговля головная, мрачная, темная! *Кто угадаетъ у Ваньки носъ подѣ его полою*; на счастье размахнетъ онъ *своей полою*, такъ тутъ и скажешь: *Ванька, а Ванька, ты съ носомъ!* Вотъ и былъ нашъ Юрокъ у султанши, у царицы *Ирины Ивановны*, почитай, безвыходно! Онъ-де вѣрной сторожъ ее, *безъязычный евнухъ*, не то, чтобы говорить и *по коровьему-то мычать* не умѣетъ! Съ такого-то слова и съ *такой-то думы* о томъ, и самъ-то царь султанъ *Туркской*, пройдетъ, пролетитъ бывало мимо нашего Юрка, такъ ужъ *носъ съ носомъ*, около его пролѣзетъ; а не взглянетъ на него на Юрка; да еще судить самъ у себя: «А что-де нашему султанскому величеству на *какую нибудь* эдакую тварь смотрѣть; да что-де, тогда, о нашемъ султанскомъ величествѣ наши *турки* скажутъ, *панибратничаютъ?*»

Ась? А старый попъ-батько, нашъ отецъ *Совонтій*, на то же, положилъ свою мѣту: «ужъ конечно - де та рѣчь правдална; — а наша та *Ариша* Юрку пришла на руку, жила себѣ.» То батька сказалъ, сказалъ по писаному, а *Муринъ*, тотъ *черный* (что слово было?) другія рѣчи велъ: «Царицу-де не порочь! Любила-де она Юрка, ахъ! любила, да не то, чтобы въ *невѣрность безконечную* она его любила; *Хатьмь*, сказано, второй, другой султаншѣ она его сбывала.... *Плутовка* такая!» А на это, на *Муриново* слово, по нашему, толкъ держали: *Муринъ* все это болталъ; а у попа того нѣтъ!.... Хорошо, хорошо слово *Муриново*, хорошо и *батькино*; да не на всякой же день *Господень* *человѣку* все хорошее, да хорошее; а то бы съ *за-знатными* людьми хорошимъ и не расчелся! Куда бы тутъ съ *бѣсовицной-то*?... Пойдетъ, пойдетъ тебѣ *человѣче* *Божій* удача, пойдешь и самъ ты въ *высь* забираться, лѣзишь туда, а глядишь неждано, негадано и шепнетъ тебѣ, *какая* *либо* *причина* другая, прочая: «слѣзай-ко братъ *человѣче!*» И ладно будетъ, коли еще шепнетъ-то тебѣ, *та* *причина* *прочая*; а то и безъ шепота ее, такъ себѣ полетишь *вверхъ-тормашки* въ *преисподнюю!* Тѣмъ же побытомъ и у Юрка съ *Аришою* все хорошо было, о зломъ, да о худомъ и во снѣ имъ, сударикамъ, не грезилось! Анъ вотъ *жидовка* *треклятая*, какъ бы бѣсъ *окаяннѣй* подвернулася на услугу къ *Иринѣ* *Іоановнѣ*, пошла она лиса во всякіе ея *царскіе шепоты* и *царица-то* *султанша* *Арина* *Іоановна*, хоть бы и души не звать въ ней *еврейскъ-лисъ!* На то она и *жидовка*, что хочешь пори, а у нее все шито, да крыто!

Ахъ! *ловка* была она *еврейка*, для *Ирины* *Іоановны*; да вотъ *черноморцы* наши народъ, подъ *инъ-часъ*, неумчивый, сами *расправу* сдѣлали съ *отцемъ* *жидовкиннѣмъ*, поймали его и *вздернули* на *осину*: онъ-де *жидъ*; а другой *вины* не было? *Шила* въ *мышкѣ* не *спрячешь*, дошли слухи о томъ и въ *Царь-городъ*, къ *дочерѣ* *Еврея!* Эхъ! она *заплакала* и *зарыдала* *сердечушко*; да и *брякъ* всю *подноготную* *царю-султану*: «*такъ-де* и *такъ-де* безъ васъ было, *батушко*, Ваше *Султанейское* *Величество!*»

Вспылилъ себѣ *царь* *султанъ*, что и *высказа* о томъ нѣтъ, такъ *огонь* и *мечеть!* А тамъ *отлегло* ему, *пораздумался* онъ по нашему по *человѣчьему*; да и *говорить*: «Ну! что-молъ, мнѣ *доносчиковъ* слушать. Тутъ мы *жидовку* только и *видѣли*: «*бѣ* *куль* *ее*, *да* *въ* *воду!*»

Турокъ не станетъ *толковать* о такой *бѣдѣ* *нежданой*, *потолкуй-де*, такъ и *тебя* *нарядятъ* въ *ожсерелокъ!* Мало-ли что? *Царь*

султанъ знаетъ самъ, что дѣлаетъ! «То турки думали; а евреи не турки, они по своему толковали:» видѣли де мы *то-то и то-то*, видѣли де мы, какъ и *мышокъ* несли отъ царя султана, видѣли де мы, какъ тотъ *мышокъ* на воду пускали, какъ де его *затопливали*, видѣли де... «А это видѣнье и къ намъ дошло въ черноморьѣ! Ну да *жидѣ*, все спуститъ, куда хочешь?»

А старый попъ-батько, нашъ отецъ *Совонтій*, прописывалъ: «то-де *жиды жидами*; а царь султанъ Махмутъ отъ *Ирины Иоановны* не отказывался. *Чужая душа потемки!* Сказать не скажу, что *тамъ у него* у царя у султана на душу было; а что видѣли то видѣли; а что слышали то слышали, говорилъ-де онъ султаншѣ царицѣ *Иринѣ Иоановнѣ*: «А ты-де султанша *Ирина Иоановна*, все-де намъ сердечко бѣлая лебѣдушка! Да и по тебѣ по царицѣ султаншѣ *Иринѣ Иоановнѣ* намъ и твои всѣ любви по прежнему!» Нечего толковать нашимъ еще въ Царѣ-городѣ, тогда, *само-худого* не было!

У насъ есть праздники: Рождество Господа нашего Иисуса Христа, Благовѣщеніе Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, Свѣтло Христово Воскресеніе. Ну, такъ сказать еще: *Троицннъ* день, *Николинъ* день, *Георгія Побѣдоносца*, да мало ли у насъ праздниковъ Господнихъ — *молитвою* человекъ православный и *жизнь матушку* кормитъ, да *краситъ!* Вотъ и у турковъ, поганые они люди, и все такъ не безъ праздниковъ: *Алія* у нихъ есть, *Луннъ поклоненіе*, *Магомета Пророка*, *Рамазаны*, всякіе и другіе *такіе*, да *сякіе*, не моимъ словомъ молвить, а праздники же! Вотъ и пришелъ-де, тотъ ли, другой ли у нихъ праздникъ. Съ раняго утра они такъ закричали, что мочи нѣтъ! Колоколовъ у нихъ нѣтъ, такъ *дерутъ себѣ горло*, да и только! А народъ валитъ себѣ валомъ, то въ ту, то въ эту мечеть! *Алла*, *Алла*, такое поднялось, что на поди! Махмуту же царю-султану турковъ, былъ и двойннъ праздникъ: султанша царица *Ирина Иоановна* порадовала его сыномъ-наслѣдникомъ! Родились у него дѣти и до-толѣ, да все дѣвки! Ужъ такая причина! А вѣдать вамъ: у него у царя у султана женъ съ *полтора*ста было! Пророку-де не угождали!... Сказано: грѣхи бываютъ и въ турецкомъ

царствѣ: тоже тамъ и треклятую смуту дѣлаеть: *кофейное праздное дѣло, пицки* не во время! Молитесь бы; а другой турокъ, пританея да курить, глядишь еще тѣмъ же и хвастаетъ: «*курю-де да покуриваю!*» — Тоже, люди! бурлятъ!

Ну вотъ-де Махмутъ царь-султанъ, такъ радъ былъ, что и не скажешь: и пожою-то-де дрягнетъ и ручками-то сучить и головою-то киваетъ и весь такъ и *пересемениваетъ!* То и говорить онъ туркамъ: «радуйтесь; да молитесь, братцы! А турки всякіе ужъ и молились крѣпко! Станетъ себѣ на колѣни; аль сядетъ просто на полъ; да, какъ закричитъ: «*Алла!*» Зарѣжь его, не встанетъ!

Прошли праздники *Магометовы, Лунные, Аліевскіе*; ну, а народъ турки все-де къ царю своему султану съ поклономъ: «Здравствуй-де батюшко, царь-султанъ съ *сыночкомъ!*» Опять праздникъ и былъ тотъ праздникъ, по больше всѣхъ другихъ праздниковъ поганныхъ! Невольниковъ стпускали, *что твоихъ пташекъ изъ клѣтки на волю*, рабынь, дочерей, женъ, матерей, ворочали къ семействамъ; и нашимъ-де тоже достался гостинецъ: царь-султанъ выслалъ къ намъ многихъ нашихъ въ его царство *туркомъ затуренныхъ!* Да! хорошо-де на ту, на пору было всякому; ну, да вотъ самъ-то царь-султанъ Махмутъ не то, чтобы на прямой глядѣлъ въ свою радость *свѣтлыми* царскими очами; туча такая темная на всемъ лицѣ царскомъ стояла, только-де и жди грому — грянетъ, да *безъ-молоны* убьетъ! Греки-сосѣди наши, *тамъ, сямъ* болтали, что мы-де знаемъ, почему онъ-де царь-султанъ Махмутъ прихвораваетъ, знаемъ-де *то и это!* А тутъ глядишь: тотъ грекъ *безъ языка*, другому ротъ *зашили!*

Говорили у насъ въ черноморьѣ, что онъ-де царь-султанъ Махмутъ турецкой и на праздникахъ-то своихъ не такъ, чтобы на всякомъ былъ! «Смотришь, смотришь, а нѣтъ султана!» Ну! тутъ ужъ и пированье *не съ пированье!*

Говорили у насъ и то, что томила-де ревность *могучая* царя-султана Махмута и отъ *той-де могучей* ревности великая немочь съ нимъ съ царемъ-султаномъ сбывалась! «А были-де на ту же пору» сказывалъ старій попъ-батюка, нашъ отецъ *Со-*

вонтий,» а были-де у царя-султана Махмута въ палатѣ его страхъ, трепеть, ужась такой не сказанной! Никто-де и не *подходи* къ нему къ царю-султану! Одинъ-де только, что наибольшущій понъ турецкой, *Муфтимъ* какой-то, не смотрѣлъ на гнѣвъ султанской, придетъ бывало къ нему, помолится *по своему* да и сядетъ! Вотъ придетъ онъ къ царю-султану, да и поспживаеть, какъ бы и самъ царь султанъ.

Вотъ такъ, да эдакъ поспживали *Муфтимъ* да царь - султанъ. И нечего бы тутъ лишняго; да *Муфтимъ* - то, какъ брякнется царю-султану въ ноги.

«Эхъ! что старая башка!» какъ скажетъ же тутъ царь-султанъ «Да что это развѣ я Богъ какой! Вставай скорѣ!»

«*Встать-то я встану!*» молвилъ *Муфтимъ*. «Да и ты-то-моль, царь-султанъ, *возстань* съ своего горя тяжкаго? Царямъ ли *печалиться*? Грустенъ ты; а народъ твой, *глядя на тебя*, и въ голосъ востъ! Чтожъ будетъ?»

Смекнулъ царь-султанъ слова умные, помялся, да и сказала *Муфтиму*: «на сердцѣ-де у меня залегла *тайна тяжелая*, сушить она, крушить насъ, съ бѣлаго свѣта гонить!»

«*Нечто!*» отвѣтилъ *Муфтимъ*: «Велики *тайны сердца царскаго*, не намъ не намъ, а Богу знать ихъ! Да ты-то, отецъ нашъ! надъ нами смилуйся, дай намъ, дѣтямъ твоимъ, погоревать вмѣстѣ съ тобою?»

Ночью царь-султанъ всталъ! Покатились горячіе слезы изъ очей его, взглянулъ онъ на *Муфтима*, утеръ кулаками слезы, взглянулъ опять... вздохнулъ опять... Охъ! тяжело вздохнулъ онъ; да и промолвилъ: «Уже-де, въ ночную пору, на свѣтѣ *лунномъ*, я проявлю вамъ *мою тайну царскую*, тутъ *распахну настежь* мою душу горькую! А ты-де *Муфтимъ*, самъ *разскажи Руселань-Оръ*, будь-де и ты *Ора* на полуночномъ *сборъ*! Царю-де султану такъ надо!»

Призадумался *Муфтимъ* турецкой, поклонился царю-султану явственно, да и вышелъ!

—

«Султанъ-царь Махмутъ былъ *ночью темною*; турки его всѣ плакали, да рыдали» держалъ о томъ такъ свое слово нашъ ста-

рый батько попъ отецъ *Совонтій*, да и самъ-де Царь-городъ, какъ *на боку: стоялъ!* А на *заводяхъ-де Чернаго* моря ладьи нашихъ черноморцевъ, то-де выскочатъ, то-де спрячутся, за ними же за нашими шли и корабли большіе *фряжскіе*, все къ Царю же городу? *Спорынья-то* нашимъ, *сподручь!* И вотъ горланили наши: «дойдемъ-де мы васъ турковъ, полно вамъ ворами воровать!» А былъ-де этотъ *напускъ*, подходъ къ Царю-городу въ *ночное время!*

Ну! а турокъ лѣнивый мужикъ и не въ ночное время, пойдеть думать вотъ онъ и днемъ дремлетъ! Смотрятъ они люди полусонные, а по Царю-городу *то тамъ, то сямъ* пожаръ вспыхнетъ; да и наши-то молодцы выбѣгутъ изъ ладей, да грабежъ такой поднимуть: женъ, дѣтей, дѣвокъ таскають!—*Невѣстка ея отпѣстку!*— А турокъ курить себѣ табачокъ. да ни съ мѣста: *»то де роковое!* Грѣшно-де заливать такіе пожары! Господи Боже мой! живеть же такой народъ на свѣтъ!»

Опустѣлъ, пустымъ пустехопекъ, весь Царь-городъ великій! Собаки только по улицамъ его визжали, выли, рычали; да лаiali! Ну, да собакъ тамъ въ волю вольную!

Пророки всякіе турецкіе пошли *плеть околесную* по своему! Ужъ, ахти мнѣ! бѣда тутъ была! Одинъ только царь-султанъ Махмутъ и *усомъ не ведетъ*, гуляетъ себѣ по своимъ садамъ; да рощамъ заповѣданнымъ, посматриваетъ себѣ туда, да сюда, какъ бы ждетъ чего-то? И вотъ и дождался онъ *кого ему было надобно!* Ходилъ, ходилъ онъ царь-султанъ въ *разводахъ пальцемъ* да и наткнулся на молодца, на *гостя непрошеннаго*, на Юрка нашего!

«А что Юрокъ!» говоритъ ему царь-султанъ «нашею ты вѣрою *не вѣруешь*; да мы-то *твоей правды* вѣруемъ—любимъ тебя сердечушко; какъ бы-то отцу сказать?»

Молчитъ себѣ Юрокъ; да дивуется! А царь-султанъ, *вдругоредь* къ тому же Юрку *со словомъ*: «А что-де Юрокъ и въ твоихъ родимыхъ людяхъ проку нисколько: Царь-городъ мой жгутъ, бабъ, дѣвокъ, робятъ крадутъ да и *впру нашу теребятъ!*» — Молчитъ себѣ нашъ Юрокъ! А царь-султанъ Махмутъ и въ *третий* разъ къ нему же *со словомъ*: «А кому-де Юрокъ, какъ не тебѣ *беречь* наше царство султанское? *Да будетъ!*»

«*Да будетъ!*» Ужъ такое султанское *впленіе!* Тутъ не говори больше! Да наши-то Юрокъ *не въ робкомъ десяткѣ былъ?* Помялся онъ, помялся и своей думою; да и сказалъ царю-султа-

ну свою правду истинну: ты-де женинъ мужъ царь-султанъ; да и мы-де отъ тебя царя-султана Махмута не отстаем! У тебя-де родилась наследная подпора; да и намъ-де Господь Богъ даровалъ сынишко! Вотъ въ томъ-то и штука! А по сказкѣ нашей, тотъ другой думалъ, что Юрку-де легла на сердце Ирина Ивановна! Нѣтъ ужъ коренная жена русская на придурь не пойдетъ — нашимъ женамъ, по султанскому же скажемъ: ужъ что обрелся — да будетъ!

Много толковали о томъ, да о семъ, что не скажешь же, по прежнему: «да какъ-де, да что-де? А то-де не такъ шло, да пхало, какъ думали — Юрокъ-де любилъ, да берегъ себя царю Ирину Ивановну, а объ Хатьмъ же и словъ его не было?— Оно и такъ бы, да кто изъ бабъ возметъ угадкою! «Знаемъ-де только то» молвилъ старій попъ батько нашъ отецъ Савонтій, что Юрокъ былъ слѣдъ опять у насъ въ черноморьѣ и была-де съ нимъ жена его Хатьма, а по нашему—Любаша! И померли они оба, почти за едино! Воиъ она ихъ могила:

Тутъ черноморской расказикъ эсаулъ Никаноръ Прохоровичъ Большакъ-Синеусъ, всегда указывалъ пальцемъ на приморской курганъ высокой!

М. МАКАРОВЪ.

1797 года.

Александровскъ.

Екатериносл. губери.

Особое примѣчаніе: здѣсь нѣкоторыя слова и обороты ихъ не требуютъ ли, для иныхъ читателей, особыя объясненія, такъ напримѣръ: держалъ слово или рѣчь (говорилъ, объяснялъ) Турокъ (Туркъ, турка у черноморцевъ, и въ черноморьѣ) Русское море (черное) хороны (у черногорцевъ, черноморцевъ, и многихъ крестьянъ нашихъ тоже, что Хоромы-ухоронъ (сарай, хижина) донельзи (до невозможности, до конца) паша кака (употреблено, по обычью козака въ женскомъ родѣ) наскоки, тоже что палеты, нечаянные передовые удалцы, въ какомъ либо дѣлѣ, особо на войнѣ, въ

растворъ пошли (раскрылись) за знатый (гордый, величавый) тукланецъ (толчокъ, тумакъ дать) муфтимъ (муфтіи) Ора (Ирена, Арина) заводи (залиты) споринья (кстати, въ ладъ тоже, что сподручно) разводить пальцами (разсуждать руками) взять угадкою (на учая) чалурочка (шапочка, чепчикъ, сборникъ) понька (попева, коротенькая юбочка) кыка (кичка, головной уборъ) и проч. и проч. Проѣзжавшіе чрезъ Москву ученые славяне Григоровичъ-барскій и Лебѣдь списали у меня этотъ рассказъ черноморца и послѣ писали мнѣ, что онъ весьма понятенъ и для ихъ соотечественниковъ — черноморцевъ и проч. М.

ДУМА.

Посмотрите на ребенка — и просторъ, и покой
Въ его дѣтской люлькѣ, старушкой качаемой няней, —
А на долго-ль? — Какъ совъ золотой
Промелькнуть непорочные годы — и пагубныхъ ланей
Запросить кумиры порочныхъ страстей....
И онъ — *обмртвѣвшей* свободѣ своей —
Онъ скажетъ уныло: прости, о прости, другъ прелестный!
И — жизнь ему стелется степью и душной, и тѣсной....

2 августа 1846.

А. С.

ВЛАДИМИРЪ ЗАРЕВСКІЙ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Петръ Алексѣевичъ Заревскій, ...	<i>Г. Брянскій.</i>
Княжна Ольга Петровна, дочь его	<i>Г-жа Самойлова 2-я.</i>
Графъ Викторъ Ивановичъ, молодой франтъ.	<i>Г. Самойловъ.</i>
Осиповъ, управляющій Князя, изъ крѣпостныхъ людей его	<i>Г. Каратыгинъ 2.</i>
Карлъ Карлычъ, изъ Нѣмцевъ, повѣренный Князя.	<i>Г. Марковецкій.</i>
Г-жа Заревская, помѣщица	<i>Г-жа Валбергова.</i>
Владиміръ Николаевичъ, сынъ ея, Капитанъ-Лейтенантъ.	<i>Г. Каратыгинъ 1.</i>
Гришка, дѣвчицкъ Владиміра	<i>Г. Фальсезъ.</i>
Васильевна, старая няня его	<i>Г-жа Сандунова.</i>
Катерина Конари	<i>Г-жа Гринева.</i>
Дарья, служанка	<i>Г-жа Гусева.</i>
Докторъ Миллеръ	<i>Г. Славинъ.</i>
Аксинья, молодая крестьянка	<i>Г-жа Линская.</i>
Горничная Княжны.	<i>Г-жа Медельдева.</i>
Слуга	<i>Г. Семеновъ.</i>

Представлена въ 1-й разъ въ *С. Петербургѣ*, на Александринскомъ Театрѣ,
7-го іюня 1846 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Прологъ).

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ. Небольшая, бѣдная комнатка, изломанныя кресла, стулъ, кровать съ тюфякомъ, покрытымъ ситцевымъ одѣяломъ, столъ изъ простаго дерева. На столѣ небольшой ларчикъ. Печка.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАТЕРИНА, ДАРЬЯ. (*Катерина, блѣдная и изнеможенная, сидитъ въ креслахъ, и спитъ. Дарья ломаетъ старый стулъ, и топитъ имъ печку. Вечеръ. Слышны порывы вѣтра въ окно.*)

ДАРЬЯ. Не дай Господи, какая стужа ужъ третій день! Бѣда съ дровами! На гривну четыре поленца даютъ, и то сырыхъ. И гривны-то нѣтъ. Еще сегодня истоплю кое-какъ, а завтра... не знаю! Продать ужъ нечего. — Голубушка моя, чай отъ стужи-то пуще всего и хвораеть. Уснула, бѣдняжка. — Авось будетъ полегче, когда проснется. Четыре вишь ночи, томилась, не смыкала глазъ. Господь милосердый и добрые люди не оставятъ насъ.
(*Продолжаетъ топить.*)

КАТЕРИНА (*Просыпаясь*). Ахъ! Грудь, грудь! Какой страшный

сонъ! Здѣсь холодно.... кажется, очень холодно! А внутри огонь. Дарья!

ДАРЬЯ. Проснулась. (*Подходитъ*). Я здѣсь, сударыня.

КАТЕРИНА. Что ты дѣлаешь, Дарья?

ДАРЬЯ. Печку топила.

КАТЕРИНА. Откуда же ты опять достала дровъ, добрая Дарья? Развѣ тебѣ холодно? Миѣ не холодно — право. Видишь, какъ лице горитъ? Согрѣй себѣ руки моимъ лицомъ. Ты вѣрно озябла, бѣдная? Гдѣ ты взяла дровъ?

ДАРЬЯ. Вотъ изломала старый стулъ. Онъ, вѣдь, не нуженъ?

КАТЕРИНА. Не нуженъ, не нуженъ. Дарья, тебѣ худо здѣсь. Есть ли у тебя хлѣбъ?

ДАРЬЯ. А вотъ, не хочешь ли... свѣженькая....

(*Подаетъ ей булку*).

КАТЕРИНА. Миѣ не нужно. Есть ли у тебя для себя?

ДАРЬЯ. Есть.

КАТЕРИНА. Гдѣ ты взяла?

ДАРЬЯ. Достала.

КАТЕРИНА. Отчего ты не ищешь себѣ мѣста? Ты хорошая работница. Всѣ будутъ рады тебѣ.... Брось меня.

ДАРЬЯ. Грѣшно тебѣ, сударыня, говорить такія рѣчи. Миѣ было хорошо у тебя, когда ты жила въ довольствѣ. Прислалъ Господь тяжелое времячко. Надо терпѣть. Когда здоровье поправится.... все будетъ хорошо опять.

КАТЕРИНА. Нѣтъ.... у меня ничего нѣтъ.... Работать не умѣю... Ахъ, да! да! я выздоровлю.... Наймусь въ служанки у такихъ людей, которые не знаютъ меня, никогда не слышали про меня. Имъ не будетъ стыдно держать меня, не правда ли?

ДАРЬЯ. Что ты, сударыня!

КАТЕРИНА. Молчи, молчи! (*Помолчавъ*). Миѣ хочется пить.

ДАРЬЯ (*Приноситъ воды*). Лимону-то нѣтъ, сударыня.... Простая водица. Завтра похлопочу какъ-нибудь.... Вѣдь, въ лавочкѣ ужъ много задолжали.

КАТЕРИНА. Дай воды. — О! грудь болитъ!

ДАРЬЯ. Не придвинуть ли кресла къ огню?

КАТЕРИНА. Нѣтъ, такъ хорошо.

ДАРЬЯ. Покушай темного.

КАТЕРИНА. Спасибо. Кажется, я усну опять.

ДАРЬЯ. Не подать ли подушку?

КАТЕРИНА. Хорошо.

ДАРЬЯ (*Идетъ къ кровати*). Охъ! — Подушку-то продала!

Деньги снесла булочнику! И спать-то не на чемъ! Продамъ завтра свой полушубокъ. Сударыня, ужъ ты сегодня переночуй безъ подушки.

КАТЕРИНА. Хорошо.

ДАРЬЯ. Знаешь ли, сударыня, фатеру-то надо перемѣнить. Если было бы рублевъ 25, мы бы поправились, я купила бы дровъ да мыла, да стала бы стирать: все въ мѣсяцъ пришлось бы выручить рублевъ на 30, и побольше. *(Помолчавъ)*. Не продать ли золотой обручикъ съ маленькой картинки, что у тебя осталась?

КАТЕРИНА *(живо)*. Нѣтъ, нѣтъ! этого продать нельзя.

ДАРЬЯ. Ну, не надо. Не извольте беспокоиться.

КАТЕРИНА. Дарья, у меня грудь болитъ.

ДАРЬЯ. Господи, помилуй! — Согрѣшься голубушка, легче будетъ. *(Помолчавъ)* Самое трудное время ужъ прошло. Не далеко до великаго поста. Придетъ весна, солнышко станетъ пригрѣвать, не нужно будетъ цокунать дровъ. А тамъ съ барками прїѣдетъ ко мнѣ племянникъ, будетъ помогать. Авось милость Божія, заведемъ какую-нибудь торговлю.... Что горевать! Ты мастерица вышивать, я знаю.... работа сыщется. Не унывайте, сударыня. Теперь бы только перебиться, какъ-нибудь. Болѣзнь-то твоя сгубила насъ маленько. Ну, ничего, ничего! — Въ воскресенье схожу опять въ Коломну: Прасковья Захаровна пришлетъ лекарство. Ужъ отъ какихъ болѣзней она не вылечиваетъ народъ! — *(Помолчавъ)* Уснула опять. Охъ, если бы проспала до утра! Ужъ вѣрно будетъ легче. — Ахти! Печка-то и потухла.

(Идетъ къ печкѣ, и разводитъ опять огонь, стараясь не дѣлать шума, чтобы не разбудить Катерины).

ЯВЛЕНИЕ II.

ОСИПОВЪ, тѣ же.

ОСИПОВЪ. Что это значить? По сю пору не выбрался вонъ?

ДАРЬЯ. Потихе, батюшка, пожалуйста. Вѣдь, она, только что уснула.

ОСИПОВЪ. Еще потихе! что за княгиня такая?

ДАРЬЯ. Не тревожьте ея, батюшка. Она больна.

осиповъ. А мнѣ что за дѣло? Выбирайтесь сію минуту.
 дарья. Куда выбраться теперь ночью? Господь съ вами!
 осиповъ. Вамъ было говорено еще вчера утромъ. Если не пойдете, выброшимъ сами.

дарья. Не у васъ мы нанимали фатеру.

осиповъ. Знаю, что не у меня. Я и не пустилъ бы такихъ...

дарья. Пускай придетъ настоящій хозяинъ.

осиповъ. Говорятъ тебѣ, что домъ проданъ, мы купили его. Надо отдѣлать для свадьбы молодаго князя. Да что толковать съ тобой! Съ вами расправа коротка. За мѣсяцъ еще не заплатили. Вещи останутся здѣсь — Да ничего и нѣтъ. Вонъ сію минуту!

дарья. Говорятъ тебѣ, чтобъ ты не кричалъ.

осиповъ. Въ своемъ ли ты умѣ, старая вѣдьма?

(Хочетъ идти къ Катеринѣ).

дарья (Заслоняя ему дорогу). Не смѣй!

осиповъ (отталкивая ее). Прочь!

дарья. Ахъ ты нехристь безжалостной!

осиповъ (будитъ Катерину). Теперь вамъ не время спать, сударыня. Извольте очистить квартиру.

катерина (испуганная). Боже мой! Кто тамъ? что вамъ угодно?

осиповъ. Извольте выѣхать отсюда. Давно бы пора.

катерина (встаетъ). Очень хорошо. Пойдемъ, Дарья.

дарья. Куда идти? На улицу, что ли? Отецъ небесный, уми-лосердись надъ нами!

осиповъ. По мнѣ, такъ ступайте хоть на улицу. Подберутъ.

катерина. Пойдемъ, если нельзя остаться.

дарья. Что ты, матушка! что ты! — Тебѣ и съ лѣстницы не сойти живой, умрешь.

катерина. Развѣ я такъ больна, и смерть развѣ ужъ близка? О Боже мой! Умереть? Не хочу умереть еще! О! не хочу! Спаси меня — спаси! Да, я больна, но не умру еще! Я молода, силы возвратятся. — Ахъ! боль, боль мучительная! здѣсь — здѣсь! Дышать тяжело — каплю воздуха! одну капельку! (Опускается опять въ кресла). Меня можно спасти еще. Послушай, подойди ко мнѣ поближе: ты говорила какъ-то, милая, любезная Дарья, ты говорила, что здѣсь по близости живетъ Докторъ. Сходи, пожалуйста, попроси его хорошенько, онъ придетъ, можетъ быть.

осиповъ. Конечно! придетъ къ вамъ Докторъ, да ужъ вѣрно и лекарства принесетъ съ собой.

катерина. Скажи ему, Дарья, что я готова на все: пусть онъ попробуетъ надо мною самыя жестокия и опасныя лекарства. Лишь бы спасъ меня. Не хочу, не хочу умереть. — Мнѣ холодно, мнѣ жарко.... болить, болить.... (Закрываетъ лице).

дарья. И впрямь, сбѣгаю къ нѣмецкому доктору. Какъ ему не помочь тебѣ, родная моя! Ужъ если и самъ не придетъ, попрошу капель какихъ ни-есть. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

ОСИПОВЪ, КАТЕРИНА.

осиповъ (поносивъ табаку). А помните ли вы, сударыня, мѣсяца три тому, я также приходилъ къ вамъ, когда Его Сіятельство, Князь Петръ Алексѣевичъ Заревскій, только что изволили торговать этотъ домъ? Да-съ, мѣсяца три будетъ. Тогда, кажется, вы были еще здоровехоньки? Въ то время и мебель какую-то я видѣлъ здѣсь. — Помните-съ? А теперь, видно, плохо пришлось. Какъ вы перемѣнились! Узнать нельзя. Такія стали блѣдныя. Помните ли, какъ я съ архитекторомъ-то приходилъ домъ смотрѣть?

катерина. Ахъ! Оставьте меня.

осиповъ. То-то! Тогда еще я говорилъ вамъ: спадетъ съ васъ спѣсъ. А вы, куда, и слышать не хотѣли! Вотъ теперь и пришлось раскаться. Ну — ну.... можно еще поправить. — А чѣмъ вы нездоровы, сударыня? Вѣрно простудились. Не мудрено. Здѣсь что-то свѣжо. — Мы вамъ найдемъ квартиру почище, тепленькую, сухенькую, окошечки съ занавѣсками. — Здѣсь вамъ и безъ того нельзя остаться. Жильцевъ не будемъ держать. Его Сіятельство приказалъ отдѣлать домъ для сына, на славу. Онъ у него, вѣдь, одинъ только и есть. Послѣ поста свадьба. У невѣсты душъ 1000 съ пятокъ. — Ну что, сударыня?... Вы меня, кажется, и не слушаете?... Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ вы очень больны? Или.... хе! хе! хе!... такъ-съ?... чтобы съ квартиры-то не сгоняли?

катерина. Боже мой! Что вамъ угодно?

осиповъ. Понимаемъ — понимаемъ.... Ну ничего-съ, когда

выздоровѣете, будете поразсудительнѣе. — То-то и есть... Заболѣли, васъ и бросили. Бываетъ-съ. Вѣрно молодой франтикъ, дворяничекъ?... Отгадалъ? Хе! хе! хе!

КАТЕРИНА. Какъ жестоко Ты караешь меня, Боже!

ОСИПОВЪ. Что вы такое говорите, сударыня? Ужъ не комедію ли вы хотите представлять? Напрасно-съ. Повѣрьте, всегда такъ бываетъ: начинаешь съ князьями, а кончаешь... Ну что толковать? Теперь сами видите, когда дѣло дошло до петли...

КАТЕРИНА. Развѣ нѣтъ никого, кто бы избавилъ меня отъ этого человѣка?

ОСИПОВЪ. Ого! го! го!... Такъ знаете ли, что скажу вамъ? Не угодно ли выбратъея отсюда безъ всякой церемоніи?

КАТЕРИНА. Пойду — пойду....

ОСИПОВЪ. Извольте же.

КАТЕРИНА (*приподнимается съ трудомъ*). Ахъ! Я такъ слаба, что не могу ходить!

ОСИПОВЪ. Ну, если не пойдете добровольно, я приму другія мѣры. Вотъ, напримѣръ, начну съ того, что выставлю окошко.

КАТЕРИНА. Ахъ, ради Бога! не дѣлайте этого. Я озябла.

ОСИПОВЪ. Ничего-съ! У васъ лишняго жара, кажется, много. (*Подходитъ къ окну*). Работа невелика. Зимнихъ рамъ даже нѣтъ. Забито чѣмъ-то. (*Беретъ отломанную отъ стула ножку, и начинаетъ бить по окну*). А вотъ, сейчасъ, сейчасъ. Ужъ подается.

КАТЕРИНА. Боже! Боже!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ДОКТОРЪ МИЛЛЕРЪ, ДАРЬЯ.

ДАРЬЯ. Сюда пожалуйте, батюшка, ваше благородіе, сюда.

МИЛЛЕРЪ. Что здѣсь такое?

ДАРЬЯ (*бросается къ Осипову*). Что ты дѣлаешь, окаянный!

ОСИПОВЪ. Выставляю окошко, да и съ дверью сдѣлаю тоже.

ДАРЬЯ (*Миллеру*). Съ квартиры сгоняють, батюшка! Платить нечѣмъ. Выручи, родимый!

МИЛЛЕРЪ (*подходитъ къ Осипову, и хватается его за руку*). Если вы только осмѣлитесь растворить окно, я васъ выброшу въ него.

ОСИПОВЪ. Помилуйте, ваше благородіе.... Да нѣтъ.... позвольте узнать, кто вы такіе?

МИЛЛЕРЪ. Ты кто такой?

ОСИПОВЪ. Я управляющій его сіятельства князя Петра Алексѣевича Заревскогого.

МИЛЛЕРЪ. Твой баринъ знаетъ ли, что ты выталкиваешь на улицу больную женщину?

ОСИПОВЪ. Стану ли я беспокоить его сіятельство такими пустяками?

МИЛЛЕРЪ. Ну, такъ ступай же, доложи своему барину, что я не велѣлъ трогать этой женщины, пока она будетъ больна.

ОСИПОВЪ. Вы, вѣрно, изволите шутить.... или вы знакомы съ его сіятельствомъ?

МИЛЛЕРЪ. Я съ княземъ не знакомъ. Исполни, что я приказалъ.

ОСИПОВЪ. Вы, сударь, мнѣ ничего не можете приказать.

МИЛЛЕРЪ (*Дарья*). Дай мнѣ бумаги и перо.

ДАРЬЯ. Нѣту, батюшка!

МИЛЛЕРЪ (*пишетъ въ своемъ бумажникѣ, и вырываетъ листъ, который отдаетъ Осипову*). Вотъ, снеси князю.

ОСИПОВЪ. А начто?

МИЛЛЕРЪ. Завтра утромъ заѣду къ князю, и спрошу, отдашь ли ты.

ОСИПОВЪ. Пожалуй, сударь, отдамъ. Но я знаю, что князь повѣритъ мнѣ. Пришло дворника, онъ ловчее меня выставляетъ окошки и двери. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, безъ Осипова.

МИЛЛЕРЪ (*подходитъ къ Катеринѣ*). Чѣмъ вы нездоровы, сударыня?

КАТЕРИНА (*очнувшись*). Уйду, уйду.... только я очень устала.

МИЛЛЕРЪ. Успокойтесь. Я врачъ, за которыми вы посылали. Я желалъ-бы знать, чѣмъ вы нездоровы.

КАТЕРИНА. Грудь болятъ! очень, очень!

МИЛЛЕРЪ (*щупаетъ у ней пульсъ*). Давно ли вы чувствуете эту боль?

КАТЕРИНА. Кажется, мѣсяца два... по крайней мѣрѣ, прежде боль была не такъ сильна.

МИЛЛЕРЪ. И кашель есть?

КАТЕРИНА. Да.

МИЛЛЕРЪ (*про себя*). Здѣсь искусство наше бесполезно. (*Вслухъ*). Я вижу, на платкѣ вашемъ есть кровь.

КАТЕРИНА (*испуганная, прячетъ платокъ*). Такъ что жъ? Ну да... кровь... я знаю. Это еще не бѣда... вы такъ странно смотрите на меня?

МИЛЛЕРЪ. Ничего, сударыня. Успокойте себя совершенно. — Вы теперь безъ... Вы въ затруднительномъ положеніи... Вамъ будетъ все доставлено. Черезъ часъ пришлю вамъ лекарства...

КАТЕРИНА. Вы узнали мою болѣзнь?

МИЛЛЕРЪ. Да.

КАТЕРИНА. Такъ скоро?

МИЛЛЕРЪ. Я давно практикую...

КАТЕРИНА. Но вы такъ странно посмотрѣли на меня. Ужъ не думаете ли вы, что у меня... чахотка?

МИЛЛЕРЪ. Нѣтъ.

КАТЕРИНА. У меня чахотки нѣтъ. Я васъ увѣряю... я вамъ бо- жусь.

МИЛЛЕРЪ. Нѣтъ, нѣтъ! будьте спокойны. Зачѣмъ вы раньше не послали за мной?

КАТЕРИНА (*встаетъ*). Развѣ теперь уже поздно?

МИЛЛЕРЪ. Нѣтъ. Но вы долго страдали.

КАТЕРИНА. Да! Я страдала. Говорите мнѣ правду: я должна умереть?

МИЛЛЕРЪ. Еще разъ прошу васъ успокоиться.

КАТЕРИНА. Не обманывайте меня: я хочу знать, должна ли я умереть?

МИЛЛЕРЪ. Мы все въ рукѣ Божіей.

КАТЕРИНА. Я должна знать, скоро-ли я умру? Слышите? я это должна узнать. Жизни я не люблю, но умереть страшно. Совѣсть, совѣсть! Но Богъ милосердъ! Говорите же, докторъ... никакой ужъ нѣтъ надежды?

МИЛЛЕРЪ. Имѣйте ко мнѣ полную довѣренность. Можетъ быть, вы желаете поручить мнѣ что-нибудь...

КАТЕРИНА (*въ ужасъ, потомъ успокоивается*). Хорошо. Я васъ понимаю. (*Помолчавъ*). Я имѣю къ вамъ довѣренность полную, неограниченную... Вы рѣшились сказать мнѣ ласковое слово, вы не гнушаетесь говорить со мной! Но, можетъ быть, вы не знаете,

кто я? какую я вела жизнь? Если рассказать вамъ все, не отвернетесь ли вы отъ меня съ презрѣніемъ?

МИЛЛЕРЪ. Сударыня, вы въ лихорадкѣ.... Этотъ разговоръ разстраиваетъ еще больше ваши нервы, и долженъ ускорить ходъ вашей болѣзни. Отложимъ-те до другаго раза....

КАТЕРИНА. К чему? Я чувствую, что въ груди моей немного осталось жизни. У меня, въ самомъ дѣлѣ, есть порученіе къ вамъ. Выслушайте — ах! выслушайте меня, пока эта ужасная болѣзнь еще не задушила меня! Отецъ мой былъ благородный человекъ, мать моя была честная женщина. Они были бѣдны, но употребили все на мое воспитаніе. Не они виноваты.... зародышъ зла въ сердцѣ моемъ развился самъ собою. Я попирала ногами честь моихъ родителей, мою собственную честь. Но за то.... слушайте же! за то я стала богата! Роскошь и удовольствія окружили меня. Воображеніе мое истощилось въ изобрѣтеніяхъ новыхъ прихотей. Толпа молодыхъ безумцевъ на-перерывъ старались принести мнѣ въ жертву свое золото. Я гордилась.... повѣрите ли вы? Я гордилась своимъ постыднымъ могуществомъ, своимъ развратомъ! Такихъ домовъ, какъ этотъ, гдѣ не даютъ мнѣ умереть спокойно въ углу — на чердакѣ, я могла бы купить десять. Такіе люди, какъ тотъ, который вышелъ сейчасъ отсюда, ползали на колѣняхъ передъ моимъ золотомъ, и восхищались, когда я не отталкивала ихъ ногою. Они обкрадывали меня, но я добровольно обогащала ихъ.... Теперь они все бросили меня, съ презрѣніемъ отказали бы мнѣ въ кускѣ хлѣба. Только эта женщина, которая исполняла у меня когда-то самую низкую службу, которую я не удостоивала ни одного взгляда.... Дарья! Дарья! поди ко мнѣ!

ДАРЯ. Что прикажете, сударыня?

КАТЕРИНА (*хватаетъ ее за руку, которую цѣлуетъ*). О! Боже!

ДАРЯ. Что ты дѣлаешь, матушка моя? голубушка!

КАТЕРИНА. Дарья, ты служишь мнѣ порукою въ томъ, что всемогущій Создатель нашъ проститъ мнѣ грѣхи мои.

МИЛЛЕРЪ. Самое несчастное положеніе, въ которомъ вы теперь находитесь, должно доказать вамъ безконечную милость Божию.

КАТЕРИНА. Проститъ грѣхи мнѣ? Что я говорю! О! На душѣ моей лежитъ такая вина, такая, которой ничѣмъ я исправить не могу! Вотъ гдѣ источникъ моей болѣзни! вотъ, что сводитъ меня въ могилу! Слушайте. Среди шумной и роскошной жизни своей, мучила меня страшная скука. Родители мои умерли на родинѣ своей, можетъ быть, проклиная меня. Узнавши о смерти ихъ, я

не смѣла плакать. Я старалась забыться въ вихрѣ страстей своихъ. Въ то время я узнала молодого человѣка. О! Онъ запретилъ мнѣ произносить его имя. Свято исполняю его волю.... Я осквернила бы это благородное имя, если бы дерзнула произнести его!... Словами нельзя выразить оскорбленія, которое я нанесла этому человѣку. Я обманула его, обманула такъ низко, такъ ужасно.... Не скажу вамъ, на что я рѣшилась, что я сдѣлала съ нимъ. Онъ былъ такъ молодъ, благороденъ, довѣрчивъ! Онъ мнѣ повѣрилъ. Ему въ голову не приходило, что можно такъ лгать, какъ я лгала. Онъ не зналъ, до какой степени можетъ унижить себя женщина. *(Закрываетъ лицо).*

МИЛЛЕРЪ. Раскаяніе, которое вы чувствуете теперь....

КАТЕРИНА. А ему — ему что за польза въ моемъ раскаяніи? Или... Произнесите утѣшительное слово спасенія! можетъ ли благородное сердце его простить меня?

МИЛЛЕРЪ. Не сомнѣвайтесь въ томъ.

КАТЕРИНА. О! благодарю васъ! *(Помолчавъ).* Обманъ мой скоро долженъ былъ открыться. Тогда.... Онъ взглянулъ на меня.... Не помню, что со мной было. Я почувствовала желѣзную руку его на плечѣ моемъ. Онъ, кажется, панесъ на меня ножъ.... О! зачѣмъ онъ не убилъ меня! Потомъ два — три презрительныхъ слова сорвались съ устъ его.... Онъ бросилъ мнѣ какія-то деньги.... запретилъ произносить его имя.... съ тѣхъ поръ я не видала его! Боже милосердый! *(Опускается въ кресла).*

ДАРЬЯ. Сударыня, вы замучите себя до смерти.

КАТЕРИНА *(отталкиваетъ Дарью, которая подошла къ ней).* Прочь, прочь! я не больна! Не чувствую теперь никакой боли. Докторъ, неужели я умру?

МИЛЛЕРЪ. Прежде всего вы должны успокоить себя.

КАТЕРИНА. Исполните ли вы мое порученіе?

МИЛЛЕРЪ. Какое?

КАТЕРИНА. Отыщете ли вы его?

МИЛЛЕРЪ. Вы должны сказать мнѣ его имя.

КАТЕРИНА. Этого я не могу! *(Бѣжитъ къ ларчику, и вынимаетъ письмо и медальюны).* Вотъ, вотъ! берите! Здѣсь написано его имя. Отдайте ему это письмо.... и портретъ его. Пусть онъ проститъ меня, если это возможно. О! какая боль въ груди!

(Надаетъ. Миллеръ поддерживаетъ ее, и сажаетъ въ кресла).

МИЛЛЕРЪ *(написавъ нѣсколько словъ).* На, возьми. Снеси это въ аптеку.

КАТЕРИНА. Нѣтъ, не отсылайте ея! Дарья! Я тебя уже не увижу. Дарья — благослови меня!

ДАРЯ. Барыня! Добрая моя барыня! *(Бросается къ ней)*. Открой свои глазки! Сударыня, я сбѣгаю за лекарствомъ. Богъ милостивъ.

МИЛЛЕРЪ *(пробуетъ пульсъ сперва у одной, потомъ у другой руки)*. Скопчалась.

ДАРЯ *(въ отчаяніи)*. Ахъ, Господи! Господи!

(Бросается съ воплями на колѣни передъ Катериной).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ОСИПОВЪ СЪ ДВОРНИКОМЪ.

ОСИПОВЪ. Я, вѣдь, докладывалъ вамъ, что его сіятельство повѣритъ мнѣ! Вотъ вамъ и отвѣтъ.

МИЛЛЕРЪ *(беретъ записку и читаетъ)*. «Домъ будутъ перестраивать къ свадьбѣ моего сына, — Больную женщину, которая, какъ я слышалъ, неодобрительнаго поведенія, прошу отсрочить въ богадѣльню на мой счетъ.»

ОСИПОВЪ. Четыре рубля въ мѣсяцъ! извольте получить деньги.

МИЛЛЕРЪ. Доложи князю, чтобы онъ не безпокоился. Она умерла.

ОСИПОВЪ. Умерла! Вотъ тебѣ разъ! *(Подходитъ къ Катеринѣ, и смотритъ на нее, потомъ бросается съ ноги доктору)*. Не погубите, ваше высокоблагородіе! Ужъ этого не говорите его сіятельству.

МИЛЛЕРЪ. Встань, злодѣй. Не мнѣ кланяться въ ноги, а ей. *(Хочетъ уйдти)*.

ДАРЯ. Батюшка! Чѣмъ я похороню свою голубушку?

МИЛЛЕРЪ. Возьми. *(Даетъ ей деньги)*.

ДАРЯ. Богъ наградитъ тебя.

МИЛЛЕРЪ *(Осипову)*. Какъ ее звали?

ОСИПОВЪ. Катерина Конари.

МИЛЛЕРЪ *(записываетъ въ бумажникъ)*. Катерина Конари.

(Запавъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1793 году въ Подмосковной деревнѣ Князя Заревскаго, спустя полтора года послѣ пролога.

Очень богато убранная зала. Фамилыныя портреты, старинная бронза, фарфоръ и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ (*съ большимъ портфелемъ*) ОСИПОВЪ (*выходитъ въ главную дверь*).

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. И такъ Его Сіятельство не изволилъ еще выходить?

ОСИПОВЪ. Не доложить ли Князю? Я знаю, что они ждутъ васъ.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Нѣтъ, нѣтъ... Я подожду... Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго?

ОСИПОВЪ. Все по старому... А вы хорошія ли вѣсти привезли намъ, Карлъ Карловичъ? Вы нынче что-то секретничаете.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Осторожность, любезный Тарасъ Осипычъ, осторожность! Секрету тутъ большаго теперь ужъ нѣтъ... Сегодня еще пріѣдетъ къ вамъ гость. (*Нюхаетъ табакъ*). Съ вашимъ умомъ вы конечно сейчасъ смекнете, въ чемъ дѣло.

ОСИПОВЪ. То есть.... того — касательно княжны-съ?

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Хе! хе! хе! — Истинный вы дипломатъ? Не прикажете ли? (*Подчуетъ его табаконъ*).

ОСИПОВЪ (*беретъ, и чихаетъ*). Знатный у васъ табакъ.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Настоящій Шпаніоль, почтеннѣйшій. Покойный Король Прусскій, Великій Фридрихъ, другаго не употреблялъ. Ну скажите-ка, въ хорошемъ-ли расположеніи духа Его Сіятельство?

ОСИПОВЪ. Нельзя сказать, чтобы слишкомъ въ хорошемъ. Сами знаете, со смерти молодого князя...

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Да, да... Пренесчастный случай! Скажите, пожалуйста, вы тогда находились при Его Сіятельствѣ?

ОСИПОВЪ. Какъ-же-съ, я не отлучно при Его Сіятельствѣ. Мы ѣздили въ Петербургъ покупать для молодого князя домъ. Со всѣмъ уже отдѣлани, мебель была разставлена, осталась недѣля до свадьбы. Вдругъ молодой князь занемогъ, и въ третій день скончался... Правду сказать, старикъ съ горя чуть съ ума не сошелъ. До сихъ поръ не можетъ забыть.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Оно конечно такъ... Дочка осталась, слава Богу... Въ добромъ ли здоровьѣ Ея Сіятельство, княжна Ольга Петровна?

ОСИПОВЪ. Слава Богу.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Гдѣ же онѣ?

ОСИПОВЪ. Княжна каждое утро нѣсколько часовъ разъѣзжаетъ верхомъ.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Ея Сіятельство настоящая царица амазонкъ. Мы знаемъ. Богатая невѣста, отличная невѣста, первая невѣста въ Москвѣ! Легко сказать! Кому лучше извѣстны дѣла князя Заревского, какъ не мнѣ? Ни грошу долга! А въ нынѣшнее время, слыханное ли это дѣло? Имѣніе хорошее, солидное, огромное.

ОСИПОВЪ. Нельзя жаловаться... Вы вчера поздно выѣхали изъ Москвы?

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Часовъ въ шесть вечера.

ОСИПОВЪ. А что слышно про войну?

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Пока все смирно. А новенькаго ничего у васъ нѣтъ?..

(Входитъ Князь въ боковую дверь. Онъ въ шитомъ кафтанѣ, со звѣздой. Осиповъ, поклонившись въ полъ, уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

КНЯЗЬ И КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ.

князь. А! здравствуй... По послѣднему письму, я ждалъ тебя еще вчера.

карлъ карловичъ. Виновать, Ваше Сіятельство... Никакъ нельзя было раньше...

князь. Ну, что?

карлъ карловичъ. Приѣдетъ... сегодня еще.

князь. Сегодня? *(Закрываетъ лице)*. О! мой бѣдный сыщъ? Я долженъ замѣнить тебя чужимъ!

карлъ карловичъ. Прекрасный молодой человекъ, отличный молодой человекъ! Такъ обрадовался! Онъ и не слыхалъ никогда, что имѣетъ счастье быть нѣсколько съ родни Вашему Сіятельству. Тотчасъ согласился приѣхать, хоть сейчасъ со мной.

князь *(горько)*. Я вѣрю... Однако ты ничего не сообщилъ ему о моихъ планахъ?

карлъ карловичъ. Сохрани Боже!

князь. Но главное дѣло въ томъ, чтобы всѣ документы были въ порядкѣ. Утверждены ли они герольдіей?

карлъ карловичъ *(раскрывая портфель)*. Извольте удостовѣриться сами, Ваше Сіятельство.

князь. Точно ли этотъ Владиміръ Заревскій происходитъ отъ общаго родоначальника нашей фамиліи?

карлъ карловичъ. Точно такъ, точно такъ... Извольте видѣть: *(Раскладывая на столъ разныя бумаги)*. При Великомъ Князѣ Московскомъ Іоаннѣ Васильевичѣ выѣхалъ въ Россію изъ Нѣмецкаго государства мужъ доблій, по имени Заръ. Вотъ и общій родоначальникъ вашъ. У рѣченнаго мужа было два сына: старшій былъ пожалованъ бояриномъ, отъ него и ведется родъ князей Заревскихъ. А отъ меньшаго брата происходятъ столбовые дворяне Заревскіе, въ послѣдствіи времени обѣднѣвшіе. Гербоу общій... Капитанъ-Лейтенантъ Владиміръ Николаевичъ Заревскій, послѣдняя отрасль этой линіи, такъ какъ Ваше Сіятельство личіи княжеской.

князь. И такъ, усыновивъ его, я буду имѣть право просить о передачѣ ему и моего титула?...

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Совершенно такъ. Особливо, если согласит-
ся Ея Сіятельство...

КНЯЗЬ. Молчи. (*Ходитъ по комнатѣ*). Ты видѣлъ этого че-
ловѣка?

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Какъ-же-съ. Я говорилъ Владиміру Нико-
лаевичу, что Ваше Сіятельство, услышавъ о существованіи даль-
няго родственника, поручили мнѣ отыскать...

КНЯЗЬ. Хорошо... Ты назвалъ его прекраснымъ, благород-
нымъ.... Это... такъ только?... Я знаю тебя...

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. О нѣтъ! Они пользуются самой отмѣнной
репутацией.... И также по этому предмету представлены мною
разныя письма лицъ, достойныхъ довѣрія...

КНЯЗЬ. Въ паружности его нѣтъ ничего непріятнаго?

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Молодецъ!.. Только...

КНЯЗЬ (*съ безпокойствомъ*). Говори...

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. На-счетъ деликатности въ обращеніи.... Мо-
рякъ-съ! Вашему Сіятельству извѣстно... Манеры... ужъ не сто-
личные...

КНЯЗЬ (*походивъ по комнатѣ, звонитъ*).

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Ваше Сіятельство, не благоугодно ли вамъ
будетъ просмотрѣть счетецъ, издержаннымъ по этому дѣлу сум-
мамъ?

КНЯЗЬ. Послѣ. (*Входитъ слуга*).

КНЯЗЬ. Попросить ко мнѣ княжну, если она возвратилась съ
прогулки. (*Слуга уходитъ*).

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Смѣю увѣрить, Ваше Сіятельство, что ни
одна копѣйка лишняя...

КНЯЗЬ. Прибавь къ счету такую же сумму за свои труды.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Всенижайше благодарю, Ваше Сіятельство.

КНЯЗЬ. Ты думаешь, что онъ еще сегодня пріѣдетъ?

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Владиміръ Николаевичъ хотѣлъ ночью выѣ-
хать изъ Москвы.

КНЯЗЬ. Гдѣ онъ жилъ до сихъ поръ?

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Они находились на дѣйствительной службѣ
во флотѣ на Дунаѣ и въ Черномъ Морѣ. Теперь они хотѣли бы-
ло отправиться въ отпускъ въ деревню, къ матери.

КНЯЗЬ. У него есть мать?

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Старушка... живетъ въ деревнѣ — всего-то,
совѣстно сказать, двѣнадцать душъ. Владиміръ Николаевичъ по-
сылаетъ ей половину своего жалованья.

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ-ЖЕ И ОЛЬГА (она въ амазонкѣ).

ОЛЬГА (бросается къ отцу, и цѣлуетъ у него руку). Здравствуйте, папенька.

КНЯЗЬ. Здравствуй, моя милая дочь, моя Ольга.

ОЛЬГА. Я виновата, опоздала къ завтраку. Сегодня такое пресестное утро! Я поѣхала дальше обыкновеннаго... Что я вижу! Карлъ Карловичъ!

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Имѣю честь кланяться Вашему Сіятельству.

ОЛЬГА. Здравствуйте! Давно ли изъ Москвы? Что тамъ новаго? Разказывайте поскорѣе... Привезли ли новыя газеты? Да вы сами лучшая газета.... Что тетенька, княгиня Анна Федоровна? Что дяденька, князь Илья Петровичъ? Что кузины? Что играли на театрѣ? Кто поссорился? Кто помирился? Кто выигралъ? Кто проигралъ? Кто съ кѣмъ танцевалъ? Виновата, лѣтомъ не танцуютъ. Ну, кто съ кѣмъ гулялъ на бульварѣ? Что пишутъ изъ Петербурга? Что новаго при дворѣ? Что наша армія? Что Турки? Что Австрійцы? Ну, Боже мой! Да отвѣчайте же!

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Ваше Сіятельство такъ много изволите спрашивать разомъ...

ОЛЬГА. Знаете ли новость? Графъ Викторъ Ивановичъ живетъ въ деревнѣ, въ пяти верстахъ отъ насъ. Поѣзжайте скорѣе къ нему, подѣлитесь съ нимъ запасомъ вашихъ новостей. Онъ бѣдный совсѣмъ соскучился... Вообразите, панаша, онъ съ отчаянія сталъ ѣздить на охоту, и до сихъ поръ не затравилъ ни одного зайца, и не убилъ ни одной птицы. Еще есть новость, Карлъ Карловичъ: сѣрый попугай умеръ! Я грустила о немъ цѣлыя сутки.

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ. Скажите, пожалуйста! Бѣдная птица!

КНЯЗЬ. Ольга!

ОЛЬГА. Да, папенька.

КНЯЗЬ. Я позвалъ тебя, чтобы поговорить съ тобой — о дѣлѣ.

ОЛЬГА. О дѣлѣ! Со мной никогда еще не говорили о дѣлахъ. Миѣ очень любопытно. Извольте, папенька; я васъ слушаю.

КНЯЗЬ. Это дѣло очень важно. Оно касается тебя.

(Онъ дѣлаетъ знакъ Карлу Карловичу, который уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

КНЯЗЬ, ОЛЬГА.

князь. Садись сюда, возлѣ меня. Вотъ такъ. — Теперь говори мнѣ откровенно, моя милая дочь: у тебя нѣтъ ли отъ меня какихъ-нибудь секретовъ?

ольга. Секретовъ? (*вздыхаетъ*). Ахъ! даже ни одного нѣтъ. Это довольно скучно.

князь. Ты смотришь на этотъ разговоръ, какъ на шутку, но я говорю тебѣ, что ты должна быть со мной откровенна. Отъ этого зависить счастье твоей жизни.

ольга Папенька, вы испугали меня.

князь. Будь спокойна; только скажи мнѣ: свободно ли твое сердце?

ольга. Мое сердце? Оно свободно, какъ птица въ лѣсу. Къ чему вы мнѣ дѣлаете этотъ вопросъ, папенька? Неужели вы намѣрены...

князь. Безъ твоего согласія я ничего не намѣренъ сдѣлать. Я люблю тебя больше всего на свѣтѣ. Кромѣ тебя я никого не люблю. — Послѣ смерти твоего брата... (*Она встаетъ, въ волненіи*).

ольга. Милый папенька! Зачѣмъ вы возобновляете въ себѣ это горестное воспоминаніе? Мы должны покориться волѣ Божіей.

князь. Я покорился ей. — Послушай, Ольга, я старъ, можетъ быть, скоро умру.

ольга. Не говорите этого, ради Бога... умоляю васъ!

князь. Я послѣдній своего рода. Со мной пресѣчется фамилія князей Заревскихъ, одной изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Понимаешь ли ты, что эта мысль терзаетъ меня, отнимаетъ у меня спокойствіе? Твоему будущему мужу, я долженъ буду передать — передать въ чужой родъ все свое богатство, которое я берегъ столько лѣтъ для сына! — Родовое имя наше исчезнетъ навсегда изъ списковъ русскаго дворянства; чужіе воспользуются наслѣдіемъ нашихъ предковъ! чужой родъ возвысится, обогатится уничтоженіемъ нашего! мнѣ нельзя будетъ любить твоего мужа, если онъ будетъ носить чужое имя.

ольга. Папенька, я никогда не выйду за мужъ, если этимъ огорчу васъ.

князь. Ты не поняла меня. Послушай: у насъ есть дальній родственникъ... потомокъ общаго родоначальника нашей фамилии. Онъ для насъ не чужой. Я пригласилъ его къ намъ... Я жду его... онъ прѣдетъ.

ольга. Такъ что же?

князь. Ольга, дай мнѣ руку. — Я тебя ни къ чему не принуждаю... Ты это знаешь... Но я желаю — я даже не желаю — я только такъ говорю... Если ты выйдешь за этого чело-вѣка, нашъ родъ снова процвѣтетъ.

ольга. Но вѣдь для этого надобно, чтобъ онъ мнѣ понравился.

князь. А если онъ тебѣ не понравится?

ольга. Папенька, можетъ быть, я васъ не совсѣмъ поняла! Если онъ мнѣ не понравится, тогда, кажется, мнѣ не зачѣмъ и выйти за него? Но если вы этого желаете, папенька, если это такъ должно быть... Говорите же, папенька.

князь. Онъ чело-вѣкъ съ благородной душой, храбрый офицеръ, меня увѣряли. Вотъ и письмо, въ которомъ пишутъ про него (*разбираетъ бумаги, оставленные Карломъ Карловичемъ*). А! письмо отъ его начальника. (*читаетъ*) «Русскій флотъ гордится капитанъ-лейтенантомъ Заревскимъ.»

ольга. Онъ служитъ во флотъ?

князь. Ты этимъ недовольна?

ольга. Совсѣмъ нѣтъ. Какъ же его зовутъ, папенька?

князь. Владимір Николаевичъ Заревскій.

ольга (*подумавъ*). Ему, вѣдь не извѣстно, что его хотятъ женить на мнѣ?

князь. Онъ ничего не знаетъ.

ольга. А! Вы этимъ успокоили меня. — Папенька, любезный папенька! Скажите же мнѣ, непременно ли вы желаете, чтобы я вышла за него?

князь. Ольга! я желаю этого въ такомъ только случаѣ, если этотъ бракъ составитъ твое счастье.

ольга. Этого я еще сама не знаю, и потому, позвольте ли мнѣ ничего не обшчатъ вамъ?

князь. Благодарю тебя, что ты не отнимаешь у меня надежды.

каръ карловичъ (*просунувъ голову въ дверь*). Прѣхаль, Ваше Сіятельство! прѣхаль!

ОЛЬГА. Кто пріѣхалъ?

КНЯЗЬ. Онъ.

ОЛЬГА. Уже! Такъ неожиданно!

КНЯЗЬ. Я приму его одинъ. Но я скоро пошлю за тобой.

(Ольга уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

КНЯЗЬ, ПОТОМЪ ВЛАДИМИРЪ И ГРИШКА.

КНЯЗЬ *(одинъ)*. Въ рукахъ этого человѣка судьба моей дочери. — Не ошибусь ли я въ немъ? Боже! передъ лицомъ твоимъ ничтожны всѣ разсчеты людей!

(Владимиръ входитъ быстро; онъ въ разстегнутомъ сертукѣ. Гришка вноситъ чемоданъ, трубку и кيسетъ, положивъ эти вещи на стулъ, онъ уходитъ. Карлъ Карловичъ остается около дверей).

ВЛАДИМИРЪ *(идетъ къ князю и хочетъ обнять его)*. Здравствуйте, любезнѣйшій дядюшка! я радъ отъ всей души познакомиться съ вами.

КНЯЗЬ. Остановитесь, молодой человѣкъ. Наши родственныя связи не такъ близки, какъ вы, можетъ быть, полагаете.

ВЛАДИМИРЪ. Ну, ужъ это вамъ должно быть лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ. Признаться откровенно, я предъ этимъ во всю жизнь свою ни слова не слыхалъ про васъ.

КНЯЗЬ. Какъ бы то ни было, я благодарю васъ, что вы исполнили мое желаніе, согласившись пріѣхать ко мнѣ.

ВЛАДИМИРЪ. За это, кажется, и благодарить меня не стоитъ. Мнѣ объявили, что у меня есть родственникъ, дядя, желающій видѣть меня: я поспѣшилъ къ нему. Что можетъ быть натуральнѣе этого? Теперь вы говорите, что насъ не связываютъ узы родства, что же вамъ угодно?

КНЯЗЬ *(беретъ его за руку)*. Выслушайте меня: у меня былъ сынъ. Я лишился его. — Послѣ его смерти остался я послѣднимъ въ нашемъ родѣ. Тогда узналъ я, что существуетъ потомокъ другой линіи фамиліи Заревскихъ. Этотъ потомокъ—вы. Я призвалъ васъ, чтобы отдѣлить вамъ часть моего имѣнія, снабдить васъ средствами поддержать старинный блескъ нашего дома. Вотъ мои намѣренія.

ВЛАДИМИРЪ. Часть вашего имѣнія? Начто оно мнѣ?

КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ (*про себя*). Аи! чудака какой!

КНЯЗЬ. Неужели вы чужды всякаго честолюбія?...

ВЛАДИМИРЪ. Честолюбія... Значеніе этого слова, изволите видѣть, очень относительно. Нѣтъ, я не чуждъ честолюбія. Я горжусь отличіями, прибрѣтенными мною на службѣ; горжусь уваженіемъ и любовью ко мнѣ товарищей; горжусь именемъ честнаго человѣка.

КНЯЗЬ. Все это очень понятно. Я раздѣляю ваши чувства. Но не забудьте, что богатство и знатность откроютъ вамъ новыя средства съ бѣльшею пользою употреблять ваши таланты, потому что кругъ вашихъ дѣйствій сдѣлается обширнѣе.

ВЛАДИМИРЪ. Можетъ быть. Но я не богатъ, и не знатенъ.

КНЯЗЬ. Я предлагаю вамъ и то, и другое.

ВЛАДИМИРЪ. Гмъ! что же вы хотите изъ меня сдѣлать? и какія надежды вы основываете на мнѣ! не находите ли вы въ какомъ-нибудь заблужденіи на мой счетъ? — Послушайте: я получилъ очень простое воспитаніе, мои познанія очень ограничены: умѣю управлять кораблемъ, готовъ каждую минуту умереть за Царя и Россію! Вотъ и все! за что же вы хотите отдать мнѣ ваше имѣніе? и, въ замѣнъ того, чего же вы требуете отъ меня?

КНЯЗЬ. Я требую только, чтобы вы жили со мной нѣкоторое время, не покинули бы меня на старости. Ты забылъ, молодой человѣкъ, что у меня нѣтъ уже сына!

ВЛАДИМИРЪ. О! это понятно моему сердцу? — И у меня есть старушка-мать, которую я люблю всей силой души своей! Я буду счастливъ, очень счастливъ, если удастся мнѣ заслужить хотя небольшую часть той привязанности, которую покойный сынъ вашъ увезъ съ собой въ могилу. Если вы для этого призвали меня, тѣмъ лучше! извольте — извольте! останусь у васъ. Отпускъ мой продолжительный. — Съѣзжу къ матери — приѣду опять къ вамъ, вы узнаете меня. Понравлюсь вамъ: прекрасно! мнѣ все равно, гдѣ ни жить на свѣтѣ. Кромѣ матери, у меня нѣтъ родныхъ. Очень радъ, что нашелъ еще человѣка, который будетъ принимать участіе во мнѣ, которому самъ пригожусь на что-нибудь. По рукамъ, дядюшка! Не правда ли, я стану называть васъ дядюшкой? А меня зовутъ Владиміромъ. — Такъ ли я васъ понялъ! Дайте мнѣ руку.

КНЯЗЬ. Благодарю.

ВЛАДИМИРЪ. А что касается до вашихъ богатствъ, до вашего имѣнія, распоряжайтесь имъ, какъ вамъ угодно. Вѣрно у васъ есть

родственники; можетъ быть, родные племянники. Они законные наследники ваши, не я.

князь. У меня есть дочь.

владимиръ. Ба! я этого не зналъ. Ну вотъ, видите ли, дядюшка? это измѣняетъ значительно дѣло. Все должно принадлежать вашей дочери. Мнѣ ничего не нужно. *(Съ удареніемъ)*. Ваша дочь выйдетъ за-мужъ, вступитъ въ чужую семью, должна будетъ оставить васъ. Это въ порядкѣ вашей, всегда такъ бываетъ. Но не бойтесь, я ужъ останусь у васъ, если не раздумаете. Чувствую, что полюблю васъ искренно, хотя вы съ виду, дядюшка, немножко строги и горды — Ну, виновать! У меня что на душѣ, то и на языкѣ! Дочь ваша мнѣ будетъ сестрой, мужъ ея братомъ, *(про себя, серьезно)*. Ужъ не разчитываетъ ли дядюшка выдать за меня свою дочку — горбатую или косую?

князь. Я гордъ? Развѣ желаніе сохранить въ потомствѣ свое имя — славное имя своихъ предковъ — развѣ это гордость? Отвѣчайте же!

владимиръ. О! Я не хотѣлъ оскорбить васъ....

князь. Вы меня не оскорбили. *(Помолчавъ)*. Теперь позвольте мнѣ представить васъ моей дочери. *(Онъ звонитъ; входитъ Карлъ Карловичъ)* Попроси ко мнѣ княжну. *(Карлъ Карловичъ уходитъ)*.

князь. Моя дочь, избалованное дитя. Не знаю.... какъ вамъ сказать? не знаю, будете ли вы умѣть обращаться съ нею?

владимиръ. О Боже мой! Этого и я также не знаю: обращаюсь со всеми одинаково. Что можетъ быть скучнѣе притворства? Увѣряю васъ, притворятся полчаса — мучительнѣе, чѣмъ пробить дѣльи сутки въ узкихъ сапогахъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ОЛЬГА въ богатомъ платьѣ, съ напудренными волосами,
КАРЛЪ КАРЛОВИЧЪ отворяетъ ей двери.

князь. Вотъ моя дочь. *(Дочери)*. Нашъ дальній родственникъ, Владимиръ Николаевичъ Заревскій. *(Ольга важно присѣдаетъ. Владимиръ, нѣсколько смутившись, кланяется неловко)*. Позвольте мнѣ оставить васъ на короткое время. Я долженъ заняться

своими дѣлами (*Карлу Карловичу*). Спешитъ эти бумаги въ мой кабинетъ. (*Онъ уходитъ, Карлъ Карловичъ за нимъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII

ОЛЬГА, ВЛАДИМИРЪ.

ОЛЬГА (*про себя*). Боже мой! отчего папенька уходитъ? Что мнѣ сказать ему? Онъ не начинаетъ разговора. (*Вслухъ*) Не угодно ли вамъ садиться (*Садится сама*).

ВЛАДИМИРЪ. Покорно благодарю.

ОЛЬГА (*про себя*). Будущаго мужа своего я представляла себѣ иначе.

ВЛАДИМИРЪ (*про себя*). Она не горбата и не коса. Съ груди моей спалъ камень. Такія невѣсты не долго ждуть жениховъ.

ОЛЬГА. Любите ли вы деревенскую жизнь? я боюсь, чтобы вы не соскучились у насъ.

ВЛАДИМИРЪ. Морякъ не скоро соскучится. Жизнь на морѣ иногда очень однообразна. Но соскучиться здѣсь, съ вами... это, кажется, невозможно. Знаете ли вы, сударыня, т. е. милая сестрица... Я долженъ сказать вамъ, что вашъ батюшка позволилъ мнѣ называть его дядюшкой — и такъ, милая сестрица, я хочу признаться вамъ, что я очень и очень обрадовался, когда увидѣлъ васъ.

ОЛЬГА. А!

ВЛАДИМИРЪ. Повѣрьте. И знаете ли отчего?

ОЛЬГА. Я буду очень рада, если скажете мнѣ.

ВЛАДИМИРЪ. Оттого, что вы необыкновенно хороши собой.

ОЛЬГА (*встаетъ*). Вы очень откровенны.

ВЛАДИМИРЪ. Ха! ха! ха! Другая на вашемъ мѣстѣ, отвѣчала бы: не вѣрю вамъ, вы не откровенны, я не хороша; буду еще откровеннѣе: мнѣ десять назадъ, я былъ въ большомъ страхѣ; видите ли, сестрица, я забралъ было себѣ въ голову, что вашъ батюшка хочетъ меня женить на васъ.

ОЛЬГА (*испуганная*). Что за мысль? Съ чего вы это взяли?

ВЛАДИМИРЪ. Теперь я вижу свою ошибку! Ха! ха! ха! Васъ конечно за меня не отдадутъ, и вы сами не пойдете! Ха! ха! ха!

ОЛЬГА. Однако я нахожу страннымъ, что это васъ такъ ра-

дуетъ... по крайней мѣрѣ, что вы мнѣ въ этомъ признаетесь... это... это...

владимиръ. Вы хотите сказать, что это неучтиво. Согласенъ. Но, милая сестрица, бракъ мнѣ такъ же мало приличенъ, какъ земля рыбѣ.

ольга. Но папенька никогда объ этомъ и не думалъ. Развѣ онъ не сказалъ вамъ, что какіе-то фамильные расчеты...

владимиръ. Знаю, знаю.

ольга. Но во всякомъ случаѣ, я вамъ очень благодарна, что вы такъ откровенно объяснились со мной. Теперь я признаюсь вамъ въ свою очередь, что и меня затрудняло нѣсколько...

владимиръ. Видите ли, какъ я прекрасно сдѣлалъ, я и васъ вывелъ изъ затруднительнаго положенія. Вы вѣрно чертовски боялись... (впихнуть, сестрица!) Вы вѣрно очень боялись найти во мнѣ нескромнаго претендента на вашу хорошенькую ручку?

ольга. Можетъ быть.

владимиръ. Но теперь будемъ-те же, какъ братъ и сестра! И я ручаюсь вамъ, что намъ будетъ очень весело. Невозможность брака между нами избавляетъ насъ отъ многихъ лишннихъ церемоній, которыхъ я терпѣть не могу.

ольга. Эта невозможность, кажется, васъ очень обрадовала?

владимиръ. Вы не повѣрите, какъ!

ольга (*про себя*). Этимъ онъ мнѣ однако не дѣлаетъ комплимента. (*Вслухъ*). Надобно подумать, любезный братецъ....

владимиръ А! спасибо за это слово! Позвольте мнѣ поцѣловать у васъ ручку, сестрица.

ольга. Съ удовольствіемъ. Я хотѣла сказать, что намъ надобно подумать, какъ бы повеселѣе провести время. Любите ли вы верховую ѣзду? Да мнѣ все равно, любите ли вы ее или нѣтъ: каждое утро вы будете ѣздить со мной. Лучше спросить: умѣете ли вы ѣздить?

владимиръ. Кавалеристъ не признаетъ меня хорошимъ ѣздокомъ, но я съ лошади не упаду.

ольга. Это достаточно. Приѣхавши домой, мы будемъ завтракать. Потомъ около часа займемся чтеніемъ. У папеньки большая библиотека. Вы мнѣ прочтете всѣ трагедіи Расина.

владимиръ. Я не знаю по-французски.

ольга. Вы не знаете по-французски! (*Помолчавъ*). Это очень дурно. Надобно выучиться.

владимиръ. Выучите меня.

ольга. Хорошо. А вы чему выучите меня?

ВЛАДИМИРЪ. Не знаю.... Нѣтъ ли здѣсь по близости рѣки?
ОЛЬГА. Есть, и довольно большая, она протекаетъ черезъ нашъ садъ.

ВЛАДИМИРЪ. Ну, я васъ выучу править рулемъ.

ОЛЬГА. Чудесно! А зимой?

ВЛАДИМИРЪ. Къ зимѣ мой отпускъ кончится.

ОЛЬГА. А потомъ?

ВЛАДИМИРЪ. Потомъ я возвращусь къ своей должности.

ОЛЬГА. Куда же вы должны ѣхать для этого?

ВЛАДИМИРЪ. Довольно далеко. На югъ, къ Черному Морю.

ОЛЬГА. Весело ли вамъ тамъ?

ВЛАДИМИРЪ. Какъ случится.

ОЛЬГА. Но папенька, кажется, хотѣлъ просить васъ остаться у него.

ВЛАДИМИРЪ. Послѣ, послѣ. Еще я долженъ послужить. Рано еще для меня остаться на одномъ мѣстѣ.

ЛАКЕЙ (*входитъ, и докладываетъ*). Графъ Викторъ Ивановичъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ГРАФЪ.

ГРАФЪ (*въ охотничьемъ платьѣ*). Pardon, mademoiselle, d'avoir osé me présenter chez vous en ce costume.

ОЛЬГА. Ah mon Dieu! Vous oubliez toujours, monsieur, que nous sommes à la campagne.

ГРАФЪ. Oh que non! A chaque instant...

ОЛЬГА. Виновата, будемъ-те говорить по-русски. Мой... право, не знаю степени нашего родства? Словомъ, мой братецъ Владимиръ Николаевичъ не любитъ французскаго языка.

ГРАФЪ (*кланяется Владимиру*). М-г, je suis enchanté de faire...

ВЛАДИМИРЪ. Сестрица сказала вамъ, что я не умѣю говорить по-французски.

ГРАФЪ. Pardon, виноватъ. (*Оборачивается къ нему спиною*). Il est impossible, mademoiselle, qu'on soit plus malheureux à la chasse que moi. Imaginez...

ОЛЬГА. Вообразите.... Прикажете мнѣ переводить, графъ?

ГРАФЪ. Виноватъ! виноватъ! Представьте себѣ, княжна, рѣ-

нительно не могу убить ни малѣйшей птицы. Отказываюсь отъ охоты.

ОЛЬГА. Отъ танцевъ вы также отказались?

ГРАФЪ. Pour un homme c'est si insipide!

ОЛЬГА. Отъ службы также?

ГРАФЪ. Я отдалъ долгъ отечеству; служилъ три года.

ОЛЬГА. Что же вы намѣрены дѣлать теперь?

ГРАФЪ. Hélas! Я мечтаю о счастливой жизни за границей. Вы не были въ Италіи, княжна! Вы не знаете Венеціи, Неаполя! О! Неаполь! Вы не дышали этимъ ароматнымъ воздухомъ, вы не знаете итальянскаго неба, вы не слышали гармоническихъ звуковъ тамошняго языка!—Оттого вамъ нравится здѣсь, оттого вы можете жить здѣсь, быть довольными.... О!

ОЛЬГА. Я увѣрена, что я въ Италіи, во Франціи, и вездѣ, очень скоро соскучилась бы по нашей милой подмосковной.

ГРАФЪ. Jamais! Je vous en réponds.

(Владиміръ набиваетъ себѣ трубку, вырубаетъ огонь, садится въ уголь, и куритъ).

ОЛЬГА. Ну, отъ чего еще вы отказались?

ГРАФЪ. *(Ей почти на ухо)*. Не отказался я отъ надежды.... Вотъ что приковываетъ меня къ этимъ мѣстамъ.

ОЛЬГА. А по моему мнѣнію, ужъ если отказываться, такъ отказываться отъ всего.

ГРАФЪ. Стало быть, и отъ жизни, княжна?

ОЛЬГА. Отъ жизни? будто ужъ нѣтъ ничего дороже жизни?

ГРАФЪ. Да, вы правы: жизнь ничтожна. Она сдѣлается для меня несноснымъ бременемъ съ той минуты.... Понимаете ли вы меня?

ОЛЬГА. Нѣтъ.

ГРАФЪ. Боже мой! Вы осудили меня сегодня говорить по-русски — этотъ *rrrusский* языкъ такъ тяжелъ, такъ неповоротливъ! Моя ли вина, что не умѣю выразить на немъ чувствъ, терзающихъ мою душу... *(Вдругъ останавливается, и начинаетъ нюхать)*. Grand Dieu! Qu'est-ce que c'est que cela? *(Оглядывается)*. Вѣрять ли глазамъ своимъ? Онъ куритъ!.. въ нашемъ присутствіи, княжна! *(Подбѣгаетъ къ Владиміру, и хватается за трубку)*. Что вы дѣлаете? Княжна упадетъ въ обморокъ.

Владиміръ *(оттолкнувъ его, подходитъ къ Ольгѣ)*. Вамъ не пріятенъ запахъ табака, сестрица? Извините, я объ этомъ не подумалъ.

ольга. Курите.... курите! Я еще не знаю. (*Помолчавъ*). Нѣтъ, ничего. Вы можете курить.

владиміръ. Благодарю васъ.

графъ. Est-il possible!

владиміръ (*подходитъ къ Графу, и хватаетъ его крѣпко за руку*). Теперь позволяйте спросить у васъ, зачѣмъ вы дотронулись до моей трубки?

графъ. Что? Какъ? Что?

владиміръ (*зисметъ крѣпко его руку; сильнымъ и повелительнымъ голосомъ*). Я хочу знать, зачѣмъ вы дотронулись до моей трубки?

графъ (*силится освободить свою руку*). Я... я...

ольга (*испуганная*). Боже мой! Что это такое? Любезный братецъ, Графъ вѣроятно желалъ рассмотреть вашу трубку. Нѣтъ ли въ ней чего-нибудь необыкновеннаго?

владиміръ. Такъ ли?

графъ. Точно такъ.

владиміръ (*выпускаетъ его руку*). Мнѣ показалось, что вы хотѣли вынуть у меня трубку изъ рукъ... тогда бы.... Ха! ха! ха!... Вообще я не каждому позволяю дотронуться до этой трубки.

ольга. А! Я отгадала! въ ней что нибудь особенное.—А мнѣ позволите ли?...

владиміръ. Извольте, сестрица.—Обыкновенная турецкая трубка. Но я дорожу ею, потому что она досталась мнѣ отъ товарища, убитаго возлѣ меня на кораблѣ подъ Измаиломъ. А ему она подарена была Суворовымъ.

графъ. Princesse, j'ai l'honneur de vous saluer.

ольга. Ouand est-ce que nous aurons l'honneur de vous revoir?

графъ. Est ce... ce cousin le garderez vous longtemps?

ольга. Je l'espère. Mais que cela ne vous empêche pas de revenir.

графъ. Je vous salue, mademoiselle.

ольга. Venez demain.

владиміръ. Прощайте, до свиданія. Всѣ остальные мои трубки къ вашимъ услугамъ.

графъ. Благодарю, я не курю. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ОЛЬГА, ВЛАДИМИРЪ.

(Короткое молчаніе).

ОЛЬГА. У васъ долженъ быть очень вспыльчивый характеръ?
ВЛАДИМИРЪ. Нѣтъ.

ОЛЬГА. Вы испугали меня. Мнѣ стало жаль бѣднаго графа. Онъ весь поблѣднѣлъ. *(Помолчавъ)*. О чемъ вы задумались? Еще четверть часа назадъ, вы были такъ веселы.

ВЛАДИМИРЪ. Я задумался о смерти товарища.

ОЛЬГА. Онъ былъ вашимъ другомъ?

ВЛАДИМИРЪ. Если хотите, да. Мнѣ пришла въ голову мысль, что такая смерть завидна.

ОЛЬГА. Развѣ вы желаете умереть?

ВЛАДИМИРЪ. Нѣтъ, я люблю жизнь. Я доволенъ своей судьбой. Люблю море. По цѣлымъ часамъ сижу иногда на русленяхъ, и безъ вниманія, безъ мыслей, машинально слѣжу за полетомъ чайки.—Мнѣ пріятно распоряжаться на моемъ суднѣ, командовать моими матросами. Опасности войны для меня привлекательны. Когда удастся получить отпускъ, съ наслажденіемъ провожу нѣсколько недѣль у матушки. Простыя пьесы ея читаю съ восхищеніемъ. Я счастливъ.

ОЛЬГА. Но не думаете ли вы, что это счастье можетъ быть нарушено чѣмъ-нибудь?

ВЛАДИМИРЪ. Не думаю.

ОЛЬГА. Развѣ нѣтъ людей, дорогихъ вашему сердцу, которыхъ потеря огорчила бы васъ?

ВЛАДИМИРЪ. Матушка стара; я привыкъ къ мысли, что долженъ ей лишиться. Больше я ни съ однимъ человѣкомъ не бывалъ такъ долго знакомъ, чтобы подѣлиться съ нимъ счастьемъ. Дружба наша бывала всегда однимъ днемъ, отнятымъ мимоходомъ у опасностей моря или войны. Къ чему предаваться сильной привязанности къ кому-нибудь, когда поминутно должно расставаться? Я это считаю слабостью.

ОЛЬГА. Можетъ быть, вы правы. Расскажите мнѣ вашу прежнюю жизнь? *(Она садится)*.

ВЛАДИМИРЪ. Ее можно рассказать въ трехъ словахъ. Насъ было

пять братьевъ. Матушка воспитывала насъ, какъ могла. Четверо умерло. Я сдѣлался морякомъ, по собственной склонности. Въ службѣ мнѣ посчастливилось. (*Помолчалъ*). Больше рассказывать нечего.

ольга. По этому вы никогда не любите? Извините, братецъ, мой вопросъ нескромный; но не сами ли вы просили меня быть съ вами, какъ сестра съ братомъ?

владимір. Извините. Я вамъ скажу истину. Разъ, меня заставили-было подумать, что я, не шутя, полюбилъ одну женщину, но.... покажи меня Богъ, если я въ самомъ дѣлѣ любилъ ее!

ольга. Расскажите мнѣ это.

владимір. Извините.... Тутъ есть неприятныя для меня воспоминанія.

ольга. Я должна просить у васъ извиненія. Можетъ быть, я разбудила какой-нибудь заснувшій упрекъ вашей совѣсти?

владимір. Нѣтъ. Честью увѣряю васъ, у меня нѣтъ на душѣ никакого упрека.

ольга. Я хотѣла сказать, что это, можетъ быть, сожалѣніе.

владимір. И того нѣтъ. Я тогда былъ очень молодъ и неопытенъ. Меня обманули. Въ этомъ заключается все. Но.... (*Въ бѣшенствѣ ударяетъ по столу*). Виноватъ. Милая сестрица, у меня очень грубыя привычки. Выучившись французскому языку, я отстану отъ нихъ. (*Помолчалъ*). Теперь я могу спросить, о чемъ задумались вы?

ольга. И такъ вы всѣхъ женщинъ обрекаете вашему презрѣнію и равнодушію?

владимір. Совѣмъ нѣтъ. Я утопилъ эту неудачу въ своей памяти. Но, съ тѣхъ поръ, я никогда не люблю женщины больше двухъ недѣль. Вѣтеръ отъѣзда задуваетъ любовь мою.

ольга. Но знаете ли вы, что вы мнѣ говорите ужасныя вещи?

владимір. Скажу вамъ больше: я люблю *всѣхъ* женщинъ, кромѣ старухъ и дурныхъ собою.

ольга. Я не ожидала.... Оставьте меня.

владимір. Если смѣю вамъ это говорить, то потому только, что вы для меня не женщина, и что.... Но я очень усталъ съ дороги. Я попрошу, чтобы мнѣ показали мою комнату. Хочу немного отдохнуть. Прощайте, сестрица, до свиданія. (*Хочетъ идти*).

ольга. Оставайтесь!

владимір. Извините. Я, право, очень усталъ. Прощайте. (*Уходитъ*).

Ольга (одна). Быть женою такого человѣка! О! никогда, никогда! (Уходитъ быстро).

(Занавѣсъ опускается).

=

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Великолѣпный садъ въ старинномъ вкусѣ. Въ глубинѣ рѣка съ высокимъ мостикомъ. За рѣкой видна чугунная рѣшетка. Съ правой стороны открытая бесѣдка, съ лѣвой кусты розановъ. Скамейки. Скоро послѣ поднятія занавѣса, показывается съ одной стороны зарево пожара.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аксинья, потомъ Осиповъ. (Аксинья, напѣвая пѣсню, черпаетъ лейкой изъ рѣки, и поливаетъ цветы. Потомъ является Осиповъ).
Осиповъ (подкрадывается сзади тихонько, и хватается ее вѣдругъ обѣими руками за талю). Бррррр!

Аксинья (испугавшись). Ой! ой! — Наше мѣсто свято!

Осиповъ. Доброга утра желаемъ, Аксинья Максимовна.

Аксинья. Вишь какой! перепугалъ какъ!

Осиповъ. Ужъ вы и разсердилась сейчасъ.

Аксинья. Вѣстимо разсердилась. Охота вамъ баловать, Тарасъ Осиповичъ! Лучше бы дѣломъ занялись!

Осиповъ. А вотъ — вотъ, пособлю вамъ поливать цвѣточки.

Аксинья. Не надо-съ. Сама справлюсь.

Осиповъ. Вы больно спѣсивы.

Аксинья. Ужъ я знаю-съ, пожалуйста.

Осиповъ. Эхъ, Аксинья Максимовна! охота вамъ было выйдти за крестьянина! Во дворѣ жили бы себѣ, да поживали! Что за житье-

то крестьянское? Вотъ и посылаютъ васъ на барщину. — А въ то время, знаете? когда я говорилъ вамъ, вы бы могли попасть и въ горничныя къ Ея Сіятельству Княжнѣ Ольгѣ Петровнѣ а тамъ.... вотъ ужъ истинно зажили бы припѣваючи!

аксинья. А кто мнѣ теперича не велитъ распѣвать пѣсни, хошь цѣлый день?

осиповъ. У васъ на все есть отвѣтъ. За словомъ въ карманъ не полезете.

аксинья. Не даромъ же Богъ далъ языкъ.

осиповъ. Ну, а коли бы я сталъ спрашивать, почему-де вы недѣльки три на работу-то не приходили?

аксинья. Ахти! Ужъ будто и впрямь не знаетъ!

осиповъ. Не знаю...

аксинья. И не слыхалъ отъ людей!

осиповъ. А что? Не слыхалъ, ей! ей!

аксинья. Да, вѣдь, Богъ младенца мнѣ послалъ! Въ то воскресенье окрестили.

осиповъ. Вотъ какъ! Хорошо же, Аксинья Максимовна! Со мной и покумиться не хотѣли.

аксинья. Куда намъ, Тарасъ Осипычъ! Да полно болтать! Надо дѣло кончить! *(Принимается опять поливать цветы).*

осиповъ. А здоровъ ли хозяинъ вашъ, Максимъ Игнатычъ?

аксинья. Слава Богу.

(Осиповъ опять хочетъ испугать ее).

аксинья. Ну ужъ!

осиповъ. Не сердитесь, пожалуйста. Я уйду. *(Про себя)* Погоди! я тебѣ припомню. *(Замытисъ зарево).* Вонъ какъ небо покрасиѣло! Пожаръ, что ли?

аксинья *(поливая цветы)*. Потушу лейкой.

осиповъ. Право, пожаръ!

аксинья *(Посмотрѣвъ въ ту сторону)*. Точно что пожаръ! — Охъ ты Господи! Кажись, съ нашей стороны!

осиповъ. Ужъ не въ деревнѣ ли загорѣлось?

аксинья *(бѣжитъ на мостъ)*. Помилуй, Господи! *(На мосту; всплеснувъ руками)*. Батюшки! батюшки! Изба горить! *(Съ крикомъ ужаса)*. Владыко небесный! Ребенокъ-то остался въ избѣ! Одна старуха слѣпая дома! — Охъ! охъ! спасите, спасите!

(Убѣгаетъ черезъ мостъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

ОСИПОВЪ (одинъ).

Раскричалась какъ, сердечная! (Попыхавъ табаку, идетъ на мостъ). Эвона! вся избушка-то такъ и пылаетъ! Сбѣжался народъ! Ай да молодцы! — Вонъ, вонъ! и наши ребята дворовые поскакали! Лихо! Вишь, огонекъ какъ весело по крышѣ соломенной разгуливаетъ! Валится, валится! Ну ужъ, если крикунишка ея остался тамъ, никакая сила не вытащить его оттуда! Ого! какая востроногая: прямо полемъ побѣжала! Прыгъ! черезъ ровъ, словно заяцъ! Прыгъ еще разъ! На отличку! (Смотритъ пристально). Эхъ, молодецъ! Не разберешь хорошенько! А баба-то! баба! какъ угорѣлая выдается во все стороны! Ха! ха! ха!

ЯВЛЕНИЕ III.

ОЛЬГА, ОСИПОВЪ, ПОТОМЪ КНЯЗЬ.

ОЛЬГА (входитъ съ безпокойнымъ видомъ; она въ простомъ платьѣ, волосы безъ пудры). Боже мой! Гдѣ пожаръ?

ОСИПОВЪ. Крайняя изба въ деревнѣ сгорѣла, ваше сіятельство.

ОЛЬГА. Знаетъ ли напечка? Посланы ли люди?

ОСИПОВЪ. Вотъ — его сіятельство вышли на крыльцо. Люди давно ужъ поскакали.

ОЛЬГА. А ты что же, Тарасъ?

ОСИПОВЪ. Да вотъ, ваше сіятельство, почти ужъ и кончилось. Вѣтеръ отъ деревни, по счастью. Его сіятельство идутъ сюда.

(Сходитъ съ моста. Лакей приноситъ чайный приборъ, который ставитъ въ беспядкѣ на столъ).

ОЛЬГА. А чья крайняя изба?

ОСИПОВЪ. Ваше сіятельство изволите ли помнитъ Аксинью, садовникову дочь, прошедшую осень что замужъ-то выдала?

ОЛЬГА. Очень помню. Она недавно встрѣтилась мнѣ. У ней премиленькій ребенокъ.

ОСИПОВЪ. Да-съ.

(Князь приходитъ).

ольга. Ахъ, папенька! (*Идетъ ему на встрѣчу*). Папенька, вы знаете? въ деревнѣ пожаръ.

князь. Я знаю. Ужъ успѣли и потушить. Одна изба сгорѣла.

ольга. Слава Богу! Я было испугалась. Здравствуйте, папенька.

князь. Здравствуй, моя милая Ольга! здравствуй. (*Осипову*). Отъ чего сдѣлался пожаръ?

осиповъ (*про себя*). Вотъ время попугать кумушку-то. (*Вслушъ*). Я давно хотѣлъ доложить вашему сіятельству.... Максимъ Игнатьевъ, изба-то чья сгорѣла, работу дурно исправляетъ, почти каждый день пьянъ.... Не мудрено и пожару случиться! — Не прикажете ли, ваше сіятельство, отправить его въ городъ, въ судъ?

князь. Непремѣнно. Въ этихъ случаяхъ должно быть строгимъ.

ольга. Я не хочу, чтобы этотъ крестьянинъ былъ наказанъ, если онъ и виноватъ.

князь (*смѣясь*). Ну, если ты не хочешь....

осиповъ. Такъ какъ прикажете, ваше сіятельство?

князь (*строго*). Развѣ ты не слышалъ, что княжна простила его? — Ступай.

осиповъ (*про себя*). Маху даль... Надо было обождать.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

КНЯЗЬ И ОЛЬГА.

ольга. Этотъ Тарасъ Осиповъ недобрый человекъ. — Не вѣрьте ему, папенька. А! Чай ужъ подали. Садитесь, папенька. (*Валиваетъ чашку и подаетъ ему*). Извольте.

князь. А сама ты не пьешь?

ольга (*оглядываясь*). Нѣтъ, я буду... (*Про-себя*). Что жъ онъ не идетъ?

князь. Кажется, ты ждешь кого-то?

ольга. Кого?

князь. Ты покраснѣла... моя дочь, я счастливъ, я очень счастливъ! — Не скрывайся больше передъ отцомъ твоимъ. Скоро ли ты обрадуешь меня признаніемъ, что нашла его достойнымъ твоей руки?

ольга. Ахъ папенька, этотъ шагъ такъ важенъ....

князь. Ужъ три недѣли живетъ онъ теперь съ нами, а этого человѣка можно узнать въ три дня. Я васъ наблюдалъ обоихъ. Ольга, неужели я ошибаюсь?...

ольга. Не знаю, папа!

князь. Ну хорошо, хорошо! Я тебя мучить не стану... но... Я знаю, ты о томъ слышать не хочешь, но все же это правда: Я ужъ очень не молодъ, мой другъ... Для меня каждый день дорогъ; теперь—теперь въ особенности! — Можетъ быть, это слабость, но во всякомъ случаѣ простибельная слабость: видишь-ли, Ольга, мнѣ хотѣлось бы полюбоваться своими внуками...

ольга (*подаетъ ему чашку*). Не угодно-ли вамъ еще?

князь. Рука твоя дрожить! На глазахъ навернулись слезы!... Что это значитъ? (*Встаетъ*). Послушай, мое дитя, если — о если ты сама не желаешь того!... Ты меня понимаешь, не правда-ли? Я не требую отъ тебя жертвы — ни малѣйшей! Нѣтъ, нѣтъ! Слышишь ли? Развѣ ты такъ мало знаешь своего отца?.. Скажи: что у меня осталось на землѣ, кромѣ тебя одной?... Успокойся, мой другъ. Не буду больше огорчать тебя своимъ безразсудными просьбами. Забудь, что я когда либо мечталъ объ этомъ союзѣ... Я самъ забуду....

ольга. Зачѣмъ? зачѣмъ?... Совсѣмъ нѣтъ!... Вы ошибаетесь, папенька!

князь (*беретъ ее за руку*). Ольга!

ольга. Только... Ну да, просто: не торопите меня, папаша! Я сама скажу вамъ.

князь. Кчему же эти слезы?

ольга. Ахъ, Боже мой! Вы этого не понимаете.

князь. Да, да!... Гдѣ намъ старикамъ понимать васъ?

ольга. Совсѣмъ не то!... Положимъ-те... я только такъ говорю, положимъ-те, что я бы согласилась...

князь. Ну?

ольга. А онъ бы нѣтъ!

князь. Ха! ха! ха! Такъ и ты, какъ всѣ женщины? Безъ маленькой хитрости никакъ не обойдется!

ольга. Какая хитрость!

князь. Ты говоришь одно, а думаешь другое... Виновать, что говорю это... такъ прямо. (*Беретъ ее за обѣ руки*). Ольга! Въ цѣлой Россіи едва ли сыщется человѣкъ, который не почиталъ бы за блаженство быть твоимъ супругомъ.

ольга. Оттого что я знатна, богата.

князь. Не оттого только... Я отецъ твой, но я скажу тебѣ, что за любовь твою многіе отдали бы жизнь свою.

ольга. Многіе?...

князь (*улыбался*). И я думаю, что и Владиміръ принадлежитъ къ числу этихъ многіхъ. Я полюбилъ этого человѣка: онъ добръ и благороденъ... Я это говорю потому, что ты не должна быть равнодушна къ мсему мнѣнію о немъ.... Прощай, мой другъ. До свиданія. (*Цалуетъ ее*). Не буду тебя торопить— не буду!... Я теперь спокоенъ, я счастливъ.

(*Онъ уходитъ. Съ нимъ встрѣчается горничная, которая, низко присѣвъ передъ нимъ, подходитъ къ князю*).

горничная. Ваше Сіятельство, вотъ книги, которыя вы изволили приказать принести.

ольга. Хорошо. Положи ихъ, пожалуйста, на столъ.

(*Горничная, положивъ книги, уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

ольга (*одна*).

Отчего онъ не идетъ?... Онъ даже не посылалъ сегодня утромъ узнать, поѣду ли я съ нимъ кататься? Это странно... Не боленъ ли онъ?... Онъ бы велѣлъ сказать. (*Шомочкавъ*). Милый папенька, неужели я не узнала давно, что онъ добръ и великодушенъ! Я это знаю слишкомъ хорошо.... Онъ хочетъ увѣрить меня, что не сотворенъ такъ, чтобы любить женщину.... Это не правда!... Но такая ли я женщина.... такая ли, которую онъ можетъ любить?... Онъ смотритъ на меня, почти какъ на ребенка... это досадно! Мало того.... онъ смѣется надо мной! О! это неспосно!.. Онъ не хочетъ открыть мнѣ своего сердца, думая, можетъ быть, что я не способна понять его чувства? Боже мой! — А! вотъ онъ!

(*Владиміръ приходитъ черезъ мостъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ВЛАДИМИРЪ И ОЛЬГА.

ольга (*садится въ бесѣдку, про себя*). Что онъ скажетъ? (*беретъ книгу, и перелистываетъ ее*).

владимиръ. Здравствуйте, сестрица.

ольга. Здравствуйте.

владимиръ. Пожалуйте мнѣ чашку чая.

ольга (*наливаетъ ему*). Чай совсѣмъ холодный.

владимиръ. Ничего.

ольга (*помолчавъ*). Мнѣ очень хотѣлось сегодня утромъ покататься не много верхомъ.

владимиръ. Поѣдемъ-те теперь.

ольга. Теперь ужъ поздно.

владимиръ. Послѣ обѣда.

ольга. Вы знаете, папенька любить послѣ обѣда бывать вмѣстѣ съ нами.

владимиръ. Завтра.

ольга. Ахъ, Боже мой! Вы обѣщали графу Виктору Ивановичу поѣхать съ нимъ завтра утромъ на охоту.

владимиръ. Я не поѣду.

ольга. Это будетъ очень нелюбезно съ вашей стороны. Вы слишкомъ часто уже отказывали графу.

владимиръ. Ну, послѣ завтра?

ольга. Послѣ завтра будетъ дурная погода.

владимиръ. Ха! ха! ха! Любезная сестрица....

ольга (*перебивая его*). Гдѣ вы были цѣлое утро?

владимиръ. На пожарѣ.

ольга (*съ радостью*). На пожарѣ! Боже мой! Отчего же вы это не говорили сейчасъ?

владимиръ. Вы не спрашивали.

ольга. Любезный братецъ! Какъ можно кушать холодный чай? Позвольте, я прикажу подать другой самоваръ. Гдѣ же ваша трубка? Отчего вы не курите?... Кто тамъ?... Всѣ люди разошлись.

владимиръ. Не безпокойтесь, сестрица. Вѣдь, я въ самомъ дѣлѣ виноватъ предъ вами. Изъ-за меня вы не ѣздили сегодня верхомъ.

ольга. Переставьте! Ахъ! у васъ рука подвязана! Ужъ не на пожарѣ ли?

владимиръ. Нѣтъ. Это маленькая царапина. Вчера спустил я неосторожно курокъ у ружья.

ольга. Такъ-ли?

владимиръ. Я васъ увѣряю. (*Простодушно*). Скажите, сестрица, отчего вы такъ обрадовались, когда я сказалъ вамъ, что былъ на пожарѣ?

ольга (*въ небольшемъ смущеніи*). Я... я... во первыхъ, я всѣмъ не *тѣмъ* обрадовалась.

владиміръ. Во вторыхъ?...

ольга (*бросается къ книгамъ*). Ахъ да, намъ прислали изъ Москвы новыхъ книгъ и журналовъ. Вотъ и послѣднее сочиненіе Державина. Прочтите мнѣ эти стихи, они такъ хороши.

владиміръ (*беретъ книги*). Я эти стихи уже читалъ. Я даже знаю ихъ наизусть.

ольга. Неужели! Но вы, кажется, говорили, что не любите много читать?

владиміръ. Это правда. Но если мнѣ что нравится, оно остается у меня въ памяти само собою.

ольга. Посмотримъ, не измѣнитъ ли вамъ память. Извольте говорить наизусть, вотъ съ этого мѣста: «Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь».

владиміръ (*встаетъ и декламируетъ*).

Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животь даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнца отъ тебя родятся;
Какъ въ мразный, ясный день, зимой,
Пылинки инея сверкають,
Вратятся, зыблются, сіяють,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ тобой.

Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ тобой сія,
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ тобою я?
Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры, умножа миллиономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ тобой — ничто.

ольга. Какъ хорошо! Какъ прекрасно! Съ какимъ чувствомъ вы прочли эти стихи, Владиміръ!

владиміръ. Пожалуйте мнѣ еще чашечку чая, сестрица.

ольга (съ маленькой досадою). Чаю? Сейчасъ.

(Идетъ въ бесѣдку).

владиміръ (про себя). Сегодня моя сестрица въ странномъ расположеніи духа.

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢ ЖЕ, АКСИНЬЯ.

аксинья (прибѣгаетъ черезъ мостъ, и, почти задыхаясь, бросается Владиміру въ ноги). Дай обнять твои ножки, кормилецъ мой, благодѣтель! Спасибо тебѣ, спасибо! Дай помолиться за тебя Господу Богу! Охъ! глаза горять, руки трясутся! Умилосердись, Господи! Батюшка, Владиміръ Николаевичъ, спасибо! Голубчикъ мой родной! Красавецъ! Дай поцѣловать твои ручки!

владиміръ. Кто ты такая? Что тебѣ нужно?

аксинья. Не извольте гнѣваться, соколъ мой ясный! Пришла благодарить тебя. Спасибо, спасибо!

владиміръ. За что? за что?

аксинья. Господи, Владыко небесный! благослови его! Батюшка, ты вытащилъ изъ огня моего сынишку! Охъ! Безъ тебя! Владиміръ Николаевичъ, сгорѣлъ бы сердечной. Грѣхъ какой, грѣхъ!

ольга. Боже!

аксинья. Не отнимай своихъ ручекъ!

владиміръ. Да отвяжись отъ меня!

аксинья. Народъ рассказывалъ. Не помню, батюшка! не знаю, какъ прибѣжала въ деревню. Вижу, крыша обвалилась; о! бѣда, бѣда! Дайте ребенка! люди добрые, отдайте ребенка! Услышала крикъ! Господи! Малютка живехонокъ, цѣлехонокъ! Видѣла, что перевязывали у тебя ручку, а рассказали мнѣ ужъ послѣ. Спасибо, спасибо!

владиміръ. Вздоръ, вздоръ! Слава Богу, что ребенокъ цѣлъ. Ступай, я ничего не знаю.

аксинья. Дай поблагодарить тебя! Не отталкивай меня!

владиміръ. Встань. Говорятъ тебѣ, что не я.

аксинья. Ты, ты! Кто же другой! Если есть у тебя на душѣ грѣхъ какой, я возьму на свою душу. Пусть меня накажетъ Господь за всѣ грѣхи твои!

владиміръ (*поднимаетъ ее насильно*). Боже мой! Ты хочешь вывести меня изъ терпѣнія.

аксинья (*плачетъ*). Самъ ты чуть-чуть не погубилъ свою жизнь, спасая моего малютку, и благодарить-то себя не велишь... Прогнѣвала я тебя. — Прости меня, Владиміръ Петровичъ!

владиміръ. Ладно, ладно.

аксинья. Не запретишь мнѣ вѣчно Бога молить за тебя.
(*Уходитъ медленно. Молчаніе*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

владиміръ, ольга.

ольга (*подходитъ къ нему быстро, и беретъ его за руку*). Владиміръ! какъ я завидую вамъ! Какое блаженство вы должны чувствовать въ эту минуту.

владиміръ. Извините, мнѣ очень досадно.

ольга. Я понимаю. Но не сердитесь на эту бѣдную женщину: чувства матери...

владиміръ. А мнѣ что за дѣло?

ольга. Какъ? Возвратить матери погибающее дитя...

владиміръ. Неужели и вы хотите бѣсить меня? Послушайте, я говорю вамъ, что я не подвергалъ себя ни малѣйшей опасности. Изба только-что загорѣлась, глупые крестьяне собрались толпой, и преспокойно глядѣли на пламя, ничего не дѣлая. Я услышалъ плачь ребенка, вошелъ въ избу... вотъ и все. Повѣрте, что я точно также вытащилъ бы сабаку или кошку.

ольга. Да, да! — Я вѣрю. Вы не дали бы сгорѣть и какому-нибудь животному. — Я хочу сдѣлать вамъ вопросъ. — Хорошо... теперь не было никакой опасности для васъ... не сердитесь, я вамъ вѣрю, но... если была бы опасность... если бы въ горящей избѣ осталась я...

владиміръ. Что за вопросъ?

ольга. Я, да еще кто-нибудь, а спасти можно было бы только одного... Владиміръ, я хочу, чтобы вы сказали мнѣ правду!

владиміръ. Вы....

ольга. Кого бы вы спасли?... Вы молчите! Вамъ трудно отвѣчать на мой вопросъ! кого бы вы спасли?

владимиръ. Обоихъ.

ольга. Кого прежде?

владимиръ (*помолчавъ*). Васъ.

ольга. О! благодарю!

владимиръ. У меня есть просьба къ вамъ. Общайтесь, что вы исполните ее.

ольга. Общаю, общаю!

владимиръ. Оставьте меня, только этого прошу у васъ.

ольга (*съ удивленіемъ*). Оставьте васъ? Извольте. Только скажите мнѣ, отчего я должна оставить васъ?

владимиръ. Оттого, что вы кокетничаете со мной... и я не хочу этого.

ольга. Я кокетничаю! Боже мой! какъ вы ошибаетесь! Я почитаю, я уважаю васъ искренно за вашу возвышенную душу, за вашъ благородный характеръ, за вашу скромность, за почтеніе, которое оказываете батюшкѣ, за любовь къ вашей матери! Мало ли.... чѣмъ вы дороги мнѣ: Неужели собственное сердце ваше не говоритъ вамъ, что я не кокетка?

владимиръ. Кто же вамъ сказалъ, что у меня есть сердце? Развѣ я этимъ хвастался передъ вами? — Вы ищете у меня сердца, а если его вовсе у меня нѣтъ именно для васъ?

ольга. Вы грустны, Владимиръ. — Если у васъ есть какое нибудь горе, отчего вы не хотите подѣлиться имъ со мной? Развѣ я не заслуживаю вашей довѣренности?

владимиръ. Какое у меня можетъ быть горе? что вы этимъ хотите сказать? ужъ не думаете ли вы, что.... (*беретъ ее за руку*). Послушайте: и если вы это думаете, отчего вы такъ жестоки ко мнѣ? если вы предполагаете во мнѣ горе, отчего вы играете этимъ горемъ? Кто вамъ далъ право забавляться мною? — Я этого не хочу, я вамъ не позволю!

ольга. Ха! ха! ха! Вы себѣ представить не можете, братецъ, какъ неожиданно обрадовали вы меня этими упреками! (*серьозно*) вы, напротивъ, были немножко жестоки ко мнѣ. Но мои огорченія кончились, пусть прекратятся также и ваши.

(*даетъ ему руку*).

владимиръ. Такъ вы не хотите сжалиться надо мною? Не хотите исполнить мою просьбу? Оставьте же меня! умоляю васъ.

ольга. Вы не такъ, какъ другіе. — Съ вами надобно говорить

значе. *(Помолчавъ)*. Мы помѣнялись ролями, кажется? Вы должны были бы говорить мнѣ то, что я говорю вамъ. Все равно, Владиміръ. Вы давно могли бы видѣть, что напенька любитъ и уважаетъ васъ отъ всей души. Вы знаете также, что добрый напенька желаетъ только моего счастья. О Боже мой! все это вамъ извѣстно! Видите ли, я очень неосторожна: я открываю вамъ свое сердце первая. Но — развѣ вы не достойны видѣть имъ? Владиміръ! — *(Подходитъ къ нему)*.

владиміръ *(отталкивая ее)*. Уйдите! уйдите!

ольга *(оскорбленная)*. Это слишкомъ! этого я не ожидала! —
иду, прощайте. *(Хочетъ идти)*

владиміръ *(внѣ себя, догоняетъ ее, и приводитъ назадъ)*. Хорошо! скажу вамъ все! *(Молчаніе. Въ немъ замѣтна внутренняя борьба)*. Скажу вамъ то, что вы должны знать. Я человѣкъ простой и грубый, необразованный. Не гожусь для того общества, въ которомъ вы живете; я буду тамъ смѣшонъ. — Любовь такого человѣка, для васъ новость. — Она можетъ занимать васъ нѣсколько дней, пожалуй, нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда все кончится.

ольга. Какъ низко вы ставите меня! — Чѣмъ заслужила я такое мнѣніе?

владиміръ. Ну, прекрасно! вы будете любить меня всегда! *(въ сильномъ волненіи)*. Всегда! всегда! за могилой еще! Будете любить такой любовью, которую до сихъ поръ считалъ я невозможной! — Такъ я же не буду любить васъ!

ольга *(закрываетъ лице)*. О!

владиміръ. Что я говорилъ такое? Сестрица, не хочу жениться на васъ, оттого что вы слишкомъ богаты. Обогадитесь деньгами своей жены, — это противъ моихъ правилъ. Это убило бы меня. — Не хочу! не хочу! я говорилъ вамъ, что я смѣшонъ, что я чудакъ.... что у меня нѣтъ сердца, Ольга!

ольга. Что-жъ такое, что я богата? Богатство бремя. Отчего вы не хотите помочь мнѣ носить это бремя? — дѣлать хорошее употребленіе изъ своихъ денегъ? Не будьте такимъ гордымъ. О! я васъ знаю. Вы упрямы. Вы такъ упрямы, что убѣждать васъ словами, нѣтъ никакой возможности. Любезный Владиміръ! Право, я понимаю васъ. — У васъ нѣтъ сердца! конечно у васъ не такое сердце, какъ у другихъ, какъ у многихъ!

владиміръ. Сестрица, оставимъ те этотъ разговоръ. *(Топаетъ ногой)*. Что вы хотите отъ меня? Что я вамъ сдѣлалъ? отчего вы такъ мучите меня? оставьте меня, ради Бога!

ОЛЬГА. Вы сами мучите себя, и меня также, Владиміръ. — Не у васъ однихъ твердый характеръ — и у меня также. Я знаю, что мнѣ дѣлать. Напрасно вы думаете, что можете обмануть меня: вы любите меня.

ВЛАДИМІРЪ. Клянусь....

ОЛЬГА. Не клянитесь!... любите! (*Помолчавъ*) ха! ха! ха! — Вы въ состояніи послѣ изъ упрямства.... ха! ха! ха! Прощайте! Дайте же руку, братецъ.

ВЛАДИМІРЪ (*беретъ ея руку*). Ступайте, ступайте!

ОЛЬГА. Не жмите же такъ крѣпко. Прощайте, до свиданія.
(*Она идетъ на мостъ. Владиміръ садится на скамейку, закрывая лице руками*).

ОЛЬГА (*На мосту*). Братецъ! Владиміръ Николаевичъ!

ВЛАДИМІРЪ. Что вамъ угодно?

ОЛЬГА. Если бы я упала отсюда, вѣдь, вы бы должны были вытащить меня изъ воды?

ВЛАДИМІРЪ. Что за мысль!

ОЛЬГА. Я хочу попробовать. (*Нагибается очень низко черезъ перила*). Рѣка довольно глубока. Вы вѣрно хорошій пловецъ. Для васъ ничего не значило бы спасти меня.

ВЛАДИМІРЪ. Подите прочь оттуда.

ОЛЬГА. А вы не умѣете плавать?

ВЛАДИМІРЪ. Вы могли бы убить себя.

ОЛЬГА. Нѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ. Сойдите!

ОЛЬГА. Не хочу.

ВЛАДИМІРЪ (*Съ гнѣвомъ*). Сойдите! говорю вамъ!

ОЛЬГА. Сейчасъ, сейчасъ! — Не сердитесь такъ ужасно. (*Уходитъ отъ перилъ*). Братецъ, я оставила свой зонтикъ въ бесѣдкѣ: подайте мнѣ его.

ВЛАДИМІРЪ. Не дамъ.

ОЛЬГА. Прошу васъ. Я хочу погулять немного въ паркѣ.

ВЛАДИМІРЪ. Не дамъ.

ОЛЬГА. А что, братецъ, всѣ моряки такіе же грубые, какъ вы?

ВЛАДИМІРЪ. Всѣ.

ОЛЬГА. Ха! ха! ха! Прощайте. (*Уходитъ, смѣясь*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ВЛАДИМИРЪ (одинъ. Онъ ходитъ нѣсколько времени по сценѣ, потомъ останавливается).

Воля? Сила воли? способность сдѣлать то, на что рѣшился. О! люди хитры на выдумки! Когда не понимаютъ чего, не могутъ объяснить себѣ, они тотчасъ придумываютъ какое-нибудь слово.... слово безъ всякаго значенія, безъ смысла! — Что такое воля? Отчего я не исполняю того, что я исполнить волею, исполнить *хочу*? Или во мнѣ есть двѣ воли? Одна моя собственная, другая чужая? Которой же изъ нихъ повиноваться? Хотѣть — и не сдѣлать! — Хотѣть и *не хотѣть* въ одно и то же время? Это нелѣпо! Это смѣшно! — Что меня удерживаетъ здѣсь, когда я вижу, что долженъ бѣжать отсюда, не медля ни одной секунды? — Я рѣшился, но остаюсь! Отчего? Ноги мои не прикованы къ этому мѣсту! Я свободенъ: у меня есть воля! — Она покоряется какой-то невѣдомой силѣ. А эта сила развѣ.... Клянусь именемъ создателя моего! она не сильнѣе моей чести! А! Слава Богу! — Да, *честь* повелѣваетъ мнѣ бѣжать отсюда скорѣе! Честь! слышишь ли? Честь и совѣсть! — Я *хочу*! О! У человѣка пѣть воли! Онъ не смѣетъ сказать: я *хочу*! я *не хочу*! — Проклять тотъ, кто выдумалъ эти слова! (*Помолчавъ*). Ольга! Ольга! Ты научила меня, что такое жизнь! Ты зеркало, въ которомъ я увидѣлъ свою душу! (*Ходитъ опять по сценѣ, потомъ вдругъ становится на колѣни*). Всемогущій Боже! Умилосердись надо мной! Спаси меня! молюсь Тебѣ. Нѣтъ, не меня! Пусть я погибну! Спаси ее! — Боже! ее, ее спаси!

(*Убѣгаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната Владиміра. Средняя дверь стеклянная, съ занавѣскою; когда она открывается, видѣн садъ. Дверь съ боку. Диванъ; прочая мебель. Въ углу ружье и яхтташъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВЛАДИМІРЪ, ГРИШКА. (*Владиміръ, одѣтый, но безъ галстука, сидитъ передъ столомъ, и спитъ, облокотясь на руку. На столѣ двѣ свѣчи, почти догорѣвшія. — Гришка спитъ, прислонясь къ стѣнѣ. Въ другой комнатѣ часы бьютъ семь. Гришка просыпается*).

ГРИШКА (*въ просонкахъ*). Эвона! качка какая! Съ якоря, что ли спимаемся? (*Протираетъ глаза*). Вотъ-те на! Разсвѣло совѣмъ. Что это такъ ихъ высокоблагородіе всю ночь не позволили прилечь? Видно, соскучились на сушь-то. Эхъ! Хорошее здѣсь житье, отмѣнное, одно не хорошо: того.... (*щелкаетъ по галстуку*). Народъ такой! службы не знаетъ. — Иногда-съ (*улыбается*) Тарасъ Осиповичъ, дай Богъ имъ здоровье! и попочуетъ, да все не то. Подумаешь, въ праздникъ, какъ отпустятъ на берегъ погулять.... Ай Феня! Феня! ягодка моя! — Молчи, болванъ, молчи! Ихъ высокоблагородіе почиваютъ.

(*Приходитъ лакей, и подаетъ Гришкѣ письмо*).

ЛАКЕЙ. Письмо къ Владиміру Николаевичу. Изъ города привезли.

ГРИШКА. Пожалуйте. А часть-то который-съ?

ЛАКЕЙ. Восьмой.

(*Уходитъ*).

ГРИШКА. Неужто восьмой? — Можно и потушить. (*гаситъ свѣчи, и поднимаетъ занавѣсъ у двери*). Ясный денекъ какой!

(Подходитъ къ Владиміру). Не разбудить ли? Кажется, пора. — Ваше высокоблагородіе! А ваше высокоблагородіе!

владиміръ (просыается). Я уснулъ, что ли? Отчего ты разбудилъ меня?

гришка. Восьмой часъ, ваше высокоблагородіе.

владиміръ. Развѣ я всю ночь провелъ на этомъ мѣстѣ?

гришка. Точно такъ-съ. Я вамъ докладывалъ, да вы изволили прогнѣваться.

владиміръ. Хорошо, хорошо. (Ходитъ по сценѣ). Голова моя горитъ. Ничего не помню. — Что она такое говорила мнѣ вчера? Что любить меня! Что отецъ ея одобряетъ эту любовь? Кажется, такъ.... О! Какое несчастіе! Она забудетъ меня, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. За что ей любить меня? За что? Развѣ я старался заслужить любовь ея? — Не можетъ быть, не можетъ быть! Но.... отчего не рѣшался я рассказать ей всю истину? (Помолчавъ). К чему? Оставлю ее навсегда. Она ужъ никогда не увидитъ меня больше.

гришка (раскуривъ трубку, подаетъ ее). Извольте-съ.

владиміръ. Прочь!

гришка (про себя). Не выспались! (Вслухъ). Вотъ письмо-съ; сегодня привезли изъ Москвы.

владиміръ (беретъ письмо). Отъ матушки! (Прочитавъ). О! это голосъ свыше! Приѣду къ тебѣ, матушка! приѣду! Отдохну на груди твоей, найду у тебя прежнее спокойствіе. Пройдетъ этотъ тяжкій сонъ; забуду эти несбыточныя мечты. — Ъду сегодня же. (Гришкѣ). Ступай, приведи лошадей.... но никому не говори. Найми лучшихъ, какихъ найдешь въ деревнѣ. Надобно ѣхать.

гришка (Идетъ въ двери, и приходить назадъ). Да вотъ что, Владиміръ Николаевичъ; дорого возьмутъ. Не попросить ли вамъ лучше господскихъ?

владиміръ. Дѣлай, что велятъ.

гришка. Слушаю-съ. (Хочетъ идти).

владиміръ. Постой! (Про себя). Еще одинъ день, одинъ.... послѣдній! (Гришкѣ) Мы поѣдемъ завтра, рано утромъ. Къ разсвѣту приведи лошадей. Ъдемъ домой, въ деревню.

гришка. Вотъ-то обрадуется ваша маменька, ваше высокоблагородіе!

владиміръ. Напишу два слова матушкѣ. Предупрежу ее, что приѣду.... чтобъ она ждала меня. (Пишетъ).

гришка (про себя). Ужъ не черная ли кошка пробѣжала между

эдѣшними господами? А, кажись, все жли въ ладу. Кто ихъ разбереть! — Ужъ коли съ трубкой прогонить, быть бѣдѣ!

ВЛАДИМИРЪ. Отправь это письмо сію минуту въ Москву съ нарочнымъ: пусть отдадутъ на почту. Слышишь?

ГРИШКА. Слушаю-сь. *(Хочетъ идти)*.

ВЛАДИМИРЪ. Эй!

ГРИШКА. Чего извольте?

ВЛАДИМИРЪ. Что я приказалъ тебя?

ГРИШКА. Отправить нарочнаго въ городъ...

ВЛАДИМИРЪ. Да, да. А потомъ... завтра... лошадей...

ГРИШКА. Слушаю-сь...

ВЛАДИМИРЪ. Если я раздумаю... прикажу тебѣ послѣ не приводить лошадей: не слушай меня! Слышишь? Завтра ѣдемъ непременно. Къ разсвѣту, чтобы все было готово. Завтра... Слышишь ли?....

ГРИШКА. Слушаю-сь.

ВЛАДИМИРЪ. Хорошо. Теперь ступай.

(Гришка уходитъ. Въ дверяхъ онъ встрѣчается съ графомъ. Средняя дверь остается открытой).

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМИРЪ, ГРАФЪ.

ГРАФЪ. Виновать, виновать, Владиміръ Николаевичъ! Извините. Я опоздалъ, очень опоздалъ.

ВЛАДИМИРЪ. Вы опоздали?

ГРАФЪ *(Смотритъ на часы)*. Да. Сейчасъ восемь часовъ. Поѣдемъ - те.

ВЛАДИМИРЪ. Куда?

ГРАФЪ. Какъ куда? На охоту.

ВЛАДИМИРЪ. Да... Я и забылъ. Извините, графъ, я никакъ не могу... я долженъ отказаться отъ удовольствія... Извините, пожалуйста.

ГРАФЪ. Отчего же вамъ нельзя?

ВЛАДИМИРЪ. Я чувствую себя несомнѣнно здоровымъ. Завтра... нѣтъ! нѣтъ!... завтра также нельзя. Въ другой разъ.

ГРАФЪ *(съ досадой)*. Право, я очень жалѣю... но я долженъ

винить самого себя: я не явился къ назначенному времени. — Знаете ли? мнѣ предсказывали, что вы не поѣдете на охоту.

ВЛАДИМИРЪ. Кто же вамъ это могъ предсказать?

ГРАФЪ. Княжна Ольга Петровна.

ВЛАДИМИРЪ. Гмъ!

ГРАФЪ. Остерегайтесь княжны. Она умѣетъ заставлять повиноваться себѣ во всемъ, *ragole d'honneur*. Или вы этого не боитесь? — Какъ вы находите свою кухню?

ВЛАДИМИРЪ (*про себя*). Боже мой! Какъ бы мнѣ избавиться отъ этого человѣка? (*Вслухъ*). Какъ вамъ нравится это ружье?

ГРАФЪ (*разсматриваетъ ружье*). Прекрасно! Чудесно! А далеко ли оно бьетъ?

ВЛАДИМИРЪ (*ходитъ по комнатѣ*). Что вамъ угодно?

ГРАФЪ. На сколько шаговъ бьетъ это ружье?

ВЛАДИМИРЪ. Я не пробовалъ. Не угодно ли вамъ попробовать?

ГРАФЪ. Съ удовольствіемъ — послѣ. Здоровъ ли князь?

ВЛАДИМИРЪ. Здоровъ. Кажется, онъ ужъ всталъ.

ГРАФЪ (*про себя*). Мнѣ кажется, что я здѣсь мѣшаю. (*Оглядывается*). Что я пришелъ не кетати. (*Вслухъ*). Ваша служба позволяетъ ли вамъ часто бывать въ Петербургѣ?

ВЛАДИМИРЪ. Иногда.

ГРАФЪ. Бываете ли вы при дворѣ?

ВЛАДИМИРЪ. Нѣтъ.

ГРАФЪ. Такъ вы и не видѣли Государыни?

ВЛАДИМИРЪ. Кого? что? Я не видѣлъ Государыни? Не видѣлъ нашей Матушки-Царицы! Будто только можно видѣть ее при дворѣ! Послушайте; мнѣ скучно съ вами.... ваши вопросы.... сдѣлайте одолженіе.... О Боже мой!

ГРАФЪ. Владимиръ Николаевичъ, какъ я долженъ понимать васъ?

ВЛАДИМИРЪ. Извините меня, я не здоровъ, я получилъ письмо, которое встревожило меня.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЪ-ЖЕ, ГРИШКА.

ГРИШКА (*приходитъ въ боковую дверь*). Ваше высокоблагородіе! (*Дѣлаетъ ему разные знаки, показывая на дверь, откуда пришелъ*). Пожалуйте.

владиміръ. Что тебѣ нужно?

гришка. Пожалуйте.

владиміръ (*съ энвольомъ*). Что тебѣ нужно? Кто тамъ?

гришка. Нельзя сказать-съ. Извольте пожаловать сами.

владиміръ. Сегодня всѣ хотятъ вывести меня изъ себя! Скажешь ли ты, что тебѣ надобно?

гришка. Не смѣю-съ.

владиміръ. Говори, или....

гришка. Извольте. — Княжна въ кабинетѣ; онѣ просятъ васъ пожаловать.

графъ. Княжна! — *Quel scandale!*

владиміръ. Княжна! Ты помѣшался, что ли?

графъ. Теперь очень понятно, отчего вамъ было скучно со мной. Ха! ха! ха!

владиміръ. Онъ ошибся! Я убью его!

(Бросается съ кабинетъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ГРАФЪ, ГРИШКА.

графъ. Ну, братъ! неискусенъ ты въ исполненіи порученій.

гришка. Да извольте видѣть, ваше благородіе: встрѣтился я въ саду съ ея сіятельствомъ. Онѣ изволили поздороваться со мной, а я сдуру то и проговорился, что мы завтра-молъ утромъ уѣзжаемъ въ деревню. Онѣ съ испугу такъ и обомлѣли.

ЯВЛЕНИЕ V.

ВЛАДИМИРЪ, ГРАФЪ.

владиміръ. (*Приходитъ изъ кабинета. Онъ очень блѣденъ. Гришка*): Ступай. (*Гришка уходитъ*).

владиміръ (*подходитъ къ Графу, и беретъ его за руку*). Онъ ошибся. Вы мнѣ вѣрите?

графъ (*смѣясь*). Положитесь на мою скромность.

владиміръ. Кто о томъ говорить? — Я у васъ спрашиваю, вѣрите ли вы тому, что я говорю?

графъ. Конечно....

владиміръ. К чему эта улыбка? К чему эта насмѣшливая миная? Я хочу, чтобы вы не сомнѣвались въ моихъ словахъ.

графъ. Mon Dieu! О чемъ вы беспокоитесь? Княжна такъ молода и неопытна, что подобный... Avec un caractère... aussi romanesque que le sien... Повѣрьте, je n'y vois rien de grave. Ха! ха! ха!

владиміръ *(съ большимъ гнѣвомъ)*. Я васъ заставлю, милостивый государь... понимаете ли вы меня?

графъ. Я вамъ вѣрю — вѣрю! даю вамъ слово *(про себя)*. Теперь княжна въ моихъ рукахъ. *(Вслухъ)*. Прощайте. До свиданія. *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

владиміръ *(идетъ быстро къ кабинету, и отворяетъ дверь)*.
ольга *(выходитъ; она въ мантиль и въ шляпку)*.

владиміръ *(помолчавъ)*. Что вы сдѣлали? зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?

ольга. Вы хотите уѣхать? зачѣмъ?

владиміръ. Знаете ли, что вы сдѣлали? я не былъ одинъ.

ольга. Я это знала.

владиміръ. Вы это знали!

ольга. Я хотѣла, чтобы меня видѣли у васъ.

владиміръ. Вы этого хотѣли? О Боже мой! какую же вы имѣли цѣль?

ольга. Если я ошиблась... мое заблужденіе было бы ужасно! мой поступокъ тогда покажется вамъ... о! всѣ тогда будутъ презирать меня! но я не могла такъ ошибиться, голосъ моего сердца не обманулъ меня: вы любите меня?

владиміръ. О!

ольга. Выслушайте: у меня былъ братъ. Въ немъ соединены были всѣ надежды моего отца. Онъ умеръ, отчаяніе батюшки терзало меня, слезы его падали мнѣ на сердце. Онъ потерялъ не только сына, но и наследника своего древняго имени. Тогда онъ объявилъ мнѣ, что желаетъ выдать меня за васъ. Я васъ увидѣла: сначала вы мнѣ не нравились, но я въ душѣ уже рѣ-

шилась исполнить волю отца. Потомъ узнала я, оцѣнила васъ, вы отвѣчали на мою любовь холодной гордостью. Я не знала, чѣмъ побѣдить эту страшную гордость, которой вы готовы были принести въ жертву даже ваше сердце. Не запирайтесь, Владиміръ! Вы любите меня!... Теперь... вы мнѣ ужъ не можете больше сказать, что богатство мое неодолимое препятствіе нашему союзу, потому что я обезпечена, если не буду вашей женой! Этотъ графъ знаетъ, что я была у васъ: чрезъ три дня вся Москва заговоритъ, что дочь князя Заревекаго приходила къ вамъ! — Моя честь, моя жизнь, зависятъ отъ вашего великодушія: удовлетворена ли теперь ваша гордость, Владиміръ?

владиміръ. Небесныя силы! не оставьте меня!

ольга. И теперь даже трудно вамъ признаться, что любите меня. Кокетка ли я? говорите, говорите!

владиміръ. Я преступникъ!

ольга. Вы не отвѣчаете! (*Съ ужасомъ*). О! я ошиблась! Вы меня не любите! я погибла! (*рыдаетъ*).

владиміръ. Я не люблю тебя! (*бросается къ ней, и съ неистовствомъ прижимаетъ ее къ себѣ*). Ольга! Ольга! каждая частица существа моего дышетъ любовью къ тебѣ! Вся прошедшая жизнь моя, одинъ мигъ, а за мигъ, проведенный съ тобою, отдаю я вѣчность! — Никакая сила земная ужъ не вырветъ тебя изъ объятій моихъ! — Ты моя, ты сама отдалась мнѣ! Не уступлю тебя никому.

ольга. О! благодарю тебя! благодарю, Боже! (*молчаніе*).

владиміръ. Что ты говоришь?

ольга. Пойдемъ же къ батюшкѣ, Владиміръ!

владиміръ. Что ты говоришь?

ольга. Пойдемъ скорѣе къ батюшкѣ, обрадуемъ его, попросимъ у него благословенія!

владиміръ. Благословенія! (*хочетъ*).

ольга. Отчего ты такъ страшно смѣешься? пойдемъ скорѣе, пока не уѣхалъ еще Графъ... оцъ долженъ знать, что я твоя невѣста.

владиміръ (*отталкивая ее*). Прочь! прочь! страшись дотронуться до меня.

ольга. Владиміръ!

владиміръ. Я забылъ... но теперь память воротилась. Неужели мозгъ мой не иссохнетъ отъ этой мысли! Неужели душа не разстанется съ тѣломъ, когда я скажу тебѣ... О! не могу! не

могу! Ольга, развѣ на челѣ моемъ не написано огненными знаками мое преступленіе?

ольга. Преступленіе! Боже!

владимиръ. Любовь моя можетъ принести тебѣ только стыдъ и безчестіе!—Ольга... я женатъ! *(Падаетъ передъ ней на колѣни).*

(Ольга, испустивъ крикъ, остается неподвижной. Владимиръ опускаетъ голову до земли. Молчаніе).

владимиръ *(слабымъ, прерывающимся голосомъ)*. Эта женщина была пизка и преступна: Но ей не трудно было обмануть меня. Она употребляла всевозможныя уловки, искусно разыгрывала роль обиженной невинности — я женился на ней. Но скоро узналъ я прежнюю жизнь ея. Тогда я запретилъ ей произносить мое имя, ей имени никогда не услышите отъ меня. Моей матери сказалъ я, что она умерла. *(Смотритъ на Ольгу съ ужасомъ, потомъ продолжаетъ, возвышая постепенно голосъ)*. И тебя не обманывалъ, когда говорилъ тебѣ, что бракъ между нами не возможенъ. Слышишь-ли, что я говорю? Я тебя не обманывалъ! Отчего ты не повѣрила мнѣ? До вчерашняго дня я не дерзалъ надѣяться, что ты можешь полюбить меня... оттого я молчалъ. *(Помолчавъ нѣсколько, вскакиваетъ)*. Ольга! Отвѣчай мнѣ... изъ жалости... одно слово, Ольга! одно слово!

ольга *(кратко)*. Мое сердце разтерзано... но отдай мнѣ мое доброе имя.

владимиръ *(внѣ себя)*. Не меня обвиняй... не меня! не меня!.. Но да! Ты права. — Смертью долженъ я заплатить за свое безумство. Я хочу умереть.

ольга. Умремъ!

владимиръ. И ты также? Вмѣстѣ! О! какое блаженство! Смерть обоимъ! Согласна ли ты?... Согласна ли?

ольга. Смерть!

владимиръ *(взлѣвъ ружье, влечетъ ее къ дивану)*. Моя Ольга! Мой милый другъ! *(Помолчавъ)*. Это ружье дуствольное: мы умремъ почти въ одинъ и тотъ же мигъ. Взгляни на меня еще въ послѣдній разъ. Ты колеблешься?

ольга. Владимиръ, дай мнѣ пожать твою руку.

владимиръ. Пора!

ольга. Пстой! *(Смотритъ на него)*. Прощай! *(убѣгаетъ въ среднюю дверь)*.

(Владимиръ, оставшись одинъ на диванѣ, закрываетъ лице руками. Черезъ нѣсколько времени приходитъ ладкей, съ лоскуткомъ бумаги въ рукахъ).

ЛАКЕЙ. Владиміръ Николаевичъ!

(Владиміръ поднимаетъ голову).

ЛАКЕЙ. Извольте-съ.

ВЛАДИМІРЪ (читаетъ). «Живи для батюшки. Я умираю одна.»
(Ипускаетъ крикъ). Гдѣ она?

ЛАКЕЙ. Княжна?

ВЛАДИМІРЪ. Гдѣ она?

ЛАКЕЙ. Ея сіятельство пошли къ рѣкѣ.

(Владиміръ бросается изъ комнаты. Лакей уходитъ.
Сцена нѣсколько времени остается пустой. Музыка).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВЛАДИМІРЪ (въ величайшемъ отчаяніи; взоры его блуждаютъ
безъ цѣли.)

ВЛАДИМІРЪ (одинъ). Боже! Боже всемогущій! не оставь меня!
Призываю Твое безкопечное милосердіе! Чего я требую? О чемъ
молю Тебя!— воскрешать мертвыхъ Ты не станешь! Убийца моли-
тся о спасеніи своей жертвы! Ха! ха! ха! Это ново! это неслы-
хано! Я убилъ ее! хуже, миллионъ разъ хуже, чѣмъ убилъ! Уби-
ваютъ изъ нужды, изъ корысти, изъ мщенія! А я что сдѣлалъ?
За любовь ея ко мнѣ, погубилъ я душу ея!.... Слышу твой го-
лосъ, праведное небо! проклинающее убійцу! Куда мнѣ бѣжать!
гдѣ мнѣ скрыться отъ самаго себя?... Я живу еще! О! Развѣ
мой первы желѣзныя? Развѣ у меня тысячи жизней! Боже! уни-
лосердись, умилосердись! (Слышенъ голосъ князя: здѣсь Вла-
диміръ Николаевичъ?) Га! Старикъ! Отецъ станетъ требовать отъ
меня своей дочери!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КНЯЗЬ, ВЛАДИМІРЪ.

КНЯЗЬ (входитъ съ видомъ сильнаго безпокойства). Гдѣ моя
дочь?

ВЛАДИМІРЪ. Развѣ вы отдавали мнѣ беречь вашу дочь?

князь. Она была здѣсь!

владиміръ. Можетъ быть. Теперь ея нѣтъ здѣсь.

князь. Гдѣ же она? Говорите. Отчего вы такъ встревожены, такъ блѣдны?

владиміръ. Ваша дочь еще блѣднѣе.

князь. Боже! Что случилось? Отвѣчайте?

владиміръ. Лучше ты отвѣчай мнѣ: отчего ты такъ хитрилъ со мной? отчего ты скрывалъ отъ меня, что твоя дочь должна быть моею женой?

князь. Что значитъ этотъ упрекъ?

владиміръ. Онъ значитъ то, что вы хотѣли перехитрить проныслъ небесный. О! Вы такъ умны, расчетливы, дальновидны! Какъ же вы не догадываетесь сами, гдѣ ваша дочь? Жаль, судьба перехитрила васъ.

князь. Придите въ себя, ради Бога! Я знаю, что Ольга приходила къ вамъ. Я прощаю ее, прощаю васъ: Я не препятствую вашему счастью.

владиміръ. Старикъ! Я отъ твоихъ словъ не лишаюсь разсудка! Это не удивляетъ тебя? Скажи: Ты въ этомъ не находишь ничего удивительнаго? Я разсуждаю очень правильно. Я совершенно хладнокровенъ. Вы можете взять съ меня примѣръ, князь.

князь. Развѣ нѣтъ никого изъ людей?

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, ДОКТОРЪ МИЛЛЕРЪ

миллеръ (*въ дорожномъ платьѣ*). Извините, господа: мнѣ сказали, что я найду здѣсь г. капитанъ-лейтенанта Владиміра Николаевича Заревского.

владиміръ. Это мое имя, это я. Что вамъ угодно?

миллеръ. У меня есть письмо къ вамъ... и порученіе, но... я не знаю... я бы желалъ быть съ вами наединѣ.

владиміръ. Кчему? Говорите, сдѣлайте одолженіе. Увѣряю васъ, что у меня нѣтъ никакихъ секретовъ отъ князя. Не правда ли?

миллеръ. Какъ вамъ угодно. (*Отдавая ему письмо и портретъ*). Это письмо отъ вашей жены.

князь. Боже милосердый!

владиміръ (*взявъ письмо*). А! Вы не знали, что я женатъ? Это,

видно, не входило въ вашъ расчетъ? Вы бы сперва спросили меня...

МИЛЛЕРЪ. Жена ваша, умирая, просила меня....

ВЛАДИМИРЪ (*ужаснымъ голосомъ*). Остановитесь! (*Онъ приходитъ съ трепетъ, черты его измѣняются, медальонъ падаетъ изъ рукъ, онъ старается распечатать письмо*). Умирая! (*Миллеръ хочетъ говорить*). Не говорите! Молчите, молчите! Мой расудокъ, видно, все-таки помѣшался. Умирая? Умирая? Катерина Конари умерла! Она была моей женой... и умерла... Ха, ха! ха!

МИЛЛЕРЪ. Читайте письмо....

ВЛАДИМИРЪ. Тсъ! тсъ! (*Помолчавъ, вдругъ срываетъ печать съ письма, и читаетъ*): «Тебѣ отдадутъ это письмо послѣ моей смерти.» (*Хватаетъ доктора за руку*). Подите сюда — читайте, читайте! Здѣсь что написано? Послѣ моей смерти? Такъ ли? Читайте по складамъ... Читайте подпись: Катерина Конари. Такъ ли? Говорите же, или я задушу васъ!

МИЛЛЕРЪ. Она умерла при мнѣ.

ВЛАДИМИРЪ (*измявъ письмо, бросается съ воплемъ къ князю*). Теперь скажу вамъ, гдѣ ваша дочь: Она лежитъ мертвая на берегу рѣки!

КНЯЗЬ. О! (*Хочетъ убѣжать*).

ВЛАДИМИРЪ (*удерживаетъ его*). Она утонула... Нѣтъ! она утонула, потому что любила меня, и узнала мой обманъ!

КНЯЗЬ. Моя дочь! моя дочь! Пусти меня — пусти!

ВЛАДИМИРЪ. Отчего же ты бросаешь своего сына?... Ольга! Ольга!
(*Падаетъ безъ чувствъ*).

КНЯЗЬ. Моя дочь!

(*Онъ бѣжитъ къ двери, гдѣ встрѣчается съ крестьянами, которые приносятъ трупъ Ольги. Князь падаетъ на нее*). Боже! Боже!

МИЛЛЕРЪ. Катерина Конари, твое мщеніе ужасно!

ВЛАДИМИРЪ (*приходитъ съ себя*). А! Вы еще здѣсь? Гдѣ же моя Ольга? Мой добрый другъ? Отчего она не идетъ ко мнѣ? Моя пташечка! Сведите меня къ ней! Она вѣрно ждетъ меня.— Гдѣ я? А! Какой чудесный корабль! трехмачтовый! Слышите ли, какъ вѣтеръ надуваетъ паруса! Будетъ буря. Штурманъ, смотри на компасъ, здѣсь подводный камень.... Какъ быстро галера летитъ по волнамъ! въ Кинбурнъ! въ Кинбурнъ! На помощь Суворову! Что, храбрый товарищъ? Грудь твоя проби-

та на вылетъ смертоноснымъ свинцемъ? это что? это что? (*Беретъ ружье*). Ты ждешь меня, Ольга? Иду, иду!

миллеръ. Опъ убьетъ себя! Схватите его!

владиміръ. Кто хочетъ извѣдать моей силы? Ольга, ты не знаешь еще, что она умерла? что я свободенъ? О! Спасите меня! (*Помолча въ, бросаетъ ружье*). Матушка! Матушка!

(*Убѣгаетъ*).

(*Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(*Эпизодъ*).

Комната въ деревнѣ г-жи Заревской. Бѣдная мебель. Дверь въ серединѣ. Съ каждаго боку по двери. Съ одной стороны окно.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАСИЛЬЕВНА, ПОТОМЪ Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ.

ВАСИЛЬЕВНА (*ставитъ связіе цѣпты въ кушины*). Вотъ въ четвертый разъ ужъ перемѣняю цвѣточки, а все не ѣдетъ. Съ самой субботы ждемъ. Авось, Господь дастъ, пріѣдетъ сегодня. Скоро вечеръ. Какъ же не пріѣхать, коли написалъ? Дорогой-то мало ли что можетъ приключиться! Къ тому жъ теперь рабочая пора, на станціяхъ, чай, всѣ лошади въ разгонѣ. Не мудрено опоздать двумя — тремя деньками.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ (*поспѣшно входитъ*). Васильевна, ты слышала? Колокольчикъ!

ВАСИЛЬЕВНА. Ахъ, Ты Господи! Глуха стала на старости, ничего не слышала, матушка. (*Объ бросаются къ окошку*).

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Боже мой! Опять не сюда!

ВАСИЛЬЕВНА. Проѣзжіе.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Отчего онъ не ѣдетъ! Какъ ты думаешь, Васильевна?

ВАСИЛЬЕВНА. А можетъ статься, Владиміръ Николаевичъ ужъ въ городъ переночуютъ, да къ утру и пріѣдутъ.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Онъ не останется въ городъ!

ВАСИЛЬЕВНА. Не извольте безнокоиться, сударыня. Видно, задержало что-нибудь въ дорогѣ. Вымолила я у Господа Бога такое счастье, взглянуть еще разъ, передъ концемъ, на голубчика своего! няньчила родимаго столько годовъ!

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Ты любишь его, добрая Васильевна? Спасибо, спасибо! Вѣдь, онъ у меня одинъ только и есть.

ВАСИЛЬЕВНА. Что и говорить! Какъ не любить Владиміра Николаевича! Чужіе все жалуютъ его, да ты еще мать ему родная, выкормила, выростила. Четыре года не видала! Дождалась ты, сударыня, обнимешь сынка роднаго. Вѣдь, изъ Москвы написалъ?

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Изъ Москвы.

ВАСИЛЬЕВНА. Ну, такъ ужъ завтра вѣрно будетъ.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Послушай, я все еще не привыкла къ мысли, что опять увижу его, услышу его голосъ, что онъ опять будетъ жить со мной, хоть короткое время. Но я жду—жду, не могу дождаться! Все мнѣ чудится, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастье.

ВАСИЛЬЕВНА. Господь съ тобою! Какое несчастье? Полно мучить себя, сударыня Прасковья Ивановна!

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Будетъ ли онъ веселъ? доволенъ? Не соскучится ли онъ здѣсь?

ВАСИЛЬЕВНА. Ужъ не соскучится. Авось, Владиміръ Николаевичъ и совсѣмъ останется жить съ нами. Послужилъ Матушкѣ Государынѣ, царскими милостями не былъ оставленъ — чего же еще? Пора и отдохнуть.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Нѣтъ; я думаю, онъ службы еще не оставитъ.

ВАСИЛЬЕВНА. Ну, хоть лѣто пробудетъ съ нами. А тамъ, Богъ дастъ, сыщется невѣста хорошая, подъ пару молодцу.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Кажется, ѣдутъ!?

(Объ прислушиваются).

ВАСИЛЬЕВНА. Колокольчикъ былъ бы слышенъ.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Какъ у меня сердце забилось! Видишь, я не могла бы даже побѣжать ему на встрѣчу. Я вся дрожу. О, Боже! Отецъ небесный! Прими подъ свой покровъ моего сына! Услышь мольбу матери! Сколько слезъ, сколько бессонныхъ ночей съ тѣхъ поръ, какъ я разгелась съ нимъ! — Эта минута, въ которую должна увидѣть его, искупить все страданія, какія Ты прежде посылалъ мнѣ, Господи!

ВАСИЛЬЕВНА *(вытирая глаза)*. Богъ не покинетъ насъ своей милостью, сударыня.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Буду ждать терпѣливо. *(Помолчавъ)*. Какая ты добрая, Васильевна: опять свѣжихъ цвѣтовъ принесла.

ВАСИЛЬЕВНА. Какъ же, матушка! Комнатку-то Владиміра Николаевича всю убрала цвѣтами. А на портретъ покойнаго барина, дай Богъ имъ царство небесное! надѣла вѣнокъ изъ....

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Постой, постой! Ты слышишь ли? *(Бѣжитъ къ окну)*. Колокольчикъ! ѣдутъ сюда! Вотъ поворачиваютъ! Онъ! Онъ! Владиміръ! Владиміръ!

(Бѣжитъ къ двери, и останавливается посреди комнаты, съ простертыми руками).

ВАСИЛЬЕВНА. Ну! спасибо тебѣ, Господи!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, *(Владиміръ входитъ, и тотчасъ останавливается, глядя безмысленно на мать. Онъ блѣденъ)*.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Владиміръ! Что жъ ты не идешь ко мнѣ? Мои колѣни подгибаются сами собою! Не могу сдѣлать больше ни одного шага. Владиміръ!

ВАСИЛЬЕВНА *(подходитъ)*. Здравствуй, родной мой! Здравствуй, Владиміръ Николаевичъ! Съ прїездомъ!

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. О, Боже мой! Развѣ ты не узнаешь меня? Милый сынъ мой! Владиміръ!

(Короткое молчаніе).

ВЛАДИМІРЪ *(вдругъ съ крикомъ бросается къ матери, и обнимаетъ колѣни ея)*. Матушка! Матушка!

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Милый, безцѣнный сынъ мой! Благодарю Тебя, Боже! благодарю! Встань, Владиміръ! Встань, мой другъ! Дай мнѣ вемотрѣться въ драгоцѣнныя черты твои. Я такъ давно не видѣла тебя. Но сердце мое всегда было у тебя.

ВЛАДИМІРЪ. Матушка! Скажите, если бы я умеръ... Очень бы это огорчило васъ?... Такое ли это огорченіе, которое бы могло вамъ стоить жизни? Говорите — говорите! Я тороплюсь!... Мнѣ поскорѣе хочется это узнать...

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Что ты говоришь, Владиміръ? Ты торопишься? Развѣ ты опять хочешь оставить меня?

ВЛАДИМІРЪ. Ну да!... Только я боюсь огорчить васъ... Теперь вы видѣли меня... Ну, и довольно... Прощайте, матушка!

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. О Господи! Что съ тобой, Владиміръ? Не боленъ ли ты? Ты очень похудѣлъ, ты блѣденъ.

ВЛАДИМІРЪ. Хотите — я вамъ расскажу одну исторію?

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Я тебя не понимаю, мой другъ. Лучше послѣ расскажи. Обѣдалъ ли ты? Похлопочи, Васильевна... Куда же ты опять хочешь ѣхать? На долго ли?

(Васильевна уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ И ВЛАДИМІРЪ.

ВЛАДИМІРЪ. На долго-ли? Куда? Развѣ вы не знаете?

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Ты въ твоемъ письмѣ ничего объ этомъ не писалъ.

ВЛАДИМІРЪ. Такъ слушайте же мою исторію. Только вы должны обѣщать мнѣ, что не будете плакать. Это очень печально.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Что же это такое?

ВЛАДИМІРЪ. И пугаться вы не должны. Потому что это очень страшно... Это случилось ужъ давно. Теперь такихъ вещей не бываетъ.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Владиміръ, ты со мной не поздоровался... Что съ тобой случилось? Послѣ расскажешь...

ВЛАДИМІРЪ. Нельзя, нельзя!... Одинъ Англичанинъ описалъ этотъ случай въ стихахъ.... Я любилъ читать эти стихи въ свободное

время.. Теперь мнѣ все снится эта исторія. Слушайте же: Ромео любилъ Джульетту... Она любила его. О! нынче такъ не любить!... Ихъ разлучили... Отцы ихъ были въ ссорѣ — что ли?... Потомъ Джульетта выпила сонныя капли. Ее положили въ гробъ. Снесли въ могильный склепъ. А ночью туда пришелъ Ромео... Но Джульетта... (*подумавъ*) заколола себя!... Матушка, матушка! Отчего не дождалась она?... Одну минуту еще—только одну! одну!... Моя Джульетта! Джульетта! Прелестный другъ!... Ты чѣмъ виновата? Ты должна была заплатить за грѣхи отцевъ... Я здѣсь... я живъ!... Отчего ты спѣшила такъ ужасно! Монтекки ли я, Капулетти ли... тебѣ все равно! Джульетта! Ты могла бы подождать еще секунду одну!... О! матушка! Отдайте мнѣ эту секунду... отдайте! отдайте! Скажите моей Джульеттѣ, что Катерины ужъ нѣтъ въ живыхъ! Вотъ письмо! Гдѣ это письмо, матушка?

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Ты внѣ себя!.. Съ кѣмъ ты говоришь? Боже великій!

ВЛАДИМИРЪ. Ромео нагнулся къ ней, поцѣловалъ, назвалъ по имени: Джульетта! Джульетта!... Нѣтъ, я путаюсь, не такъ онъ звалъ ея... Какъ она была прекрасна!.. Видишь ли, какъ по мокрымъ волосамъ ея струится вода? Очи полузакрыты!... Я кидаюсь къ ней... ищу письма... Клянусь ей именемъ Божиимъ, что она моя жена! Она не вѣритъ, не слушаетъ меня... Ольга! Ольга!..

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Приди въ себя, мой другъ. Ты вспомнилъ какой нибудь страшный сонъ!

ВЛАДИМИРЪ. Это случилось ужъ давно... Въ Италіи гдѣ-то.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Мой добрый Влад.....

ВЛАДИМИРЪ (*внѣ себя*). Это случилось со мной!

(*Кидается къ окну*).

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ (*бѣжитъ за нимъ, и удерживаетъ его, вцѣпившись въ платье его*). Боже милосердый! Остановись! Владимиръ! Остановись!..

ВЛАДИМИРЪ. Ядовитая змѣя! Прочь! прочь!

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Это я! твоя мать...

ВЛАДИМИРЪ. Матушка!... Я не могу больше жить... Это невозможно. Дайте мнѣ умереть, милая, добрая моя матушка!.. Я сдержалъ свое обѣщаніе, пріѣхалъ къ вамъ. Благословите меня!

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Помилуй насъ, Господи! Твои слова грѣхъ, мой сынъ? Молпись Богу.

ВЛАДИМІРЪ. Моя Ольга умерла!... Я хочу къ ней... Пустите меня, матушка!

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. О! ты забылъ свою мать!

ВЛАДИМІРЪ. Не забылъ! не забылъ!... Меня забылъ Господь!

(Бросается на колѣни, и закрываетъ лице).

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Владиміръ! Владиміръ!... Господи!... Не умеръ ли онъ!... Помогите! помогите!

(Бросается въ двери).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ И МИЛЛЕРЪ.

МИЛЛЕРЪ. Сударыня, гдѣ вашъ сынъ?

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Вотъ онъ!... Что вамъ угодно? Что вы хотите дѣлать съ нимъ?

МИЛЛЕРЪ. Вашъ сынъ нездоровъ... Несчастный случай... сударыня, оставьте меня съ нимъ одного.

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Зачѣмъ? Боже мой!

МИЛЛЕРЪ. Я врачъ... Нужна величайшая осторожность... Оставьте меня съ нимъ на короткое время. Ради Бога, не противьтесь... Вамъ объяснять все... Со мной прѣехали...

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Скажите хоть...

МИЛЛЕРЪ. Я долженъ быть съ нимъ одинъ, говорю вамъ, сударыня!... Что спокоенъ ли онъ теперь?

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Не знаю... О Боже!

МИЛЛЕРЪ. Черезъ четверть часа вы опять можете увидѣть его. Умоляю васъ...

Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ. Не оставь меня, Господи. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

МИЛЛЕРЪ И ВЛАДИМІРЪ.

МИЛЛЕРЪ *(подходитъ къ нему)*. Г. Заревскій. *(Помолчавъ)*. Ольга.

ВЛАДИМІРЪ *(вскакиваетъ)*. Что!... Кто вы?

МИЛЛЕРЪ. Вы меня не узнаете?

ВЛАДИМИРЪ. Нѣтъ.

МИЛЛЕРЪ. Я привезилъ вамъ письмо отъ вашей покойной жены.

ВЛАДИМИРЪ. О!

МИЛЛЕРЪ. Вы знаете... Часто случается, что люди, которыхъ считаютъ умершими...

ВЛАДИМИРЪ. А! (*Съ радостью*). Такъ она не умерла?

МИЛЛЕРЪ. Кто? (*Владиміръ смотритъ на него пристально*). Катерина Конари умерла въ самомъ дѣлѣ.

ВЛАДИМИРЪ. Такъ кто же... (*Хватаетъ его за грудь*). Злодѣи! Извергъ! Зачѣмъ ты опоздалъ привезти это письмо? Гнѣвъ Божій накажетъ тебя за то!

МИЛЛЕРЪ (*хладнокровно*). Успокойтесь... Вы меня не знаете: я докторъ Миллеръ... Въ Петербургѣ приобрѣлъ я нѣкоторую известность тѣмъ, что мнѣ удалось привести въ чувство человека, упавшаго въ рѣку...

ВЛАДИМИРЪ (*простирая руки къ нему*). О Боже мой!

МИЛЛЕРЪ. Да... Родные оплакивали его... всѣ полагали...

ВЛАДИМИРЪ (*весь дрожитъ*). Что полагали?

МИЛЛЕРЪ. Что дѣвушка утонула.

ВЛАДИМИРЪ. О! Вы не дерзнули бы возбудить во мнѣ напрасную надежду! Вы человѣкъ!... (*Видъ себя*). Она жива! Къ ней! къ ней!

МИЛЛЕРЪ. Подождите!

ВЛАДИМИРЪ. Что же? Или... Нѣтъ! Не произносите этого слова! Отъ движенія вашихъ устъ... Отъ одного звука зависить жизнь или смерть! Смерть моя — и ваша также! Ну — теперь говорите!

МИЛЛЕРЪ. Поѣдемъ-те!

ВЛАДИМИРЪ. О! Боже! (*Хочетъ идти*).

МИЛЛЕРЪ (*удерживая его опять*). Она пріѣдетъ сюда..... Она въ дорогѣ.

ВЛАДИМИРЪ. Пріѣдетъ? (*Помолчавъ*). Вы лжете! Она здѣсь!

(*Бросается къ дверямъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТЪ ЖЕ, КНЯЗЬ, ОЛЬГА, Г-ЖА ЗАРЕВСКАЯ, ВАСИЛЬБЕВНА И ГРИШКА. (*Ольга первая бросается въ дверь. Владиміръ подхватываетъ ее, и приноситъ на авансцену.*)

ВЛАДИМІРЪ. Ольга! Ольга!

ОЛЬГА. Богъ простилъ меня.

ВЛАДИМІРЪ. Матушка! Вотъ моя Ольга! Благословите насъ.

(Группа).

Занавѣсъ опускается.

=

ОПЕКУНЫ.

ОРИГИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Александръ Зиновьевичъ, губернской предводитель дворянства. *Г. Славинъ.*
Андрей Ильичъ Окунь-Жидовичъ. { Опекунъ дворянъ *Г. Каратыгинъ 2.*
Морозовыхъ, помѣ-
Лука Лукичъ Дундукъ Щелкоперовъ. { щики и свояки. . *Г. Сосниукій.*
Владиміръ Петровичъ Морозовъ. { Племянники Оку- . . *Г. Максимовъ 1.*
Сережа, братъ его 10 лѣтъ. { ня и Дундука . . . *Г. Волковъ.*
Калистратъ, слуга Окуня-Жидовича . . . . . *Г. Фокинъ.*
Семеновичъ, слуга Владиміра Морозова . . . . . *Г. Фальковъ.*

Дѣйствіе въ домѣ Окуня-Жидовича, въ деревнѣ, лѣтомъ.

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната съ тремя дверьми и съ окнами. Мебель старинная: Два стола: одинъ письменный, за которымъ сидитъ Окунь-Жидовичъ въ домашнемъ сюртукѣ, пища и выкладывавая на счетахъ по-очередно. Другой столъ съ разнаго рода закусками и наливками. Передъ нимъ на диванѣ полулежитъ Дундукъ-Щелкоперовъ въ форменномъ гусарскомъ сюртукѣ, закусывая и кура сигарку попеременно. — Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОКУНЬ, И ДУНДУКЪ.

ДУНДУКЪ (*не переставая закусывать*). Нѣтъ, почтеннѣйшій своякъ, что ни говорите, какъ себѣ ни толкуйте, я стою на своемъ. Володя нашъ долженъ быть лихой малый. — Припомните-ка послѣднюю его грамотку. А? какъ онъ ловко намекаетъ на свое совершеннолѣтіе; какъ тонко даетъ намъ почувствовать, что онъ ужъ больше не мальчикъ, не школьникъ, а настоящій джентельменъ, то есть дѣйствительный студентъ, да еще и юристъ въ добавокъ, что мы не Володя, а Владиміръ Петровичъ!... Вошь оно куда пошло!... Да какъ я ѣздилъ въ Петербургъ, помните, чтобы взять Володю изъ пансіона, о, онъ и тогда ужъ былъ заглядѣнье. Хоть на коня, да и маршъ въ полкъ, въ гусары. — Охъ, охъ, охъ! почтеннѣйшій своякъ, я предсказываю вамъ огромныя хлопоты съ этимъ молодымъ орленкомъ!... Вы, кажется, лѣтъ девять не видали его?

ОКУНЬ (*продолжаетъ работать, не слушая Дундука; вполголоса*). Голова! (*Громко*). Позвольте спросить, любезный своякъ...

окунь (*не переставая работать, махаетъ рукой, давая знать Дундуку, что тотъ ему мѣшаетъ. Про себя*). Это значитъ не мѣшай!... Ладно.... Дѣйствительный студентъ!... А?... вотъ оно, время-то что значитъ.... ну, давно-ли кажется.... (*Выпиваетъ рюмку*). Отъ земли не было видно, а теперь.... 21-нъ годъ! Тѣфу ты, пропасть, какъ время-то летитъ. 21-нъ годъ! — Въ эти годы нашему брату, гусару, было полное раздолье! Да, было пожито, нечего грѣха таить, да зато и все прожито. Остались одни только сладкія воспоминанія, да эти курчавыя сѣдыя завитушки, (*показываетъ на усы*). Да вотъ еще глупѣйшая деревяшка, (*показываетъ на ногу*). Да, было и для нашего брата время!... женщины!... А напрімѣръ однополчане! Случись пирушка — кутятъ на пропалую, послѣдняя копѣйка ребромъ. Случись бѣда — готовы въ огонь и въ воду; отъ сатаны отобьютъ! а нынче? о! куда нынѣшнимъ! не то! По неволѣ вспомнишь старую гусарскую пѣсенку: «Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ? Гдѣ гусары коренные?» — И такъ далѣе, съ припѣвомъ: «наливай, братъ, наливай!» (*Наливаетъ рюмку*). «Все до капли выпивай!» — (*Выпиваетъ*). Чудесная наливка у васъ, Андрей Ильичъ, разнообразная! Сейчасъ видно хорошаго хозяина!... Ваше здоровье, почтеннѣйшій своякъ! (*Пьетъ*).

окунь (*про себя*). Чтобъ тебѣ захлѣбнуться, бездонная бочка. дундукъ (*закусывая*). Восхитительная наливка! Да! и закуска — надо отдать справедливость — со вкусомъ, хлѣбосольная! Сейчасъ видно зажиточнаго помѣщика. Хлѣбосоль, вы, Андрей Ильичъ, старинный хлѣбосоль. (*Про себя*). Молчить какъ пень! (*Ему*). А что дражайшій своякъ, имѣетъ ли право Володя по духовному завѣщанію....

окунь (*съ сердцемъ*). Сдѣлайте милость, Лука Лукичъ, не сбивайте меня. — Я тороплюсь, а вы тутъ, какъ на смѣхъ съ пустяками.

(*Нюхаетъ табакъ. Вообще окунь часто приближаетъ къ табакеркѣ*).

дундукъ. Какіе пустяки.... Я говорю, что Володя нашъ, вольный казакъ; что вы отличный хлѣбосоль, и что наконецъ, оpekъ нашей наступилъ конецъ.

окунь. Ну, мы это еще увидимъ.... А теперь, пожалуйста, прошу васъ оставьте меня въ покоѣ.

дундукъ. Помилуйте, Андрей Ильичъ! да вѣдь вы же вытащили меня до пѣтуховъ изъ моей берлоги. Вотъ я и прискакалъ сюда, полагая, что у васъ все уже готово; какъ между тѣмъ....

окунь. Ну конечно! теперь остается только уломать моего почтеннаго свояка.... Ну, да съ этимъ безногимъ медвѣдемъ мнѣ не въ первые ломаться, подписеть. (*Двѣляетъ видѣ читающаго бумагу потирая отъ удовольствія руки*). Ну-ка Лука Лукничъ, выслушайте меня порядкомъ.

дундукъ (*садясь*). Съ удовольствіемъ. Я порядки люблю. (*Выпускаетъ сигарный дымъ подѣ самый носъ Окуню. Оставляя стулъ, идетъ къ дивану, мурлыча*). Моя позиція будетъ здѣсь, за этимъ брустверомъ. Извольте стрѣлять, то есгь извольте начинать, только по-громче.... Я васъ слушаю, н.... (*наливаетъ и пьетъ*). кушаю.... готово.... (*крякаетъ*). Извольте.

окунь. Племянникъ нашъ, Володя, или, пожалуй Владиміръ Петровичъ, кончилъ курсъ въ Университетѣ благополучно.

дундукъ. Знаю. Онъ писалъ.

окунь. Не перебивайте.... Онъ намѣренъ отправиться, за границу для какого-то усовершенствованія....

дундукъ. И это знаю.

окунь. Сдѣлайте милость, не перебивайте.... но напередъ, какъ вамъ извѣстно изъ его письма — онъ заѣдетъ къ намъ, или лучше сказать, къ себѣ въ деревню.

дундукъ. Милости просимъ.

окунь. На путешествіе за границу надобны деньги, а у него ихъ нѣтъ. И по этой-то причинѣ, я въ постояннѣйшей моей заботливости, придумалъ....

дундукъ. Хватить по боку его имѣніе, не такъ ли?

окунь. Фи! какія выраженія!

дундукъ. Винавать! не буду.... И такъ вы, придумали....

окунь. Придумалъ: предложите ему отдать его имѣніе въ арендное содержаніе, разумѣется въ благонадежныя руки, съ тѣмъ, чтобы арендаторъ выдалъ ему впередъ потребное на путешествіе его количество денегъ.

дундукъ. Хитро придумано. А гдѣ-жъ этотъ благодѣтель — арендаторъ?

окунь. Арендаторъ долженъ быть человѣкъ почтенный, честный, аккуратный, знающій сельское хозяйство, не на обумъ, а практически. — Искать такихъ людей на сторонѣ — хлопотливо. Да и кто же изъ чужихъ будетъ столько великодушень.

дундукъ (*въ сторону*). Комедіантъ! (*ему*). Позвольте, дражайшій своякъ, докончить вашу мудрую рѣчь. Вы думаете, что арендаторъ долженъ быть свой человѣкъ, а не чужой, — и я тоже думаю. Своихъ у племянника только двое: вы да я. Я

бѣднякъ и кутила; слѣдовательно, въ арендаторы не гожусь. Вы съ состояніемъ и съ выгодной репутаціей: значить — вы годитесь, угадалъ ли я, почтеньѣйшій своякъ?

окунь. Конечно; хвалить себя нейдетъ. Но чтобъ предложеніе мое не показалось ему нѣсколько подозрительнымъ, надобно, чтобъ и вы съ своей стороны изъявили рѣшительное согласіе.

дундукъ. О, сколько угодно.

окунь. И не станете противурѣчить?

дундукъ. Помилуйте, своякъ, какое мнѣ дѣло до вашихъ безкорыстныхъ услугъ?

окунь. Слѣдовательно — эту статью можно считать конченною?

дундукъ. Совершенно! И да здравствуютъ всѣ арендаторы въ мірѣ, начиная съ васъ! Ваше здоровье, Андрей Ильичъ! желаю успѣха въ вашемъ будущемъ предпріятіи. (*Пьетъ и закусываетъ*). Ну-съ, теперь что еще изволите скомандовать?

окунь. Теперь перейдемъ къ предмету другаго рода. Извольте выслушать. Съ пріѣздомъ сюда нашего Володи, попечительство наше надъ нимъ должно кончиться. Прежде всего мы обязаны предъявить ему отчетъ о всѣхъ суммахъ, которыя мы израсходовали въ послѣдніе четыре года, за тѣмъ мы получимъ отъ него квитанцію съ благодарностью, за наши труды по управленію, и дѣло съ концомъ, — ясно?

дундукъ. Чрезвычайно ясно!

окунь. Прослушайте же, Лука Лукичъ, отчетъ.

дундукъ. Слушаю. Извольте провозглашать.

окунь (*читаетъ*). Статья 1-я. Старый господскій домъ, прішедшій отъ времени въ совершенную ветхость, такъ что не было никакой возможности поддерживать его починками и поправками, былъ сломанъ до основанія, и на томъ мѣстѣ возведено новое прочное деревянное строеніе, по новому плану и въ самомъ лучшемъ вкусѣ. Постройка сія обошлась въ 23,786 р. 34½ к. ассигнаціями.

дундукъ. Хорошо. (*Въ сторону*). А потрачено-то съ небольшимъ 800 р. Ай-да мы! (*Ему*). А все таки какъ-то жаль, что въ новомъ домѣ нѣтъ ни буфетной, ни бильярдной. — Далѣе.

окунь. Статья 2-я. Въ прошедшую осень, попущеніемъ Божіимъ, былъ копскій надежъ....

дундукъ (*въ сторону*). Издохли три старыя кобылы.

окунь. Чтобы не оставить бѣдныхъ крестьянъ безъ необходимой въ сельскомъ быту помощи, и чтобъ по довести ихъ до

нищеты и разоренія — искуплено 38 головъ, за каждую круглымъ числомъ по 185 рублей, итого 7,030 р. ассигнаціями.

дундукъ. Дешево. Когда я ремонтировалъ, покупалъ дороже. Далѣе.

окунь. Статья 3-я, на обмеженіе полей послѣ малыхъ урожаевъ для всей деревни 315 кулей, по 22 руб. итого 6,630 руб. ассигнаціями.

дундукъ. Распорядительно. (Въ сторону). Ай-да своякъ! такъ тысячами и хлещеть. — Далѣе.

окунь. Статья 4-я. Заплачено за новую рессорную бричку пѣмецкой работы, по желанію самаго Володи 3,000 рублей.

дундукъ. Не дорого. (Въ сторону). Для избѣзженнаго чухонскаго кузова.... Далѣе.

окунь. Статья 5-я. На содержаніе Владиміра въ столицѣ по 2,500 р., а въ четыре года 10,000 р., — да на разныя потребности и необходимыя удовольствія, переслано къ нему въ теченіе сего времени 6,200 р., итого 16,200 р. ассигнаціями.

дундукъ. Не дурно, чортъ возьми! Студентъ издержалъ въ четыре года 16,000 р. — Это въ моемъ вкусѣ! Я говорилъ вамъ, любезный своякъ! племянникъ нашъ лихой мальій.... Далѣе!

окунь. Тутъ и все, за исключеніемъ пѣкоторыхъ бездѣлушекъ, — общій итогъ составляетъ 70,000 р. съ копѣйками.

дундукъ. О-го-го-го! — Ну, а доходовъ-то въ четыре года?... сколько составитъ въ итогъ? Вѣдь 500 душъ слишкомъ....

окунь. Вотъ такъ-то, любезный своякъ; вы всегда на все смотрите, съ позволѣнія сказать, гусарскими глазами, — 500 душъ!... Да, 500 по ревизіи, а не на лицо! 500 душъ. А сколько изъ нихъ таскаются по міру, сколько въ бѣгахъ; сколько.... О, да что и говорить!... Такимъ образомъ позволите видѣть, любезный своякъ, за всѣми расходами имѣется въ остаткѣ, 3,200 р. ассиг.

дундукъ. Только-то?... Маловато!...

окунь. Конечно, маловато. Но если сообразить расходы, такъ правю, не знаешь, какъ и такой остатокъ уцѣлѣлъ.... Теперь, любезный своякъ, слѣдуетъ утвердить все это нашею подписью. Я съ своей стороны, подмахнулъ. Не угодно ли вамъ?

дундукъ. Извольте, почтеннѣйшій своякъ, извольте! — А какъ по пословицѣ, гдѣ рука тамъ и голова, такъ.... знаете.... для бодрости.... (Пьетъ и закусываетъ). Теперь пожалуйста.... (Садится къ столу, взявъ отъ опекуна бумагу и перо). 70,000!... 70,000 рублей! Славный кушъ! Еслибъ напримѣръ, нашему брату на го-

лодные зубы, хоть бы половину, ну, да хоть четвертую долю... чудесно бы отыгрался... 70.000!... жаль бы я знать, сколько утянул отсюда мой своякъ, — а что утянул, так это вѣрно, къ колдуну не ходи... а вѣдь молчитъ, бестія!... Ни слова!... Да нѣтъ, чортъ возьми, на этотъ разъ онъ даромъ отъ меня не отбѣдетъ... Андрей Ильичъ! Сядьте-ка почтениѣйшій, да выслушайте меня порядкомъ.... (*Тотъ садится*). Я, какъ вы знаете, небольшой грамотѣй, счеты сводить не мастеръ, а такъ, знаете, рассчитываю по нѣкоторымъ примѣрамъ.... миѣ все кажется, будто.... остатокъ-то маловатъ.

окунь. Вы шутите, Лука Лукичъ!

дундукъ. Какія тутъ шутки! Я думаю.... остатокъ-то маловатъ....

окунь. Такъ вы сомнѣваетесь?

дундукъ. Нѣтъ, не то.... но въ остаткѣ-то какъ будто маловато.

окунь. Значить, вы подозрѣваете?

дундукъ. Эхъ, Андрей Ильичъ, все не то вы говорите. Послушайте, мы съ вами старинные друзья; опекунствуемъ вотъ ужъ 9 лѣтъ; слѣдовательно знаемъ другъ друга немножко....

окунь. Конечно.... по....

дундукъ. Позвольте. Въ прежнее время вы бывали откровенны, даже очень откровенны.... а теперь что-то не то.... Послушайте, Андрей Ильичъ! насъ здѣсь двое, бояться некого, никто не услышитъ. Скажите по совѣсти, безъ утайки.... сколько? — А? сколько именно?

окунь. Я не понимаю.... чего вы хотите?

дундукъ. А! не понимаете? (*про себя*) Объяснюсь съ нимъ начисто. (*Подходитъ къ столу съ закуской и пьетъ*). Андрей Ильичъ!... Вы знаете подполковника Зарубаева?

окунь. Какъ не знать — сосѣдъ.

дундукъ. Хмъ.... А штабъ-капитана Свѣтелкина?

окунь. Знаю; тоже сосѣдъ.

дундукъ. Хмъ.... хорошо!... А Ипканора Савельича?

окунь. Все люди знакомые, пріятные сосѣди. (*Про себя*). Картежники первой руки.

дундукъ. Хмъ.... Ну, такъ извольте видѣть.... Не далѣе какъ въ прошедшій вторникъ, я спустилъ имъ, всѣмъ троицъ.... какъ вы думаете, сколько?

окунь. Жаль миѣ васъ, Лука Лукичъ! — И что вамъ за охота взываться, съ этими, прости Господи, мошенниками!

дундукъ. Извините — славные ребята! — Однакожь, какъ вы думаете, сколько?

окунь. Эхъ, своякъ, когда вы бросите эту запрещеную игру.

дундукъ. Извините — игра благородная!... но не въ томъ дѣлю... я спустилъ имъ... 2,500 рублей серебромъ.

окунь. Господи, помилуй насъ!

дундукъ. На честное слово, до завтра. Вотъ ужъ проходить недѣля, а они ни гроша отъ меня не получили, потому что у меня ни гроша нѣтъ. Между тѣмъ, я привыкъ соблюдать въ этихъ дѣлахъ строжайшую честность. Вы это должны знать. И такъ знаете ли что, почтенный своякъ?

окунь. Говорите...

дундукъ. Чтобъ не терять напрасно времени, я скажу прямо... одолжите мнѣ 2,500 цѣлковыхъ.

окунь. Бога вы не боитесь, Лука Лукичъ! Да гдѣжь я возьму такую сумму...

дундукъ. Полноте своякъ, прикидываться, денегъ нѣтъ! Ну какъ не быть у васъ деньгамъ!... между нами сказать, Андрей Ильичъ, я вѣдь не совѣмъ такъ ротозѣй. Смѣкаю кое что. — Вотъ напримѣръ, прошедшимъ лѣтомъ... я выстроилъ для себя, въ деревенькѣ домикъ, тамъ есть и буфетная и бильярдная... А какъ вы думаете — что онъ мнѣ стоилъ?

окунь. Я въ чужія дѣла не мѣшаюся.

дундукъ. Полно такъ ли, своякъ?... а домикъ-то не хуже этого. (Показываетъ на бумагу). А стоилъ-то дешевле этого въ десять разъ! — Слышите?

окунь. Что жъ вы хотите этимъ сказать?

дундукъ. Да ничего, кромѣ того, что я... смѣкаю кое-что.

окунь. Вы, Лука Лукичъ, бываете необыкновенно смѣтливы, когда... этакъ... знаете... черезъ чуръ...

дундукъ. А... да... то есть, когда черезъ чуръ, (щелкаетъ по галстуку). Конечно... ваша правда... Впрочемъ, у всякаго своя слабость и свои достоинства... если я здѣсь черезъ чуръ, за то, вы тутъ черезъ чуръ, (показываетъ карманъ). Не такъ ли?

окунь (въ сторону). Вотъ уподчивалъ на свою голову! (Ему) Это еще что?

дундукъ. Аллегоріи, всепочтеннѣйшій и любезнѣйшій своячекъ, аллегоріи, — но въ сторону ихъ... Пожалуйте мнѣ въ знакъ родства и пріязни, 2,500 цѣлковыхъ, и я хоть 20 такихъ отчетовъ подпишу.

окунь. Что вы хотите этимъ сказать? Стыдно, вамъ, Лука Лукичъ, обижать меня такими двусмысленными шуточками.

дундукъ. Да я и не думаю шутить.

окунь. А! вы не шутите.... Вы говорите серьезно!... Такъ знайте, что ваши слова оскорбляютъ меня, оскорбляютъ мою честь.... мое званіе.... Я такой же дворянинъ, какъ и всякій другой.... Что вы колете меня отчетомъ!... У меня слава Богу, есть на все документы.... я знаю порядокъ.... я не мальчикъ.... я третій калачъ.... понимаете?.. Меня весь уѣздъ знаетъ.... порядочные дворяне.... самъ предводитель.... я не мотъ какойнибудь.... не картежникъ, не игрокъ, не пья....

дундукъ. Тсъ — погодите!... Ужъ если вы такъ расходились съ своею честностью, такъ я вамъ по секрету доложу, что васъ *дѣйствительно знаютъ*.... и дворяне и предводитель, и, если угодно, весь уѣздъ, да та бѣда, что *знаютъ*-то не съ той стороны, какъ вы полагаете, — нѣтъ, батюшка, шила въ мѣшкѣ не утаишь, всякій смыслить, какимъ образомъ нажили вы новую деревеньку въ ближайшемъ уѣздѣ.

окунь. Я клеветы не боюсь.... клеветуютъ завистники; клеветуютъ тѣ, у кого и изъ родительскаго-то не осталось ни гроша отъ хорошей жизни.

дундукъ. Кто отцовское промоталъ, тотъ по-крайней мѣрѣ, племянниковъ не обиралъ.

окунь. Обиралъ бы и лучше, да не умѣетъ.

дундукъ. А! вы считаете меня по-прежнему, олухомъ, пѣшкой, болваномъ, который дальше своего носа не видитъ? И это за то, что я до сихъ поръ, молча смотрѣлъ на ваши опекунскія продѣлки!... Дайте срокъ, я покажу вамъ, каковъ я олухъ! Я выведу васъ на свѣжую воду! — Слышите ли, пищать!

окунь. Плюю на ваши угрозы!... У меня, слава Богу, есть еще защитники! не выдадутъ!

дундукъ. Нѣтъ, не то нынче время! Не много надѣйтесь на плута — судью, вашего куманька! Его самага, какъ поговариваютъ, скоро согнуть въ бараній рогъ.

окунь. Нѣтъ терпѣнья слушать.... пожалуйста отчетъ!

дундукъ. Пожалуйте 10 тысячъ.

окунь. Какъ! Ужъ теперь 10?

дундукъ. Да, теперь 10. — А развѣ вы меньше тащите изъ этихъ 70-ти?... Послушайте, своякъ! Я терпѣть не могу торговаться; но ужъ если на то пошло, то прошу не взыскать, я упрямя.... и такъ говорите! да, или нѣтъ?

окунь (*въ сторону*). Чортъ меня дернулъ пригласить его!... обошлось бы и безъ него; а вотъ теперь, изволь развѣдываться съ этимъ медвѣдемъ.

дундукъ (*въ сторону*). Своякъ кажется, трухнулъ.... дѣло пойдетъ на ладъ.... я не отстану.... рубить такъ рубить!... нѣтъ пардону, чортъ возьми! (*Поетъ*). Наливай, братъ, наливай!... (*Поетъ*).

окунь (*подумавъ, смирише и умилиительно*). Ну такъ и быть, я согласенъ, одолжите вамъ тысячи полторы — двѣ.... только подпишите.

дундукъ (*въ сторону*). Вретъ! найдешь и десять!... (*Ему*). Любезный своякъ! мнѣ нужно не полторы и не двѣ, а ровнехонько 10 — тысячъ; одолжите мнѣ ихъ — и Богъ съ вами.

окунь (*въ сторону*). О, варваръ! онъ задушить меня! (*Ему*). Двѣ, ни какъ не больше

дундукъ. 10, — и ни какъ не меньше

окунь. Но у меня столько нѣтъ.

дундукъ. Есть.

окунь. Я вамъ говорю, нѣтъ.

дундукъ. Я вамъ говорю, есть.

окунь (*разгорячаясь*). Такъ нѣтъ же, — слышите ли?

дундукъ (*тоже*). Это послѣднее ваше слово?

окунь. Послѣднее!

дундукъ. Рѣшительное?

окунь. Рѣшительное! — Болѣе двухъ тысячъ, не имѣю, не могу.

дундукъ. Дайте мнѣ десять! меньше не беру!

окунь (*съ крикомъ*). Нѣтъ.... не дамъ.... у меня нѣтъ.... вы сумасшедшій! — Оставьте меня.

дундукъ. Такъ-то? До свиданія! Я вамъ покажу себя; я оставлю васъ — пицать! Слышите ли — пицать! (*Уходитъ*).

окунь (*огорченъ*). — Онъ беретъ себя за голову, и садится на кресло у письменнаго стола, раздумывая).

дундукъ (*показываясь въ дверяхъ*). Ты будешь у меня пицать, да! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

окунь (*одинъ, вскопчивъ*). Убирайся вонъ, разбойникъ! Чудовище! Извергъ! Сатана!... О, Боже мой! Я не могу въ себя прийти... чувствую головокруженіе.... вся кровь бросилась въ голо-

ву... я весь какъ въ огнѣ.... (Ходитъ скорыми шагами въ волненіи, потомъ отпираетъ окна, навъвая на себя свѣжій воздухъ, когда онъ отперъ второе окно, то въ противоположномъ, уже открытомъ, показывается съ улицы Дундукъ, крича). «Я заставаю тебя пищать!»

(Окунь съ бѣшенствомъ бѣжитъ къ окну и захлопываетъ его).

Анафема!... Дьяволь!... Чтобъ тебѣ провалиться сквозь землю!... Чтобъ у тебя послѣдняя нога отсохла... Чтобъ тебѣ... О, я не знаю, что со мной будетъ... Голова трещить... Тутъ (показываетъ на грудь) душить... давить... (Отворяетъ снова прежде закрытое окно, смотритъ вдаль, и потомъ опять закрываетъ его, еадясь въ нѣкоторомъ изнеможеніи къ письменному столу; потомъ прохаживается медленно по разнымъ направленіямъ). Пищать!... говорить онъ... заставить меня пищать? что онъ хочетъ этимъ сказать? Что значить это выраженіе?... Ужъ не намѣренъ ли онъ донести на меня... отчетъ у него остался... Чего добраго, отъ этого звѣря все станется... Онъ способенъ на всякія мерзости... десять тысячъ!... дай ему десять тысячъ! Шутка... И хоть бы на дѣло какое просилъ; а то, продулся въ карты... Куда какъ благородно!... Славный народецъ — нечего сказать—эти бездомные дворяне, хуже разбойниковъ! На большой дорогѣ... (При послѣднихъ словахъ, слышится дорожный колокольчикъ; сперва тихо, потомъ громче и громче, наконецъ замолкъ предъ самымъ домомъ Окуня, который все прислушивался и отворилъ окно). Кого это въ такую пору Богъ посылаетъ?... Лице не знакомое... (Прислушивается въ окнѣ). Спрашиваетъ меня... Кто бы это и зачѣмъ? (Хлопочетъ у стола около разбросанныхъ бумагъ.—Звонитъ). Калистратка!

(Калистратъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ОКУНЬ, КАЛИСТРАТЪ, ПОТОМЪ СЕМЕНЫЧЪ (чисто одѣтый).

ОКУНЬ. Къ намъ пріѣхалъ кто-то въ тройкѣ. Опять не уѣздный ли какой. Поди, бѣги. Если уѣздный, проси. Я поприѣдвусь. Да смотри у меня—учтивѣе, деликатнѣе. Баринъ молъ просилъ обождать. Сейчас выйдутъ. Понимаешь? Вотъ такъ.

(Дѣлаетъ примѣръ и уходитъ).

КАЛИСТРАТЪ. Слушаю-съ. (*Входитъ Семенычъ*). Баринъ просилъ, васъ, обождать-съ ихъ. Сію минуту выйдутъ. Только поприодѣвнутся... Вы изъ уѣзда-съ? Не прикажете ли чего-съ?

СЕМЕНИЧЪ (*хохочетъ*). Ну, братъ, Калистратъ, скоро же ты забылъ земляка. А кажется въ одномъ прудѣ рыбу ловили.

КАЛИСТРАТЪ. Ахъ, ты Господи, твоя воля! Семень Семенычъ!.. (*Здороваются*). Какъ васъ Богъ милуетъ? Ну, Семень Семенычъ, не узнать бы мнѣ васъ, если бъ не подали голоса.

СЕМЕНИЧЪ (*насмльливо*). Семень Семенычъ!... Вы!... Васъ!... Это что такое, Калистратъ? Я, братъ, церемоній не люблю. Меня зовутъ по прежнему — Семенычъ.

КАЛИСТРАТЪ. Нельзя... Семенычъ! Я учливство знаю. Вѣдь говорятъ, вы тамъ въ Питерѣ-то, у молодого барина въ командиренахъ.

СЕМЕНИЧЪ (*слегка ударивъ его по затылку*). Полно вздоръ молоть. Я прежній Семенычъ какъ и былъ.

КАЛИСТРАТЪ. Поди же ты, не вѣрь послѣ этого снамъ. Вотъ оно и вышло, что надо вѣрить.

СЕМЕНИЧЪ. Такъ ты видѣлъ меня во снѣ?

КАЛИСТРАТЪ. Нѣтъ, не тебя, Семенычъ, а такъ видишь, пришлось, будто моя старуха дѣвчонку родила... (*Семенычъ смѣется*). Не смѣйся, Семенычъ; дѣвчонку во снѣ родить, значитъ диво видѣть.

СЕМЕНИЧЪ (*лучше смѣется*). Да какое же я-то диво?

КАЛИСТРАТЪ. Да какъ же не диво! Вѣдь годковъ съ пятокъ, какъ не видались.

СЕМЕНИЧЪ. Нѣтъ, Калистратъ, подымай выше. Безъ году десятокъ.

КАЛИСТРАТЪ. Ахъ, ты Господи! И вправду такъ. А что Семенычъ, поглядѣть на тебя—такъ ты все такой же.

СЕМЕНИЧЪ. Да и ты такой же; намъ старикамъ что дѣлается. А вотъ посмотрѣлъ бы ты на барина.

КАЛИСТРАТЪ. А! и онъ тоже пожаловалъ?

СЕМЕНИЧЪ. Нѣтъ еще. Онъ въ дорогѣ... Однако же погоди, Калистратъ, мы съ тобой успѣемъ еще наговориться... Поди-ка до проворнѣй доложи обо мнѣ Андрею Ильичу.

КАЛИСТРАТЪ. Ладно, ладно!

(*Хочетъ идти, но съ эту минуту выходитъ Окунь переодѣтый, разшаркивался съ Семенычемъ. — Тотъ кланяется какъ слѣдуетъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТЪ ЖЕ И ОКУНЬ.

ОКУНЬ. Милостивый государь!... Кого имѣю удовольствіе...
(*Калистратъ видя ошибку барина, смѣется въ кулакъ и ускользаетъ въ дверь*).

СЕМЕНЬЧЪ. И вы, сударь, меня не узнали?... Семеныча, стараго дядьку, Владиміра Петровича!

ОКУНЬ. Ахъ ты... лѣшій тебя возьми!... Вѣдь никакъ узнать нельзя. Ну, Семенычъ, быть тебѣ богатымъ.

СЕМЕНЬЧЪ. Благодаримъ покорнѣйше. (*Въ сторону*). И баринъ съ примѣтами.

ОКУНЬ. Помяни мое слово. (*Садится въ кресло*). Ну, Семенычъ; рассказывай! Здоровъ ли Володя, каковъ онъ? Да ужъ ты не съ нимъ ли?

СЕМЕНЬЧЪ. Никакъ нѣтъ-съ, сударь; Владиміръ Петровичъ, изволили въ дорогѣ занемочь; такъ и своротили къ товарищу въ деревню. Кажись предводительскій сынокъ. Ъхали-то они вмѣстѣ. А меня послали къ вашей милости съ письмецомъ. Вотъ извольте. (*Подаетъ*).

ОКУНЬ. Давай, давай, прочтемъ. (*Беретъ*). А ты братъ съ устатку-то. (*Показываетъ на закуску*).

СЕМЕНЬЧЪ. Благодаримъ на чести.

ОКУНЬ. Что за честь; съ дороги надо ѣсть... Хвати-ка,хвати, Семенычъ. (*Семенычъ пьетъ и закусываетъ*).

ОКУНЬ (*читая, восклицаетъ по временамъ*). А!.. Есть!... И это тоже!... Все, все какъ слѣдуетъ!... Эге какія затѣи!... Все, о чемъ пишетъ Володя, все есть, въ порядкѣ, устроено. А ужъ, какую, братъ, мызу мы ему сварганили, такъ что твой дворецъ! Въ копѣйку правда стала; но да ужъ за то и мыза! Не то что при покойницѣ матушкѣ его!

СЕМЕНЬЧЪ. Владиміръ Петровичъ приказали мнѣ осмотрѣть его домикъ, и если что нужно...

ОКУНЬ. Ничего не нужно. Все есть — въ лучшемъ видѣ!... Ну, да расскажи же, Семенычъ, какъ вы тамъ съ баринкомъ-то, съ Володей. Я думаю, выросъ, возмужалъ?... Шутка ли, девять лѣтъ скоро, какъ оставилъ насъ. Ну, каковъ онъ?

СЕМЕНЫЧЪ. Чудовый, сударь, баринъ! Просто сказать — кровь съ молокомъ. Всѣмъ взялъ, и ростомъ и всѣмъ...

ОКУНЬ. Поди-ка ты! А вѣдь помнишь, какимъ мышенкомъ поѣхалъ отъ насъ.

СЕМЕНЫЧЪ. Точно, сударь! мышонокъ!

ОКУНЬ. Ну, а того, какъ бы сказать, то есть, того, любить этакъ въ иной часъ пошалить, погулять?

СЕМЕНЫЧЪ. Какое, сударь, гулять. Владиміръ Петровичъ, что твоя красная дѣвушка. Ни куда ни погой. Все за книгами, да за картами-съ.

ОКУНЬ. За картами?

СЕМЕНЫЧЪ. Да, сударь; и за картами. Эти карты не тѣ, во что, знаете, играютъ. Это большія карты. Вотъ такія.

(Описываетъ съ воздухъ большой квадратъ).

ОКУНЬ. А!... А ужъ я думалъ... Ну, а этакъ, того, съ пріятелями, то есть, иногда бываетъ?

СЕМЕНЫЧЪ. Какъ же-съ. Всякой вечеръ такой поднимуть споръ, что и Боже упаси,— а кончится все весело: посмѣются и разойдутся.

ОКУНЬ. Нѣтъ, Семенычъ, не то. Я говорю не случается ли этакъ, иногда съ товарищами, по бутылочной части?

СЕМЕНЫЧЪ. На счетъ-то хмѣльнаго? Оборони Господи! Кромѣ сахарной воды никакихъ напитковъ не любить.

ОКУНЬ. Вотъ какъ!... По мнѣ пошелъ... Ну, а не любить ли Володя тово — воно... поволочиться...

СЕМЕНЫЧЪ. Что это, сударь—поволочиться?...

ОКУНЬ. Экаго ты простака корчишь, Семенычъ! *(Въ-сторону).* Кажется, продувной плутъ! *(Къ нему).* Такъ ты не знаешь, что такое—поволочиться?

СЕМЕНЫЧЪ. И не слыхивалъ.

ОКУНЬ. Мошенникъ!

(Въ-сторону).

СЕМЕНЫЧЪ *(какъ-бы вспоминая что-то)*. Ахъ, сударь Андрей Ильичъ, къ вамъ есть просьба. Владиміръ Петровичъ приказали мнѣ, какъ я приѣду, тотчасъ посмотрѣть ихъ братца, Сергѣя Петровича,— они чай, великошки ужъ?

ОКУНЬ. Дѣло Семенычъ, дѣло; посмотри. *(Звонитъ.— Входитъ Калистратъ)*. Калистратъ! проводи-ка Семеныча къ Сережѣ. Да того, не забудь угостить пріѣзжаго; хорошенько, шо дегуевенски, знаешь?... Ну, съ Богомъ, Семенычъ. Часа черезъ два отправимся въ село Володи; будь готовъ. Ахъ, постой, не заѣзжалъ ли ты къ Лукѣ Лукичу?

СЕМЕНИЧЪ. Никакъ нѣтъ-съ.

(Калистратъ и Семенычъ откланиваясь, уходятъ).

ОКУНЬ. Вретъ, плутъ. (Пробѣгая письмо Володи). Володя теперь у предводителя, на дняхъ у насъ будетъ, можетъ и завтра. Ну что жъ, пожалуй хоть и завтра, милости просимъ... Да только любезный племянникъ, многое ты затѣваешь; не въ пору замничалъ. «Рано пташечка заплѣла, чтобы кошечка не съѣла.» —
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОКУНЬ И СЕРЕЖА.

СЕРЕЖА. Ахъ, какъ я радъ, дядюшка! Какое счастье, какое веселье! И Калистратъ тоже говорить, и тотъ—другой, что пріѣхалъ.

ОКУНЬ. Да, да, милый Сережа! Братъ твой ѣдетъ, ты скоро его увидишь. А какъ пріѣдетъ, я тотчасъ тебя представлю ему. Похвало твое прилежаніе, твои способности, твое поведение.

СЕРЕЖА. И вы дядюшка, скажете въ этомъ случаѣ правду, потому что...

ОКУНЬ. Тсъ! Когда старшій не кончилъ, младшій не долженъ перебивать.

СЕРЕЖА. Виновать, дядюшка!

ОКУНЬ. Вотъ напримѣръ, онъ спроситъ тебя: какъ ты время проводишь? Какъ съ тобой обращаются, напримѣръ: я, Кали-

стратъ и другіе, или тетинька Анна Львовна?... Ну, ты тутъ и скажешь, разумѣется....

СЕРЕЖА. О, дядюшка, сухую правду.

ОКУНЬ. Ну, да, правду, конечно правду. Я всегда училъ тебя говорить правду... А если, напримѣръ и бывали какія нибудь непріятности... Помнишь, ты какъ-то урока не зналъ?....

СЕРЕЖА. Ахъ, нѣтъ, я уроки всегда знаю!

ОКУНЬ. Вотъ ужъ ты и споришь. Помнишь, разъ ты какъ-то много шалилъ.

СЕРЕЖА. Не помню, дядюшка!... Ахъ, да, когда разбилъ любимую вашу чашку. А еще—когда я выпустилъ канарейку, или постоитъ, когда Петиньку по носу шелкнулъ. Онъ однакожь первый меня задѣлъ. Меня тогда больно наказали.

ОКУНЬ. Ну вотъ ты ужъ и преувеличиваешь! Какое же тутъ наказали. Наказываютъ однихъ деревенскихъ мальчишекъ, или дворовыхъ... А такого умнаго мальчика, какъ ты, кто же смѣетъ наказать? Это совсѣмъ не то.

СЕРЕЖА. Ахъ, дядюшка, вы давно не были такъ ласковы. Позвольте, я пойду къ братцамъ; мосье Дюранъ хотѣлъ съ нами ботанизировать... Ха, ха, ха! Я теперь вспомнилъ, за что тетинька мнѣ разъ уши выдрала. Вообразите, мы ботанизируемъ, я увидѣлъ премиленькую полевую гвоздику; наклоняюсь, чтобъ сорвать; какъ вдругъ Петя, сзади, толкъ меня въ спину, я и упалъ. У меня и до сихъ поръ царапина. *(Показываетъ на лобъ)*. Да ужъ за то и я его...!

ОКУНЬ. А! вотъ видишь и ты его.... Такъ значитъ вы и квиты.

СЕРЕЖА. Только ему ничего не было; а у меня уши болятъ и теперь.

ОКУНЬ. Ужъ и болятъ! Да вотъ хоть бы я возьму. *(Беретъ за ухо и треплетъ шутя)*. Ну что?

СЕРЕЖА. О! этакъ-то не больно.... Нѣтъ, я знаю отчего, ему никогда ничего не дѣлаютъ: тетинька его любитъ, а меня нѣтъ; да и онъ меня не любитъ. А все оттого, что я свои уроки знаю, а онъ не знаетъ... Да онъ и цвѣтовъ не любитъ.

ОКУНЬ. Ну полно объ этомъ. Завтра еще поговоримъ. Теперь ступай къ мосье Дюрану.

СЕРЕЖА *(идетъ, но возвращаясь)*. Ахъ, дядюшка! Прикажите, чтобъ Петинька остался дома. Онъ только мѣшаетъ намъ въ полѣ.

ОКУНЬ. Хорошо, хорошо; прикажу.

(Серезжа уходитъ прискакивая и что-то наплевая).

ОКУНЬ. Вотъ извольте видѣть, какія замѣтки въ десятилѣтнемъ. Что же будетъ впередъ? Старшій былъ точь въ точь такой же негодяй!

(При послѣднихъ словахъ слышится колокольчикъ ближе и ближе, и звонъ останавливается у дома Окуня).

Дался же мнѣ нынѣшній день. Опять кто-то, — часа спокойнаго нѣтъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

ОКУНЬ И КАЛИСТРАТЪ.

КАЛИСТРАТЪ *(вбѣгая изъ среднихъ дверей)*. Губернскій чинownikъ, баринъ, говоритъ, отъ предводителя.

ОКУНЬ. Отъ предводителя?

КАЛИСТРАТЪ. Говоритъ отъ губернскаго, очень нужно видѣть васъ.

ОКУНЬ. Отъ губернскаго предводителя! Кой чортъ, чтобы это такое? Опять таки одѣвайся. Ну, чтожь ты сталъ, какъ пень... Пошелъ, проси... Скажи... ну, да не каждый же разъ вбивать тебѣ въ башку: какъ принимать уѣздныхъ чиновниковъ.

КАЛИСТРАТЪ. Да, этоть, сударь, губернскій! Въ мундирѣ.

ОКУНЬ. Пошелъ, болванъ! Проси подождать; я сію секунду вернусь. Будь учтивъ. *(Калистратъ уходитъ)*. Въ мундирѣ! что бы это значило? *(Поспѣшно уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ III.

КАЛИСТРАТЪ И МОРОЗОВЪ *(въ мундирѣ и при штагѣ, маленькая пріятная борода и бакены, подъ мышкой портфель)*.

КАЛИСТРАТЪ *(отворивъ обѣ половинки)*. Пожалуйста-съ. Баринъ просили васъ обождать-съ ихъ. Сію секунду выйдутъ. Только одѣнутся-съ... Не прикажете ли чего?

МОРОЗОВЪ. Ничего, любезный!... Я подожду... Ступай!

(Идетъ къ авансценѣ).

КАЛИСТРАТЪ (про себя). Любезный!... Сейчасъ видно, что не помѣщикъ.

(Уходя, не плотно затворяетъ за собой двери и до половины изъ нихъ высовывается, пристально разглядывая Морозова; но тотчасъ же скрывается, запирая двери, когда Морозовъ, дойдя до передъ сцены, быстро къ нему оборачивается).

МОРОЗОВЪ. Подслушваніе и подсматриваніе еще не вывелось. И Калистратъ все тотъ же что и былъ... Что-то найду я въ дядюшкахъ? (Немного подумавъ). Вотъ я, наконецъ на роднѣ!... Почти дома. (Осматриваетъ комнату). Все такъ какъ было. безъ переменъ... Привычка патріархальная!... Жаль только, что нравы-то.... (Немного подумавъ). Однакожъ надо и о себѣ подумать... Рѣшился-то я скоро... Но какъ-то выдержу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МОРОЗОВЪ И СЕМЕНЫЧЪ.

СЕМЕНЫЧЪ (тихо). Все исполнено, сударь.

МОРОЗОВЪ. Тсъ! Ну что, каковъ здѣшній?

(Говоря объ Окунѣ).

СЕМЕНЫЧЪ. Хитеръ, сударь; больно хитеръ.

МОРОЗОВЪ. А Дундукъ?

СЕМЕНЫЧЪ. Этотъ по-проще. А ужъ какъ обрадовался! Такъ меня и цалуетъ, и говоритъ: ну, говоритъ, теперь руки развязаны.

МОРОЗОВЪ. А! Ну, а братъ мой... видѣлъ?

СЕМЕНЫЧЪ. О, сударь! мы крѣпко съ нимъ познакомились. Подарки ваши отдалъ — такъ и прыгаетъ.

МОРОЗОВЪ. А какъ думаешь! Узнаютъ меня?

СЕМЕНЫЧЪ. Не бойтесь, сударь, ни одному и въ голову не придетъ.

МОРОЗОВЪ. Хорошо; ступай; да сторожи предводителя; онъ остановится у рощи.

СЕМЕНЫЧЪ. Слушаю съ.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

МОРОЗОВЪ и ОКУНЬ ЖИДОВИЧЪ (въ довольно чистомъ, хотя и старомодномъ фракъ, въ бѣломъ шейномъ платкѣ и бѣломъ же жилетѣ. Онъ въявлено раскланивается съ гостемъ, на что тотъ отвѣчаетъ также).

ОКУНЬ (послѣ легкаго кашля). Милостивый Государь!... Позвольте узнать... съ кѣмъ имѣю честь?

МОРОЗОВЪ. Я — уѣздный чиновникъ, и сверхъ того, состою по особымъ порученіямъ при г. предводителѣ дворянства здѣшней губерніи.

ОКУНЬ. А! при Его Превосходительствѣ Александрѣ Зиновьевичѣ!... Прекрасный человекъ, Его Превосходительство.

МОРОЗОВЪ. Дѣйствительно такъ... Благороднѣйшій человекъ.

ОКУНЬ. Честнѣйшихъ правилъ!... Мы съ Его Превосходительствомъ водили нѣкогда хлѣбъ-соль... Знаете, — этакъ... то онъ ко мнѣ; то я къ нему... но въ послѣдствіи мы какъ-то.. не то чтобы разошлись, а такъ знаете... Его Превосходительство живетъ постоянно въ губернскомъ городѣ; я, напротивъ у себя, въ маленькой усадьбѣ... О, Его Превосходительство достойнѣйшій представитель нашего дворянства.

МОРОЗОВЪ. Ваша правда; такъ отзываются всѣ, знающіе г. Предводителя.

ОКУНЬ (подставляя стулъ). Прошу покорнѣйше! Не угодно ли? (Проситъ Морозова табакомъ.— Тотъ отказывается). А! не употребляете!... Позвольте однакожъ, милостивый государь.... ваше имя и отечество?

МОРОЗОВЪ (въ сторону). Хоть и совѣстно, а долженъ солгать. (Къ нему). Авдуль Ѡаддѣевичъ Прикидка.

ОКУНЬ. Авдуль Ѡаддѣевичъ Прикидка... Такъ-съ, фамилія Малороссійская.... Вѣрно Полтавскіе, либо Черниговскіе уроженцы.

МОРОЗОВЪ. Нѣтъ, я не оттуда.

ОКУНЬ. Такъ-съ. (Нюхаетъ и подчуется, также процессія). Осмѣлюсь спросить, Авдуль Ѡаддѣичъ, какому счастливому случаю обязанъ я удовольствіемъ васъ видѣть?

МОРОЗОВЪ. Случай очень простой.... Г. предводителю угодно было поручить мнѣ, доставить вамъ вотъ эту бумагу. (Выни-

маетъ изъ портфейля, и подаетъ ему запечатанный пакетъ). Вы знаете его руку?

Окунь. О, какъ же; мы переписывались. (Принимаетъ почтительно пакетъ, осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ съ любопытствомъ и потомъ читаетъ). «Господамъ опекунамъ надъ имѣніемъ наслѣдниковъ Морозовыхъ, отставнымъ: провинціальному секретарю Окуню-Жидовичу и ротмистру Дундуку-Щелкоперову... весьма нужное и важное. (Про себя). Весьма нужное и важное. (Задумывается).

Морозовъ. Вашего товарища я не нашелъ дома, и потому, не дожидаясь его, я поспѣшилъ къ вамъ... впрочемъ, на всякій случай, я оставилъ у него записочку, въ которой приглашаю его немедленно пожаловать сюда.

Окунь (про себя). Весьма нужное и важное!... отъ губернскаго предводителя... По опеку. (Распечатываетъ, но какъ бы спохватившись). Ахъ, Боже мой! да какой же я невѣжа. (Звонитъ.— Входитъ Калистратъ). Принеси сию минуту столъ сюда, передъ диванъ. Понимаешь? Чтобы все было, понимаешь?

Калистратъ. Понимаю. (Уходитъ).

Окунь. Съ дороги вѣрно устали, Авдулъ Ѳаддѣвичъ.... Шутка ли, изъ губернскаго города.... (Про себя). Весьма нужное и важное. (Морозову). Да, мы съ Его Превосходительствомъ, бывали таки прежде на короткой ногѣ. Первая моя жена была крестницей его первой супруги... маленькое кумовство... (Калистратъ приноситъ столъ съ закуской). Сдѣлайте одолженіе, Авдулъ Ѳаддѣвичъ, не угодно ли чегонибудь, по просту, по деревенски. Съ дороги то знаете, не мѣшаетъ подкрѣпить свои силы. А я между тѣмъ, займусь вотъ этимъ. (Про себя). Весьма нужное и важное! Ухъ, морозъ по кожѣ подираетъ.

(Владиміръ Морозовъ между тѣмъ беретъ ломоть булки и наблюдаетъ, какое дѣйствіе произведетъ на опекуна чтение бумаги).

Окунь (читаетъ въ полголоса). Сію минуту получилъ я отъ г. гражданскаго губернатора собственноручную его записку. Онъ въ самыхъ невыгодныхъ для васъ выраженіяхъ... невыгодныхъ для насъ выраженіяхъ, описываетъ общія ваши дѣйствія и преимущественно ваши, г. Окунь-Жидовичъ... преимущественно мои! По опекуемому вами имѣнію дворянъ Морозовыхъ... Вотъ сущность губернаторской записки. (Протираетъ глаза). «Изъ дошедшихъ до меня вѣрныхъ свѣдѣній!... вѣрныхъ подчеркнуто.... Узналъ я, что имѣніе дворянъ Морозовыхъ находится въ самомъ

жалкомъ, разстроенномъ положеніи. Разстройство это произошло отъ слѣдующихъ предосудительныхъ мѣръ со стороны опеки... *Предосудительныхъ!*... 1) «Опекуны Окунь-Жидовичъ, открывъ въ деревнѣ своей винокуренный заводъ, употребляетъ на работы въ немъ не своихъ, а Морозовыхъ крестьянъ; чрезъ что они отвлекаются отъ прямыхъ своихъ сельскихъ занятій, не получая при томъ отъ Окуня-Жидовича за труды свои ни одной копѣйки и между-тѣмъ привыкая къ пьянству...» Ухъ!...

(Утирается отъ выступившаго поту).

морозовъ (*про себя*). Онъ труситъ съ первыхъ словъ... Хорошо... Дѣло идетъ, какъ нельзя лучше.

окунь. 2) «Дрова на заводъ, Окунь-Жидовичъ вывозитъ изъ дачъ Морозовыхъ, пестреляя такимъ противузаконнымъ образомъ лѣсъ на многія тысячи...» У-у-ухъ!

морозовъ (*также*). Прекрасно, безподобно!

окунь. 3) «Всѣ почти сѣнокосы въ имѣніи Морозовыхъ, Окунь-Жидовичъ обращаетъ въ свою пользу, лишая тѣмъ наследниковъ огромнаго и съ этой статьи дохода....» Ухъ! *Создатель небесный!*... *Что еще дальше!*... 4) «Раззоривъ такими незаконными поступками, какъ самое имѣніе Морозовыхъ, бывшее недавно еще въ хорошемъ состояніи, такъ равно и крестьянъ, Окунь-Жидовичъ....» Опять таки Окунь-Жидовичъ! и все я! и вездѣ я! и слова о Дундукъ!... «Довелъ ихъ до невозможности своевременно уплачивать податной и другаго рода сборъ; отчего возрасли на этомъ имѣніи огромныя недоимки, для внесенія которыхъ скоро можетъ быть понадобится употребить строгія законныя мѣры: У-у-ухъ!

(Утирается).

(Всѣ подчеркнутыя слова, Окунь-Жидовичъ говоритъ къ зрителямъ).

морозовъ (*про-себя*). Я торжествую!... Этотъ молодецъ въ моихъ рукахъ.

окунь (*перевертывая листъ*). Еще приписка! (*читаетъ*). Г. губернаторъ, сообщая мнѣ всѣ сіи свѣдѣнія, прибавляетъ, что вы, г. Окунь-Жидовичъ, посредствомъ подарковъ, угощеній и тому подобнаго, съ успѣхомъ устраняете товарища вашего отъ всякаго вліянія на дѣла по опеку Морозовыхъ. Кромѣ того извѣстно, что вы за послѣдніе два года не представили, куда слѣдуетъ надлежащихъ отчетовъ, не смотря на часто дѣлаемые вамъ о томъ понужденія. Почему и рекомендую вамъ немедленно заняться этимъ предметомъ, не доводя меня до дальнѣйшихъ напоминаній, отъ которыхъ вамъ не поздоровится. А между тѣмъ,

представьте мнѣ для донесенія г. губернатору, теперь же, чрезъ его чиновника, объясненіе противу всѣхъ вышензложенныхъ обвинительныхъ пунктовъ.» (*Къ зрителямъ*). Ухъ, батюшки; наслу кончили!... Отчеты за два года... объясненія на четыре пункта... Кто же этотъ злодѣй, людоедъ, который радиктовалъ эти ужасныя строки?... Я не могу опомниться.... (*Обращаясь къ Морозову, жалобно*). Ну, почтеннѣйшій Авдуль Фаддѣичъ! Знаете ли, какой ударъ вы привезли на мою старую голову?

морозовъ. Пожалуйста, не упрекайте меня. Знаю, что отношеніе г. предводителя, должно быть для васъ очень неприятно, но я тутъ не виноватъ. Мое дѣло подчиненное. Я приѣхалъ по приказанію.

окунь. Да вѣдь это клевета, выдумка, ложь!... И я знаю, откуда брошенъ камень!... Вотъ до чего я дожилъ! Вотъ какія нынче времена!... Дядю и благодѣтеля обноситъ племянникъ!

морозовъ. Племянникъ?

окунь. Да, Владиміръ Морозовъ! Ему скоро наступитъ срокъ, сложить съ себя наше попечительство; такъ вотъ онъ и начинаетъ храбриться. Это всегда такъ бываетъ. Опекунъ!... оно легко сказать... а попробуйка они въ свой чередъ испытать это бремя; да еще при разстроенномъ помѣстѣ, въ неурожайные годы, — такъ наплясались бы съ чужимъ добромъ...

морозовъ. Совершенно согласенъ. Обязанность опекуна трудная, и потому-то такъ рѣдки хорошіе примѣры.

окунь. Научите же, какимъ способомъ разсѣять, истребить эти павѣты?

морозовъ. Вы позволите мнѣ быть откровеннымъ?

окунь. Сдѣлайте милость, Авдуль Фаддѣичъ! откровенность, святое дѣло.

морозовъ. Такъ слушайте же. Прежде всего я долженъ сказать, что г. предводитель совершенно убѣжденъ въ истинѣ того, что пишетъ къ вамъ.

окунь (*съ нѣкоторымъ страхомъ*). Чтѣ вы?

морозовъ. Это вѣрно. Я былъ свидѣтелемъ довольно продолжительнаго разговора у него съ палатскимъ предсѣдателемъ... объ васъ.

окунь (*со страхомъ и любопытствомъ*). Обо мнѣ? разговоръ съ предсѣдателемъ палаты? Что жъ такое они говорили?

морозовъ. Много было наговорено и съ той и съ другой стороны, и все такое не хорошее.

окунь. Не хорошее.

морозовъ. Да; «слышали вы, Степанъ Ивановичъ — говоритъ Александръ Зиновичъ председателю, — слышали вы: этотъ старый мошенникъ — такъ онъ выразился на вашъ счетъ — этотъ старый мошенникъ нисколько не унимается. Вотъ посмотрите». Тутъ Александръ Зиновичъ показалъ Степану Ивановичу губернскае письмо.

окунь. Показалъ письмо!.... О, позоръ! о, поношеніе! Ну, а Степанъ Ивановичъ, что?

морозовъ. А Степанъ Ивановичъ, прочитавши, говоритъ: «удивляюсь, какъ такого бездѣльника — извините пожалуйста, это не мои слова.

окунь. Ничего, ничего.... продолжайте.

морозовъ. Какъ, — говоритъ — такого бездѣльника никто до сихъ поръ, не проучить....

окунь. Не проучить!... такъ и сказалъ?

морозовъ. Такъ и сказалъ. «Представьте», говоритъ....

окунь. Председатель?

морозовъ. Да — представьте себѣ: три предписанія, три замѣчанія, выговоръ, — все это мы наслали ему въ продолженіе какого-нибудь полугода. Ничто нейдетъ. Не даетъ отчета, хоть ты тресни. Надо прибѣгнуть къ другимъ законнымъ мѣрамъ». — Къ какимъ же? спрашиваетъ Александръ Зиновичъ. — «Извѣстно къ какимъ, отвѣчалъ Степанъ Ивановичъ, — подъ судъ!

окунь. Подъ судъ?

морозовъ. При этомъ словѣ, Александръ Зиновичъ ужаено расхохотался. (*Подражаетъ хохоту*). Такъ и заливается.... подъ судъ, говоритъ, Окуня Жидовича подъ судъ! Полноте, Степанъ Ивановичъ; эта выжига никакого суда не испугается. Онъ разъ десять былъ въ Уголовной Палатѣ. Этимъ его не застрашаешь. Надо придумать болѣе надежныя средства, для прекращенія его плутней. Во первыхъ, надо удалить его отъ опекунства; во вторыхъ, надо.... но тутъ Александръ Зиновичъ остановился; взялъ Степана Ивановича за руку; сказалъ ему что-то по-французски, и они пошли въ кабинетъ.

окунь. Какъ досадно!... и вы больше ничего не слышали?

морозовъ. Ничего. Выходя изъ кабинета, они неоднократно упомянули что-то о Дундукѣ Щелкоперовѣ.

окунь. О моемъ своякѣ! Но что жъ такое? въ какихъ выведеніяхъ?

морозовъ. Такъ, знаете; съ усмѣшкой. А впрочемъ, ничего.... хорошо.... даже помнится, кто-то изъ нихъ сказалъ: «пу этотъ

все же имѣть совѣсть и честь; а тотъ, — про васъ-то, — просто, безстыдный грабитель.... Да и признаніе Дундука, нѣкоторымъ образомъ уменьшаетъ его вину.

окунь. Что, что, что? Признаніе Дундука? Дундукъ признался? Въ чемъ же, кому же?

морозовъ (*въ сторону*). Рѣзать, такъ рѣзать до конца, — а главное, ихъ надо поссорить. Послѣ этого сами выскажутся. (*Ему*). Вотъ, въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается, какъ я думаю, все зло. Давеча вы подозрѣвали своего племянника въ переносахъ. Но могъ ли онъ одинъ тутъ дѣйствовать?... Подумайте хорошенько.

окунь. Такъ неужели своякъ?

морозовъ. А что жъ мудренаго? Почему, напримѣръ, въ этомъ предписаніи ничего особенно дурнаго не сказано на-счетъ вашего свояка?

окунь. Да, да; въ самомъ дѣлѣ, почему?

морозовъ. Почему всѣ злоупотребленія по опекаѣ относятся именно на васъ?... А?

окунь. Да, да, да; почему, въ самомъ дѣлѣ?

морозовъ. Почему онъ какъ-то въ сторонѣ; а вы, какъ-то въ прямомъ отвѣтѣ?

окунь. Да, да; въ самомъ дѣлѣ, почему это такъ?

морозовъ. Почему, напримѣръ, разговоръ у предводителя съ предсѣдателемъ былъ не въ вашу пользу, а объ своякѣ вашемъ, напротивъ?

окунь. Да, да, да.... Авдуль Ѡаддѣичъ! батюшка, научите, что я долженъ дѣлать, посоветуйте мнѣ.... моя благодарность.... вы увидите, умѣю ли я быть благодарнымъ.

морозовъ. Будьте смѣлѣе — вотъ и все. Лишь только онъ явится сюда. (*Въ эту минуту подбѣгаетъ Дундукъ*). Да вотъ, загляните, не онъ ли?

окунь (*подбѣгаетъ къ окну*). Опъ, онъ самъ.... доносчикъ, ябедникъ!... О, Авдуль Ѡаддѣичъ, говорите скорѣе.... моя благодарность....

морозовъ. Во первыхъ, заставьте его прочесть предводительское посланіе.

окунь. Но надо ли? не лучше ли на словахъ?

морозовъ. Непремѣнно надо. Этого требуетъ порядокъ. — Во вторыхъ, отдѣлайте его, что называется, по опекунски, на обѣ корки.

окунь. Хорошо, повинуюсь.... Но объясненіе! объясненіе, котораго отъ насъ требуютъ?

морозовъ. Это пустое. Въмѣсто объясненія напишите легонькое извиненіе.... Такъ.... знаете.... коротенькое.... остальное я беру съ устроитъ.

окунь. Извиненіе! Что вы? Да это значить признаваться.... самому на себя руки поднимать.

морозовъ. Не беспокойтесь, я все улажу, какъ нельзя лучше, только не забудьте, — благодарность....

окунь. О, я умѣю цѣнить услуги.... но все какъ-то не ловко извиняться.... Не лучше ли....

морозовъ. Эхъ, Андрей Ильичъ! Стоить-ли терять время даромъ. Если хотите, я первый не вѣрю въ справедливость доводовъ.... положимъ и въ настоящемъ все ложь и выдумка; но, да вѣдь, въ какой угодно жи — есть таки частичка правды, такъ и въ этомъ!... не спорьте, и пишите прямо, что обвиненія губернатора — строги, что они скорѣе могутъ относиться къ прошедшему времени.... Что теперь идетъ все лучше прежняго... что пошло бы еще лучше, если бы не Дундукъ, — что отчеты на двякъ будутъ представлены, — недоимки выплачены, что причиною всѣхъ этихъ беспорядковъ были вы — то-есть виновать, заторопились — ваша тяжкая болѣзнь, какое-нибудь семейное горе, смерть что ли чья.... Ну да, однимъ словомъ, нагородите побольше вздору.... ужъ вамъ не учиться.... Вы человѣкъ умный, сами знаете.... что и для чего.... А главное извиненіе, такъ, слегка, не нарушая собственнаго достоинства... понимаете? *(Обертывается)*. Я слышу шаги.... Это, вѣрно, Дундукъ.... тсъ, улыку на лицо.

(Показывая на бумагу).

(Вся эта сцена, начиная отъ пріѣзда Дундука, идетъ живо. Дѣйствующіе говорятъ скоро, и не въ полный голосъ. Морозовъ отходитъ къ аван-сценѣ въ бокъ. Съ своей стороны Окунь, озадаченный тѣмъ, что сейчасъ слышалъ, удалется на другой конецъ. Въ эту минуту входитъ Дундукъ).

морозовъ *(про себя)*. Теперь полюбуемся на очную ставку... посмотримъ, у кого изъ нихъ больше героизма.

окунь *(въ раздумьѣ)*. Какъ бы этотъ Авдуль, меня не надуль.... По всему видно, онъ претонкая бестія!... ужъ не за одно ли онъ съ своякомъ? О, охъ....

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ ЖЕ, И ДУНДУКЪ-ЩЕЛКОПЕРОВЪ.

ДУНДУКЪ (*въ дверяхъ*). Эй, ты, своякъ!
ОКУНЬ. Нельзя ли повѣжливѣе.

ДУНДУКЪ. Послѣ сцены, которая произошла между нами утромъ, моя нога никогда бы не переступила за твой порогъ... но вотъ записка. (*Обрицается къ Морозову*). Милостивый государь! не вы ли то лицо, пригласившее меня сюда именемъ г. предводителя?

МОРОЗОВЪ. Точно такъ. Слѣдовательно, вы г. Дундукъ-Щелкоперовъ.

ДУНДУКЪ. Совершенно такъ, — отставной гусарскій ротмистръ, на деревянной ногѣ, и со шрамомъ на щекѣ, и сверхъ того, имѣющій саблю за храбрость. Теперь вельзя ли узнать, почему я нуженъ здѣсь?

МОРОЗОВЪ. Вашъ родственникъ и товарищъ, по опека Морозовыхъ, имѣетъ предписаніе г. губернскаго предводителя на общее ваше имя, — не сочтете ли вы нужнымъ пробѣжать его?

ОКУНЬ (*бросая бумагу на столъ, около котораго стоитъ*). Вотъ оно. (*Обходитъ кругомъ сцены, приблизясь къ Морозову, и заводя съ нимъ разговоръ*).

ДУНДУКЪ (*читаетъ, потомъ глядитъ, улыбаясь на Морозова и Окуня*). Нечего сказать, хорошъ первый пунтикъ! Читали вы, любезный своякъ?

ОКУНЬ (*съ досадой*). Имѣлъ удовольствіе. (*Въ сторону*). Чтобъ тебѣ ни дна, ни покрывки! Разбойникъ!

ДУНДУКЪ (*по-прежнему*). Ну, и второй пунктъ стоитъ перваго! Читали вы, любезный своякъ?

ОКУНЬ (*тоже*). Имѣлъ удовольствіе.... (*Про себя*). Прошу покорно, онъ же еще и усмѣхается.

ДУНДУКЪ (*веселье*). Да и третій имѣетъ свою пріятность!... Читали вы, любезный своякъ?

ОКУНЬ (*разгорячась*). Имѣлъ удовольствіе.... (*Про себя*). Что за чортъ! Онъ и вправду смѣется.

ДУНДУКЪ (*по-прежнему*). А четвертая статья едва ли не лучше первыхъ трехъ!... Читали вы, любезный своякъ?

окунь (*почти выходя из себя*). Читаль, читаль, читаль... и удивляюсь, чему вы радуетесь. (*Про себя*). Это просто, наглость, хоть кого вздрветь.

дундукъ (*дочитавъ про себя*). Чортъ побери, это смахиваетъ на правду! какъ ни плутовать своякъ, а врядъ ли дешево отыграется.... (*Къ Окуню*). Ну-съ, любезный своякъ и будущій арендаторъ, вы, разумѣется, заготовили объясненій?

окунь. Объясненіе?... А! такъ вы думаете, что гнусная ябеда, клевета, клеветничество, — заслуживаютъ объясненіе.

дундукъ (*въ сторону*). Ай-да, Андрей Ильичъ! молодца! Ему, что называется, въ глаза рѣжутъ, что онъ — воръ, а онъ себѣ и въ усъ не дуетъ!... (*Морозову*). Милостивый государь, вниманія вашего на два слова. Покойная генеральша Морозова, — царство ей небесное — славная была женщина, оставила послѣ себя на наши руки (*показываетъ на Окуня*) двухъ сыновей, около 1000 душъ крестьянъ и духовное завѣщаніе, въ которомъ наименованы мы опекунами. Но хоть я и опекунъ, бумага эта нисколько меня не касается, исключая намека на какіе-то подарки и угощенія; о чемъ не замедлю лично объяснить съ г. предводителемъ. За тѣмъ позвольте отретироваться. (*Обращается къ Окуню*). А вы... это по вашему департаменту, тутъ.... (*Хлопая по бумагѣ*). Для васъ препорядочныя загвоздки.... есть отчего запищать!

(*Бросаетъ бумагу на столъ, располагаясь уйти*).

окунь (*про себя*). Ругатель! язва! (*Ему*). Пойдите, не уходите.... (*Беретъ со стола бумагу*).

дундукъ (*возвращаясь*). Ну?

морозовъ (*про себя*). Снова начинается дуэтъ!

окунь (*собравъ, такъ сказать силы*). И вы осмѣливаетесь лицензировать?

дундукъ. Что-о?

окунь. Вы осмѣливаетесь лжесвидѣтельствовать?

дундукъ. Что-о? что такое?

окунь. А! вы хотите играть въ жмурки!... Хотите изворотить-ся, будто не знали этой ябеды прежде, нежели прочитали.

дундукъ. Отъ часу не легче.... Да почему жъ я могъ знать?

окунь. Почему? Вы желаете слышать почему?... потому что... (*Про себя*). Не выдержу!... Потому что этотъ доносъ вашей работы.

дундукъ (*въ ужасъ*). Моей!... Я — доносчикъ?... Ахъ, ты безволосый паукъ, да знаешь ли ты, чѣмъ можешь поплатиться за такую обиду?

окунь. Не боюсь!...

дундукъ. Понимаешь ли, сухопарая пиявица, чѣмъ это можетъ кончиться? А?

окунь. Не боюсь.

дундукъ. О! я не знаю, что меня удерживаетъ искрошить его какъ луговницу. (*Обращаясь къ Морозову*). Милостивый государь! такъ на такія-то оскорбленія я призванъ?

морозовъ. Пожалуйста не вмѣшивайте меня въ вашу ссору; я здѣсь по службѣ... и лишь только получу отвѣтъ...

(*Указывая на Окуня*).

окунь (*между тѣмъ, разбирая на столѣ бумаги*). Сейчасъ... сію минуточку... обождите... (*Хочетъ выйти*).

дундукъ (*останавливая его*). Нѣтъ, дражайшій своякъ, не торопись (*Обращаясь къ Морозову*). Слушайте, м. г., онъ облаялъ меня донощикомъ. Хорошо же, я буду донощикомъ — вслухъ и при немъ. Слушайте же: все, что пишетъ намъ г. предводитель, совершенная правда.

окунь. Оставьте меня!...

дундукъ. Потерпи. Я люблю играть въ открытую... этотъ лысый старичишка...

окунь. Прошу не ругаться!

дундукъ. Этотъ дрянной старичишка, дѣйствительно имѣетъ винокуренный заводъ; а рабочіе на заводѣ изъ сиротскаго имѣнія. Теперь этого нельзя видѣть: лѣто...

окунь. Говорю, вамъ, пустите, — вы можете лгать и безъ меня.

дундукъ. Нѣтъ, батюшка, — я донощикъ!... На прошедшей недѣлѣ забѣжалъ ко мнѣ исправникъ...

окунь. Такой же картежникъ.

дундукъ. Исправникъ сказывалъ мнѣ объ огромныхъ недоимкахъ на сиротскомъ имѣніи. Какъ опекунь, я не исключая себя отъ отвѣтственности, но виноватъ — одинъ мой товарищъ, онъ обманывалъ меня.

окунь. Это гнусная ложь... исправникъ вретъ!... оставьте меня.

дундукъ. Погоди, любезный, я донощикъ, такъ и доношу... сѣно съ луговъ и лѣсъ съ дачь сиротскихъ частенько отвозится въ деревню, которая имѣетъ честь принадлежать моему свояку. Что онъ дѣлаетъ съ этимъ добромъ — ему лучше извѣстно... итакъ, вы видите, что предводитель правъ, а мы кругомъ виноваты.

окунь. Пустите меня...

дундукъ. Но предводитель не все еще знаетъ... Слушайте, м. г., старшій наследникъ Морозовъ находится въ Петербургѣ, въ Университетѣ. — Вотъ ему, напримѣръ, понадобится 500 рублей; онъ и пишетъ: вышлите 500 — цифрей.

окунь (*вырывается*). Говорю вамъ, пустите меня... не то... я буду кричать. Созову людей... васъ выведутъ.

дундукъ. Успокойся своякъ... я скоро кончу... Онъ и пишетъ: вышлите 500 р., — мы и посылаемъ требуемую сумму, замѣтите хорошенько, требуемую. Спустя не много — въ письмѣ племянника приложена къ этимъ 500 смиренная единица... кто ее приставилъ — Богъ вѣсть; только не я.

окунь. Пустите меня.

дундукъ. До конца еще далеко! (*Выпуская его*). Ну, да чортъ съ тобой, — я усталъ ужъ доносить... всѣхъ плутней вдругъ не вспомнишь.

(*Окунь, уходя въ боковыя двери, подзываетъ къ себѣ Морозова, они шепчутся*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

СЕМЕНИЧЪ, МОРОЗОВЪ, ДУНДУКЪ.

СЕМЕНИЧЪ (*показываясь въ среднихъ дверяхъ, тихо Морозову*). Предводитель пріѣхалъ.

МОРОЗОВЪ (*также*). Проведи незамѣтно. (*Дѣлаетъ знаки. Семеничъ уходитъ*).

ДУНДУКЪ. Знаменито же, я его откаталъ! Впередъ будетъ знать, какъ поносить честнаго гусарскаго офицера!

МОРОЗОВЪ (*возвращаясь, про себя*). Комедія разыграна. Я узналъ больше, чѣмъ надѣялся... Опекуны достойные любопытства. Надо однакожъ отдать справедливость Дундуку. Если онъ и гуляка, по крайней мѣрѣ, у него доброе сердце и прямой характеръ... (*Ему*). Ну, м. г., вы мастеръ своего дѣла, — на-чисто разоблачили своего противника.

ДУНДУКЪ. Что ему мои слова!... Его картечью бы разстрѣлять! вотъ онъ каковъ! Не смотрите, что онъ хилый старичишка. Въ немъ самъ дьяволъ сидитъ, вы думаете, — онъ испугается губернатора? какъ бы не такъ! увидите, какое объясне-

ніе пакатаеть. Все шито да крыто. Самъ говорить, что онъ челоуѣкъ документальный. — До сихъ поръ сидѣлъ на опекунствѣ, какъ на воеводствѣ, такъ просидитъ и дальше.

морозовъ. Но всему есть мѣра. И съ нимъ можетъ случиться то, чего онъ менѣе всего ожидаетъ.

дундукъ. Хорошо, кабы такъ. А то, извольте видѣть, я знаю его какъ свои пять пальцевъ. Это такой пройдоха, такой крючкодѣй....

морозовъ. О, что до этого? Крючкодѣи нынче не въ ходу.

дундукъ. Да и его не скоро уходишь... Я вамъ скажу, я гусарь — я, который въ отношеніи къ имѣнію Морозовыхъ по крайней мѣрѣ чистъ правдивенно, — я больше его трушу.... Въдь если до чего дѣло дойдетъ, и меня могутъ спросить: за чѣмъ я молчалъ? за чѣмъ скрывалъ? Не правда ли?

морозовъ. Совершенно справедливо.

дундукъ. Вотъ то-то оно и есть. И выходитъ, что придется пить въ чужомъ пиру похмѣлье. А ничего бы этого не случилось, если бы не втерли меня въ эту глупую опеку.

морозовъ. Странно. Развѣ васъ принудили?

дундукъ. Именно привудили.

морозовъ. Противъ воли?

дундукъ. Да, противъ воли.

морозовъ. Странно! Но ктожь могъ привудить?

дундукъ. Кто? слезы благородной и несчастной женщины добрейшей и почтенной генеральши Морозовой. — У сиротъ, кромѣ меня, да вотъ этого Сарданапала (*указываетъ въ ту сторону, гдѣ скрылся Окунь*) не было ни одного ближайшаго роднаго... Отказаться было поздно и не возможно, особенно, когда она ударила въ плачь. Я и самъ разрюмился какъ баба, когда взглянулъ на этаго цыпленка — двухъ-лѣтняго Сережу, сына умиравшей. И тотъ же далъ себѣ честное слово... Э, да что вспоминать прошлое... только себя разстраиваешь!... (*здѣсь разчувствовался, не показывая однако же плаксиваго вида*). Притомъ же эти воспоминанія для посторонняго не интересны.

морозовъ (*чувствуетъ себя въ эту минуту подъ вліяніемъ грустныхъ впечатлѣній, но скоро оправляется*). Для посторонняго такъ. Но для меня, чтобы вы ни говорили о генеральшѣ Морозовой, а худаго объ ней вѣрно нечего сказать, для меня вашъ разговоръ объ ней никогда не перестанетъ быть интереснымъ. Да.

дундукъ. Это какъ?

морозовъ. Очень натурально. Я довожусь ей нѣсколько съ родни.

дундукъ. Вы родственникъ Морозовой?

морозовъ. И довольно близкій.

дундукъ. Странно, я знаю всю нашу родню. Но васъ, извините, — васъ вижу въ первый разъ.

морозовъ. О, нѣтъ, не въ первый.

дундукъ (*всматриваясь пристально и удивляясь*). Помилуйте... я еще не слѣлъ... Вамъ угодно морочить меня... а позвольте спросить: съ которой стороны вы напрашиваетесь въ родню къ Морозовымъ.

морозовъ. Не напрашиваюсь, а принадлежу... равно съ обѣихъ сторонъ.

дундукъ. Но что же вы наконецъ?... голосъ вашъ дѣйствительно... какъ будто очень знакомый... Но все прочее... ваша фамилія? скажите вашу фамилію?...

морозовъ. Морозовъ, любезный дядюшка, Морозовъ! Владиміръ Морозовъ. Всмотритесь хорошенько (*Онъ поспѣшно снимаетъ очки и потомъ снова надѣваетъ. Дундукъ узнавъ племянника, отступаетъ съ удивленіемъ и радостію*).

дундукъ. Племянникъ, чтобъ меня бомбой разорвало!... племянникъ, провалъ тебя возьми!... Дружинце, дай обнять себя... (*обнимаются*). Да чтожь это такое?... Для чего ты маскировался?... Святки нынче что ли?... говори проворнѣй, проказникъ ты этакой! за чѣмъ этотъ мундиръ?... эти волосы, очки... ты совѣмъ переродился!

морозовъ. Умѣрьте ваши восторги, дядушка. А то, пожалуй Сарданапаль услышитъ... маскарада тутъ нѣтъ никакого. Мундиръ мой по праву. Вы скоро все узнаете. До тѣхъ поръ — молчаніе.

дундукъ. Да что жъ ты, братъ, шпионничать что ли вздумалъ?

морозовъ. Почти.

дундукъ. Э!... Ахъ, ты вѣтренникъ... да скажи...

морозовъ. Ни слова!... секретъ... кажется идетъ Сарданапаль, (*Морозовъ подходитъ къ окну, съ кльмъ-то почтительно выражая радость и говоря тихо съ окномъ*). Вы пожаловали во время.

дундукъ (*про себя*). Ну какъ тутъ признать его за своего.... Экой насмѣшникъ! (*хохочетъ*).

(*Входитъ Окунь и отдавая Морозову бумагу, которую тотъ разсматриваетъ. — Окунь странно посматриваетъ на смѣющагося Дундука*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТЪ ЖЕ И ОКУНЬ-ЖИДОВИЧЪ.

ОКУНЬ (*въ полголоса*). Вотъ мое покаяніе... только ради Бога; не выдайте меня, (*въ сторону*). Чему этотъ пострѣль радуется... надо его спровадить сейчасъ же (*Морозову*). Авдуль Фаддѣвичъ!... я желалъ бы... мнѣ необходимо поговорить съ вами наединѣ, — понимаете! (*Морозовъ дѣлаетъ знакъ, что понимаетъ. Къ Дундуку*). Милостивый государь давеча вы изъявили желаніе не преступать за мой порогъ, теперь я, въ свою очередь, предложу вамъ: не угодно ли отправиться во свояси?

ДУНДУКЪ. Не горячитесь — своякъ. У меня есть прохладительное. Вотъ оно (*показываетъ отчетъ*) знаете 70 т. съ хвостикомъ.

ОКУНЬ. Продолжайте идти той же дорогой. Авось она доведетъ васъ до почестей формального доносчика.

ДУНДУКЪ. Опять!

ОКУНЬ. Опять, опять и 20 разъ опять! донесите, я не боюсь. У меня на все документы.

ДУНДУКЪ. Берегитесь, чтобъ эти документы васъ не поддокументили.

ОКУНЬ. Берегитесь вы сами. Документы мои не фальшивые. Не такъ какъ ваши колоды.

ДУНДУКЪ. Что-о? Ты смѣешь!...

МОРОЗОВЪ (*ему*). Оставьте.

ОКУНЬ. Да, ваши колоды! Ужъ не ими ли вы прислужились Александру Зиновичу. Въ старое время онъ любилъ такъ загнать уголокъ; не знаю какъ теперь. Во всякомъ случаѣ, не мѣшало бы ему заглядывать въ наши дворянскія захоlustья, проѣздомъ, въ тихомолку... Онъ бы увидалъ....

(*При началъ этого монолога, предводитель дворянства входитъ, тихо открывъ и затворивъ дверь и по мърь приближенія монолога къ концу, приближается къ Окуню.*)

МОРОЗОВЪ (*первый увидя предводителя, Окуню*). Оглянитесь...

ОКУНЬ (*съ неописаннымъ страхомъ бросается къ авансценѣ*).

Предводитель! здѣсь самъ предводитель!

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТЪ-ЖЕ И ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Предводитель. *(Окуню)*. И вашимъ сердобольнымъ советомъ я пользуюсь теперь, какъ нельзя болѣе — къ стати. Да, почтеннѣйшій дворянинъ захопустя! Еслибъ я судилъ объ обществѣ, котораго имѣю честь быть предводителемъ, по предстоящему примѣру мнѣ пришлось бы имѣть столько-же глазъ, сколько въ губерніи дворянъ. Да и то ни къ чему не повело-бы, честный человѣкъ, честный дворянинъ, честный опекунъ — долженъ... Но что онъ долженъ-ему прежде всего, должно быть извѣстно. Впрочемъ, правоученіе нынче не въ тонъ... Между тѣмъ, чтобъ не терять напрасно времени, позвольте поближе познакомить васъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ... настоящее его имя: Владиміръ Петровичъ Морозовъ *(Обращаясь къ обоимъ опекунамъ)* Вашъ племянникъ.

окунь *(совершенно растерявшись)* Племянникъ.... племян.....
(Дундукъ показываетъ, что племянникъ ему уже открылся).

предводитель. Поздравьте его, милостивые государи; онъ со вчерашняго числа въ царской службѣ. А сего-дня долженъ былъ исполнить мое важное и нужное порученіе.

морозовъ. И я исполнилъ его, какъ вы приказали. *(Подаетъ ему бумагу, взятую отъ Окуня)*. Но какъ племянникъ Андрея Ильича, я испрашиваю у вашего превосходительства разрѣшенія высказать ему и другія причины, заставившія меня такъ неожиданно для моихъ дядюшекъ сойтись сего-дня съ нимъ.

предводитель. Не только разрѣшаю, но и требую этого. Это необходимо. *(Обращаясь къ Окуню)*. Прошу васъ, Андрей Ильичъ, для васъ самихъ, выслушать вашего племянника спокойно, терпѣливо и вниательно.

(Весь слѣдующій монологъ, Окунь слушаетъ спокойно, потомъ съ любопытствомъ, далье со-вниманіемъ, съ худо скрытою злобою, и наконецъ приходитъ, какъ бы въ остолебеніе. Онъ стоитъ на-лѣвой сторонѣ авансцены, на противоположномъ концѣ Дундукъ Шелкоперовъ вслушивается въ рѣчь Морозова также съ участіемъ.)

морозовъ *(Окуню)*. Послѣ покойной моей матушки, осталось значительное имѣніе въ хорошемъ положеніи. Оно завѣщано

миѣ и брату моему, Сережѣ, — въ равныхъ частяхъ. Опекунами избраны вы и Лука Лукичъ. Въ это время миѣ только исполнилось 12 лѣтъ. — Но въ 16 лѣтъ, вступивъ уже въ университетъ, я не имѣлъ понятія о достоинствѣ нашего имѣнія, и тѣмъ менѣе заботился о немъ, что не имѣлъ еще повода не уважать тѣхъ, кому оно ввѣрено, и былъ веселъ и счастливъ, но не долго, — года черезъ полтора, я получилъ отъ вѣрнаго человека, изъ деревни извѣстie, которое огорчило меня и напомнило миѣ обязанности и права мои, какъ помѣщика. Извѣстie это содержало въ себѣ почти тоже, что содержится въ полученномъ вами сего дня отношеніи господина Предводителя... Не благопріятныя свѣдѣнія о положеніи нашего имѣнія, доходили до меня чаще и чаще. Наконецъ, въ прошедшую зиму, въ Рождественскіе прадники, я уже самъ былъ въ нашемъ имѣніи, по усильному вызову крестьянъ. Вы этого не знали. Я не берусь пересказывать всего, что услышалъ и увидѣлъ я въ эти дни. Я далъ себѣ слово уничтожить зло. Тогда же видѣлся я съ г. предводителемъ и объяснивъ ему весь ходъ вашихъ дѣйствій по управленію нашимъ имѣніемъ, просилъ у него помощи и наставленія. Этотъ благородный человекъ, самъ все зналъ и совѣтовалъ потерпѣть. Я терпѣлъ до вчерашняго дня. Вчера г. предводитель познакомилъ меня съ г. губернаторомъ. Они предложили было употребить противъ васъ сильныя законныя мѣры; но я упросилъ ихъ, не подвергать васъ никакимъ существеннымъ невріятностямъ. Теперь нѣсколько словъ о завѣщаніи. Въ немъ предоставлено вамъ и Лукѣ Лукичу, право быть опекунами наслѣдниковъ Морозовыхъ, до совершеннолѣтія послѣдняго. На этомъ основаніи, вы могли бы хозяйничать въ имѣніи моего брата Сережи, еще лѣтъ одиннадцать. Но какъ въ этомъ же завѣщаніи сказано, что право это остается не прикосновеннымъ въ такомъ лишь случаѣ, когда оно будетъ въ согласіи съ пользою самаго имѣнія и лично наслѣдника и притомъ не будетъ противорѣчить желанію старшаго наслѣдника, а я, въ качествѣ послѣдняго, желаю самъ руководствовать моею частію: то изъ этого и слѣдуетъ, что какъ опека ваша надъ Сережею такъ и попечительство надо мной, сего дня же кончаются. Наконецъ я долженъ сказать вамъ, Андрей Ильичъ, что еслибъ средство, къ которому рѣшился я прибѣгнуть для возстановленія общихъ моихъ съ братомъ правъ, показалось вамъ немножко крутымъ, — вы не можете по крайней мѣрѣ не согласиться, что оно честно и добро-совѣстно. Я даже увѣренъ, — вы сочтете его вполне необхо-

димымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. За это ручается мнѣ ваша скромность, съ которою вы меня до конца выслушали.

(Подходитъ къ Дундуку).

дундукъ *(про себя)*. Одного отболванилъ; вѣрно и до меня доберется.

морозовъ. Вамъ, любезный дядюшка, я хотѣлъ бы тоже что нибудь вымолвить; но вы можете быть сами того не зная, успѣли совершенно обезоружить меня. Впрочемъ, надѣюсь, что и вы достоинши мои слова хоть частичкою вашего вниманія.

дундукъ. Слышалъ все, любезный племянникъ... и признаюсь... Ну, да впередъ этого не случится.

морозовъ. Я кончилъ, ваше превосходительство.

предводитель. И кончили великодушно и благородно. Не правда ли, Лука Лукичъ?

дундукъ. Винавать! гусаромъ жилъ и служилъ, гусаромъ и умру. А въ опекуны больше не пойду, особенно, съ такимъ товарищемъ.

предводитель. Ну, теперь прямо къ вамъ на новоселье.

морозовъ. А братъ мой?

дундукъ. Поѣзжайте, я вслѣдъ за вами привезу и Сережу. — *(Предводитель и Морозовъ уходятъ)*. Своякъ какъ вкопанный... ни слова... языкъ прилипъ къ гортани... куда и храбрость дѣвалась! — То-то и есть, трусливъ какъ заяцъ! Вотъ тебѣ и арендаторство!

(уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

ОКУНЬ-ЖИДОВИЧЪ *(одинъ)*.

(Выходя изъ остолебеннiя и мрачно озираясь во-кругъ, говоритъ сперва шопотомъ, потомъ мало по малу усиливаетъ голосъ).

Калистратка! Калистратка! дай мнѣ стакавъ воды, да скажи жепѣ, чтобы она послала за докторомъ и позвать ко мнѣ домашняго цирюльника. *(Къ публикѣ)*. Кажись мнѣ вичего другаго не остается, какъ пустить себѣ кровь.

ДѢДУШКА НАЗАРЪ АНДРЕИЧЪ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

соз. Скриба.

ПЕРЕДѢЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО П. С. ФЕДОРОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Назаръ Андреичъ Череповъ, бригадиръ.

Петръ Ивановичъ Сумскій { внуки Черепова

Катенька, его сестра

Семень Семеновичъ Авдеевъ

Надинька, его племянница.

Матрена Архиповна, экономка Черепова.

Лакей.

Дѣйствіе въ С. Петербургѣ, въ домѣ Черепова.

Комната чисто убранная, дверь въ серединѣ и двѣ по сторонамъ. Мебель старинная.

ЯВЛЕНИЕ I.

МАТРЕНА АРХИПОВНА (*прибирая комнату*).

МАТРЕНА АРХИПОВНА (*одна*). Ужъ стоитъ мнѣ пиръ! долго я его не забуду (*Сядься въ кресло*). Вздумалось же старому потѣшать ввучать! такой баловникъ, что не приведи Господи... Вотъ вѣдь ужъ двѣнадцатый часъ, а онъ и кофею еще не пилъ! проплясали чуть не до утра, а и онъ туда же, сидитъ да любится на молодежь! Баловникъ, просто баловникъ. Фу, такъ измучилась съ прибирашемъ, что ногъ подъ собою не чувствую.

ЯВЛЕНИЕ II.

МАТРЕНА АРХИПОВНА И КАТЕНЬКА.

КАТЕНЬКА (*выходя изъ двери на лѣво*). Здравствуйте, Матрена Архиповна! Что, дѣдушка еще не проснулся?

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Нѣтъ еще, изволитъ почивать... да и вы, сударыня, позаспались таки... вѣдь ужъ скоро двѣнадцать.

КАТЕНЬКА. Я почти со всѣмъ не спала!

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Богъ ты мой! да что жъ вы дѣлали?

КАТЕНЬКА. Мало ли что! все мечтала о вчерашнемъ вечерѣ.

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Вотъ молодость! я походя устала, и какъ легла, такъ словно пить дала! а вы, кажись, ни одного танца не пропускали.

КАТЕНЬКА. Ни одного!

МАТРЕНА АРХИПОВНА. И не устали?

КАТЕНЬКА. Готова хоть опять танцовать! вы не понимаете, Матрена Архиповна, что это за наслажденіе, особенно для меня... вѣдь я была на первомъ балу!

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Да вѣдь вы, сударыня, и въ пансіонѣ изволили танцовать.

КАТЕНЬКА. О, тамъ мы танцуемъ безъ всякаго удовольствія... да и согласитесь, пріятно ли танцовать дѣвицѣ съ дѣвицею, а здѣсь, какая разница! я танцовала съ мужчиною...

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Ну, ужъ большая радость!

КАТЕНЬКА. Какія вы странная, Матрена Архиповна, вы насмотрѣлись на мужчинъ, такъ вамъ все равно! будьте вы на моемъ мѣстѣ, посидите шесть лѣтъ въ пансіонѣ, такъ не то заговорите...

ЧЕРЕПОВЪ (за кулисами). Матрена Архиповна!

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Чу! Назаръ Андреичъ всталъ!

КАТЕНЬКА. Слава Богу! миѣ очень нужно съ нимъ поговорить.

МАТРЕНА АРХИПОВНА (отворяя среднюю дверь). Феклуша! готовь ли кофе для Назара Андреича! Что?... Готовь! чудеса! Ну, хорошо что готовь, приготовь чашки и сливки. (Идетъ къ двери на право)..

КАТЕНЬКА. Скажите, дѣдушкѣ, что я его жду съ перивніемъ.

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Еще надо посмотрѣть, здоровъ ли онъ послѣ вчерашняго! вѣдь вы съ своими танцами, со всѣмъ его замучили! Охъ, молодость, молодость!

ЧЕРЕПОВЪ (за кулисами). Матрена Архиповна!...

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Иду, иду!

ЯВЛЕНІЕ III.

КАТЕНЬКА.

КАТЕНЬКА (одна). Эта Матрена Архиповна, должна быть большая кокетка! Она, кажется завидуетъ, что ей не шестнадцать

лѣтъ? Я никакъ не повѣрю, чтобъ ей было все равно, танцовать ли съ дѣвицей, или съ женщиной! да это небо и земля!

№ 1.

Ужъ вѣрно въ жизни не напрасно,
Роль всякому своя дана,
Какъ дѣвушка нибудь прекрасна,
Но все не кавалеръ она!
Вчера, какъ только приходилось
Вальсировать съ женщиной мнѣ,
Пріятно, вѣжно сердце билось,
Я вся пылала, какъ въ огнѣ!

(Оканчивая куплетъ. Говоритъ).

Но отъ чего?.. вотъ это не повятно мнѣ!.. (Слышенъ кашель Черепова). А! вотъ и дѣдушка!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

КАТЕНЬКА, ЧЕРЕПОВЪ, МАТРЕНА АРХИПОВНА.

МАТРЕНА АРХИПОВНА (ведя подъ руку Черепова). Тише, сударь, идите тише! вы упадете и меня свалите!..

ЧЕРЕПОВЪ (сидя въ волтеровскія кресла передъ столомъ). Помилуй, Матрена Архиповна! что ты меня страмишь!

(Матрена Архиповна уходитъ въ среднюю дверь, и тотчасъ же возвращается съ подносомъ, на которомъ кофейникъ и проч.)

КАТЕНЬКА (цалуя руку Черепова). Здравствуйте, дѣдушка!

ЧЕРЕПОВЪ. А, Катенька! раненько же ты встала?

КАТЕНЬКА. Хорошо ли вы провели ночь?

ЧЕРЕПОВЪ. Не дурно!.. хоть и просидѣлъ вчера до четырехъ часовъ, да это нашему брату ни почемъ! видишь, какимъ молодцомъ явился!

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Удивительнымъ молодцомъ! вѣдь охота же въ 70 лѣтъ затѣвать пиры.

ЧЕРЕПОВЪ. Это не я затѣялъ, Матрена Архиповна, а мои шалуны, Петруша и Катенька, имъ захотѣлось порядкомъ отпраздновать день моего рожденія!

ДѢ 2.

Въ семидесятый разъ, съ отрадой семьянина,
 Пришлось справлять мнѣ день рожденья своего,
 Хоть Богъ лишилъ меня и дочери и сына,
 Но добрыхъ мнѣ внучатъ послалъ въ замѣнъ того,
 Мнѣ только въ нихъ теперь осталось утѣшенье,
 Любуясь на внучатъ, я радуюсь душой,
 Что съ ними Богъ привелъ провести мнѣ день рожденья
 Когда въ могилѣ я стою одной ногой,
 Когда ужъ всякой день встрѣчаю я въ сомнѣньи,
 Что въ этотъ день они разстанутся со мной!..

КАТЕНЬКА. Дѣдушка!..

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Не въ томъ, сударь, дѣло! мнѣ жаль только, что вы истратили столько денегъ по-пустому.

ЧЕРЕПОВЪ. Нашла о чемъ жалѣть! Благодаря Бога, я не бѣднякъ какой! Кудажъ мнѣ прикажешь дѣвать мои доходы? — У меня теперь одиѣ удовольствія, доставлять ихъ моимъ шалунамъ. За то ужъ какъ я на нихъ и полюбовался вчера... Что за молодець мой Петруша! вылитой мой портретъ! Хоть въ мои годы танцовали минуешь; а въ нынѣшніе кадрили, но вѣдь и въ томъ и въ другомъ, нужна ловкость... Скажу безъ самолюбія, я былъ очень ловокъ... бывало, дамы такъ и нарываютъ захватить меня въ кавалеры... а нечего сказать, Петруша перещеголялъ и меня, держитъ себя, какъ король какой! Ногами выфинтываетъ, какъ словно первый танцмейстеръ! спасибо г-ну Гольцу! выучилъ на славу!.. Ну, а ужъ про Катюшу и говорить нечего! (*Катя опускаетъ глаза*). Тальйони, настоящая Тальйони!.. Боже мой! какъ ты была похожа на покойную твою мать!.. двѣ капли воды! всѣ гости на перерывѣ хвалили тебя, а Сергѣй Ивановичъ Позвонковъ, что прѣѣхалъ изъ Новгорода, подошелъ ко мнѣ, да и спрашиваетъ: скажите, говоритъ, Назаръ Андрейчъ, что это за прекрасная дѣвица, которая танцуетъ такъ превосходно, вонъ тамъ съ бѣлокурымъ мужчиной? Это моя внука, Сергѣй Ивановичъ, моя родная внука! ты не повѣришь, какъ мнѣ было пріятно слышать такія похвалы!

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Назаръ Андрейчъ! кофей простынетъ.

ЧЕРЕПОВЪ. А! хорошо! (*Наливая кофей*). Не хочешь ли, Катюша, чашечку кофейку?

КАТЕНЬКА. Благодарствуйте, дѣдушка, я ужъ пила! мнѣ нужно

съ вами поговорить. Петинька тоже имѣетъ къ вамъ какое-то дѣло... Но мнѣ хочется поговорить съ вами прежде его!

ЧЕРЕПОВЪ. Чтожъ это такое?

КАТЕНЬКА (*тихо Черепову*). Это секретъ, дѣдушка!

ЧЕРЕПОВЪ. А! понимаю! Матрена Архиповна, ты меня не жди, я и безъ тебя напьюсь кофею! вѣдь у тебя, чай, и безъ меня много хлопотъ?

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Я думаю, что много... вчера весь домъ поставили вверхъ дномъ, а безъ меня ужъ никто не приведетъ въ порядокъ.

ЧЕРЕПОВЪ. Знаю, знаю, Матрена Архиповна! тебѣ и книги въ руки... ужъ потрудись, поприбери все.

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Иду, иду (*уходя*). Вотъ вѣдь и въ кухнѣ безъ меня нѣтъ толку. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНИЕ V.

КАТЕНЬКА, ЧЕРЕПОВЪ.

КАТЕНЬКА. Слава Богу, наковецъ ушла!

ЧЕРЕПОВЪ. Ну, Катюша, что ты мнѣ хотѣла сказать? Да что ты это, какъ будто печальна?

КАТЕНЬКА. Да, дѣдушка, мнѣ очень, очень скучно! вѣдь вы знаете, мнѣ ужъ шестнадцать лѣтъ, а хотите, чтобъ я еще училась! завтра я должна ѣхать въ пансіонъ!

ЧЕРЕПОВЪ. Что дѣлать! ты еще не всѣ науки прошла!... Поучись еще годикъ, тогда я тебя совсѣмъ возьму!... Ну, не горюй же, перестань!

КАТЕНЬКА. Да еще не одно это меня печалитъ.

ЧЕРЕПОВЪ. Боже мой! Чтожъ еще?

КАТЕНЬКА. А то, дѣдушка, что Вольдемаръ Критскій, ужасный ревнивецъ.

ЧЕРЕПОВЪ. Что такое? Вольдемаръ Критскій, ревнивецъ?

КАТЕНЬКА. Да-съ!

ЧЕРЕПОВЪ. Вотъ этотъ, товарищъ Петрушки?

КАТЕНЬКА. Да-съ!... вчера, на балу, вдругъ изволилъ разсердиться на меня за то, что я сряду два кадрили танцевала съ другимъ... выдумалъ, что я не обращаю на него никакого вниманія, мало того, назвалъ меня кокеткой и насаждалъ такихъ ве-

шей, что я чуть не заплакала, ну, разсудите, дѣдушка, похвалено ли это съ его стороны?

череповъ. Прошу покорно! какова вѣтреница! я считалъ ее ребенкомъ, а ужъ она вонъ чѣмъ изволила заниматься.... Да развѣ этому учили тебя въ пансіонѣ?

катенька. Нѣтъ-съ, не учили.

череповъ. Когда же вы успѣли поправиться другъ другу?

катенка. Въ табельные дни, дѣдушка! по праздникамъ вы брали меня домой, а Вольдемаръ ужъ всегда бывалъ въ эти дни у брата!

череповъ. И только по праздникамъ вы видѣлись?

катенька. Да-съ, а въ прочіе дни, онъ иногда писалъ ко мнѣ пренѣжные записочки.

череповъ (*съ удивленіемъ*). Писалъ записки!... желалъ бы я знать, кто могъ ихъ тебѣ передавать?

катенька. Вы сами, дѣдушка!

череповъ. Я?

катенька. Вы часто ѣздили ко мнѣ въ пансіонъ по буднямъ, и почти всегда привозили съ собой, то коробочку съ конфетками, то книжку съ картинками....

череповъ. Ну, привозилъ!

катенька. И въ этихъ-то коробочкахъ и книжкахъ, я ужъ непремѣнно всегда находила записочки Вольдемара!

череповъ. И я ничего этого не зналъ!

катенька. Да какъ вамъ было и догадаться! Вольдемаръ и братецъ, — мастерски обдѣлывали эти вещи!

череповъ. Ахъ! я старый глупецъ!... и я былъ всеемъ этомъ главною пружиною!

катенька. Да, дѣдушка!... По вашей милости, усиливалась во мнѣ любовь къ Вольдемару. (*Со слезами*). Еслибъ не ваши подарки, я была бы гораздо равнодушнѣе къ нему... Вы не видѣли бы этихъ слезъ! нужно было вамъ баловать меня!

череповъ. Прошу покорно! яжъ и виноватъ.

катенька. Но я на васъ не сержусь, дѣдушка! Объ одномъ только прошу васъ, помирите насъ скорѣе! не то я не знаю, что со мною будетъ! мнѣ кажется, я сдѣлаюсь больна, умру, непремѣнно умру, если вы его не помирите со мной.

череповъ (*въ сторону*). Какъ вамъ это правится! каково порученіе! (*вслухъ*). Ни слова болѣе, сударыня! въ особенности, не извольте говорить объ этомъ предъ вашимъ братомъ! я знаю, что должно дѣлать!

КАТЕНЬКА. Но даете ли вы слово, что помирите.
 ЧЕРЕПОВЪ. Молчите! вотъ вашъ братъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

КАТЕНЬКА, ЧЕРЕПОВЪ, СУМСКІЙ.

СУМСКІЙ (*внѣ себя*). Наконецъ, вы встали, дѣдушка! я въ ужасномъ положеніи! если вы мнѣ не поможете, я не знаю, что со мною будетъ.

ЧЕРЕПОВЪ. Что такое? что съ тобой?

СУМСКІЙ. Я тутъ нисколько не виноватъ! Если вы, дѣдушка, узнаете это происшествіе, то, я увѣренъ, сами будете въ негодованіи!

ЧЕРЕПОВЪ. Боже мой! Что еще такое? успокойся мой другъ, говори хладнокровнѣе, что такое случилось?

СУМСКІЙ. Вѣдь вы знаете Надиньку, племянницу Семена Семеновича Авдѣева?

ЧЕРЕПОВЪ. Какъ же не знать, когда онѣ наши сосѣди и еще вчера были у насъ.

СУМСКІЙ. Слушайте же и ужасайтесь... Ее хотятъ выдать замужъ за Кривошенна.

КАТЕНЬКА. Вообразите, дѣдушка, за старичишку...

ЧЕРЕПОВЪ. Катя, ты забыла, я и самъ старикъ.

КАТЕНЬКА. Онъ и вы — какая разница! вы такіе милые, добрые, а онъ прегадкой, презлой!

СУМСКІЙ. Послѣ этого, можемъ ли мы допустить, чтобъ эта свадьба состоялась.

ЧЕРЕПОВЪ. А намъ что за нужда! развѣ она мнѣ внучка, развѣ она твоя сестра!

СУМСКІЙ. Какъ, что за нужда! можете ли вы быть хладнокровны, когда я ее люблю, обожаю, когда я не могу жить безъ нее!

ЧЕРЕПОВЪ (*строго*). Какъ!... что?... и ты еще осмѣливаешься признаться?...

ДѢ 3.

СУМСКІЙ.

Комужъ признаться мнѣ, скажете...

Гдѣ помощи искать мнѣ...

ЧЕРЕПОВЪ.

Что-сь?

Мнѣ вамъ помочь! да поглядите,

Что вы?

СУМСКІЙ.

Что-жь я?

ЧЕРЕПОВЪ.

Молокосось!

СУМСКІЙ.

Мнѣ двадцать лѣтъ!

ЧЕРЕПОВЪ.

Ужасно много!

СУМСКІЙ.

Лѣта въ любви не нужны намъ.

ЧЕРЕПОВЪ.

Въ твои лѣта ведетъ дорога

Весь родъ людской не къ пустякамъ,

Къ чинамъ, мѣстамъ и орленамъ.

СУМСКІЙ.

Чины не нужны въ жизни нашей

Любовь замѣнитъ ихъ во мнѣ..

ЧЕРЕПОВЪ.

Да ужъ губернской секретаршей,
Куда какъ лестно быть женѣ!

КАТЕНЬКА.

По что же можетъ быть лестнѣе,
По насъ, суди какъ хочешь свѣтъ,
Чѣмъ мужъ моложе, тѣмъ милѣе,
А генераловъ въ двадцать лѣтъ
На вѣрно въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ!

сумскій. Слушайте, дѣдушка! Надиньку отдають за Кривошеина, единственно потому, что онъ богатъ!... но какъ вы еще богаче его, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что Семень Семеновичъ предпочтетъ васъ.

череповъ. Меня! — *(смѣясь)*. Да ты съ ума сошелъ. Какаяжъ тутъ польза тебѣ?

сумскій. А такая же, дѣдушка, что когда откажутъ Кривошеину и вы сдѣлаетесь женихомъ Надиньки, тогда у меня не будетъ никакихъ соперниковъ... время будетъ въ нашихъ рукахъ, и вы будете откладывать свадьбу день за день.

катенька. Ахъ, какая чудесная мысль!... невозможно лучше придумать.

череповъ. А я такъ въ этомъ ничего не вижу, кромѣ ребячества... вамъ простительны шалости, а ужъ ко мнѣ они вовсе не пристали... Я никакъ не рѣшусь обмануть человѣка, особенно хорошаго пріятели, такого, какъ Семень Семенычъ.

сумскій. Какъ! дѣдушка, вы отказываетесь?

череповъ. Рѣшительно, отказываюсь!

сумскій. Такъ пусть же обрушится на меня весь вашъ гнѣвъ, сердитесь на меня, дѣлайте со мною что хотите, я вамъ скажу все, я такъ былъ увѣренъ въ вашей добротѣ, что сегодня утромъ послалъ отъ вашего имени письмо къ Семену Семенычу...

череповъ. Какъ ты осмѣлился...

сумскій. Я написалъ, что вы просите руки Надиньки... Теперь жизнь моя въ вашихъ рукахъ... если вы мнѣ измѣните, я погибъ, я умру, я убью себя!

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ ЖЕ И ЛАКЕЙ.

ЛАКЕЙ (*докладывая*). Семень Семеньчъ, Авдѣевъ!..

КАТЕНЬКА. Онъ вѣрно пришелъ съ отвѣтомъ...

ЧЕРЕПОВЪ. - Боже мой! Боже мой! Что я стану дѣлать. (*Лакею*).

Проси! Проси! (*Лакей уходитъ*).

СУМСКІЙ. Обдумайте хорошенько, дѣдушка... если онъ согласенъ и вы примите его предложеніе, я счастливѣйшій человѣкъ. Если же вы меня выдадите и откажетесь отъ руки и подписи, тогда... (*подбѣгая къ окну*). Это окно...

ЧЕРЕПОВЪ. Петруша! если ты осмѣлишься... пошелъ сюда... слышишь, пошелъ сюда!... Я тебѣ приказываю... (*Сумскій подходитъ*). Стань подлѣ меня и ни съ мѣста! (*Въ-сторону*). Боже мой! того и гляжу, что меня хватить парализчъ!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТЪ ЖЕ И АВДѢЕВЪ.

АВДѢЕВЪ (*входя въ среднюю дверь раскланиваясь*). Назарь Андренчъ! Петръ Иванычъ! Катерина Ивановна!

ЧЕРЕПОВЪ. Здравствуйте, Семень Семеньчъ!

АВДѢЕВЪ. Назарь Андренчъ! Батюшка!.. Кто-бы ожидалъ отъ васъ такого сюрприза! Письмецо ваше, что называется, такъ меня удивило, такъ обрадовало, что я еще до сихъ поръ не могу опомниться... не могу повѣрить...

ЧЕРЕПОВЪ. Семень Семеньчъ, не подумайте...

АВДѢЕВЪ. Что тутъ думать, батюшка!... я съ своей стороны совершенно согласенъ!... Да что-то все не вѣрится! неужели вы серьезно!...

ЧЕРЕПОВЪ. Какъ вамъ сказать...

КАТЕНЬКА (*тихо Черепову*). Дѣдушка! Петинька подходитъ къ окну.

ЧЕРЕПОВЪ. Петя!... Серьезно, Семень Семеньчъ, серьезно!

АВДѢЕВЪ. Ну, кто бы этого ожидалъ! Ахъ вы мой родной! это, что называется, такая благополучная эпоха ля нашего дома, ка-

кой и во снѣ мнѣ никогда не снилось! да этакого женишка и со свѣчкой нынче не отыщешь! счастье моей Надѣ, да и только!... Не мужъ у нее будетъ, а отецъ! больше чѣмъ отецъ! Удивляюсь одному, отъ чего вы до сихъ поръ ни-слова мнѣ не говорили? не ужель вы могли сомнѣваться въ моемъ согласіи? .. Слава Богу, что еще во время пришло ко мнѣ ваше предложеніе, только что я получилъ его, такъ сію же минуту, что называется, по боку Кривошеина.

череповъ. Какъ! ужъ вы ему отказали?

авдѣевъ. Помилуйте! да могъ ли я иначе и поступить! какъ парочно, онъ послѣ вашего письма, тотчасъ и въ двери... вѣдь сегодня у меня назначенъ ужъ былъ сговоръ... а къ нему, что называется, съ извиненіемъ... все свалилъ на племянницу... несогласна, да и только! Надобно было видѣть, какъ онъ объяснился... Обидѣли, говоритъ, меня жестоко обидѣли, не ожидалъ, говоритъ, отъ васъ Семенъ Семенычъ такого поступка... А я ему, одно да одно; извините, Максимъ Ивановичъ!.. что хотите дѣлайте, счастье племянницы мнѣ дороже всего... не согласна! терпѣть васъ не можетъ! такъ и отъѣхалъ! Да, Богъ съ нимъ, я такъ радъ, что эта свадьба не состоялась! Больно не правился мнѣ этотъ человѣкъ! Что станешь дѣлать, какъ не принуждалъ себя, душа къ нему не лежала.

(Катенька тихо Черепову, показываетъ на Сумскаго).

череповъ. Петя!... (Вслухъ). Конечно, я съ своей стороны ужъ рѣшилъ...

авдѣевъ. На что, Назарь Андреечъ?

катенька (тихо Черепову). Боже мой! Онъ ужъ берется за задвижку!

череповъ (поспѣшно). То есть... ужъ я рѣшился жениться на Надеждѣ Андреевнѣ...

сумскій (подходя къ Черепову). Ахъ, дѣдушка, я не знаю, какъ васъ благодарить!

череповъ (тихо Сумскому). Молчи!... ни слова!

авдѣевъ. Чрезвычайно радъ!... Но, что называется, я не о томъ спрашивалъ васъ... Когда вы намѣрены назначить день свадьбы?

череповъ. Да-съ!... Но мнѣ хотѣлось бы прежде поговорить съ Надеждой Андреевной... я не желалъ бы противъ ее воли.

авдѣевъ. А на счетъ Нади, не извольте беспокоиться, я увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ, что она и не заикнется... Еслибы вы знали, какъ она васъ любитъ... просто, безъ ума! только у

нее и разговоръ что про васъ! Помните, на прошлой недѣлѣ, вы собрались было къ намъ на чашку чаю... еслибъ вы видѣли, въ какомъ она была восторгѣ... Отъ двери не отходить, скоро ли, да скоро ли! Когдажъ узнала, что вы занемогли и не будете къ намъ... Боже ты мой! Зарыдала, просто, что называется, зарыдала... я ужъ ее и такъ и сякъ... нѣтъ, ничѣмъ не могъ утѣшить.

сумскій *(поспѣтно)*. Не ужели это правда!

авдѣевъ. Стану ли я лгать! да спросите у насъ всѣхъ въ домѣ, всѣ наши тоже скажутъ... Ну-съ Назаръ Андрейчъ, когда же день свадьбы?

череповъ. Я уже вамъ сказалъ, позвольте мнѣ прежде поговорить съ Надеждой Андреевной!

авдѣевъ. Да!... я такъ пойду, предувѣдомлю ее, и чѣмъ вамъ безпокоиться подниматься къ намъ на верхъ, я приведу ее къ вамъ сюда!

череповъ. Но зачѣмъ же спѣшить...

сумскій *(тихо Черепову)*. Дѣдушка, вы опять...

авдѣевъ. Нѣтъ, ужъ позвольте, я, что называется, люблю ковать желѣзо, пока горячо... *(Въ сторону)*. Того и гляжу, что умереть... *(Вслухъ)*. До свиданія, дорогой мой будущій племянничекъ! до-свиданія! *(Идетъ къ средней двери и встрѣчается съ Надинькой)*.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТЪ ЖЕ И НАДИНЬКА.

авдѣевъ. Что я вижу! Надя!

череповъ и сумскій.

Надежда Андреевна!

КАТЕНЬКА.

Надинька.

НАДИНЬКА.

Дядюшка! онъ здѣсь!

авдѣевъ. Вотъ кетати? *(Въ-сторону)*. Я ее не приготовилъ, бѣда, какъ заупрямится.

надинька. Я пришла повидаться съ Катенькой, и между тѣмъ поговорить съ вами, Назаръ Андрейчъ!

СУМСКІЙ. Поговорить съ дѣдушкой!

ЧЕРЕПОВЪ. Со мной?

НАДИНЬКА. Вы такъ добры, Назарь Андриенчъ, такъ были внимательны всегда ко мнѣ...

АВДѢВЪ (*Черепову*). Что, солгалъ ли я?

НАДИНЬКА (*Черепову*). На васъ вся моя надежда.

ЧЕРЕПОВЪ. Что такое, Надежда Андреевна! что случилось, (*въ сторону*). Ужь не узнала ли она?

СУМСКІЙ. Я едва дышу....

НАДИНЬКА. У меня къ вамъ большая просьба.... но, право я боюсь.... здѣсь дядюшка.... онъ разсердится....

АВДѢВЪ. Это что? бояться меня! развѣ я звѣрь какой?

ЧЕРЕПОВЪ. Сдѣлайте милость, говорите, въ чемъ дѣло?

НАДИНЬКА. Дядюшка хочетъ меня выдать насильно за-мужъ.

ВСѢ. Насильно!

НАДИНЬКА. Я терпѣть не могу моего жениха — ради Бога, Назарь Андриенчъ, уговорите дядюшку, чтобы онъ пощадилъ меня... я готова перенести все, только бы не отдавали меня....

ЧЕРЕПОВЪ. За кого?

НАДИНЬКА. За Максима Иваныча!

АВДѢВЪ (*въ сторону*). Уфъ! отъ души отлегло!

ЧЕРЕПОВЪ. Если въ этомъ только ваша просьба, такъ не беспокойтесь, она уже исполнена!

НАДИНЬКА. Неужели?

АВДѢВЪ. И ты могла думать, чтобы я, твой дядя, рѣшился пожертвовать твоимъ счастьемъ. Нѣтъ, мой другъ, не такого жениха посылаетъ тебѣ Господь.... Теперь твоей руки просить человѣкъ истинно по всему достойный, человѣкъ, котораго ты любишь, и который, что называется, воплиъ тебя осчастливить!

НАДИНЬКА (*въ сторону*). Что я слышу! неужели!...

АВДѢВЪ. Словомъ, этотъ женихъ, Назарь Андриенчъ!

НАДИНЬКА (*съ удивленіемъ*). Назарь Андриенчъ!

ЧЕРЕПОВЪ. Не знаю, понравится ли еще вамъ мое предложеніе.... Мнѣ даже сомнительно, чтобы я былъ лучше Максима Иваныча!

НАДИНЬКА. О, какое сравненіе!...

ЧЕРЕПОВЪ. Позвольте, однакожъ, объяснить вамъ.... Вы, можете быть, удивляетесь, что я ни съ того, ни съ другаго, вдругъ по старости лѣтъ вздумалъ просить вашей руки.... признаюсь вамъ откровенно, я никогда бы и не подумалъ, если бы не мой Петруша.... онъ далъ мнѣ эту счастливую мысль!...

надинька (*съ волненіемъ*). Такъ это Петръ Ивановичъ позаботился о моей судьбѣ?... Я очень ему благодарна, онъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора!

сумскій (*съ досадою*). Я былъ увѣренъ, что, кромѣ меня, вамъ всякой другой можетъ понравиться.

череповъ. Что это?... Петя.... Петя....

авдѣевъ. Въ самомъ дѣлѣ!... чтожь это значить?

череповъ. А то, что Петръ Ивановичъ изволилъ забытья, гдѣ онъ и съ кѣмъ говорить!... (*Авдѣеву*). Послѣ этаго извольте ждать, чтобъ внучки уживались съ бабушками. (*Надинькѣ*). Выслушайте меня, Надежда Андреевна!... Конечно я разстроилъ вашъ бракъ съ Максимомъ Ивановичемъ, но это еще не даетъ мнѣ права владѣть вами, противъ вашей воли.... я готовъ жениться въ такомъ только случаѣ, если вы будете на это согласны, иначе я отказываюсь.... и даже берусь хлопотать передъ вашимъ дядюшкой, чтобъ онъ выдалъ васъ за того, кто вамъ по душѣ.

авдѣевъ. Помилуйте, Назаръ Андренчъ, она, что называется.

череповъ. Позвольте, Семенъ Семенычъ.... ваша рѣчь впереди... И такъ, Надежда Андреевна, говорите откровенно.... Положимъ, на примѣръ, что предъ вами два жениха, я и хоть мой Петя.... оба мы влюблены въ васъ безъ памяти.... Какъ бы вы рѣшили, естлибъ это дѣйствительно такъ было?... Кого бы вы выбрали?

сумскій. О, я былъ бы слишкомъ самолюбивъ, естлибъ даже смѣлъ надѣяться!... Надежда Андреевна достойна не такой участи....

череповъ. Петя!... молчи!... Сдѣлайте милость, Надежда Андреевна, не слушайте его, скажите чистосердечно.

надинька. Если вы непремѣнно требуете?!...

сумскій. Не бойтесь, говорите смѣло.... не думайте, чтобъ вы могли сдѣлать кого вѣбудъ несчастнымъ....

череповъ. Петя!... я тебѣ сказалъ, молчи!... Надежда Андреевна, рѣшите-же....

катенька. Говори, Надинька.... говори, то, что ты чувствуешь... (*тихо*) Пошади брата.

авдѣевъ. Ну, что же ты въ самомъ дѣлѣ?... (*Тихо*) Выбрай дѣдушку.... что тебѣ въ этомъ головорезѣ!... (*Вслухъ*). Да полно же молчать.... Ну, кого же ты выбираешь?... Говори смѣло, не бойся!....

череповъ. Когожь рѣшите?

надинька (*подходя къ Черепову*). Васъ, васъ, Назаръ Андреевичъ!

В М Е С Т Ъ

Меня!

Дѣдушку!

Браво!

ЧЕРЕПОВЪ.

СУМСКІЙ И КАТЕНЬКА.

АВДЕВЪ.

ЧЕРЕПОВЪ. Но разсудили ли вы хорошенько, Надежда Андреевна?... Не шутки ли это съ вашей стороны?

НАДИНЬКА. Можете ли вы это думать? Я васъ такъ [много уважаю, такъ люблю, что никогда не позволю себѣ никакой съ вами шутки? Я сказала вамъ откровенно, отъ сердца!

АВДЕВЪ. Добрая, что называется, рѣдкая племянница!... Благодарю Бога! наставленія мои не остались втунѣ! деньги на твое воспитаніе, не пропали даромъ....

СУМСКІЙ (*въ сторону*). Я не знаю, что подумать....

АВДЕВЪ. Теперь все, кажется кончено! намъ осталось только назначить день свадьбы, а чтобъ и васъ Назаръ Андреевъ, и Надю мою, и меня самого успокоить, не угодно ли вамъ будетъ сегодня же съ ней обручиться, у меня ужъ все было приготовлено для Максима Ивановича.... и родные созваны.... Какъ ты думаешь, Надя?...

НАДИНЬКА. Мнѣ все равно; дядюшка!... я на все согласна!

АВДЕВЪ. А вы, Назаръ Андреевъ!

ЧЕРЕПОВЪ (*въ сторону*). Чтожъ я скажу?... Какъ мнѣ идти противъ желанія невѣсты.... (*вслухъ*). Если только угодно Надеждѣ Андреевнѣ....

АВДЕВЪ. Такъ и вы согласны. Безподобно, до свиданія же, Назаръ Андреевъ, до свиданія, будущей мой племянничекъ.... Черезъ полчаса буду я имѣть честь явиться къ вамъ съ невѣстой. Чтобъ вамъ менѣе было безпокойства, обрученіе будетъ у васъ.... а ужъ я обо всемъ похлопочу!... до пріятнаго свиданія!... Надя, пойдѣмъ! (*Уходитъ съ Надинькой*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ЧЕРЕПОВЪ, КАТЕНЬКА, СУМСКІЙ.

ЧЕРЕПОВЪ. Ну, что мои друзья?

КАТЕНЬКА. Я не могу притти въ себя.... неужели дѣдушка, она въ самомъ дѣлѣ васъ любитъ?

череповъ. Боюсь и подумать, моя душа! Если это правда — я погибъ, я несчастливѣйшій человекъ въ мірѣ!

сумскій. А я развѣ буду менѣ васъ несчастливъ?

череповъ. Ктожъ виноватъ всему, какъ не ты самъ? ты хотѣлъ этаго!... Чтожъ тебѣ еще думать, жени своего дѣда на восемнадцати, лѣтней дѣвушкѣ!... Погуби, умори его!

сумскій. Какъ, дѣдушка, неужели вы въ самомъ дѣлѣ рѣшились жениться?...

череповъ. А какъ же мнѣ прикажешь вывернуться изъ бѣды! ты за меня изволилъ посвататься, я подтвердилъ твои слова, дядюшка согласенъ, племянница объявила, что меня любитъ!... всѣ противъ меня!... что же послѣ этаго остается мнѣ желать?

сумскій. Вы должны отказаться отъ нее, дѣдушка!... Боже мой! какъ я теперь раскаяваюсь! Я былъ бы гораздо счастливѣе, еслибъ она вышла за этаго глупаго Кривошенна.

катенька. Братецъ! какъ тебѣ не стыдно!

сумскій. Да, конечно, я былъ бы счастливѣе! она по крайней мѣрѣ, не любила бы этаго негодяя! тогда, какъ дѣдушку она будетъ любить съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе! Нѣтъ, дѣдушка, вы должны непременно отказаться, объяснитесь съ Семеномъ Семенычемъ!

череповъ. Ты хочешь, чтобъ я измѣнилъ своему слову, когда въ продолженіи всей моей жизни, никогда еще я никого не обманывалъ!... Нѣтъ, мой дружокъ, этому не бывать, скорѣе женюсь, чѣмъ откажусь отъ своего обѣщанія.

ЯВЛЕНИЕ II.

ТѢ-ЖЕ, МАТРЕНА АРХИПОВНА.

МАТРЕНА АРХИПОВНА (съ волненіемъ). Боже мой! неужели это правда! вы сударь, женитесь?... Вы въ ваши лѣта!... Да нѣтъ, этаго не можетъ быть! они врутъ! они хотѣли посмѣяться надо мной!

череповъ. Кто тебѣ это сказалъ?

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Да самъ Семенъ Семенычъ!... Нарочно зашелъ ко мнѣ въ кухню!... Поздравь, говоритъ, меня, я выдаю мою Надю за твоего хозяина... Я было подумала за Петра Иваныча, и говорю ему: неужели за Петра Иваныча? За какого,

говорить, Петра Ивановича?... За самого Назара Андреева! Я чуть ему не плюнула въ глаза! да ужь такъ поудержалась....

череповъ. Хорошо, что поудержалась!

матрена архиповна. Что?

череповъ. Семень Семенычъ сказалъ тебѣ правду!

матрена архиповна. Правду? такъ вы точно женитесь?

череповъ (*внучкамъ*). Вотъ и еще новая гроза!

матрена архиповна. Какъ! послѣ тридцатилѣтней службы, вы хотите меня выгнать изъ дома? И вы думаете, что вамъ это позволять? вы думаете, что ваши внучки допустятъ васъ сдѣлать такую глупость.

череповъ. Ахъ, Матрена Архиповна, они-то и заварили всю эту кашу!

сумскій. Да, Матрена Архиповна, мы всему причиной... но теперь ужь раскаяваемся... и рады бы поправить эту бѣду, да не знаемъ какъ!

матрена архиповна. Поправить!

сумскій. Да, мы поспѣшили.... дѣдушка желалъ бы отказаться, не найдетъ причины!

матрена архиповна. Боже Ты мой! да ихъ тысяча! Что въ самомъ дѣлѣ, неужели Назаръ Андреевъ хочетъ выставить себя на посмѣшище, вѣдь ему не въ креслахъ же придется вѣнчаться!

череповъ. О, я самъ знаю, что посмѣшкамъ не будетъ конца! Но я далъ обѣщаніе, и лучше вытерплю всевозможныя обиды, чѣмъ измѣню слову.

катинька. Дѣдушка! а если сама Надинька вамъ откажетъ, или Семень Семенычъ!

череповъ. О, тогда дѣло другое.

катинька. Такъ знаете что, прикиньтесь сердитымъ, капризнымъ, вѣтренникомъ.

череповъ. Да, ужь особенно вѣтренникомъ.... нечего сказать, легко мнѣ прикинуться.

сумскій. Пусть будетъ, что будетъ! я покарюсь моею судьбѣ! Пусть она теперь явится, вы увидите, какъ я буду равнодушень!

череповъ. Боже мой! я совсѣмъ забылъ! вѣдь она въ самомъ дѣлѣ, скоро сюда будетъ.... пожалуй еще съ родными.... тогда, что хочешь дѣлай, все-таки придется обручиться.... а я въ халатѣ.... вѣдь этакъ и неловко и неучтиво!

(Сумскій и Катинька разговариваютъ особю).

матрена архиповна. Господи! они ему не дадутъ и вздохнуть!

ЧЕРЕПОВЪ. Какъ ты думаешь, Матрена Архиповна, чтобы мнѣ надѣть?

МАТРЕНА АРХИПОВНА (*почти со слезами*). Ужъ конечно не сюртукъ.... въ такихъ случаяхъ всего приличнѣе мундиръ!

ЧЕРЕПОВЪ. Неужели мундиръ?

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Какъ же иначе, въ вашемъ званіи... по крайней мѣрѣ, хоть мундиромъ себя скрасите... все-таки покажетесь помоложе! Господи, Боже мой! Думала ли я когда-нибудь дожить до такой невзгоды!

ЧЕРЕПОВЪ. Нечего дѣлать, Матрена Архиповна, пойдемъ наряжаться.

ЛѢ 4.

Я полагалъ, ужъ, что придется
Въ мундирѣ въ гробъ мнѣ лежать,
А вотъ теперь мнѣ достается
Его для свадьбы надѣвать!
Но ужъ такой курьезной штуки
Я не слышалъ ни отъ кого...
И врядъ ли было, чтобы внуки
Женили дѣда своего!...

(Уходитъ съ Матреной Архиповной въ свою комнату).

ЯВЛЕНИЕ XII.

КАТЕНЬКА, СУМСКІЙ.

СУМСКІЙ. Все кончено!... Черезъ нѣсколько минутъ ихъ обручатъ. А я... Боже мой! что со мною будетъ!

КАТЕНЬКА. Кажется, ты сказалъ, что ужъ тебѣ все равно, ты хотѣлъ быть равнодушнымъ.

СУМСКІЙ. Мало ли что говорится! Мнѣ досаднѣе всего, что Надянька, по видимому, меня ненавидитъ, тогда, какъ я увѣренъ, что она любитъ меня, также какъ я люблю ее! у нее пренесносный характеръ, она изъ мщенія готова не только выйти замужъ за дѣдушку, но даже цѣлый вѣкъ быть несчастной! Ужъ вѣрно такова женская натура.

№ 5.

Въ васъ такъ много самовластья!

КАТЕНЬКА.

А вы вѣтрены всегда!

СУМСКИЙ.

Самовластіе несчастье.

КАТЕНЬКА.

А ужъ вѣтренность бѣда!

СУМСКИЙ.

Можноль мучить насъ безбожвѣй!

И къ чему прошу рѣшить!..

КАТЕНЬКА.

Чтобъ впредь быть осторожвѣй,

И весь вѣкъ одну любить!

СУМСКИЙ.

И для этого все только?

КАТЕНЬКА.

Вотъ и въ Надѣ тоже месть!

А съ тобой ужъ, вѣрно, горько

Ей разлуку перенести!

СУМСКИЙ.

Эта жертва непонятна!

КАТЕНЬКА.

Непонятна для тебя!

А для насъ и то пріятно,

Что отмстимъ мы за себя!

сумскій. Удивительныя пріятности! Боже мой, чтожъ я буду теперь дѣлать?

катенька. Погоди, я можетъ быть тебѣ помогу.

сумскій. Неужели; о, какъ я буду тебѣ благодаренъ, за это я самъ услужу тебѣ... Впрочемъ, я ужъ и такъ часто мирилъ васъ съ Вольдемаромъ!

катенька. Твой Вольдемаръ такой же вѣтренникъ, какъ и ты! Ну, напримѣръ, вчера, за что онъ на меня разсердился?...

сумскій. Не безпокойся, онъ ужъ все забылъ, и готовъ самъ просить у тебя прощенія...

катенька (*цѣлуя его*). Ахъ, какой ты милый, какой ты добрый, братецъ!

сумскій. Хорошо, хорошо!... положишь на меня, я все устрою къ твоему счастью.... Но прежде ты должна позаботиться обо мнѣ.... Что же ты придумала?...

катенька. Если я стану ее уговаривать, то вѣрно, по пусто-му.... Намъ надо приняться иначе за это дѣло.... Прежде всего мы условимся съ дѣдушкой, чтобъ онъ натуральнѣе сыгралъ свою роль.

сумскій. Нѣтъ, мы не должны вмѣшиваться дѣдушку въ нашъ разговоръ.... онъ испортитъ все.... его перваго надобно обмануть....

катенька. Это измѣняетъ нѣсколько мой планъ, по нужды нѣтъ.... Поди же отсюда, кажется, идетъ дѣдушка!

сумскій. Нѣтъ! какъ ни тяжело мнѣ, но я хочу быть свидѣтелемъ его обрученія.

катенька. Ну, такъ ты испортишь весь мой планъ! сдѣлай одолженіе, поди!

сумскій (*нерешительно*). Право, я боюсь, Катенька.... если тебѣ не удастся.

катенька. Все кончится прекрасно! только слушайся меня.... Поди же, поди....

(*Уводитъ Сумскаго въ свою комнату; въ тоѣе время*

выходятъ Череповъ съ Матреной Архиповной; Череповъ въ бригадирскомъ мундирѣ съ тростью; Матрена Архиповна несетъ шпагу).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ЧЕРЕПОВЪ, МАТРЕНА АРХИПОВНА.

ЧЕРЕПОВЪ. Что здѣсь за разговоры были! Я ужъ испугался, думалъ, что явилась моя невѣста!

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Нѣтъ, вы ошиблись, это были наши.

ЧЕРЕПОВЪ (въ сторону). Невѣста! а я женихъ! какъ подумаю только, такъ морозъ по кожѣ! (Вслухъ). Матрена Архиповна, гдѣ моя шпага?

МАТРЕНА АРХИПОВНА (со слезами). Вотъ она!

ЧЕРЕПОВЪ. Да вѣдь, при обрученіи не надѣваютъ, кажется, шпаги?

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Кажись, не надѣваютъ!

ЧЕРЕПОВЪ. Ну, полно плакать! Что ты меня словно въ гробъ кладешь! (Вытирая глаза). Матрена Архиповна! да полно же!

МАТРЕНА (хныкая). Какъ же мнѣ не плакать! вѣдь вы себя, просто, губите! Господи, думала ли я, ожидала ли?

ЧЕРЕПОВЪ. Да полно же, Матрена Архиповна!

МАТРЕНА АРХИПОВНА. И диви бы еще брали какую-нибудь солидную женщину, по крайней мѣрѣ, хоть моихъ бы лѣтъ, а то вертушку...

ЧЕРЕПОВЪ. Перестань же, говорить!... Вотъ и дядюшка!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ТЪ ЖЕ, НАДИНЬКА, (одѣтая, какъ невѣста) и АВДѢЕВЪ.

АВДѢЕВЪ. Вотъ и мы! кажется, не заставили васъ дожидаться, Фу, какимъ молодцомъ вы разошлись! Чудо, право, чудо! Посмотри, Надя! Подите вы, какъ вѣдь мундиръ-то красить людей! А я, что называется, сдѣлалъ ужъ всё распоряженія къ обрученію... сейчасъ явятся тѣтушка Анна Ивановна, посаженная мать Нади, два моихъ троюродныхъ брата, шуринъ съ женой, да еще

человѣкъ пять самыхъ близкихъ.... Ну, а у васъ есть ли посаженые.

ЧЕРЕПОВЪ (въ сторону). Я объ этомъ и не думалъ! (Вслухъ). Есть, Семенъ Семенычъ, есть.... сію минуту прѣбдутъ, но мнѣ бы хотѣлось прежде поговорить кое о чемъ на единѣ съ моею невѣстой....

АВДЕВЪ. Какъ вамъ будетъ угодно!...

ЧЕРЕПОВЪ. А вы между тѣмъ примите гостей.

АВДЕВЪ. И безподобно! (въ сторону). Что онъ еще хочетъ съ ней говорить... (вслухъ) Я вамъ скажу, какъ все будетъ готово! (въ сторону). Надо поторопиться! (вслухъ). Надинька, останься же съ своимъ женихомъ... Видите, какъ я довѣрчивъ къ вамъ, Назаръ Андренчъ, оставляю васъ наединѣ съ племянницей.

ЧЕРЕПОВЪ. Будьте увѣрены въ моею скромности.

АВДЕВЪ. О, пожалуйста! да! мнѣ еще пужны ваши документы!

ЧЕРЕПОВЪ. А вотъ тамъ у меня въ кабинетъ, въ особомъ ящикѣ... ты знаешь, Матрена Архиповна, поди отдай все, что нужно Семену Семенычу, тамъ и аттестатъ мой и свидѣтельство о рожденіи.

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Къ чему все это?... и безъ вашего свидѣтельства, кажется видно, что вы совершеннолѣтній!

ЧЕРЕПОВЪ. Ну, ну, ступай!... а изъ кабинета Семенъ Семенычъ, вы можете пройти прямо въ залъ.

АВДЕВЪ. Слушаю, Назаръ Андренчъ! (въ сторону). Надо поторопиться, чтобы онъ не раздумалъ! (уходитъ съ Матреной Архиповной въ кабинетъ Черепова).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ЧЕРЕПОВЪ, НАДИНЬКА.

ЧЕРЕПОВЪ. Ну, Надежда Андреевна, все ли вы обдумали?

НАДИНЬКА. Да.

ЧЕРЕПОВЪ. Не рассказываетесь ли вы, что дали мнѣ слово?

НАДИНЬКА. Нѣтъ! (въ сторону). Чтобы ни было, я все перенесу съ твердостью.

ЧЕРЕПОВЪ (въ сторону). Нѣтъ способа ее образумить! (вслухъ). Позвольте, хоть я и худо вижу, однако же замѣчаю, что-то у васъ

красеньки глаза, вы какъ будто плакали... Прошу васъ еще разъ, будьте откровенны... Если вы перемѣнили намѣреніе, если вы не хотите быть моею женой — скажите одно слово... я нисколько этимъ не оскорблюсь...

НАДИНЬКА. О, могу ли я колебаться... ваши достоинства... ваша доброта...

ЧЕРЕПОВЪ. Конечно, все это очень хорошо Надежда Андреевна, но для жены этого недостаточно.. ей нужно еще кое-что, тѣмъ, кажется, при всѣхъ достоинствахъ, какія вы мнѣ приписываете, не могу похвастаться!

НАДИНЬКА. Чтожъ такое?

ЧЕРЕПОВЪ. Молодость!

НАДИНЬКА. О, при вашихъ добродѣтеляхъ, я забываю ваши лѣта.

ЧЕРЕПОВЪ. Въ такомъ случаѣ ужъ рѣшите Надежда Андреевна, какъ слѣдуетъ!... все приготовлено къ нашему обрученію... и если вамъ угодно. *(показываетъ на дверь).*

НАДИНЬКА *(съ замѣшательствомъ)*. Но, дядюшка хотѣлъ сказать... *(съ стороны)*. Я едва дышу!

ЧЕРЕПОВЪ. Боже мой! вы поблѣднѣли...

НАДИНЬКА. Ничего, ничего, пойдете, я готова.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ И КАТЕНЬКА *(выбѣгая изъ своей комнаты)*.

КАТЕНЬКА. Дядушка! дядушка! еслибъ вы знали... Боже мой; какое несчастье!

ЧЕРЕПОВЪ. Что такое? — что?

КАТЕНЬКА *(притворяясь плачущею)*. Братецъ хочетъ насъ оставить — оставить навсегда! Онъ клянется и божится, что никогда не переставалъ любить Надиньку, и между тѣмъ долженъ ее потерять! Имъ овладѣло какое-то отчаяніе, для него ужасна мысль, что вы его соперникъ, онъ рѣшился ѣхать на Кавказъ въ дѣйствующую армію, написалъ просьбу и черезъ часъ навѣрное подастъ.

ЧЕРЕПОВЪ. На Кавказъ! *(Надинька падаетъ въ кресла)*. Боже мой! неужели ничто не можетъ его остановить? *(взглянувъ на Надиньку)*. Она въ обморокъ.

КАТЕНЬКА. Надобно ей помочь!

ЧЕРЕПОВЪ. Этого только не доставало *(кричитъ)*. Матрѣна Ар-

хиповна! скорѣ воды! спирта! эй, кто нибудь! Боже мой! никто нейдетъ, гдѣ они всѣ запропались! (*уходитъ въ среднюю дверь*).

КАТЕНЬКА. У меня есть вѣрнѣ средство! (*подбѣгая къ своей комнатѣ*). Братецъ! братецъ!

ЯВЛЕНИЕ XVII.

КАТЕНЬКА, СУМСКІЙ, НАДИНЬКА. (*все еще въ креслахъ*).

СУМСКІЙ (*подбѣгая къ Надинькѣ и становясь на кольни*). Надинька! милая Надинька! Боже мой! что съ ней?

НАДИНЬКА (*слабымъ голосомъ*). Неужели я на вѣкъ съ нимъ разлучусь!

КАТЕНЬКА. Надинька! онъ здѣсь, подлѣ тебя!

НАДИНЬКА. Что я вижу!

СУМСКІЙ. Передъ вами преступникъ... Онъ ждетъ вашего приговора!... я не ѣду, Надинька, это только выдумка сестры, чтобъ спасти меня, чтобъ примирить меня съ вами, но если вы меня отвергните, тогда я на все рѣшусь, я дѣйствительно уѣду, на Кавказъ, на край свѣта, буду вездѣ искать смерти, какъ единственной отрады въ жизни!

КАТЕНЬКА. Прости его! Еслибъ ты знала, онъ тебя любитъ!

НАДИНЬКА. И ты меня не обманываешь?

СУМСКІЙ. Клянусь, я никогда не измѣнялъ моей любви къ вамъ!... Но можетъ быть вы забыли ужъ меня!...

НАДИНЬКА. Какъ я ни старалась забыть васъ, но сердце было вашимъ заступникомъ... оно все еще васъ любитъ! (*Сумскій целуетъ ее руку*).

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ АВДѢВѢВЪ. (*выходитъ изъ кабинета*). МАТРЕНА АРХИПОВНА (*въ одно и тоже время является изъ тѣхъ же дверей со склянкой спирта, потомъ ЧЕРЕПОВЪ*).

АВДѢВѢВЪ. Что я вижу!

(*Надинька поспѣшно встаетъ съ кресла*).

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Внукъ на колѣнахъ передъ невѣстой своего... Боже мой! какой страмъ! (*падаетъ въ тѣ же кресла, на ко-*

торыхъ сидѣла Надинька). Какой соблазнъ! вотъ вамъ и родство и уваженіе!

череповъ. (Входя въ среднюю дверь со стаканомъ воды, и подходя къ кресламъ). Не хуже ли ей?... не хуже ли ей?... вотъ выпейте водицы! (увидя Матрену Архиповну), Матрена Архиповна, что это?... не ужели и тебѣ дурно?

МАТРЕНА АРХИПОВНА. И было бы отъ чего! еслибъ вы видѣли, что сію минуту здѣсь происходило?... ваша невѣста...

СУМСКІЙ. Молчите пожалуста.

АВДѢВЪ. Нѣтъ, ужъ это ни-на-что не похоже, (разговариваетъ тихо съ Надинькой и Сумскимъ, которые какъ будто его упрощиваютъ).

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Мнѣ молчать, когда дѣло идетъ о чести Назара Андреича, какъ бы не такъ! вообразите, Назаръ Андреичъ! чтобы вы думали дѣлалъ здѣсь вашъ внучекъ? стоялъ на колѣнахъ передъ вашей невѣстой, цѣловалъ ей руки. — и она, страшица, хоть бы отдернула!...

череповъ. Что я слышу! стало они помирились! Нѣтъ! семидесятилѣтнему старику худо гоняться за молодыми!

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Вы должны его примѣрно наказать... да и невѣсту-то не мѣшаетъ проучить.

череповъ. Надо, непременно надо ихъ наказать!... Надежда Андреевна! я думаю вы не разсердитесь, если я помѣняюсь съ внукомъ ролями? Семенъ Семенычъ, позвольте! вѣдь вамъ, право, все равно, вѣдь онъ мой наслѣдникъ!

АВДѢВЪ. Наслѣдникъ! помилуйте, Назаръ Андреичъ, было бы только вамъ угодно, а я, что называется, на все готовъ для васъ.

череповъ. И безподобно!... дѣти обнимите меня! (Катенька, Надинька и Сумскій, обнимая Черепова). Дѣдушка!... милый дѣдушка.

АВДѢВЪ. Вотъ ужъ картина, что называется! (въ сторону) Внучекъ-то, говорятъ, мотовать, а дѣдушка, того и гляди, умереть... смѣкаете?... поживимся...

череповъ. Слава Богу! все кончилось спокойно.

КАТИНЬКА. А вы забыли мою просьбу?

череповъ. Погоди! дай прежде женить Петрушу, на свадьбѣ его ты сама помиришься съ твоимъ Критскимъ!... Матрена Архиповна! ты опять остаешься моей эконожкой и повелительницей.

МАТРЕНА АРХИПОВНА. Дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать.

№ 6.

КАТЕНЬКА.

Насъ добрый дѣдушка тревожить
Въ немъ силы слабы черезъ чуръ,
Ему ужъ докторъ не поможетъ,
Да и не терпится онъ микстуръ;
Но вѣрнобъ спасся отъ могилы.
И могъ бы жить да поживать,
Когда бы слабыя въ немъ силы.
Вы захотѣли поддержать?

(Послѣдніе два стиха повторають всть).

==

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ :

ДѢДУШКА ПРАВДИНЪ.

Комната въ домѣ г. Простоквашина. По сторонамъ, ближе къ сценѣ, стоятъ два стола, на лѣво — съ бумагамъ; на право — съ чайнымъ приборомъ.

СЦЕНА I.

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ И Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА (*садясь за чайный столикъ*).

Что-жь, ты подумалъ ли о томъ, что говорила
Я здѣсь тебѣ вчера? Вѣдь надо-жь, наконецъ.....

Г НЪ ПРОСТОКВАШИНЪ (*задумавшись*).

О чемъ бишь?.... Кажется....

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

О чемъ! Охъ ты отецъ!
Я знала напередъ, что по-пусту....

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ (перебиваетъ ее съ само-
довольнымъ видомъ, какъ
будто бы вспомнилъ дѣ-
ло).

Просила

Ты матушка кажись, капусту.

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Ну, ну такъ!

Не говорила ль я, что ты забудешь дѣло?

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ.

Охъ, матушка! Оно мнѣ горько надоѣло!
Вѣдь, посуди сама: труднисься, какъ дуракъ,
Все утро просидишь въ палатѣ за дѣлами,
Подписываешь самъ, все самъ.... Да и ушами
Своими слушаешь экстракты-то изъ дѣлъ....
Такъ, право, отдохнуть захочется хоть дома (беретъ чай).
О чемъ бишь ты вчера?...

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

О чемъ? Вѣдь ты хотѣлъ....

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ.

А! да! что? Ромъ купить.... Да нѣтъ ли къ чаю рома?....

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Нѣтъ! Рома нѣтъ, сударь! весь вышелъ!... Да не ромъ,
А двадцать разъ тебѣ вчера я говорила,
Что Климъ Кондратычъ намъ сулилъ свой старый домъ
За то, что я ему, ты помнишь, посулила
Устроить всѣ дѣла его по немъ.
Ну, понимаешь ли? Дѣла вѣдь всѣ ты знаешь?....

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ.

Не помню матушка.... Да, какъ же, всѣ дѣла?

Ихъ веѣхъ-то много ли?....

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Опять позабываешь!....

Одно рѣшенное....

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ.

Да! Ну, я это знаю!

Что рѣшено, то съ плечъ долой (ставя чашку). Налей-ко чаю.

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Другое.... Я тебѣ его опять перескажу.

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ.

А! Ну, послушаемъ....

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Да что? Не будетъ проку!

Вѣдь не пойметъ никакъ! Поди, учи сороку!

Ужъ лучше я сама ихъ все перегляжу.

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ.

Охъ, матушка, да ты ужъ лучше потрудися

Одна ихъ прочитатъ..... Мнѣ, право, надоѣло.

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Ну, такъ! Ты знай себѣ лѣнися!

А не подумаешь о томъ, чѣмъ будемъ жить!

Вѣдь мы кругомъ въ долгахъ!.... Чѣмъ станемъ мы платиться?

Безпечный! Кажется, пора бѣ остепениться!

Ужъ безъ меня тебѣ давно бѣ въ Сибири быть!....

Вѣдь Климъ Кондратычъ-то, ты знаешь, общается

На Машинькѣ потомъ жениться, если мы

Дѣла его рѣшимъ, какъ онъ того желаетъ,

Ну, то есть все ему отнимемъ отъ кумы!

А этакой женихъ, каковъ Разгуловъ, Машѣ!....

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ.

Ей прежде, Бѣдняковъ, кажпсь, казался краше?

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Ну, дѣло! Бѣдняковъ! въ своемъ ли ты умѣ?

Ну, выдамъ ли я дочь свою за Бѣднякова?

Палатскій секретарь.... Имѣнья — никакова,

Самъ тощій и худой, какъ будто бы въ чумѣ;

А Климъ Кондратычъ-то, ты разсуди, послушай....

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ.

А, ну, слушаемъ!....

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Да что съ тобой болтать!

Тебѣ пора!.... Ступай!.... да вспомни, хоть съ Андрюшей

Дѣла Разгулова сюда ко мнѣ прислать.

Ну, что же думаешь? Я, кажется, сказала

Что время быть тебѣ въ палатѣ....

Г. ПРОСТОКВАШИНЪ.

Ну, прощай!

(Уходя, въ сторону).

О чемъ бишь мнѣ она — не помню — приказала!....

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА (вслѣдъ ему).

Дѣла Разгулова скорѣе присылай.

СЦЕНА II.

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА (одна).

Ну, выбежешь изъ силъ! лѣнивъ и безпонятепъ,

Безпечень, и брюзгливъ, и старъ, и неопрятенъ!....

Разгуловъ мнѣ сулплъ по тысячѣ за дѣло,
 Да домъ, да наконецъ о Машинькѣ просилъ:
 Онъ добрый человекъ..... Старъ..... что жъ? душа не тѣло!
 А въ немъ душа тверда — по правдѣ, закалить!
 Всѣ говорятъ, онъ плуть, нечисто наживаетъ:
 Посмотрите тогда, какъ Машиньку отдамъ
 Я за Разгулова, да домою завладѣю!....
 Вишь у Форшмейстерши Француженка — мадамъ!
 А дочь-то выростить французскому жокею!
 Ужъ это будетъ такъ! Разгуловъ дворянинъ,
 По всей губерніи извѣстный онъ помѣщикъ,

СЦЕНА III.

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА и ПРАВДИНЪ (*входитъ робко и низко кланяется*).

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА (*оборачиваясь назадъ и увидя Правдина*).

Откуда батюшка? Съ дѣлами? Изъ палаты?

ПРАВДИНЪ.

Нѣтъ-съ, изъ дому.

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Пора! Все съ дѣтками играть?

ПРАВДИНЪ.

Эхъ! до игрушекъ ли? Почти всю ночь не спалъ!
Работы множество: работа же изъ платы
Куда какъ тяжела, особенно на ерокъ!....

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Такъ не бери ее.

ПРАВДИНЪ.

А чѣмъ я, жить-то стану?

Вѣдь дѣти!...

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Ну такъ чтожь? живите по карману,
Съ расчетомъ, такъ чтобъ все копилось, шло бы въ прокъ!

ПРАВДИНЪ.

Съ расчетомъ! Хорошо расчетъ вести богатымъ!
Мы люди бѣдные! намъ нечего считать!
Вотъ какъ попробуешь двѣ ночи не поспать —
Глядишь на бѣлое, а видишь полосатымъ!

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Не правда, сударь, вздоръ! кому ты ни скажи:
Ты слишкомъ двадцать лѣтъ Ассесоромъ въ палатѣ,
Да прежде былъ писцемъ, секретаремъ — тужи!
А вѣрно, посмотрѣть, такъ колпачекъ на ватѣ!

ПРАВДИНЪ.

Г-мъ! Богъ свидѣтелемъ, что въ эти двадцать лѣтъ
Я не смущалъ себя нечистымъ искушеньемъ!
И если иногда людскимъ благотвореньемъ

Спасался отъ долговъ — теперь на мнѣ ихъ нѣтъ —
 То заслужиждъ вполне участие и помощь!
 Готовъ, хотя сей часъ, отчетъ представить Богу
 Во всѣхъ дѣлахъ своихъ: я чистъ и справедливъ!
 Судъ Божій очень строгъ, а люди очень слабы:
 Грѣхъ можетъ быть прощенъ — душа чиста была бы!
 Богъ многомилостивъ и долготерпѣливъ!
 Я грѣшенъ можетъ быть, но ни одною взяткой
 Не запятналъ себя по службѣ никогда!
 Я бѣденъ — и терплю; а тотъ, кто бралъ украдкой,
 И криводушничалъ....

Г-жа ПРОСТОКВАШИНА.

Да! экая бѣда!

Вонъ посмотри-ка есть вездѣ дѣла какія:
 Съ случайнымъ богачемъ тягается бѣднякъ —
 За что? да за ничто! — и думаетъ простякъ
 Взять верхъ надъ богачемъ! Вотъ головы пустыя!
 Ключекъ земли, сельцо — сельцо въ пяти дворахъ,
 И спорять цѣлый вѣкъ! тотъ проситъ, этотъ тратитъ —
 Чѣмъ кончится? Ни чѣмъ! Бѣднякъ заплатитъ штрафъ,
 Богатый будетъ правъ — за то что переплатитъ!
 Да такъ и быть должно! ну разсуди ты самъ,
 Какъ можно съ богачемъ за пустяки тягаться?
 Онъ всей цѣною дѣлъ жертвуетъ судьямъ:
 Такъ послѣ этаго, ну какъ не оправдаться?

ПРАВДИНЪ.

Неправому — есть судъ; за праваго — законъ.
 Я цѣлый вѣкъ служу — не потакалъ богатымъ!

Г-жа ПРОСТОКВАШИНА.

За то-то бѣлое и видишь полосатымъ!
 За то и бѣденъ ты, за то ты и смѣшенъ!

ПРАВДИНЪ.

Чтожь? Бѣдность не порокъ! за то я чистъ душою;

За то я не боюсь ни казни, ни суда;
Смѣются надо мной, а говорятъ всегда:
«Вотъ дѣдушка Правдинъ, извѣстный правотою!»
Вы посмотрите-ко въ палатѣ-то у насъ:
Проситель — бѣдный ли, богатый ли, но правый,
Всегда придетъ ко мнѣ — онъ не попроситъ васъ —
И знаетъ, что меня ужъ не смутитъ лукавый!
А побогаче кто, да кто нечистъ, не правъ —
Тотъ къ вамъ, съ поклонами, съ корзинами, съ дарами!...
Я къ вамъ давно привыкъ и знаю женскій правъ:
Вы общаете и кончите словами;
Берете, а дѣла — какъ очередь дойдетъ
До ихъ рѣшенія — всегда рѣшатся право!
Берите! я молчу — а послѣ, не лукаво,
А просто выскажу: «вотъ сей де оборотъ
Должны принять дѣла!» совѣтники ни слова,
Вашъ муженекъ смолчитъ, напишутъ протоколь,
И вѣрьте: никому не отдадимъ чужова!
Я не кидаль грѣховъ на прокурорскій столъ!
Вотъ дѣло кончится, какойнибудь искатель
Мнѣ говорить: «возьми, ты правильно судилъ!»
Онъ скажетъ — я ему: «поди-ка вонъ, пріятель!
Да тѣхъ благодари, кого ты подкупилъ!»
За дѣло правое намъ воздастъ Создатель
Моею правдою спасаетесь и вы!
Когда бъ васъ не она бѣлила отъ молвы,
Давно бы батюшка, отецъ мой, предсѣдатель
Безвинно пострадалъ!... Да, если бы не я,
Храня къ нему въ душѣ сыновнее почтенье,
За милости его, любовь и попеченье
Въ то время горькое, какъ голова моя,
Незнала, бѣдная, куда бы пріютиться —
То, правду говоря, ему бы неужиться
Ни году!... что? Да, вотъ я и теперь боюсь:
Дѣламъ Разгулова онъ сильно потакаетъ!
Я предостерегалъ: Разгуловъ разглашаетъ
Что все имѣніе кумы отниметъ онъ;
Что искъ его одинъ, неправильный, рѣшенъ
Неправильно въ его же пользу: это было!
Охъ! шибко я кряхтѣлъ, читая протоколь!

Сказаль, что онъ нечистъ! — сказали: «вонъ пошелъ!»
Я вышелъ. Дай-то Богъ, чтобъ это съ рукъ свалило!

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Такъ чтожь по твоему? неправо рѣшено
То дѣло?... Я сама прочла его: оно
По чистой совѣсти Разгулову давало
Права на выигрышъ.... Ты видно взялъ, да мало?

ПРАВДИНЪ.

Нѣтъ! незялъ ничего!

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Такъ вотъ и говоришь!

Свѣтъ бѣлый правдою теперь не подивишь!
Умѣй рѣшать дѣла, чтобы казались правы,
Нѣтъ надобности въ томъ, хоть каковы ни есть!
За что ты жертвуешь трудами?... Для забавы?...

ПРАВДИНЪ.

За Бога, за царя, за правду и за честь!...
Ужь вамъ съ Разгуловымъ когда нибудь случится
Извѣдать грѣхъ суда!... смотрите, будетъ такъ!
На Марьѣ Карповнѣ онъ хвастаетъ жениться....

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

И женится! ну чтожь? Разгуловъ не дуракъ!
Помѣщикъ, и богатъ, а будетъ и богаче!

ПРАВДИНЪ.

Да плуть, сударыня! Богатъ, богатъ!... тѣмъ паче
Не слѣдовало бъ вамъ вязаться съ нимъ въ дѣла!
И Марья Карповна счастливей бѣ была,
Когда бъ вы выдали ее за Бѣднякова!
Онъ мой помощникъ, другъ! Да умнаго такого

Такова честнаго, какъ онъ — ужъ поискать!
 Со временемъ мое бѣ онъ мѣсто могъ занять,
 Когда въ отставку я пойду для пансіона.

Г-жа простоквашина.

Вотъ такъ-то! выдумалъ! великая персона
 Въ палатѣ секретарь!... да какъ ты думать смѣлъ,
 Чтобъ выдала я дочь свою за негодя?
 Да еслибъ взять ее Разгуловъ не хотѣлъ —
 Такъ малолѣ жениховъ? Дѣвица молодая,
 Воспитана, одна у матери, отца
 Высокороднаго! — вотъ выдумка какая!
 И выйдетъ за кого? палатскаго писца!
 Ну, можно ли сказать неглупицу такую?
 Ужъ ты не сватомъ ли съ бездѣля хочешь быть?

Правдинъ.

Я сватомъ не бывалъ — хотѣлъ поговорить,
 И оказать вамъ тѣмъ услугу небольшую;
 Я знаю: Бѣдняковъ, конечно, не богатъ;
 Но молодъ, опытенъ, трудолюбивъ и честенъ;
 Умомъ и правдою по городу извѣстенъ;
 Любимъ отъ всякаго — онъ всѣмъ и другъ и братъ!
 Быть можетъ, смѣлъ любить... Быть можетъ, былъ любимымъ...
 Безъ нужды станетъ жить, живя необходимымъ,
 И Марья Карповна, ... Ну чѣмъ онъ не женихъ?
 Разгуловъ негодай, мошенникъ, всѣ то знаютъ;
 Въ глаза хоть лъстятъ ему, но за глаза ругаютъ;
 Вы знаете: ей, ей, людей, какъ онъ, такихъ —
 У Турокъ, нехристей, на колья продѣваютъ!
 Я вамъ хотѣлъ сказать, а впрочемъ и не смѣлъ!
 Любя васъ всей душой и счастья вамъ желая...

Г-жа простоквашина.

Для дочьки жинишка просваталъ негодя!
 Вотъ добрый человекъ! онъ доказать хотѣлъ
 Что помнить старья ему благодарья!
 И доказалъ! хорошъ!

ПРАВДИНЪ.

Простите, виновать!

Коль я васъ оскорбилъ, оставьте безъ вниманья!

Я говорилъ какъ другъ — совсѣмъ не такъ какъ свать!

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Чай Бѣдняковъ сулилъ за свадьбу, какъ пріятель!

ПРАВДИНЪ (сѣ сердцемъ).

Помилуй Господи! ну брамъ ли я когда?

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Такъ изъ чего же ты?...

ПРАВДИНЪ.

Я говорю всегда:

«За дѣло доброе намъ воздасть Создатель!»

И дѣло доброе безъ мзды себѣ творю!

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Вотъ дѣло доброе!... хорошъ! Благодарю!

Благодарю отъ насъ за честь и Бѣднякова,

Да вразуми его, что жениха такова

Для Марьи Карповны не надо.

СЦЕНА IV.

ТЪ ЖЕ И МАРЬЯ КАРПОВНА.

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Вотъ она!

Здорово, душенька... ну, какъ ты почивала?

МАРЬЯ КАРПОВНА (*цѣлуя руку ея*).

Я-съ... хорошо спала.

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Сновъ страшныхъ невидала?

А видно, душечка, что ты сей часъ со сна!

Садись, да кушай чай; да вотъ (*показывая на Правдина, который кланяется М. К.*) ему дай чаю,

Онъ сватаетъ тебѣ, — потѣлся — жиниха.

Послушай милая... не смѣйся... ха, ха, ха!...

Подумай-ты, кого? Ну просто, Бѣднякова!

А? какъ ты думаешь? Чай жениха такова

Едва ли и во снѣ ты видѣла когда?

МАРЬЯ КАРПОВНА.

Я, маменька, объ немъ слышалась всегда.

Такъ много доброго.. я очень уважаю...

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Все это, и сама я знаю...

ПРАВДИНЪ.

Не смѣю говорить...

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Не бойся, говори...

ПРАВДИНЪ (*Марья Карповна*).

Андрей Андреевичъ васъ любитъ — очень любитъ!

МАРЬЯ КАРПОВНА.

Благодарю его.

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

И только! — вотъ и все!
Мы благодарны всѣмъ, кто жалуется ея!
(показывая на Марью Карповну.)

ПРАВДИНЪ.

Отказъ вашъ, бѣднаго,... на вѣкъ его погубить!

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

Такъ не прикажешь ли намъ для такихъ причинъ
Вдругъ за пять человѣкъ въ пяти церквахъ вѣнчаться?
Вѣдь было жениховъ! Штабъ-лекаръ Голодинъ
Съ Маіоромъ Брѣховымъ условился стрѣляться
За то, что Машинька не вышла за него!
Погибнуть всякому легко ото всего!
А чѣмъ окончили? Маіоръ отдумалъ драться!
Штабъ-лекаръ перешелъ въ какой-то полкъ другой!
Да если бы они стрѣлялись въ самомъ дѣлѣ,
Такъ кто бы былъ тогда ихъ глупости виной?

ПРАВДИНЪ.

Караи Господь того, кто выдумалъ дуэли!

Г-ЖА ПРОСТОКВАШИНА.

(съ самодовольнымъ видомъ).

Вотъ то то-жъ! Машинька! садися, кушай чай; (она садится).
Да свату чашечку... покрѣпче наливай. (Уходитъ).

СЦЕНА V.

ТЪ ЖЕ, *кромя* Г-ЖИ ПРОСТОКВАШИНОЙ.

МАРЬЯ КАРПОВНА (*Правдину*).

Садитесь... вотъ вамъ стулъ. (*показываетъ на близь-стоящій стулъ*).

ПРАВДИНЪ.

Благодарю покорно! (*садится. Она наливаетъ чай*).

Позвольте матушка, васъ искренно спросить:
Когда бы Бѣдняковъ любилъ васъ не притворно,
Могли-бъ вы его всѣмъ сердцемъ полюбить?

МАРЬЯ КАРПОВНА (*смѣшавшись*).

Не знаю... можетъ быть... да, ябъ его любила...

ПРАВДИНЪ.

Любили бы?... А опъ... ужъ любить безъ души!
Другіе женихи, не знаю, хороши ли,
Но сватавные вамъ — ей, ей не хороши!
Ахъ, Марья Карповна! родная! еслибъ знали
Да вѣдали вы то, какъ любить Бѣдняковъ!
Я въ молодости самъ — вотъ двадцать пять годовъ
Назадъ тому.... забылъ... А?... какъ-бишь называли?
Да! Марью Власьевну, безъ памяти любилъ!
Ужъ хороша была, стройна, о томъ ни слова!
Прости ей Господи!... Ну, вышла за другава!
А послѣ... умерла, такъ я же схоронилъ!
Любилъ... и не забыть... вотъ грѣхъ какой случился:
Она покойница... не то, чтобы любя,
А холила меня... какъ будто для себя...
Разъ молвили о мнѣ: «не што-бы, пригодился,
На случай, если иѣтъ другава жениха!»
Охъ помню я теперь!... уйдешъ ли отъ грѣха?

Былъ у нее отецъ... старикъ такой престогаой...
 Онъ въ консисторіи повытчикомъ служилъ...
 Всѣмъ людямъ молодымъ накрѣпко запретилъ
 Ходить къ себѣ... онъ зналъ, что Власевна не много,
 По старому сказать... ну... влюбчива была!
 А въ городѣ она, красавицей слыла!
 И мѣтилъ онъ ее, отдать за протоколста,

Дѣтипа видный былъ... по росту, съ вашъ заборъ!

Глушенекъ... ну, да что возьмешъ . . . . .

За то богатъ! имѣлъ два дома, скотный дворъ,

А я писецъ тогда, теръ лямку здѣсь въ палатѣ,

И бѣдень очень былъ... бѣднѣе чѣмъ теперь!

(Разсказъ Правдина перерывается внезапнымъ шумомъ и громкимъ лаемъ собакъ за окнами двери комнаты. Входятъ — Разгуловъ и г-жа Простоквашина.)

У. У.

НЕИЗВѢСТНОСТЬ.

За днями дни проходятъ молчаливо;
Былому я поминокъ не творю;
Впередъ гляжу, гадая боязливо
И счастья жду. Дождусь ли? говорю.

Отвѣта нѣтъ ни въ чемъ передъ глазами,
Но, все, смѣясь: загадочно глядять:
То думаешь: грозитъ оно бѣдами!
То думаешь, что радости сулить!

Такъ земледѣль сомнительно на тучи
Глядять, стоя у нажити своей;
Благой ли дождь несетъ обозъ летучій,
Неси, съ грозой и градомъ, гибель ей!

17 апрѣля 1846.

ПЛАТОНЪ Ч**.

ЮМОРИСТИКА.

ЕСТЬ ЛИ СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ?...

(Ничто на подобіе диссертаціи).

Преудивительно, право, создавъ человѣкъ!... Просто такъ искусно, что глазамъ не вѣрится. — Вѣдь мало ли есть всякихъ изобрѣтеній, и полезныхъ, и пріятныхъ... мало ли всякихъ машинъ и механизмовъ, надъ которыми потѣли искусники Англичане, вокругъ которыхъ трудились и легконогіе Французы, и тяжелые, флегматически-аккуратные Нѣмцы.... И хорошо кажется придумано и устроено, а все не то.... И шевелится, и дѣйствуетъ, и шумитъ, и ходитъ машина.... да все не такъ, какъ человѣкъ.... И фигурой-то не похоже, и внутри-то иваче.... въ ней колеса, колесики, винтики, трубочки и не вѣсть что такое, а въ человѣкѣ просто, такъ себѣ туловище, голова, руки да ноги, и все тутъ, хоть на перечесть.... и просто, и хорошо, безъ всякихъ пружинъ и колесиковъ... Въ человѣкѣ, говорятъ, не одной посторонней пружины нѣтъ, а все, говорятъ, устроено съ цѣлью. А вѣдь право невѣроятно... Какимъ это манеромъ онъ и ходить можетъ, и сидѣть, и стоять, и ѣсть, и пить, и спать.... Да и еще Богъ знаетъ, сколько другихъ имѣетъ способностей.... То-есть просто, что захочетъ, то и сдѣлаетъ, и такъ таки очень, очень натурально, безъ всякой даже посторонней помощи.... Захочетъ руку, или ногу поднять — подыметъ, потомъ вздумаетъ опустить — опуститъ....

Только вотъ развѣ, чихать и зѣвать?... Это какъ-то ужъ само собою случается.... И то не всегда.... Вотъ я зналъ Ивана Антоныча, (дай Богъ царствіе ему небесное) превеселый былъ чело­вѣкъ, то-есть бывало, если случится въ компаніи, эдакъ за-просто, такъ ужъ истинно, удивительно, какія исторіи рассказываетъ.... Всѣхъ, такъ сказать, на повалъ раземѣшить, а самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, да еще разныя штуки выкидываетъ.... Вдругъ, эдакъ говорить: «я, говорить, сейчасъ чихну....» Всѣ и смотрятъ на него, а онъ и вправду возьметъ да и чихнетъ... То-есть пре­любезный былъ, превеселый, эдакой весельчакъ.... Значить, мо­жетъ же чело­вѣкъ чихать, когда вздумаетъ.... Ну, а зѣвать намъ захочется, такъ только стоитъ взять какой нибудь романъ Мо­сковскаго произведенія, такъ на первой страницѣ зѣвота поды­мется.... То есть просто, диво дивное.... Да и это еще не всё.... Это вѣдь только, такъ сказать, матеріальная дѣятельность чело­вѣка, а моральная-то.... эта еще мудрейше.... Тамъ все по крайней мѣрѣ видно, а тутъ это какъ-то невидимо происходитъ... то есть, просто, кабы я этого всего на себѣ не испыталъ, такъ ни за что бы не повѣрилъ.... Чело­вѣкъ можетъ говорить, жезать, ду­мать, мыслить, чувствовать, грустить, радоваться, и еще что-то такое я кажется пропустилъ.... Да и не мудроно все и перечест­но трудно... Удивительно, право, какъ-то эдакъ сверхъ-естественно устроены люди!.... И какое ихъ множество.... Куда ни обернись, вездѣ люди, всё люди.... еще это бы ничего.... а то вѣдь каждый изъ нихъ, т. е. отдѣльно, живетъ и дѣйствуетъ.... да и не какъ нибудь, а живетъ этакъ разумно, такъ сказать, самосознательно... И вѣдь что странно.... куда его ни зачеми, куда ни забрось, хоть въ подвалъ, хоть въ бель-этажъ, хоть на чердакъ, хоть на Пески, вездѣ живетъ.... На Козьемъ ли болотѣ, въ степи ли, въ лѣсу или въ ямѣ, гдѣ ни родится, вездѣ прозябаетъ, и мыслить и дѣй­ствуетъ. — Просто не понятно.... Гдѣ бы чело­вѣкъ не жилъ, въ деревнѣ или въ городѣ, въ палатахъ ли, въ хижинѣ ли, все равно, вездѣ онъ одинъ и тотъ же, вездѣ знаетъ и горе и радости, и смѣхъ и слезы!... Непостижимо, ей, ей непостижимо!... Просто, повѣрить трудно!...

И вѣдь, эдакое подумаешь заблужденіе, этихъ людей, этихъ чудно-устроенныхъ людей, называютъ несчастными... и говорятъ, кромѣ шутокъ, говорятъ, что они не могутъ никогда быть сча­стливыми.... И добро бы еще говорили, а то вѣдь пишутъ, вы­говаривать страшно, пишутъ.... Да это такая неправда, просто чер­ная, самая черная.... Паріи готовъ держать, что неправда!.... Для

чего же люди бы жили, еслибъ не были счастливы.... вѣдь не для того же только, чтобы ѣсть, пить, спать, да думать. Этого и быть не можетъ.... куда, еслибъ даже и точно было, такъ и то не соглашусь, то есть просто, ни за что не повѣрю:....

Вотъ третьяго дня, былъ я у Антипа Демьяныча, знаете, что живетъ у Покрова, Титулярный Совѣтникъ, рябоватый, съ бакенбардами, предобрѣйшій человекъ... Былъ я у него вечеромъ, еще было нѣсколько знакомыхъ, вотъ и начали мы толковать о томъ, можетъ ли человекъ быть счастливымъ?... Одинъ молодой человекъ, съ открытою физиономіей, въ очкахъ, долженъ быть литераторъ какойнибудь, и началъ эдакъ свысока; нѣтъ, говорить, не можетъ, говорить, не можетъ человекъ вкушать это дивное благо, называемое счастьемъ!... Потомъ, какъ то заговорилъ о гуманности, о конкретной реальности и еще объ чемъ-то не русскомъ, коснулся стороной причинъ паденія Западной Римской Имперіи, и доказалъ, то есть такъ ясно, какъ $2+2=8$, что все люди несчастливы.... А Антипъ Демьянычъ, видно что добрый человекъ, тотчасъ согласился.... Да, говорить, это говорить, истина..., и еще что-то такое прибавилъ очень хорошее... Только я тутъ не согласился.... говорю: не можетъ быть, милостивый государь, не имѣю чести знать вашего имени и отчества, ни какъ не можетъ быть.... И чѣмъ же вы это докажете?....» Онъ эдакъ поправилъ очки, посмотрѣлъ на меня довольно двусмысленно, да и говорить: Это, говорить, такая истина, что не требуетъ даже доказательствъ!.... «Въ это время Антипъ Демьянычъ, чтобы прекратить споръ, замѣтилъ довольно остроумно, что не дурна была сегодня по утру погода!....» Потомъ стали чай подавать.... Тѣмъ разговоръ и кончился.... Я себя и думаю: не требуетъ доказательствъ.... знаемъ мы это.... Помню, вотъ какъ теперь помню, бывало, еще въ гимназіи, вызоветъ меня къ доскѣ математическій учитель. (Надо замѣтить, что эта наука мнѣ какъ-то была особенно не пріятна). Выйду я.... да и ну писать.... Х плюсь у плюсь... и пошелъ, и пошелъ безъ запинки.... испишу вею доску, да и остановлюсь,.... а онъ злодѣй, какъ нарочно.... «Сдѣлайте, говорить, доказательство....» Знаю, такъ хорошо.... а нѣтъ, такъ присамлюсь, да и отвѣчаю съ увѣренностію.... Это правило по ясности своей не требуетъ доказательствъ!....» И конечно....

Легко сказать: не требуетъ доказательствъ!.... Да что же это за истина, когда ее доказать не чѣмъ.... И можетъ ли же быть, чтобы все люди были несчастливы?.... Это и сказать-то грѣшно, да и совѣстно, особенно въ обществѣ.... Вѣдь за эдакую выходку,

просто, волтеріанцемъ прослывешь.... Это просто кощунство, язычество, хуже чѣмъ язычество, просто, такъ сказать, Магометанскій фанатизмъ!....

Ну что можетъ быть яснѣе этого вывода: что, если есть несчастные люди, такъ должны быть и счастливые для разнообразія... Кажется ясно.... съ кѣмъ такъ поспорю, что есть счастливые люди, непременно должны быть.... Пусть все ученые, все философы: эклиптики, стояки, софисты, платонисты, фурьеристы, социалисты, Гегелисты, матеріалисты, идеалисты (экія клички-то трудныя, на тощакъ и не выговорить) и проч. и проч. и проч. Пусть даже, весь свѣтъ доказываетъ мнѣ противное.... не повѣрю, просто, зажму уши пальцами.... да и буду кричать, ничего не слушающая: Есть счастливые люди вездѣ! Есть! Есть! Есть!..

И чтобы доказать эту истину, я расскажу вамъ небольшую исторію объ одномъ весьма счастливомъ человѣкѣ.

Разсказъ о томъ, какъ помощникъ столоначальника, Иванъ Семеновичъ Трансиринъ, былъ удивительно счастливъ, и отчего это произошло.

Уже было половина девятого, когда Иванъ Семеновичъ Трансиринъ отправился въ департаментъ.... Погода была пасмурная, настоящая петербургская. Сырыя тучи бродили по мутному, блѣдно-сизому небу, поминутно угрожая дождемъ. Галки стаями летали въ воздухъ, упитаннымъ тяжелыми, сырыми испареніями. Дымъ, подымаясь изъ трубъ, смѣшивался съ утреннимъ туманомъ, и густыми елоями разстилался по улицамъ; грязь и лужи увеличивали прелесть этой картины.... Было душно, сыро, холодно, и, не смотря на это, Ивану Семеновичу нужно отправляться на службу по этакой слякоти... что дѣлать, обязанность!.. Просто, кто бы ни посмотрѣлъ на Ивана Семеныча въ то время, какъ онъ, подобравъ шинель, переходитъ вбродъ черезъ улицу, тотчасъ бы сказалъ, ну, а если бъ не сказалъ, то непременно бы подумалъ: бѣдный человѣкъ!... И ошибся бы, горько бы

ошибся... Иванъ Семеновичъ совѣмъ не былъ бѣденъ... онъ былъ даже почти противное...

И можно ли назвать его бѣднымъ, вѣдь онъ помощникъ столоначальника, чиновникъ 10-го класса... Впрочемъ, можно, если хотите, бываютъ бѣдные чиновники, даже слишкомъ часто бываютъ!... Ну, да Иванъ Семеновичъ былъ не просто чиновникъ, онъ воспитывался въ университетѣ, только два года, какъ выпущенъ... Человѣкъ молодой, образованный, служитъ въ департаментѣ, вѣдь это не шутка... Да и деньжонки-то у него всегда водятся, и одѣвается то онъ славно, то есть истинный франтъ, даже лучше, чѣмъ франтъ, просто, какъ говорятъ въ хорошемъ обществѣ, левъ, да и не какой-нибудь левъ, а департаментскій. Что онъ за бѣдный? да у него въ прошлый вторникъ, въ должности, жилетъ былъ надѣтъ, чудо, что такое... бархатный, эдакъ, съ какими-то иностранными цвѣтками и мушками, такой, что, куда, самъ начальникъ отдѣленія и въ Христовъ день такого не надѣнетъ... И это вдругъ бѣдный?... Да посмотрѣли бы вы, какой у него шарфъ на шеѣ... удивительный! А булавочка... то есть прелесть... сдѣлана эдакъ ручка изъ чего-то красного... да знаете пальцами, какъ маленькія дѣти, что-то такое пресмѣшное показывается... и превентурально... къ тому же въ червономъ золотѣ обдѣлано... Когда ни придетъ въ департаментъ, всегда одѣтъ, какъ на балъ... фуляръ въ карманѣ, самъ завить, раздушенъ... чудо, что такое... На другихъ то чиновникахъ шинелишки, шляпенки, дрянъ просто, а у Ивана Семеныча шляпа à la полька, шинель коричневаго сукна, претонкая, на клетчатой шотландской подкладкѣ... и съ бобровымъ воротникомъ... Фрацишки на нихъ съ заплатками, полинялые, сѣдые, а у него виць-мундиръ, какъ съ пгочочки... Сапожнички у нихъ грязные, рыжіе, такъ что просто и смотрѣть-то непріятно... а у него лоснятся, точно зеркало, хоть глядѣться, такъ можно...

Вотъ Семенъ Ивановичъ Оглядкинъ, тоже помощникъ столоначальника, за другимъ столомъ къ окну, у Памфила Егорыча... тоже очень не дурно одѣвается, а все не то... и платье, и сапоги, все кажется хорошо, да часовъ-то у него пѣтъ, а у Ивана Семеныча часы, золотые, и съ цѣпочкой... Ну согласитесь сами, можно ли послѣ этого Ивана Семеныча назвать бѣднымъ человѣкомъ... Даже и въ ту минуту, когда онъ переходилъ черезъ улицу, даже и тогда онъ совѣмъ не былъ бѣденъ... Ногъ промочить онъ не боялся, потому что всегда изъ предосторожности носилъ резиновыя камо-

ши; одѣтъ былъ, какъ обыкновенно, хорошо, даже изысканно... чего жъ больше?... Кажется, нельзя назвать бѣднымъ...

Въ этотъ день Иванъ Семеновичъ даже какъ-то особенно былъ доволенъ. Онъ наканунѣ купилъ, по случаю, къ часамъ брелоки... расщедрился, заплатилъ три целковыхъ, да не жаль, право не жаль: чудная вещь брелоки, да и кромѣ того самая модная... Вѣдь, какъ подумаешь, что тутъ кажется особеннаго въ брелокахъ: лента черная съ бантомъ, да со стальными побрякушками, просто ничего... а прекрасно, необыкновенно какъ-то эффектно, да и фигурѣ-то придаетъ какое-то особое выраженіе, и блеститъ, и побрякиваетъ... очень, очень хорошая вещь...

Иванъ Семеновичъ, какъ пошелъ по утру въ департаментъ, и надѣлъ брелоки, и надѣлъ-то ихъ въ первый разъ.... Такъ не мудрено, что онъ въ этотъ день былъ особенно доволенъ.... Они были ему какъ-то очень къ лицу.... Да къ тому же его ужасно занимала мысль о томъ, какъ всѣ чиновники удивятся, увидавъ брелоки... вѣдь для нихъ (т. е. для тѣхъ, которые служатъ вмѣстѣ съ Иваномъ Семеновичемъ) — это новость, вещь небывалая, невиданная.... Эта мысль какъ то удивительно щекотала самолюбіе Ивана Семеновича, и производила пресладостное ощущеніе въ душѣ его, точно вотъ, какъ если чихнуть хочется, да на солнце помотришь, какъ то эдакъ, и легко, и приятно... Онъ уже представлялъ себѣ, какое удивительное волненіе, произведутъ въ департаментѣ его брелоки... Воображеніе его разыгрывалось.... Онъ былъ заранѣе счастливъ...

Углубясь въ размышленія, Иванъ Семеновичъ и не замѣтилъ, что погода была дурная.... Смѣло, рѣшительно, какъ Кесарь черезъ Рубиконъ, перешелъ онъ чрезъ грязную улицу.... и даже платя не забрызгалъ, видно, что человѣкъ порядочный.... Промель еще немного, посмотрѣлъ на часы, взглянулъ искоса на брелоки, улыбулся довольно выразительно, съ чувствомъ самоудовольствія, и, чтобы не опоздать въ должность, взявъ извожика, не Ваньку какого нибудь сѣроармячника, а лихача, съ биржи... Сейчасъ видно хорошаго человѣка... и еще послѣ этого говорятъ, что наружность обманчива.

Съ удивительною ловкостью вскочилъ Иванъ Семеновичъ на дрожки... Извожикъ махнулъ кнутомъ, и экипажъ покатылся...

Ѣхать было не очень далеко, и потому, не смотря на дурную дорогу, менѣе чѣмъ черезъ четверть часа, Иванъ Семеновичъ уже слѣзъ съ дрожекъ и сталъ расплачиваться...

Въ это самое время въ швейцарской департамента происходилъ

довольно интересный разговор между канцелярскимъ чиновникомъ, Кузьмою Михѣичемъ Сивухинымъ и красноносымъ сторожемъ Харьковымъ...

«Вытри пожалуйста мнѣ ноги чѣмъ нибудь, служивый, говорилъ довольно жалобно Сивухинъ. Погода предурная, грязь ужаснѣйшая...»

«Да чѣмъ мнѣ вамъ ноги вытереть, платкомъ что ли?... Экъ вы зашлепалесь!... Чай съ Выборгской пѣшкомъ пришли?... Отвѣчалъ сторожъ, покачивая головою, и осматривая весьма не красивыя, и покрытыя корою грязи ноги Сивухина.

Канцеляристъ, какъ кажется, обидѣлся. «Съ Выборгской пѣшкомъ, не ври пожалуйста, я живу на Бугоркахъ, меня всѣ извозчики знаютъ, я никогда пѣшкомъ не хожу... Сегодня дорога не хороша, такъ это меня колесами забрызгало...»

Предряпной былъ человекъ этотъ Сивухинъ.... ему бывало солгать, просто все равно, что плюнуть... такъ-таки даже и не покраснѣть.

Однако эта смѣлая выходка подѣйствовала... Харьковъ уже взялъ тряпку, и началъ оттирать сапоги Кузьмы Михѣича, но какъ нарочно, въ это самое мгновеніе дверь отворилась, и Иванъ Семеновичъ вошелъ.—Сторожъ оставилъ запачканнаго канцеляриста, и кинулся снимать шинель съ Ивана Семеновича...

Сивухинъ поклонился съ должнымъ уваженіемъ Транжирину... поднялъ тряпку, оставленную Харьковымъ, и уже готовился самъ продолжать операцию надъ своими сапогами... Вдругъ онъ замѣтилъ, что изъ кармана на жилетѣ у Ивана Семеновича болтается что-то необыкновенное, черное съ блестящими висялками... Видно дурнаго человека, тотчасъ, съ одного взгляда всю подноготную высмотритъ.

Далеко отшвырнулъ онъ тряпку, и, какъ угорѣлый, кинулся полѣстниці въ присутствіе, чтобы объявить поскорѣй всѣмъ чиновникамъ о приходѣ Ивана Семеновича, и о томъ, что у него изъ подъ жилета выглядываетъ что-то необыкновенное...

Иванъ Семеновичъ въ это время возился съ колошами...

До прихода Сивухина, въ присутствіи было удивительно тихо и спокойно... Почти всѣ чиновники уже собрались, покойно сидѣли они, каждый на своемъ обычномъ мѣстѣ, согнувшись надъ бумагами, и занимались дѣлами... кто писалъ, кто переписывалъ, кто подсказывалъ... у каждаго было свое занятіе... Въдъ пять столовъ, и за каждымъ по пяти чиновниковъ, да еще кромѣ того, начальникъ отдѣленія за особымъ столомъ... много кажется на-

рода... а претихо, удивительно тихо, только и слышенъ однообразный скрипъ перьевъ по бумагѣ... Всѣ трудились... Самъ начальникъ отдѣленія съ весьма глубокомысленнымъ видомъ, въ третій разъ перечинивалъ перо, чтобы подать примѣръ терпѣнія и прилежанія... Но, какъ только вошелъ Сивухинъ, такъ и нарушилъ общее спокойствіе... Вошелъ, да не такъ какъ порядочные люди, и дверьми стукнулъ... еще это бы ничего, человѣку необразованному простительно... а то пѣтъ, согнулся въ дугу, да, вмѣсто того, чтобы тотчасъ на мѣсто сѣсть, онъ и ну юлить между столами, — вертлявъ былъ негодный, точно плясунъ капатный — юлить вокругъ столовъ, да нашептываетъ, что сейчасъ молъ Иванъ Семеновичъ будетъ, и что у него на жилетѣ что-то такое странное блеститъ и побрякиваетъ... Всѣхъ всполошилъ, гдѣ ни юркнетъ, такъ на обѣ стороны и увѣдомляетъ, точно газета какая. — Семенялъ, семенялъ, и доползъ, наконецъ до своего мѣста, и усѣлся негодный тѣше воды, ниже травы, какъ ни въ чемъ не бывало... эдакое низкое коварство...

Извѣстіе о томъ, что у Ивана Семеновича на жилетѣ что-то странное... взволновало и развлекло чиновниковъ, — всѣмъ было ужасно любопытно узнать, чтобы это могло быть, каждый, забывъ о занятіяхъ, дѣлалъ предположенія и заключенія... Нѣкоторые сомнѣвались въ истинѣ словъ Сивухина. Однакожъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прихода Ивана Семеновича... Не прошло еще и минуты, Иванъ Семеновичъ вошелъ.. Всѣ какъ-то разомъ приподняли головы, разноцвѣтные глаза всѣхъ чиновниковъ устремились на него съ весьма лестнымъ вниманіемъ... Иванъ Семеновичъ не сконфузился, раскланялся очень граціозно, сѣлъ на свое мѣсто и сталъ разбирать бумаги, онъ былъ очень, очень доволенъ первымъ успѣхомъ...

Теперь всѣ видѣли, что у Ивана Семеновича виситъ что-то на жилетѣ, но что такое, никто этого не зналъ... Подойти къ нему и спросить, не было никакой возможности, да и конфузно какъ-то... Нѣкоторые посмѣлѣе и рѣшились, и начали было подкрадываться къ столу, гдѣ сидѣлъ Иванъ Семеновичъ, чтобы рассмотреть поближе и узнать что это такое у него виситъ... Другіе стали переговариваться довольно громко... Но начальникъ отдѣленія, всё еще съ большимъ вниманіемъ чинившій перо, провозгласилъ во все услышаніе: «Господа, пожалуйста, потише!...» Вставшіе быстро, кинулись на мѣста... разговоры умолкли, впрочемъ не надолго... Чиновники снова начали перешептываться потише прежняго, и сообщать другъ другу довольно остроум-

ныя замѣчанія, на счетъ блестящей штучки, висѣвшей у Ивана Семеновича... Всѣхъ ихъ занимала одна мысль о томъ, что это была за штучка... Любопытство ихъ мучило... догадкамъ не было конца... Ужъ чего даже? Герасимъ Авдѣичъ, знаете, что на третьемъ столѣ сидитъ, кажется человѣкъ степенный, дѣловой... а и тотъ не вытерпѣлъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ на Ивана Семеновича, да и обратился къ столоначальнику...

«Лука Лукичъ, батюшка, не знаете ли, что это такое у Трап-жирина на лѣвомъ боку, что-то престранное... отъ роду не видалъ ничего подобнаго... Скажите, сдѣлайте милость, какъ это называется?»

«Не знаю-съ, отвѣчалъ Лука Лукичъ довольно наивно, только вещь-то очень хороша.»

Да не только Лука Лукичъ... никто изъ всѣхъ чиновниковъ не зналъ, что это за вещь... Всѣ старались отгадать, всѣ ломали головы и придумывали... Предположенія и мнѣнія были различны. Канцеляристъ Чубуковъ спорилъ шопотомъ съ однимъ довольно мизернымъ чиновникомъ... что онъ самъ своими глазами видѣлъ, что у Ивана Семеновича въ числѣ блестящихъ побрякушекъ, болтался маленький молоточикъ... спорилъ, спорилъ, а ему никто и вѣрить не хотѣлъ.

Одинъ утверждалъ, что это особаго рода маятникъ къ карман-нымъ часамъ, другой, что это симпатія отъ судорогъ...

Иванъ Петровичъ Голодаевъ замѣтилъ довольно таинственно, что это вѣрно отличительный знакъ, какого нибудь новаго Массонскаго общества...

Петръ Ивановичъ Оглодаевъ говорилъ, что это просто какое-нибудь новое Англійское изобрѣтеніе.

Волненіе было необычайное... всѣ шептались, искоса поглядывали на Ивана Семеновича, а онъ занимался себѣ пресурьезно притворяясь, будто ничего не замѣчаетъ... Только онъ да начальникъ отдѣленія и занимались... всѣ остальные чиновники были ужасно разсѣяны... Иные, углубясь въ размышленія, писали, не помочивъ пера, ... нѣкоторые совсѣмъ ничего не дѣлали... А столоначальникъ Васюковъ, хотѣлъ бумагу пескомъ засыпать, взявъ чернильницу, да все и залилъ... И вѣдь все Иванъ Семеновичъ виновать, къ чему было надѣвать въ Департаментъ эту штуку съ побрекушками... кругомъ виновать... озадачилъ всѣхъ, отвлекъ отъ занятій, произвелъ въ нѣкоторомъ родѣ переворотъ... и не смотря на все это, онъ былъ чрезвычайно доволенъ... Брелоки

имѣли успѣхъ удивительный, невѣроятный... Это очень льстиво его амбиціи...

Наконецъ присутствіе кончилось... Начальникъ отдѣленія вышелъ... Чиновники, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію кивнуть съ бѣгомъ изъ департамента по домамъ, обступили Ивана Семеновича, переминались, заглядывали на него одинъ изъ-за другаго... но не начинали разговора... Иванъ Петровичъ Голодаевъ, съ свойственною ему смѣлостью первый заговорилъ...

«Позвольте узнать, Иванъ Семеновичъ, началъ онъ, покашливая, какъ называется эта прекрасная, блестящая вещьца у васъ на жилетѣ... Иванъ Семеновичъ покраснѣлъ отъ удовольствія... «Это брелоки»; отвѣчалъ онъ довольно громко...

Первый шагъ былъ сдѣланъ... Всѣ чиновники подвинулись поближе къ Ивану Семеновичу и начали разсматривать брелоки... каждый ихъ трогалъ, перевертывалъ, взвѣшивалъ на рукѣ, разглядывалъ каждую побрякушку... Петръ Ивановичъ на другой день рассказывалъ, будто бы Лука Лукичъ даже понюхалъ... только я не вѣрю... У Петра Ивановича презлой языкъ... — Вопросы, касательно брелоковъ сыпались со всѣхъ сторонъ... и за чѣмъ это посятъ, и гдѣ куплено, и что стоитъ, и изъ чего сдѣлано, в отчего брелоками называется?... Послѣ распросовъ, начали съ поздравленія съ обновою... Иванъ Семеновичъ насилу отвѣчать успѣвалъ... Сердце Ивана Семеновича такъ и прыгало отъ избытка чувствъ... брелоки побрякивали... онъ былъ просто какъ-то непостижимо счастливъ... Фуроръ, произведенный въ департаментѣ, превышалъ всѣ его ожиданія...

Не помня себя отъ удовольствія, сошелъ Иванъ Семеновичъ съ лѣстницы, сопровождаемый поклонами и поздравленіями... Какое то особое, невѣдомое ощущеніе тѣшило, волновало грудь его... голова горѣла отъ удовольствія... въ глазахъ все кружилось... въ ушахъ раздавались поздравленія и звонъ брелоковъ... Иванъ Семеновичъ былъ въ восторгѣ, въ упоеніи... Какъ-то безсознательно далъ онъ гривенникъ на водку Харькову, подавшему ему шинель и колоши... Очутился на улицѣ и ничего не замѣчая передъ собою... быстрыми глазами понесся по мокрому тротуару.

Долго еще толковали чиновники о Трацѣрицѣ, разбирая въ швейцарской шинели... наконецъ, мало по малу стали расходиться, кто на Пески, кто въ Коломцу, все еще размышляя о брелокахъ. Пожилые только покачивали головами, и не могли понять, какъ не жаль Ивану Семеновичу тратить деньги на такія бездѣлушки...

а молодые — молодые почти ничего не думали, они только завидовали, да и какъ еще завидовали!...

Даже Сивухинъ сошелъ въ швейцарскую задумчивѣе обыкновеннаго... надѣлъ шинель и уже собирался выйти, вдругъ голосъ Харькова остановилъ его... «Козьма Михѣичъ, пожалуйста на водочку, вѣдь я вамъ по утру поги утиралъ.»

Канцеляристъ посмотрѣлъ на него довольно ласково... «Хорошо, хорошо, служивый, непременно дамъ... ты мнѣ завтра напомнимъ.» Съ этими словами онъ пырнулъ въ дверь и исчезъ съ удивительнымъ проворствомъ...

Харьковъ, плюнулъ въ слѣдъ Сивухину... махнулъ рукой и началъ декламировать съ жаромъ... «Экой канцеляристъ! знаемъ мы это... обѣщать — то мастеръ... Не-бось вотъ Иванъ Семеновичъ... такъ чудный баринъ... Дай Богъ ему добраго здоровья!..» Копчылъ онъ, взглянулъ съ большимъ чувствомъ на полученный гривенникъ, и побрелъ въ свою каморку... Неужели и послѣ этаго найдутся люди, которые не повѣрятъ, что Иванъ Семеновичъ былъ удивительно счастливъ?...

И — Ъ

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

Какъ сильный съ высоты могущества и славы,
Падучая звѣзда отъ облаковъ летитъ
И блескъ ея живой, игривый, величавый,
Какъ въ горести, тоскѣ мучительной, дрожитъ.

Летитъ она стрѣлой и въ мракъ наземный скрылась,
Безъ звука и безъ искръ, безъ таянья лучей;
Безмолвіе и тьма не двинулись! Свершилась
Погибель тайная, безъ стона, безъ рѣчей!

Нѣтъ памяти звѣзды, ни знака ни остатка!
Исчезла, какъ душа изъ тѣла мертвеца
И пылкая мечта и вѣрная догадка
У трупы и предъ тьмой мнутся безъ конца.

ПЛАТОНЪ Ч**.

18 апрѣля 1846.

СМѢСЬ.

МУЧЕНИКЪ ДРУЖБЫ.

Послѣ долгаго и тягостнаго плаванія *Сильвія*, наконецъ очутилась въ виду Шербурга, мѣсто ея назначенія, и весь экипажъ предался восторгамъ живой радости.

Въ особенности между молодыми матросами этого экипажа, былъ одинъ по имени Габріель, которому повидимому это доставляло болѣе удовольствія, нежели веѣмъ его товарищамъ. Въ продолженіи всего путешествія, онъ отличался своимъ поведеніемъ и расчетливостью, которая бы другими матросами могла быть принята за скупость, еслибъ они не знали причины, заставлявшей его такъ поступать, причины впрочемъ — вполне благородной.

Молодой Габріель былъ влюбленъ въ дочь одного бѣднаго рыбака, города Шербурга, и этотъ послѣдній принялъ съ охотой его предложеніе, сказавъ ему: сынъ мой, ты вполне достоинъ Маргариты моей дочери, ты ее любишь, а она съ своей стороны, кажется сама къ тебѣ не равнодушна, я очень буду радъ, если ты на ней женишься; но ты не богатъ, я тоже не могу много дать за мою дочь; а деньги, что ни говори, все таки источникъ всякова счастья; вы не могли бы жить, при вашихъ теперешнихъ слабыхъ средствахъ. Вотъ отправляется корабль въ Бразилію, ступай, и постарайся приобрѣсти что нибудь. По твоёмъ возвращеніи, если тебѣ посчастливится, какъ мы надѣмся, я васъ благословлю.

Вдругъ насканиваетъ огромный валъ и относитъ ихъ съ ужасною быстротою къ большой гранитной скалѣ. Несчастный Антуанъ

былъ жертвою этого удара, онъ разбилъ себѣ голову, Габріель былъ въ обморокѣ. Къ счастью ихъ, увидали и успѣли спасти отъ неизбежной смерти. Ихъ отнесли въ одинъ домъ, гдѣ давши имъ необходимыя пособія, оставили ихъ, чтобъ бѣжать спасать другихъ несчастныхъ товарищей.

Когда Габріель очнулся, то для него, благороднаго и великодушнаго, было очень больно видѣть брата, своего спасителя, подлѣ себѣ умирающимъ.

Боже мой! вскричалъ онъ, бросаясь на него, чтобы привести его въ чувства и отогрѣть своими поцѣлуями, о, Боже мой! можно ли быть такъ несчастливу, чтобъ быть причиною его смерти! Мой милый Антуанъ, мой добрый братъ, это ужасно!... Провидѣніе не захочетъ, чтобъ ты такъ умеръ! оно сжалятся надъ моимъ спасителемъ, оно будетъ тронуту твоею преданностью, и ты не умрешь, любезный братъ! О! нѣтъ, ты не умрешь!

Несчастный Антуанъ открылъ глаза.

О! это правда, что смерть приближается ко мнѣ, братъ, скажь онъ слабымъ голосомъ. Но она инсенокко не беспокоитъ мою душу, я безъ страха встрѣчу ее, потому что я чувствую, моя совѣсть спокойна. Одно только меня беспокоитъ и огорчаетъ и меня мучитъ въ мои послѣднія минуты, и я чувствую! что умру еще спокойнѣе, если ты захочешь, о братъ мой, исполнить просьбу умирающаго.

Можешь ли ты еще сомнѣваться, спаси меня отъ смерти, мой великодушный Антуанъ; о еслибъ должно было опять погрузиться въ волны, изъ которыхъ ты меня вынесъ, я бы исполнилъ это съ радостію, чтобъ утѣшить твои послѣднія минуты жизни; безъ робости, безъ страха говори!

И такъ, братъ, я тебѣ признаюсь, что я люблю до безумія маленькую Катерину, которую ты знаешь; она такъ скромна, такъ умна, такъ прекрасна, что никто бы не былъ въ состояніи ее не полюбить; я обѣщалъ на ней жениться, и въ самомъ дѣлѣ я не замедлил бы исполнить моего обѣщанія, потому что она предалась мнѣ безъ страха, вѣря въ мое честное слово. Но судьба меня наказала за то, что я снѣшилъ насладиться своимъ счастьемъ; потому что моя смерть ее обезчеститъ. Вотъ что меня мучитъ въ послѣднія минуты моей жизни, и эти мученія ты только своею преданностію ко мнѣ можешь уничтожить! Увы! несчастный не предполагалъ, что братъ его также влюбленъ. Но еслибъ смерть не начала застилать темнымъ облакомъ его глаза, онъ бы могъ прочесть на лицѣ Габріеля всю неизмѣримость жертвы, которой онъ требовалъ, и ужасныя мученія, которыя проходили въ сердцѣ молодого человѣка, борьба между привязанностію къ брату и своею любовью къ Маргаритѣ; наконецъ кончилось тѣмъ, что благодарность взяла верхъ, и онъ пожавши руку Антуана, сказалъ: я тебя понимаю, Катерина будетъ моею

женою, и сынъ твой будетъ мовмъ, я тебѣ клянусь въ этомъ! Спасибо, братъ! ему сказалъ Антуанъ, и на лицѣ его столько выразилось самой глубокой благодарности, спасибо! спасибо!

И глаза его закрылись навсегда.

Борьба, которая происходила въ душѣ Габріеля, была очень сильна, очень ужасна для его силъ, истощенныхъ разными тревоженіями, которыя онъ испыталъ въ это непродолжительное время. Только что онъ кончилъ свою клятву, какъ упалъ снова безъ чувствъ подлѣ трупа своего брата.

Не было другой жертвы этой ужасной бури, кромѣ брата Габріеля. Этотъ послѣдній скоро измечился отъ своихъ страданій физическихъ и началъ съ того, что пошелъ отказаться отъ руки Маргариты; только что онъ ступилъ на порогъ хижины, какъ старикъ Иванъ подошелъ къ нему съ такимъ радостнымъ и смѣющимся видомъ, что сердце бѣднаго Габріеля готово было расколоться на части.

И такъ! сказалъ онъ ему, протягивая къ нему руку съ пѣжностію, наконецъ ты возвратился, ты разбогатѣлъ, не предсказывалъ ли я тебѣ, ты видишь, что мой совѣтъ не дурень, а!

И старикъ улыбался отъ восторга.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Габріель, тронутый и растерзанный такою полною довѣренностію и его обѣщанію; конечно, но я долженъ васъ очень огорчить, я очень несчастливъ!...

Онъ остановился, тяжело вздохнувъ.

— Охъ! началъ старикъ, мы знаемъ, чего ты лишился, мы понимаемъ какъ должна быть, тягостна эта потеря.

Бѣдный Антуанъ! онъ былъ такъ добръ! Ахъ! я очень его жалѣлъ, потому что онъ имѣлъ благородное сердце!

— И онъ утеръ слезу, скатившуюся съ его рѣсницъ.

— О! батюшка, сказалъ Габріель, это огорченіе еще не всё, что я теперь чувствую; еслибъ вы знали, какъ я страдаю, какъ мнѣ трудно вамъ выразить.... но наконецъ, надобно же... Я не могу сдержать моего обѣщанія.... Я не могу жениться на Маргаритѣ.... И между тѣмъ вы можете быть, никогда не узнаете, какъ сильно я ее люблю, какъ мнѣ трудно отказаться отъ ея руки.

Маргарита, которая молча стояла подлѣ Габріеля пораженная его словами, упала на скамейку.

Старикъ тоже долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобъ не упасть, такъ его поразила неожиданность этой ужасной новости.

Габріель былъ самъ внѣ себя и стоялъ неподвижный и блѣдный, какъ приговоренный къ смерти.

— А! началъ старикъ, опомнясь отъ удивленія, а! я думалъ, что ты честный человекъ, Габріель; я думалъ, что ты поймешь всю важность своего обѣщанія и уваженіе, которое должно имѣть къ данному слову, признаюсь, я никакъ не ожидалъ отъ тебя этого, я сохранилъ для тебя мою дочь; ты просилъ

ее у меня первый, и я былъ увѣренъ въ твоей честности! наконецъ, что сдѣлано, того не перемѣнишь, и я тебѣ очень благодаренъ, что ты передо мною открылъ свое испорченное сердце, всю низость, всю подлость, на которую ты способенъ. Я все сказалъ!

Габріель хотѣлъ было возразить что нибудь на слова старика; но не могъ.

Его сердце сильно билось отъ радости, отъ мысли, скоро пріѣхать въ свое отечество, въ городъ, въ которомъ обитала милая его сердцу — Маргарита. Корабль не могъ взойти въ гавань ранѣе вечера и разгрузка его была отложена до слѣдующаго утра. По наступленіи ночи, Габріель заснулъ и настроенный ко всему радостному въ будущемъ, произвелъ сны самые пріятныя.

Увы! эти сны были очень обманчивы и пробужденіе было ужасно. Посреди самыхъ сладкихъ мечтаній, которымъ онъ предавался, онъ былъ пораженъ ужасными ударами грозы и свистомъ бури. Тревога разбудила скоро весь экипажъ, который съ величайшею дѣятельностію началъ бороться съ ужаснымъ ураганомъ. Но всѣ усилія были бесполезны, бѣшенство бури такъ потрясло корабль, что мачты были сломаны тотчасъ же; и корабль, сорванный съ якоря, несся къ черной скалѣ съ ужасною скоростью; ударъ былъ ужасенъ, мачта сломилась и съ пронзительнымъ трескомъ упала на разбитый корабль, довершивши его гибель.

При первомъ свистѣ урагана, все предметіе вышло на берегъ, куча лодокъ и разнородныхъ барокъ, поспѣшали на помощь къ несчастнымъ, Антуанъ Кернокъ, братъ Габріеля, былъ не изъ послѣднихъ, чтобъ спасти жизнь кому нибудь изъ этихъ несчастныхъ матросовъ; къ счастію онъ поспѣлъ во время, чтобъ подать помощь своему меньшому брату, который, утомленный трудною борьбою, начиналъ уже чувствовать, что его силы истощаются. Антуанъ его схватилъ. Когда уже онъ началъ совершенно ослабѣвать и поддерживая его одною рукою, онъ началъ плыть со всевозможною скоростью.

Не обвиняйте меня! вскричалъ Габріель, совѣмъ уничтоженный: еслибъ вы знали, почему я измѣнилъ своему обѣщанію, которое я съ такимъ бы блаженствомъ исполнилъ.

И съ глазами полными слезъ, онъ взглянулъ на Маргариту, которая ему отвѣчала улыбкой презрѣнія. Потомъ, ему пришла мысль все ей разсказать; но остановилась, потому что это значило измѣнить чужой тайнѣ и обезчестить Катерину, наконецъ Катерина могла узнать объ его поступкѣ, и деликатнымъ отказомъ могла нарушить его обѣщаніе, сдѣланное брату на смертномъ одрѣ, и такъ онъ рѣшился, на-счетъ этого ничего не говорить. Но онъ былъ очень оскорбленъ, когда отецъ Иванъ ему сказалъ съ насмѣшливымъ видомъ:

— Ну! я думалъ, что вы мнѣ наконецъ объясните вашъ поступокъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ, стоялъ повѣся голову, и печально опустивши глаза, выдержалъ всѣ обиды, и все презрѣніе старика и его дочери.

— Но развѣ вы забыли, любезный батюшка, сказала потомъ Маргарита, что онъ разбогатѣлъ, и что я гораздо теперь бѣднѣе его!

Потомъ она подошла къ нему гордо и съ презрѣніемъ.

— Габріель, сказала она: я бѣдна; но еслибъ я сдѣлала то, что вы теперь дѣлаете, я бы себя назвала подлой и низкой. Прощайте.

Габріель поклонился, и вышелъ съ разтерзаннымъ сердцемъ.

Когда онъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе отъ хижины своей возлюбленной, силы его оставили, онъ сѣлъ на камень, закрывши лицо руками, горько заплакалъ.

Бѣдная Катерина, узнавши о преждевременной смерти своего любовника, опасно занемогла, ужасная печаль разрушала ее здоровье, и всѣ усилія врачей, были бесполезны.

Однако вѣрный своему обещанію Габріель, пришелъ къ изголовью невѣсты своего брата. Онъ женился на ней. Онъ страдалъ еще долго, долго....

НЕЗАВИСЯЩІЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

(Изъ записокъ провинціала).

— Отъ чего вы не были третьяго дни у меня, спросилъ я пріятеля; я васъ ожидалъ.

— По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, отвѣчалъ онъ.

— По какимъ независящимъ обстоятельствамъ?

— По какимъ! Если я сказалъ по независящимъ обстоятельствамъ, то это должно быть для васъ ясно.

— Не совсѣмъ.

— Вы читали «Библіотеку для Чтенія»?

— Какъ же.

— Ну, такъ вы могли замѣтить въ одной изъ книжекъ этого года, что въ примѣчаніи къ роману «Петербургъ днемъ и ночью», сказано, что замедленіе выхода его въ свѣтъ произошло *по обстоятельствамъ, независящимъ ни отъ редакціи, ни отъ автора.* (Ясно?) По тѣмъ, вѣроятно, обстоятельствамъ или причинамъ не конченъ романъ. «Счастье лучше богатства» и...

— Вы выпишиваете журналы?

— Выписываю «Сынъ Отечества» 1843 года.

— Какъ, онъ, вѣрно, выходитъ вторымъ изданіемъ въ этомъ году?

— Нѣтъ, онъ не додалъ 1843 году нѣсколько книжекъ, по обстоятельствамъ; но обѣщалъ не замедлить выслать недоимку, — и, вѣрно, опять встрѣтились независящія обстоятельства, потому что я еще не получивъ...

— И вы надѣетесь получить?

— Разумѣется, какъ только будутъ благопріятныя обстоятельства.

— Чьѣ?

— Фу, какой вы! редакціи «Сына Отечества».

— Да, это прекрасное слово — независящія обстоятельства, оно часто попадаетъ въ нашей журналистикѣ. *Независяція обстоятельства....* какъ это ясно сказано... все равно, что сказать — *мы не виноваты!* Чудесное оправданіе!...

— Вы знаете, г. Трефъ, женитея.

— Не по зависящимъ обстоятельствамъ ли?

— Да, почти что такъ. Вотъ что значитъ шалость. Онъ былъ вхожъ въ домъ г-на Пикъ. Отъ нечего дѣлать, отъ скуки, онъ, г. Трефъ, началъ приволакиваться за одною изъ дочерей хозяина....

Однажды вечеркомъ, при лунномъ свѣтѣ, когда такъ прекрасно, восхитительно мерцали на небѣ звѣзды, такъ очаровательно пѣли въ травѣ, возлѣ забору, сверчки, — онъ въ задумчивости стоялъ возлѣ нее, и неволью, т. е., по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, вылетѣлъ у него вздохъ....

При этомъ вздохѣ, она подняла глаза, (я забылъ сказать, что она, — дочь хозяина — стояла возлѣ него съ опущенными, какъ слѣдуетъ, очами), и меланхолическимъ голосомъ, спросила его:

— О чемъ вы вздохнули...

— Какъ будто вы не знаете....

— Нѣтъ.... право.

— О, безцѣнная.... несравненная!... о комъ же мнѣ вздыхать, какъ не.... о васъ?!... О! какъ я васъ люблю.... вотъ уже я цѣлый мѣсяцъ ношу въ своемъ сердцѣ стрѣлу купидона.... (у него, т. е., у г. Трефъ, а не у купидона, вѣроятно, есть *новѣйшій* пѣсенникъ), я долѣе не въ силахъ терпѣть.... если бы вы хоть десятую часть меня любили.... я былъ бы....

— А будто вы правду говорите, что меня любите....

— Клянусь я этимъ мѣсяцемъ (т. е. луной), и этими звѣздами, что такъ завистливо смотреть на насъ....

— Что жъ вы остановились, — здѣсь никого нѣтъ, мы одни. Это, вѣрно, вѣтерокъ травой шелеститъ.

— Я — васъ люблю... охъ!...

— И... можете... жениться?...

(Въ послѣднее время, дѣвушки при этомъ словѣ уже больше не краснѣютъ, и даже спрашиваютъ жениховъ объ этомъ сами, только съ небольшою растаповкою — не больше, какъ точки на три отъ слова до слова; вѣроятно, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ).

— Ахъ, я жениться не могу... Но развѣ такъ нельзя любить другъ друга...

— Отъ чегожъ вы не можете?

— Не могу-съ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ.

— По какимъ — независящимъ обстоятельствамъ?

(Изъ этого видно, что героиня наша не посвящена въ журнальныя таинства: она, т. е. героиня, не довольствуется темнымъ выраженіемъ независящихъ обстоятельствъ, а хочетъ знать, какія именно это обстоятельства. Да такъ и нужно).

— Я увѣренъ, что вашъ папенька не согласится на нашъ бракъ....

— О-о!... согласится! я даже, хоть сейчасъ....

— Нѣтъ, нѣтъ!...

— А!....

Послѣ этого объясненія, г. Тремъ пересталъ было ходить въ домъ г. Пикъ. И хорошо сдѣлалъ. Но на бѣду — она всегда приходитъ не во-время, — этотъ разговоръ подслушали два нескромника.

Чудесный матеріалъ для ихъ языковъ. Да къ томужъ, на дняхъ долженъ быть вечеръ у купца Проферанса, и эти нескромники, къ несчастью, были туда приглашены.... Они нѣсколько дней думали, о чемъ они будутъ говорить съ купеческими дѣвушками... были неутѣшны.... вдругъ....

Они цѣлый вечеръ рассказывали, что *онъ* съ *нею* объяснялся въ любви; что *они* поклялись во вѣки вѣковъ любить другъ друга, безъ разрѣшенія родителей; что *они* даже рѣшились бѣжать, да дождикъ помѣшалъ — грязно было; что *они* при каждомъ словѣ то-и-дѣло цѣловались; что — и мало ли чего фантазія не выдумаетъ....

Разумѣется, эти вѣсти, на крыльшкахъ зефира, разнеслись, какъ слѣдуетъ, по домамъ и принеслись въ домъ....

— Да не можетъ быть, чтобъ это такъ было, говоритъ г-нъ Пикъ.

— Увѣряю васъ, что такъ, говоритъ дама, утирая платкомъ съ мѣткою № 1-й, носъ свой: я изъ достовѣрнаго источника слышала.

- А кто вамъ это сказалъ?
 — Послушайте, да это цѣлый городъ знаетъ....
 — Такъ я съ нимъ раздѣлаюсь.

Въ непродолжительномъ времени поступило по начальству прошеніе, о вышепроеписанномъ. Въ этомъ прошеніи, въ заключеніи, между прочимъ было сказано: «что такъ, какъ онъ (соблазнитель), оставилъ дѣвушку *въ посягательныхъ границахъ стыдливости*, то дабы повелѣно было, на основаніи законовъ, его, какъ соблазнителя, заставить смѣть срамъ, напесенный дѣвушкѣ, — бракомъ. Прошеніе сіе *сочинялъ* дворянинъ такой-то.

— Да, милостивый государь, заключилъ пріятель мой, — такъ вотъ....

— И независящія обстоятельства, да дѣлать пѣчего.

— Нельзя было никакъ отдѣлаться — сама невѣста подтвердила обо всемъ не бывшемъ. Ей вѣрно хотѣлось замужъ. Да притомъ у него, г. Трефа, такое мягкое, доброе сердце — они будутъ счастливы....

— Дай Богъ. Я знаю, что скорѣе можно разгадать неразгадаемую загадку въ «Иллюстраціи», чѣмъ раздѣлаться съ обиженнымъ господиномъ Пикъ, и еще обиженнымъ такимъ образомъ, и при такомъ количествѣ имѣемыхъ у него....

— Что, вы уже не лоршируете?

— Да, спряталъ лорнетъ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ. Многие, — или лучше сказать, многія обижаются, что я смотрю на нихъ сквозь стекла. Что де-сказать все у насъ смотрятъ простыми глазами, а вы флиртите. Это мнѣ самому сказали. По-неволѣ будешь внизъ смотрѣть, потому что я безъ лорнета дѣлаю большіе промахи съ поклонами, за которые мнѣ доставалось не разъ....

— А что «Маякъ»?

— По независящимъ отъ него обстоятельствамъ....

— Затмился?

(Окончаніе впродъ, которое, можетъ быть, и не послѣдуетъ, по независящимъ обстоятельствамъ).

И. БАРТ—НЕВЪ.

г. Николаевъ.

СКАЗАНИЕ О НѢКОЕМЪ МОЕМЪ ПРИЯТЕЛѢ, И, КАКЪ ОНЪ ОСТАЛСЯ
ВѢЧНЫМЪ ХОЛОСТЯКОМЪ.

De gustibus non est disputandum.

Стар. лат. пословица.

Господи ты Боже мой! вѣдь есть же такіе люди, у которыхъ вкусъ такъ... чортъ знаетъ, что такое!... сыворотка, размазня, гвинушка! — И что за странный народъ эти люди! любятъ шампанское и устриць: губа-то у нихъ педура, — и якшаются себѣ съ кухарками, ненавидя свѣтскихъ женщинъ, не смотря на то, что сами прямикомъ взяты отъ дворянскаго корня. Влюбляются въ жирновидную крестьянку. — А случись имъ жениться, не возьмутъ они крестьянку, а выбираютъ дѣвушку изъ одного съ собою званія и — безкорыстные! влюбляются въ одну какую нибудь отдѣльную часть этого созданія, а не въ полный экземпляръ. Впрочемъ и эти созданія *надуваютъ* ихъ тоже *напропалую*.

Былъ у меня знакомый Григорій Фомичъ. Холостякъ, человекъ онъ былъ, — такъ — себѣ человекъ да и только! человекъ, который трачивалъ деньги и не заслуживалъ наказанія за грѣхъ сребролюбія, но стоилъ его за глупость, грѣхъ гораздо больше опасный. Послѣ нѣсколькихъ блистательныхъ побѣдъ надъ толстыми кухарками и кровъ — съ молокомъ крестьянками, онъ перегорѣлъ въ страстяхъ, говоря языкомъ Бальзака, — и вздумалъ остепениться — жениться! для того, чтобы жениться — надо было влюбиться, гласитъ пословица, и Григорій Фомичъ нашелся и въ этомъ случаѣ: онъ влюбился, до безумія влюбился, и если бы знали вы, во что онъ влюбился!?

Иной влюбляется въ глаза дѣвушки потому, что отъ пныхъ глазъ можно подъ часъ не только *вспомнить*, но и *перепариться*; и у иной дѣвы, я вамъ доложу, бываютъ такіе глаза, что вотъ тебѣ, какъ словно какое незнакомое государство, вляпался въ него и ищи себѣ выхода. А вотъ Петръ Петровичъ, такъ тотъ все въ щечки влюбляется: онѣ, дискать, такія пухленькія, пѣженькія, славныя щечки!... и поцаловать такъ хорошо! — иной вамъ врѣжется въ губки, и пошла писать! съ ума сходитъ отъ губокъ! онѣ де призываютъ къ поцалую и щекочуть ретивое! — Я зналъ одного, который до сумазбродства влюблялся въ бородавки съ волосами, величаво осѣнявшія носъ и бороду молодого творенія изъ рода Эввъ, или скромно, но тѣмъ не ме-

нѣе прихотливо самою природою приащипленные къ глазу или къ щекѣ милой дѣвушки. Начни, бывало, увѣрять его, что дѣвушка съ бородавками, просто не дѣвушка, а гадость; а онъ тебѣ на прямки: врешь, братецъ! бородавка на носу, на бородѣ или на щекѣ женщины, знаменуетъ счастье въ настоящемъ и будущемъ. И знаешь ли, какъ хорошо бываетъ тому мужу, у котораго жена съ бородавкой!...

Я зналъ другаго, который въ улыбка дѣвицы-невѣсты, искалъ непремѣнно улыбку счастья, *id est*: прекрасныхъ лошадей, ложу въ театрѣ, блестящія ливреи, усладительную столовую, гдѣ во все горло кричатъ друзья чортъ знаетъ о чѣмъ, брызжетъ шампанское и т. д.

Я зналъ третьяго... но вѣдь не перескажешь всѣхъ глупостей людскихъ, особенно глупостей *пола мужеска*. Всѣ эти мужчины по своему смотрятъ на предметы, а всему свѣту *известно* и *свѣдомо*, что *de gustibus non est disputandum* понеже *chaque baron a sa fantaisie*....

Заговорили мы о Григоріѣ Фомичѣ, такъ начто намъ и говорить о другихъ; пусть себѣ влюбляются, во что хотятъ! *revenons à nos moutons!* подавай намъ исторію любви Григорія Фомича.

А вѣдь вѣрно и у васъ есть такой знакомый, какъ Григорій Фомичъ. Любитъ все матеріальное....

Григорій Фомичъ любитъ поить и поѣсть съ друзьями, и даже рѣдко на чужой счетъ, онъ въ этомъ случаѣ весьма умный чело-вѣкъ, его всѣ любятъ за это! — иногда Григорій Фомичъ пускается, такъ себѣ, отъ скуки въ міръ мечтаний, задумывается, хмуритъ брови, хватаетъ перо, стихи льются у него на бумагу, — да вѣдь у кого же нынче и не льются стихи! — и онъ вдругъ дѣлается чуть-чуть не поэтъ! Его даже и зовутъ поэтомъ друзья, особенно, когда онъ поитъ ихъ шампанскимъ, — въ это время снисходительные друзья даже слушаютъ его стихи и восхищаются ими! Вы знаете, чего не можетъ быть между друзьями!

Друзья цалуютъ какъ Іула,

А обличить друзей нельзя,

Въ одну изъ поэтическихъ минутъ, когда вдохновенный Григорій Фомичъ бросалъ на бумагу тысячу счастливыхъ мыслей, — въ одну изъ этихъ минутъ, на балконѣ дома, прямо противъ его оконъ, онъ замѣтилъ молодую дѣвушку, обыкновенную дѣвушку, но голова ея хотя и неправильная, была украшена тучею волосъ, и какихъ же волосъ-то! черныхъ, вѣжвыхъ, шелковистыхъ, такъ что можно сойти съума отъ нихъ.

Григорій Фомичъ такъ и сдѣлалъ. Только что пробѣтъ семь, онъ у окошка, и кое-какъ подстерегаетъ воробья, онъ стережетъ

увидѣть прекрасноволосую. И часто видалъ онъ ее почти каждый вечеръ. И вотъ мой Григорій Фомичъ только и говоритъ, только и мечтаетъ о черноволосой, и проводитъ дни, прикованный къ свѣтому окну, ожидая, скоро ли появится она, говоря по Гомеру — вѣчноюная, златоокая, чернокудрая, бѣлотѣлая...

Благосклонно появлялась она черновласая, и ея маленькіе неизвѣтнаго цвѣта глаза не казались враждебными, къ удивленію Григорія Фомича. Однажды онъ показалъ ее мнѣ, говоря: «не спорю, что есть лица, въ которыхъ больше правильной красоты, но видалъ ли ты подобную головку? не правда ли, ты очарованъ этимъ восхитительнымъ окладомъ вокругъ головы? вообрази, наслажденіе дотронуться до этихъ локоновъ, утопуть въ этихъ бу-кляхъ!...»

— Ты видно, Григорій Фомичъ, принадлежишь къ той высокой школѣ, отвѣчалъ я: которая видитъ въ жизни одну минуту, одну любовь, одну женщину!... Женись!

— О, если-бъ это было возможно!

Но Григорій Фомичъ былъ довольно богатъ, жилъ въ такомъ же этажѣ, какъ его милая, и я не понималъ, почему бы для него было это невозможно.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ принятъ въ домъ, и нашелъ эту дѣвушку тихою, простою, какъ дитя, со всеми достоинствами добродѣтели; а въ доказательство, что не нуждалась она и въ дарованіяхъ, въ гостинной замѣтилъ Григорій Фомичъ арфу и фортепіано, въ столовой былъ пиюитръ для ногъ. Счастличикъ, Григорій Фомичъ! онъ нашелъ дѣвушку совершенную. И за то, какъ влюбился въ нее Григорій Фомичъ послѣ перваго посѣщенія... настоящий, кавальство, сталъ Ромео!...

Въ другое посѣщеніе разговорились свободнѣе, и она — мнѣ души Григорія Фомича, разсуждала о литературѣ, благовѣрно говорила о Пушкинѣ, Жуковскомъ и Лермонтовѣ, разбираала нашихъ романистовъ, и удивлялась, за что превозносятъ Гоголя.

Во всемъ этомъ Григорій Фомичъ видѣлъ уже не такое простодушіе, какъ прежде. Но что за важность была для Григорія Фомича эта лишняя ученость, это легкое пятно, которое уничтожали совершенно дарованія, двадцать пять тысячъ годоваго дохода, ангельская кротость, и, всего болѣе, прелестные волосы, волосы, которые сводили его съ ума.

Однакожь маленькая грусть запала въ его душу, когда цѣлый мѣсяцъ, безпрестанно повторяя просьбу сдѣлать его судьбою дарованій дѣвицы — невѣсты, онъ увидѣлъ наконецъ, что пиюитръ въ столовой употреблялся только для выхлопыванія платья, арфа служила престо, мебелью, а дарованія чернокудрой, ограничивались тѣмъ, что она пищала романсы А. С. Пушкина: *Талисманъ* съ аккомпанементомъ фортепіанъ. Какъ хотите, а это не такъ-то приятно! И между тѣмъ, такой бездѣлицы, все-таки не струсила любовь Григорія Фомича! Дѣвушка, казалось, боготво-

рила его, осыпала пѣжностями, и пламенными, страстными словами. Сверхъ того, открытое обхожденіе ихъ повредило бы ей, если бы честнѣйшій Григорій Фомичъ оставилъ ее послѣ этого. Григорій Фомичъ не понималъ, что отказаться отъ самоубійства, никогда не поздно, и продолжалъ идти далѣе.

За недѣлю до свадьбы, со вздохами и слезами всего семейства, было объявлено Григорію Фомичу, что банкротство, разумѣется, небывалое, лишаетъ его тѣхъ денегъ, которыя обѣщаны были въ приданое. Григорій Фомичъ былъ столько великодушень, что корысть не могла остановить его.

— Ахъ, ты Господи! да развѣ я недоволюно богатъ для своихъ, сказалъ онъ самъ себѣ, эхъ! во что ни шло, женюсь на пей!

И вотъ, въ день брака, утромъ, когда невѣсту готовили быть «со полуночи молодухой», снаряжали подъ вѣнецъ, Григорій Фомичъ случайно вошелъ въ уборную, и что же представилось *свѣтлымъ очамъ его?* Парикмахеръ внимательно расчесывалъ длинную, какъ лошадиный хвостъ, косу, которая величаво раскинута была на спинкѣ креселъ, а на ручкахъ кресельныхъ, висѣли превосходные пучки черныхъ волосъ, завитыхъ буклями... было отъ чего придти въ восторгъ! за то голова невѣсты его была едва прикрыта бѣдными волосенками, которые не закрывали висковъ и падали рѣдкими нитками къ плечамъ.

Сжалось бѣдное сердце бѣднаго Григорья Фомича отъ изумленія.

— Такъ коса-то у васъ не ваша, Анна Петровна, она у васъ не природная? пробормоталъ Григорій Фомичъ: такъ гдѣ же у васъ природные-то волосы? Развѣ вы родились лысыя-съ? Боже мой! какъ у женщинъ-то все обманчиво!... вотъ и женись тутъ по любви!

И въ смертельной тоскѣ онъ ушелъ въ свою комнату, ожидая, чтобы парики были на мѣстѣ. Бѣдный простакъ мой видѣлъ, какъ по листочку облетала роза его счастья. Онъ плакалъ одинъ, и не смѣлъ никому, даже лучшимъ друзьямъ своимъ, рассказать о смѣшной своей горести. Онъ старался утѣшить себя, ободрить, размышляя, что, если у женщины, которую беретъ онъ въ замужество, нѣтъ ни дарованій, ни денегъ, ни волосъ, то, по крайней мѣрѣ, она добра, тиха, терпѣлива, и эти счастливыя качества, конечно, дороже золота, которое можно промотать, и волосы, которые можно купить.

Къ Григорію Фомичу пришли съ докладомъ, что все готово, и ожидаютъ только его. Какъ помѣшанный вбѣжалъ онъ въ залу, подаль руку будущей женѣ своей, и не замѣтилъ, садясь въ карету, что наступилъ на предлинное покрывало ея, которое волочилось по землѣ. Кружево было разодрано... «Фай! какая неловкость!» сказала невѣста, съ выраженіемъ ярости, которую

она забыла скрыть въ эту минуту. Но мѣра была исполнена. Пациентъ молчитъ; карета катится; пріѣзжаютъ, выходятъ....

— Дѣвица такая-то!... хотите ли вступитъ въ бракъ съ такимъ-то? спрашиваютъ ее.

— Да! отвѣчаетъ невѣста слабымъ голосомъ, опустивъ глаза.

— Господинъ такой-то! хотите ли имѣть жену такую-то? продолжаютъ спрашивать.

— Нѣтъ, ужъ *погожусь!* проговорилъ громовымъ голосомъ Григорій Фомичъ, и опрометью бросился бѣжать.

Григорій Фомичъ остался вѣчнымъ холостякомъ, и проживаетъ теперь въ своей деревнѣ, гдѣ-то верстъ за 500 отъ Москвы.

И. ПРОТ.

Августа 3.

1846.

комедію, которыя и будут поставлены нѣвѣщнее зимою.. Сколько наслажденія, наслажденія высочайшаго должна ожидать публика отъ даровитаго его пера. — Дай Богъ, чтобы сбылись эти слухи!..

— Французскій и нѣмецкій театры, готовятъ тоже много новаго къ зимѣ и — идетъ молва, что на роли Брессана ангажированъ весьма даровитый французскій актеръ *Довлун*.

Если всѣ эти слухи сбудутся, — много прекраснаго подарить намъ будущая зима!

— Въ мастерской извѣстнаго художника г. Каржова, мы видѣли портреты нашихъ молодыхъ — даровитыхъ артистовъ А. П. *Славина*, и г-на *Марковецкаго*. Сходство удивительное, рѣзецъ художнической, отдѣлка и чистота превосходны!.. Намъ говорили, что г. Каржова хочетъ издать галерею портретовъ артистовъ и артистокъ новаго поколѣнія... Начало такъ хорошо, какъ нельзя болѣе желать! — При слѣдующихъ книжкахъ «Репертуара» мы дадимъ нашимъ читателямъ портреты нашей русской Плесси — В. В. Самойловой 2-й, и несравненнаго А. А. Мартынова.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

АВГУСТЪ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

ПАРИЖСКІЕ.

Монастырская болтовня. Комическая опера, въ одномъ дѣйствіи.

Сцена въ Андалузій. Маркиза д'Аркось, молодая вдова, имѣетъ двухъ сестрицъ, живущихъ пансіонерками въ монастырѣ, находящемся по близости ея помѣстья. Она хочетъ выдать за мужъ, одну изъ нихъ (Изабеллу) за своего двоюроднаго брата Фернанда, пріѣхавшаго изъ Армін; но женихъ и невѣста не могли еще ни разу поговорить между собою на единѣ, ибо Маркиза почитаетъ за правило, что должно не прежде говорить объ любви, какъ послѣ свадьбы. Но молодой офицеръ желая узнать, любимъ ли онъ своею невѣстою, уговариваетъ Изабеллу согласиться придти поговорить съ нимъ въ садъ, когда все лягутъ спать. — Изъ монастыря пріѣзжаетъ младшая изъ

трехъ сестеръ, Серафима, маленькая рѣзвушка и шалунья, привозить съ собою восемь или десять пансіонерокъ, и рассказываетъ имъ о несчастіи одной прекрасной дамы, заключенной въ монастырскую тюрьму, обезчещенной и погибшей навсегда для свѣта, потому что мужчина вошелъ въ ея комнату, когда она спала и имѣлъ жестокость взглянуть на нее въ это время! — Какъ это? — говорятъ пансіонерки? — Да, да, продолжаетъ Серафима, вы не знали этого, и я также, но нѣтъ ничего справедливей; когда молодой человѣкъ взглянетъ на спящую молодую дѣвужку, тогда она дѣлается безчестіемъ своего семейства, если только нескромный мужчина не согласится тотчасъ же на ней жениться. — Кто это сказалъ тебѣ? — Старая сестра Урсула, которую я спрашивала о монастырской узницѣ. — Въ это время является молодой Баккалавръ Пашено, сынъ сосѣда маркизы, и котораго она прогоняетъ, замѣтивъ его сантиментальное расположеніе къ молодымъ дѣвужкамъ. Но онъ прячется въ саду и проводитъ тамъ ночь при лунномъ свѣтѣ. Маленькую Серафиму и всѣхъ прочихъ пансіонерокъ укладываютъ спать на лавкахъ и стульяхъ въ оранжереѣ. Пачеко, подкарауливаетъ ихъ, и наслаждается удовольствіемъ, смотря на нихъ сквозь рѣшетчатые ставни окошекъ, въ ту минуту, какъ Серафима выходитъ изъ оранжереи, чтобы запереть полуоткрытые ставни. Тутъ происходитъ забавная комическая сцена, въ продолженіи которой Пачеко объясняется въ любви. Серафима уходитъ обратно, и въ тоже самое время изъ бесѣдки, съ другой стороны театра, является Изабелла, идущая на свиданіе назначенное ей ея женихомъ; мысли о предстоящей свадьбѣ ея не давали ей спать нѣсколько ночей; она садится и засыпаетъ; Пачеко подходит потихоньку, видитъ ее спящую, и не можетъ удержаться, чтобы не воскликнуть отъ удивленія при видѣ ея красоты. Изабелла проснувшись, вскрикиваетъ также въ свою очередь: О Боже! Мужчина здѣсь! во время моего сна! вотъ я погибла теперь также какъ и монастырская дама! помогите! Маркиза прибѣгаетъ, и сестра ея безъ всякихъ объясненій, говоритъ ей: Ахъ! какъ я несчастна! Посмотрите на этого злодѣя, должно, чтобы онъ тотчасъ же на мнѣ женился; — Молчи! говоритъ маркиза, и Пачеко остается одинъ и въ изумленіи. Потомъ приходитъ взбѣшенный этимъ Фернандъ, и запираетъ Пачеко въ голубятню. Онъ хочетъ убить его, принудивъ напередъ жениться на Изабеллѣ, для спасенія ея чести. Изабелла приходитъ, рыдая и проклиная этотъ страшный законъ, который безчеститъ дѣвицу за то только, что мужчина взглянетъ

на нее въ то время, когда она спокойно спитъ. *Какъ! что вы хотите сказать этимъ?* — Объясненіе. Фернандъ вскрикиваетъ отъ радости, угадываетъ выдумку старой монахини и возвращается къ маркизу съ Изабеллою, чтобы успокоить ее. Въ это время Пачеко, отпираетъ окошко голубятни, спускается на землю, посредствомъ веревки, хочетъ убѣжать отъ своего ужаснаго брата, и проходитъ черезъ оранжерею, чтобы выскочить изъ окошка въ поле. Пансіонерки просыпаются, кричатъ, и приводятъ его опять на сцену. Прочія дѣйствующія лица также приходятъ, и маркиза объясняетъ легковѣрнымъ дѣвицамъ, что сестра Урсула для забавы, нарочно пострадала Серафину своей сказкой. Изабелла выходитъ за мужъ за Фернанда, а Серафина за Пачеко.

Пьеса эта имѣла большой успѣхъ. Сочинители ея: господа Плансеръ и Левенъ. Музыка господина Потье. Какъ авторы такъ и композиторъ, люди знающіе и опытные въ своемъ дѣлѣ.

Драматическій театръ.

Кларисса Гарловъ; драма въ 3-хъ актахъ.

Уже двѣ недѣли прошло, какъ Кларисса разлучена съ своимъ семействомъ. Заключение подъ строгимъ надзоромъ, въ павильонѣ Залека, она не могла никого видѣть, кромѣ Юсефа Лемсена, одного изъ служителей Джемса, своего брата, агента преслѣдованій семейства Гарловъ противъ Клариссы; но этотъ агентъ, по-видимому столь строгой, не могъ устоять противъ искушеній Ловлеса, и между тѣмъ, какъ Джемсъ платитъ ему за надзоръ своей сестры, онъ склоняется за золото способствовать опаснымъ намѣреніямъ обольстителя.... Посредствомъ этого-то подкупленнаго служителя, Ловеласъ проникаетъ въ паркъ, и получаетъ ключъ отъ павильона Клариссы. Джемсъ, думая, что уединенное заключеніе его сестры, сдѣлало ее болѣе склонною согласиться на желанія ея семейства, хочетъ наконецъ дѣйствовать рѣшительно. Господинъ Сольмъ предлагаетъ жениться на Клариссѣ. Этотъ бракъ, утѣшить сестру Арабеллу въ томъ, что она не успѣла выдти замужъ за Ловлеса, и отомстить ему за то, что онъ превзошелъ Джемса въ свѣтскомъ обращеніи, и за то, что въ послѣдствіи принудилъ его со шпагою въ рукахъ бѣжать отъ Клариссы. Этотъ бракъ, столь ненавистный для Клариссы, со-

ставить счастье ее сестры, и брата злого и завистливого. А потому они и желают, чтобы онъ совершился. Чтобы уговорить Клариссу, собирается семейный совѣтъ, и молодая дѣвица является передъ своего отца, своего дядю, брата и сестру. Ей объявляютъ приговоръ о бракѣ ея съ господиномъ Сольмомъ.... Она отказывается повиноваться.... Оставшись одна съ своею матерью, она почерпаетъ изъ сочувствія госпожи Гарловъ больше мужества для сопротивленія волѣ своего семейства; но въ эту минуту она узнаетъ, что Ловлесъ занимается молодою дѣвушкою, прозванною имъ Розовымъ шипкомъ. Вдругъ ревность ее пробуждается, а мать ее, воспользовавшись этимъ, получаетъ отъ Клариссы обѣщаніе, повиноваться господину Гарловъ... Почти въ тоже самое время, появляется Розовый-шипокъ. Иосифъ Леманъ самъ вводитъ эту молодую дѣвушку.... При видѣ ея, Кларисса приходитъ въ ярость и прогоняетъ ее.... Розовой-шипокъ хочетъ узнать причину гнѣва Клариссы, и объясняясь, увѣдомляетъ ее, что Ловлесъ, квартируетъ у ея отца, безпрестанно бродитъ вокругъ замка Гарловъ, и кажется очень печальнымъ. Сначала было Розовый шипокъ думала, что онъ хочетъ обольстить ее, но Ловлесъ, узнавъ отъ нее, что она не можетъ выйти замужъ за любимого ею молодого поселенца, потому что они оба ничего не имѣютъ. Онъ далъ имъ приданое, говоря: *ты будешь первою побѣдою, которую я одержу надъ самимъ собою.* Этотъ разсказъ трогаетъ Клариссу; любовь взмѣняетъ ей; и когда Ловлесъ появляется, то она чувствуетъ себя не въ состояніи противиться ему.... Однакожъ она борется со всеми средствами прельщенія, употребляемыми Ловеласомъ; но вдругъ раздается сильный шумъ... Стучатся въ дверь.... Это Иосифъ Леманъ, который требуетъ ключа, и зоветъ къ себѣ господина Сольма и Джемса... При этомъ имени, страхъ Клариссы увеличивается, и Ловеласъ пользуется онымъ, чтобы увлечь ее.... Когда они уходятъ, Иосифъ Леманъ отворяетъ дверь, является одинъ и выражается своими жестами, что онъ сыгралъ шутку, чтобы принудить Клариссу бѣжать изъ дому ея отца.

Дѣйствіе второе. Ловлесъ отводитъ Клариссу въ маленькой домикъ, и даетъ ей въ подруги Сень-Клерису и Полли, а въ служанки Дорку. Но эти три женщины, которыхъ публика никогда не видитъ, возбудили подозрѣнія Клариссы. Она не нашла кареты Леди Лоренцо, которой Ловлесъ велѣлъ дожидаться ей въ паркѣ Гарловъ; она застаётъ Дорку, распечатывающую ее письмо. Безпокойство ее чрезвычайно. Ловлесъ старается успокоить ее

недовѣрчивость, и для достиженія этого, представляетъ къ ней для прислуги Розовый - шипокъ. Дружба этой молодой и честной дѣвушки совершенно успокаиваетъ Клариссу. Но въ эту минуту появляется одинъ изъ агентовъ Ловлеса. Нѣкто Патрикъ Макдональдъ, самый отчаянный лондонскій разбойникъ; переодѣтый капитаномъ, онъ выдаетъ себя за друга дяди Клариссы, и приходитъ отъ имени этого дяди, принудить Ловлеса загладить женитьбою, обиду, нанесенную имъ чести семейства Гарловъ... Ловеласъ нарочно помѣстившій Клариссу въ сосѣдней комнатѣ, притворяется, что онъ соглашается на это предложеніе, и Кларисса обманутая этимъ, прибѣгаетъ; чтобы поблагодарить его. Но какъ скоро она узнаетъ, что дѣло идетъ о тайномъ бракѣ, то отвергаетъ все сдѣланныя ей предложенія и возвращается въ свою комнату, твердо рѣшившись, не иначе выдти изъ нее какъ по приказанію своего дяди. Ловлесъ видя неудачу всехъ своихъ хитростей, не хочетъ болѣе шадить ничего, и чтобы принудить ее выдти, зажигаетъ павильонъ, находящійся подъ самыми окошками Клариссы. При видѣ пожара, Кларисса бросается въ залу, и встрѣчаетъ тамъ дерзкаго и настойчиваго Ловлеса. Между ними начинается борьба. Онъ хочетъ принудить ее силою, но Кларисса однимъ словомъ, однимъ могуществомъ добродѣтели, заставляетъ его стать на колѣна передъ собою. Потомъ Ловлесъ встаетъ, и снова начинаетъ свои усилія. Приходитъ Макдональдъ, Кларисса умоляетъ его о помощи, и говоритъ ему: вы честный человѣкъ! Спасите меня! Чистосердечіе, добродѣтель, достоинства этой молодой дѣвицы, довѣренность ея къ нему, все это поражаетъ и трогаетъ Макдональда. Онъ отводитъ ее обратно въ комнату, и потомъ возвратившись къ Ловлесу, отдаетъ ему назадъ золото, полученное отъ него за ту роль, которую онъ игралъ, и отказывается обманывать Клариссу. Это новое препятствіе еще болѣе раздражаетъ Ловлеса, и онъ рѣшается теперь на все, чтобы одержать побѣду до прихода своихъ друзей.

Розовой шипокъ приходитъ увѣдомить его о безпокойствѣ своей госпожи; онъ приказываетъ дать ей прохладительнаго лекарства. Бьетъ полночь. Друзья Ловлеса приходятъ, и нашедши его одного безъ Клариссы, смѣются. Въ продолженіи пирушки Макдональдъ стоитъ на часахъ у дверей комнаты Клариссы, и дѣлается защитникомъ ея отъ насилій Ловлеса. Ни что не можетъ преклонить его оставить это мѣсто. Ему подносятъ вина, онъ отказывается. Ловлесъ настаиваетъ, и проситъ его выпить

за здоровье добродѣтельной Клариссы. Макдональдъ уступаетъ, и пьетъ. Обѣдъ продолжается посреди пѣсней и шуму; какъ вдругъ Кларисса появляется, подобно призраку. Всѣ встаютъ передъ нею. Блѣдная, въ безпамятствѣ и въ утомленіи, она идетъ, и побѣжденная сномъ, засыпаетъ на рукахъ Макдональда. Ловлесъ остается неподвиженъ. Макдональдъ, который все понялъ, хочетъ увести ее изъ этого дома. Онъ уже дѣйствительно уводитъ ее, какъ вдругъ чувствуетъ себя ослабѣвающимъ и утомленнымъ. То самое средство (опіумъ), которое Ловлесъ употребилъ для побѣжденія Клариссы, онъ употребляетъ его также и для преодоленія Макдональда, который, побѣжденный въ свою очередь, шатается и падаетъ на полъ подлѣ заснувшей Клариссы.

Дѣйствіе третіе. Кларисса успѣла уйти и находитъ себѣ убѣжище, въ домѣ лавочника Смита. Этотъ человекъ и жена его, осыпаютъ ее самыми пѣжными попеченіями, но они желаютъ знать несчастія, повредившія силы и разумъ молодой дѣвушки. Патрикъ Макдональдъ, ихъ родственникъ, приходитъ и открываетъ имъ тайны этой ночи, усыпительное питье, данное Клариссѣ и Макдональду, однимъ словомъ, весь злодѣйскій умыселъ. Кларисса приходитъ въ продолженіе этой сцены, и Патрикъ рассказываетъ ей, что онъ искалъ ее даже въ домѣ семейства Гарловъ, и нашелъ тамъ полковника Мордона, рѣшившагося отметить за нее... Кларисса оставшись одна на минуту, занимается своими послѣдними распоряженіями; она понимаетъ, что должна умереть, а потому перечитываетъ и дополняетъ свое духовное завѣщаніе: голосъ Ловлеса слышенъ въ магазинѣ лавочника.... Смитъ и жена его хотятъ воспрепятствовать ему войти. Но онъ ихъ не слушаетъ, и ворвавшись въ домъ, цѣлуетъ госпожу Смитъ, смѣется надъ ея мужемъ, покупаетъ и продаетъ, какъ вдругъ сѣвши на стулъ и смѣясь надъ господиномъ Смитомъ, онъ схватываетъ печально завѣщаніе, оставленное Клариссою на столѣ при его появленіи; бросивъ небрежный взглядъ на эту бумагу, онъ все понялъ... Тогда, видѣ себя, онъ начинаетъ плакать, умолять, и звать Клариссу.... Кларисса выходитъ изъ комнаты, спокойная, но лишенная разсудка. Она смотритъ на него съ радостію, и говоритъ ему: я твоя жена!... Я любила тебя. Ловлесъ хочетъ говорить... голосъ его поражаетъ Клариссу, разсудокъ возвращается къ ней... Она узнаетъ Ловлеса и проклинаетъ его; силы ея ослабѣваютъ... Ловлесъ упадаетъ передъ ней на колѣна, и проситъ прощенія... Кларисса пробуждается на минуту, прощаетъ ему—и умираетъ...

Въ эту минуту, является молодой человекъ, полковникъ Мордонъ; онъ обнажаетъ свою шпагу, Ловлесъ встаетъ, и принимаетъ вызовъ полковника, съ видомъ человека, который не можетъ хладнокровно защищаться. Большой успѣхъ. Сочинители: господа Дюмануаръ, Леонъ Гильяръ и Клервиль.

Примѣчаніе. Советуемъ г-мъ переводчикамъ не оставить этой пьесы безъ вниманія. Нѣтъ сомнѣнія что она скоро покажется на Михайловскомъ театрѣ, разумѣется въ какой нибудь бенефисъ.

РУССКІЕ ТЕАТРЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ.

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Спектакли открылись 16 августа, пьесами: *Что имѣемъ не хранимъ — потеряши плачемъ*, — *Заколдованный принцъ* и *Комедія съ Дядюшкой*.

Водевиль: *Что имѣемъ не хранимъ*, издѣліе Московскаго водевилета г. Соловьева — вещь работанная, кажется слишкомъ на-скоро, по сюжетъ его представилъ случай къ довольно-человѣческимъ сценамъ между старикомъ и старухою. Кто не видалъ г. *Мартынова* въ роли старика дяди въ этомъ водевилѣ, тотъ не можетъ судить о томъ, въ какой высокой степени элементъ драматическій соединяется у нашего знаменитаго артиста съ чисто комическимъ. Это — чистая патура, вовсе безъ украшеній, вовсе даже безъ эффектовъ. Смотри на *Мартынова*, мы почему-то сравнивали игру его въ этомъ водевилѣ съ игрой г. *Самойлова*, въ драмѣ: *Отставной театралный музыкантъ и княгиня*. Можетъ быть — да простятъ намъ этотъ вѣроятно неумѣстный параллель — можетъ быть, говоримъ мы, г. *Самойловъ* увлекъ бы насъ болѣе на мѣстѣ *Мартынова*, — по цѣлостность впечатлѣнія, была бы на сторонѣ послѣдняго. Кстати о г. *Самойловѣ*; въ этомъ маленькомъ водевилѣ, въ роли молодого человѣка, онъ былъ такъ хорошъ, какъ мы его не видали давно въ *подобныхъ* роляхъ.

Заколдованный принцъ, давно уже пользуется заслуженнымъ успѣхомъ, и надобно сказать правду, — не много эфемерныхъ пьесокъ просмотришь съ такимъ удовольствіемъ, какъ *Заколдо-*

ваннаго принца: умно-веденная интрига, милые и остроумные куплеты, превосходная обстановка, упрочили кажется надолго существованіе этого хорошенькаго водевиля на Александрынской сценѣ. Разыгранъ онъ былъ какъ и всегда, чудесно, — Мартыновъ истинно неподражаемъ, особенно въ послѣднемъ актѣ, — г-жа Самойлова 1, граціозна, наивна и проста до *pas plus ultra*.

Въ водевилѣ *Комедія съ дядюшкой*, гдѣ нѣкоторая часть публики съ ума сходитъ отъ испанскаго танца и тирольскихъ арій, г-жи Левкѣевой, былъ осыпанъ единодушными рукоплесканіями, г. Григорьевъ 1, въ первый разъ по возвращеніи, игравшій роль Дядюшки. Но — кто былъ истиннымъ художникомъ въ этомъ водевилѣ, такъ это г. Самойловъ, въ сценѣ жида. У насъ съ недавнихъ поръ питають предубѣжденіе къ ролямъ *переодѣваній* и это предубѣжденіе вполне право, да только не въ отношеніи къ артистамъ. Разумѣется, намъ было бы гораздо пріятнѣе видѣть г. Самойлова въ роли жида, въ какой нибудь большой драмѣ, но за недостаткомъ этого, поблагодаримъ же его хотя и за одну превосходно исполненную сцену.

18 августа. *Владиміръ Заревскій. Чего на свѣтъ не бываетъ? Розанъ.*

Мы душевно рады, что драма *Заревскій*, по-видимому удержится на сценѣ, и что гг. артисты съ каждымъ разомъ — противъ обыкновенія, не хуже но лучше, играютъ свои роли. Въ прологѣ, г. Славинъ и г-жа Гринева, были осыпаны рукоплесканіями, что насъ очень порадовало. Нечего и говорить объ исполненіи роли княжны Ольги В. В. Самойловой — это верхъ поэтической граціи, обаятельной до того, что словъ: «братецъ, все моряки такіе сердитые?» невольно ждешь какъ послѣдней аріи въ *Лючии*.

Въ водевилѣ *Чего на свѣтъ не бываетъ?* за болѣзнію г. Самарина, игралъ роль Загорскаго г. Максимовъ 1. Нельзя болѣе насъ уважать и любить таланты обоихъ артистовъ, изъ которыхъ у cadaго есть свой генге, но не смотря на то, что мы будемъ въ этомъ случаѣ не согласны съ большинствомъ публики, или по крайней мѣрѣ, съ ея половиною — игра г. Самарина своей непринужденной простотою, заставляла насъ *смияться* гораздо искреннѣе, чѣмъ искусные эффекты г. Максимова.

19 августа. *Сиротка Сусанна. Приключеніе на водахъ. Жена или карты.* Въ сироткѣ Сусаннѣ мы готовы помириться даже съ эффектами г. Максимова, такъ онъ здѣсь хорошъ въ роли

фага Сенъ-Леона. Игра г-жи Самойловой 1 — ея мимика въ 1 актѣ, ея первый крикъ, ея дѣтскъ-женская веселость во 2 и высоко-драматическіе порывы нѣсколько разъ заставляли насъ забывать, что вся эта исторія совершается на театрѣ. Г. Смирновъ 1, одаренный прекрасною сценическою наружностью, къ сожалѣнію все болѣе и болѣе теряетъ голосъ.

Въ *Приключеніи на водахъ* роль Оленьки вмѣсто г-жи Самойловой 1, играла г-жа Левкѣва.

Въ водевилѣ: «Жена или карты» были превосходны всѣ, т. е. г-жа Самойлова 1, г. Мартыновъ, г. Григорьевъ 1 и г. Самойловъ.

20 августа. «Разбойники». «Харьковскій женихъ» или домъ на двѣ улицы. Въ этотъ спектакль мы снова восхищались игрою г. Максимова въ «Харьковскомъ женихѣ».

22 августа. *Иголкинъ; Студентъ-артистъ, хориетъ и афферистъ; Дьбушка-морякъ*. Драма *Иголкинъ* какъ всѣ почти пьесы покойнаго Н. А. Полеваго, хотя и вовсе чужда всякаго литературнаго достоинства, но составлена такъ умно, затрогиваетъ такія струны, что вѣроятно долго и очень долго уцѣлѣетъ на сценѣ. Нашъ трагикъ былъ, разумѣется, превосходенъ въ роли Иголкина, хотя по нашему разумѣнію, *немного слишкомъ* рисовался.

Въ водевилѣ *Студентъ-артистъ*, игралъ г. Самойловъ. Мы не можемъ понять одного: какъ одинъ и тотъ же человѣкъ, можетъ быть и превосходенъ и невыносимо дуренъ. Намъ случалось видѣть талантливаго г. Самойлова весьма дурнымъ — впрочемъ къ счастью, это случилось давно и теперь уже не случается больше. Въ *Макарѣ Губкинѣ* съ начала и до конца г. Самойловъ былъ превосходенъ.

23 августа. «Эсмеральда». Клодь-Фролю — г. *Николаевъ*.

Тяжела подчасъ, тяжела и грустна обязанность рецензента, особенно тогда, когда приходится высказывать горькую правду начинающему, можетъ быть, талантливому артисту. Можетъ быть, говоримъ мы, ибо *tous les commencements sont difficiles* и особенно начало сценическаго поприща. Кто могъ подумать, что изъ неуклюжаго Лекена или уродливаго Кина образуются величайшіе сценическіе артисты, кто угадаетъ великаго Пушкина въ стихотвореніи къ *красавицѣ нюхающей табакъ?*.. Нѣтъ ничего выше и благороднѣе искусства въ обширномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ никого, кто бы былъ достоинѣе уваженія тѣхъ, которые

по внутреннему убеждению посвящают себя искусству. Да будет же всегда остороженъ судъ о первомъ шагѣ художника.

Итакъ, вотъ что мы скажемъ добросовѣстно о первомъ дебютѣ г. Николаева.

У новаго деютаанта очень выгодная наружность — очень недурный, но въ высшей степени невыработанный голосъ; движения его отъ успія быть пластическими, переходятъ въ самую смѣшную манерность. Въ доказательство того, что мы слишкомъ внимательно его слушали, разберемъ его игру въ подробности. Первыхъ словъ: «да будетъ проклята цыганка» мы не слышали потому, что *извѣстная*, неизбежная при всякомъ дебютѣ часть публики заглушила ихъ рукоплесканіями она — эта достойная часть публики никакъ не можетъ понять всей наглої непристойности, всей даже невыгоды для дебюта подобныхъ ни начемъ не основанныхъ поощреній. Вышелъ человѣкъ какъ человѣкъ — чему же тутъ хлопотать господа? Что же вы оставите для В. А. Каратыгина, когда первое появленіе новаго лица встрѣчаете оглушающимъ, неприличнымъ шумомъ? И такъ — благодаря поощрителямъ, первыхъ словъ мы не слышали, видѣли только, что г. Николаевъ скопировалъ не совѣмъ удачно походку нашего трагика. Слова: «это колдовство» произнесены были такъ, что г. Николаевъ по-видимому не понималъ ихъ смысла. Клавдія стоитъ слишкомъ высоко надъ предразсудками черни, чтобы вѣрить въ колдовство и г. В. А. Каратыгинъ, глубоко усвоившій себѣ возвышенный образъ царя и властителя громаднаго стараго зданія, человѣка — духа, Клавдія В. Гюго — произноситъ ихъ гробовымъ голосомъ, какъ роковой приговоръ судьбы, у г-на же Николаева слова эти вылились съ наивнымъ ужасомъ. Трагическое поднятіе жезла надъ отвязаннымъ Квазимодо, также не удалось деютаанту, — хотя вѣроятно, за это поднятіе жезла и вызвала его часть публики. Сцена убійства во второмъ актѣ, маханіе кинжаломъ, пока Эмеральда, дивная Эмеральда поетъ Фебюсу свои обаятельные рѣчи — не естественная мимика, все это было смѣшно до нелѣпости. Никогда, г. Александровъ не достигалъ до такой высшей степени смѣшнаго.... Объясненіе съ Эмеральдою въ темницѣ, *трагическое* плѣніе словъ, ударенія не на мѣстѣ по какому-то кадансу традицій, позы то назадъ то впередъ... намъ почудилось, что мы на Нѣмецкой сценѣ. Намъ стало вдвое болѣе жаль бѣдной Эмеральды!... Однимъ словомъ, и въ этой и въ послѣдующей сценѣ нельзя было удачнѣе травестировать В. А. Каратыгина.

И такъ въ дебютантѣ нѣтъ ни малѣйшаго дарованія? спросить наши читатели. Мы этаго не скажемъ, ибо мы не видали самаго дебютанта, а видѣли пародію В. А. Каратыгина.

И на многія серьезные размышленія о нашемъ великомъ трагикѣ навела насъ эта пародія, и стало намъ вполне понятно, что школа Каратыгина существуетъ только въ самомъ Каратыгинѣ. Дебютантъ перенялъ у него все — все кромѣ дивной природы, кромѣ страстнаго одушевленія, кромѣ Прометеева огня, который заставляетъ забывать даже рѣзкости въ игрѣ нашего трагика.... Классическая школа умереть съ ея знаменитымъ представителемъ, потому что только въ немъ сосредоточены ея живущія начала. Каратыгинъ часто форсированъ, но для *такой* форсировки, надобно быть Каратыгинымъ. Каратыгинъ непостижимо высокъ въ Коріоланѣ и Людовикѣ — но попробуйте скопировать его въ этихъ роляхъ?... Въ игрѣ его нѣтъ *личнаго* элемента, — онъ самъ всегда — превосходная античная статуя, и отъ того у него нельзя ничего перенять.... можно подражать всему, даже вдохновенію, котораго собственно не существуетъ; но нельзя подражать античной красотѣ. Г. Славинъ напримѣръ, въ прошломъ году съ большимъ успѣхомъ являлся въ *роляхъ В. А. но почему? потому что онъ не подражалъ ему*, потому что онъ принесъ съ собою другую школу.

Поговоримъ лучше о В. В. *Самойловой*, — вѣроятно это будетъ гораздо пріятнѣе нашимъ читателямъ. Если въ комъ либо и когда нибудь преобладалъ вполне *личный* элементъ искусства, такъ это въ нашей прекрасной артисткѣ. Въ одинъ изъ антрактовъ сегодняшняго спектакля, рецензенту удалось говорить съ однимъ умнымъ и даже очень умнымъ человѣкомъ, но слишкомъ по Германски смотрящимъ на искусство, объ игрѣ несравненной *Ариу-Плесси*. Есть одна роль, сказалъ ему этотъ умный человѣкъ, которую М-ше Плесси играетъ въ совершенствѣ, и эта роль — madame Arnould Plessy. Слово очень глубокое, потому что оно въ высшей степени справедливо. Тоже или почти такъ готовъ я сказать о В. В. Самойловой — и пусть это, даже недостаткомъ, ради Бога давайте намъ побольше такихъ прекрасныхъ недостатковъ: достоинства вообще въ нашъ вѣкъ чрезвычайно наскучили. Собственно говоря, изъ недостатковъ-то и состоитъ *личность* — согласитесь, что самое правильное очертаніе лица; напримѣръ, есть очертаніе Египетскаго сфинкса — по ради самой правды сознайтесь, что величавое спокойствіе неподвижнаго профиля, промѣняете вы охотно на тонко-прозрачный, болѣзненный,

неправильный можетъ быть обликъ.... Проповѣдуйте сколько хотите о преимуществѣ общаго, объективнаго, надъ частнымъ и личнымъ, — развѣ личность не можетъ быть такъ же неисчерпаема какъ цѣлое, развѣ въ одномъ листкѣ Божьяго міра не такая же безконечность для созерцающаго и любящаго духа, какъ въ цѣлой миріадѣ міровъ?... Но Боже мой, въ какія грезы трансцендентализма завела насъ одна прекрасная личность.... Впрочемъ, это самое служить лучшимъ доказательствомъ противъ моего любезнаго оппонента. Возвращаясь къ г-жѣ Самойловой, скажемъ, что она была.... была какъ всегда обаятельно прекрасна. До не оскорбятъ ее только рукоплесканія, расточаемыя на-ровнѣ съ г. Николаевымъ.

Кстати о рукоплесканіяхъ и вызовахъ. Намъ было сперва досадно, что только разъ вызвали г-жу Дюръ послѣ пролога, тогда, какъ г. Николаева и г. Брянскаго вызывали раза по-два, но мы скоро разочли, что даровитая артистка знаетъ цѣну этихъ вызововъ. А г-жа Дюръ видимо совершенствуется, въ роли Жервезы она — превосходна.

25 августа. *Іоаннъ герцогъ Финляндскій*. Эрикъ — г. Брянскій, — Марія — г-жа Копылова, — герцогъ Іоаннъ — г. Александровъ, — графъ Рихерсъ — г. Каратыгинъ 1, — графъ Іерапъ — г. Толченовъ 2, — Екатерина — г-жа Дюръ, — Воловскій — г. Третьяковъ.

Іоаннъ Финляндскій драма старая, слезливая, Нѣмецкая, чисто Нѣмецкая, (не Германская, замѣтите) штука. Въ этой штуцѣ есть все — и подозрительный тиранъ, и злобный царедворецъ и герои самоотверженія — все, все кромѣ человѣческихъ характеровъ. Отнюдь не хотимъ мы оспаривать существованіе героев самоотверженія въ родѣ графа Рихерса, но отъ автора, который выводитъ ихъ на театральное *позорище*, требуется по крайней мѣрѣ, чтобъ онъ выводилъ ихъ не куклами, не мальчиками, которые только говорятъ и размахиваютъ руками... мы рады видѣть маркиза Позу, Вильгельма Теля, даже Дюмасовскаго *Лоренцино* и Геденовскаго *Ляпунова*, съ исключеніемъ только двухъ, трехъ фразъ; ибо высоко возносятъ душу подобные образы, ибо не одно сердце наполняютъ они благороднымъ жаромъ, святымъ чувствомъ правоты и законности — но давайте же намъ изображенія достойныя подлинниковъ... *Рихерсъ*, главное лице драмы и что же дѣлаетъ этотъ Рихерсъ? ровно ничего, — зачѣмъ даже припутанъ онъ къ интригѣ, вовсе неизвѣстно. Его самопожерт-

твоемъ безплодно, — а безплодныя самопожертвованія *смыслины*. Драма переведена сильными и звучными стихами, хотя страдает неумѣстной обветшалостью выраженій.

Но оставимъ въ покоѣ старую драму, и перейдемъ къ исполненію. Изъ ничтожной роли *Рихерса*, *Каратыгинъ* создалъ, разумѣется, цѣлое лицо, одинъ изъ тѣхъ возвышенныхъ и величаво-античныхъ образовъ, которые одинъ онъ умѣетъ создавать. Г-жа *Дюръ* была безукоризненно прекрасна; въ сценахъ съ мужемъ, съ Воловскимъ, съ королевою — было столько души столько истиннаго огня, и между тѣмъ, всегда и постоянно — столько благородства, что мы вспомнили лучшую пору А. М. Каратыгинной, а этого, согласитесь — очень много! Очень хороши были г. *Третьяковъ* въ *Воловскомъ*, и г. *Вороновъ* въ графъ *Гарденъ*. Г-ну *Толченову* полная благодарность за твердое знаніе роли.

Г-нъ *Александровъ*.... Еще недавно рецензентъ высказалъ свое убѣжденіе, что должно быть всегда слишкомъ осторожнымъ въ отношеніи къ начинающимъ артистамъ, — но г. Александровъ уже около года раздраетъ уши посѣтителей Александринскаго театра, и въ цѣлый годъ не успѣлъ исправиться ни отъ одного изъ своихъ прежнихъ недостатковъ, отъ одного собственно говоря, недостатка, т. е. отъ эффектаціи въ каждомъ словѣ и въ каждомъ движеніи. Ради всѣхъ девяти музъ, г. Александровъ, вспомните, что интонація словъ и движенія Каратыгина, идутъ только къ Каратыгину, что *quid licet Jovi*... но вы, вѣроятно, знаете эту старую пословицу.

За сямъ послѣдовало къ удовольствію верхнихъ слоевъ, *Путешествіе Шукинодворскаго купца*, — котораго рецензентъ не высидѣлъ, хотя вовсе не осуждаетъ вкуса публики. Нѣтъ, всему свое мѣсто. Цивилизованная Франція смотритъ же на водевилъ въ родѣ *Les Saltimbanques*, *Les dieux de L'Olympe*, братьевъ *Коньяровъ* — и подобныя зрѣлища имѣютъ даже для массы свою относительную пользу. Если цѣлый вѣкъ бредитъ *демонамъ* поэтовъ... но заключеніе *рѣчи* является само собою въ пьесѣ г-на Григорьева 2-го.

26-го августа. Бенефисъ г. *Третьякова*.

1) *Царскіе потышныя*, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Князь Мышецкій — г. *Брянскій*; Марія, дочь его, — г-жа *Самойлова* 2-я; бояринъ Артамоновъ — г. *Третьяковъ*; молодой Артамоновъ — г. *Смирновъ* 2-й; шутъ Яковъ — г. *Сосницкій*; Аюоя, сынъ князя

Мышецкаго — г. *Мартыновъ*; Лефорть — г. *Смирновъ* 1-й; капитанъ — г. *Каратыгинъ* 2-й.

Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ отдавать отчетъ въ произведеніяхъ, о которыхъ ровно нельзя ничего сказать, ни худаго, ни добраго, которыя безцвѣтны, какъ финская ночь, или туманное петербургское небо, — замѣтить надобно, что такія произведенія являются именно только подъ петербургскимъ небомъ, любопытно было бы дознаться хорошенько отъ чего? неужели отъ однихъ климатическихъ вліяній. Климатъ, конечно, дѣло важное, да нѣтъ ли еще другихъ, психологическихъ причинъ. Произведенія эти — гладки, какъ торцовая мостовая Невскаго-проспекта, — ровны, какъ невозмутимо-спокойная фізіономія столоначальника, — плоски, какъ петербургское самодовольство. Увы, самодовольство — вотъ и причина распложенія этихъ произведеній. Истые Петербуржцы укоряютъ Москвичей, что они всегда слишкомъ долго собираются что-нибудь дѣлать — и сами производятъ тысячами дюжинныя пошлости. Расскажемъ, какъ умѣемъ содержаніе этой комедіи: почему ужъ это — комедія, Богъ вѣдасть...

Картина I. Царскій потѣшный Артамоновъ, бѣжавшій отъ отца въ потѣшные, влюбленъ, какъ водится, въ дочь боярина князя Мышецкаго, который, разумѣется, и слышать не хочетъ, чтобы дочь его вышла за *потѣшнаго*, за Нѣмца, за бусурмана. Шутъ Яковъ берется устроить ему *свиданье* съ возлюбленной. Все это въ порядкѣ вещей, по крайней мѣрѣ, въ сценическомъ порядкѣ. Между тѣмъ, приводятъ набранныхъ отовсюду жильцовъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, учиться артикулу волею — неволею, и между ними сына князя Мышецкаго (г. Мартыновъ). Комизмъ весь и заключается въ ученіи артикулу и въ томъ, что при первомъ выстрѣлѣ новобранцы разбѣгаются въ ужасѣ. Стрѣляютъ — стало-быть публика хлопаетъ — и прекрасно.

Картина II. Князь Мышецкій рассказываетъ боярину Артамонову, что онъ далъ слово царю одѣться въ нѣмецкое платье, отдать сына въ потѣшные, и дочь, за кого царь велитъ — если потѣшные разобьютъ его дружину. Приходитъ молодой Артамоновъ, соблюдая по совѣту шута Якова всевозможные татарскіе обычаи, т. е., проходя дворомъ безъ шапки, и проч. и проч. Боярину и князю это очень нравится, и въ знакъ особенной милости, онъ велитъ накормить на кухнѣ Артамонова, присланнаго къ нему отъ его царскаго величества, освѣдомиться о здоровьи. Между тѣмъ, Артамоновъ видится съ Маріей — сцена любовныхъ

объясненій, къ счастью заглушается разговоромъ шута Якова съ нянюшкой Маріи. Любовниковъ застають. «Сынъ мой,» кричитъ бояринъ Артамоновъ. «Да, это я,» отвѣчаетъ тотъ. Первому дѣйствию конецъ.

Картина III. Потѣшные пируютъ, и готовятся къ бою съ дружиной боярина Мышецкаго. Приходитъ Лефортъ и даетъ имъ въ начальники шута Якова.

Картина IV. Князя Мышецкаго разбиваютъ, и онъ принужденъ согласиться, что новое устройство войска лучше стараго, разумѣется, также, что онъ отдаетъ дочь молодому Артамонову, а сыну велитъ идти въ потѣшные. Вотъ и вся комедія. Ну, скажите на милость, что можно сказать о подобной пиесѣ? Она васъ не оскорбитъ ни вопіющими анахронизмами, ни отвратительнымъ восхваленіемъ стараго быта, въ родѣ романовъ одного московскаго знаменитаго романиста, и элегій, одного знаменитаго же московскаго поэта — но зѣвоту, страшную, неспѣлимую зѣвоту наговоритъ она на васъ своей безцвѣтной пошлостью. Разыграна пиеса была прекрасно — гг. Мартыновъ и Сосницкій, были истинно превосходны.

2) *Арабская полька* г. Кажинскаго. За эту польку, мы готовы отдать десять *Потышныхъ*, присовокупивши къ нимъ, столько же Новгородцевъ, Чумъ во Флоренціи, Рамновъ и прочаго хламу, который, впрочемъ, не слѣдовало бы тревожить. Право, въ этой полькѣ столько истинной поэзіи, что ее достанетъ на двадцать петербургскихъ драмъ. Она начинается превосходнымъ маршемъ — трубы возвѣщаютъ, вѣроятно, прибытіе шейхи, и за тѣмъ начинается игривый, восточно-причудливый мотивъ польки. Оркестровка этой превосходной поэмы изумляетъ своей ученостью, мастерствомъ и богатствомъ эффектовъ.

3) *Домовой*, фантазмагорія. Кисточка — г. Мартыновъ; Домовой — г-жа Самойлова 1-я.

Не знаемъ, чья эта шутка; — но чья бы она ни была, она, съ позволенія сказать, просто до наивности нелѣпа. Дѣло все въ томъ, что *домовой*, впрочемъ премиленькій домовой, ищетъ живописца. Кисточку отъ несбыточныхъ желаній, показавши ему, какъ невыгодно быть банкиромъ и даже министромъ, все это, разумѣется во снѣ. Банкиромъ — онъ обмануть любовницей и убиваетъ соперника, — министромъ... но невыгоды этой, мы, право, не поняли. Все, разумѣется, оканчивается самой филистерской и вмѣстѣ романтической моралью, т. е. бракомъ съ достойною, но *сильно* недалекою дѣвушкою и путешествіемъ въ

Ителию, обътованный край романтиковъ.... Одно, что въ этомъ нелѣпомъ вздорѣ хорошаго, — это *Письма о чумѣ* А. С. Пушкина — музыка этой пѣсни, написанная нашимъ талантливымъ В. М. Кажинскимъ, достойна словъ — созданіе глубокое, созданіе мастера, не эфемерная италіянская арійка съ руладами, — но произведеніе полное смысла и значенія. Г. Мартыновъ и г-жа Самойлова 1-я, не могли быть дурцы, даже въ этомъ нескладномъ снѣ: пѣсню о чумѣ спѣла паша несравненная Н. В., такъ, что даже публикѣ Александринскаго театра, стала понятна смѣлая и дикая поэзія этой страшной пѣсни.

4) *Влюбленный Жидъ* — пьеса, возобновленная изъ стараго репертуара. Интересно очень то, что господа, издавшіе подобныя пьесы, упрекаютъ иногда Гоголя въ фарсахъ! Г. Самойловъ съ невѣроятною точностью передалъ лице Жида, это, просто, пес plus ultra поддѣлки.

Бенефисъ, какъ видите, не очень замѣчательный! Все лучшее въ немъ принадлежитъ талантливому маэстро, — да что же дѣлать? Видно, ужъ лучше ничего не пишутъ наши драматурги. Увы! Будемъ сидѣть у моря, да ждать погоды — и винить не артистовъ нашихъ, исполняющихъ свое дѣло всегда почти добросовѣстно, а доморощенныхъ трагиковъ и комиковъ! Благодаря легкой производительности — самая слава драматическаго писателя перестала быть завидною: вызываютъ всѣхъ и за все! хлопаютъ вездѣ, гдѣ только стрѣляютъ, обнимаются и дерутся.

27-го августа. *Эсмеральда*. Клавдій Фролло — г-нъ Каратыгинъ 1-й.

Рецензентъ пишетъ эту замѣтку подъ вліяніемъ игры нашего великаго трагика, еще подавленный колоссальнымъ образомъ, вызваннымъ изъ мрака прошедшаго — вдохновеніемъ художника. Хотѣлъ ли г. Каратыгинъ 1-й показать все свое превосходство надъ своими соперниками, былъ ли онъ просто подъ вліяніемъ артистическаго наитія, — не знаемъ, да и не хотимъ знать, потому что не знаемъ и не хотимъ знать *соперниковъ*, — но никогда можетъ быть, не былъ онъ такъ возвышенно простъ, такъ истиненъ, какъ въ сегодняшній вечеръ. Страшно-тяжело становилось отъ сцены 3-го акта, отъ его объясненія съ Эсмеральдою — это была натура, натура, пожалуй, во всемъ гигантскомъ безобразіи, это была страсть безъ границъ и безъ мѣры, это было увлеченіе, отвергшее всѣ ложныя грани жеманства. Только Каратыгинъ дерзнетъ рѣшиться на такое созданіе Клавдія, только онъ имѣетъ право

осмѣлится передать вполне съ циническою петипою, страшный образъ спаленнаго адекою страстью аскета, — паука, который ловитъ въ сѣти крошечную мушку — Эмеральду. И какъ мелѣло все остальное передъ игрою В. А. Никогда г. Брянскій не казался намъ столько аффектированнымъ, какъ въ этотъ вечеръ, о которомъ долгое воспоминаніе должны сохранить всѣ почитатели великаго таланта В. А. Каратыгина.

30-го августа. *Дядюшка Русскаго флота, Студентъ-артистъ, Дядюшка-болтушка.* Въ «Дѣдушкѣ русскаго флота» — только роль Карстена Брандта, исполняемая съ художническою отчетливостію нашимъ почтеннымъ И. И. Сосницкимъ, заставляетъ мириться съ разными пошло-сладкими или глупо-шутовскими сценами: г. Максимовъ 1-й съумѣлъ почему-то пошленькій характеръ Питера Гродекера сдѣлать еще пошлѣе обыкновенными фарсами. Ради вашего таланта, г. Максимовъ 1-й, подумайте, что не вездѣ же годятся эти фарсы. Г. Славинъ былъ очень хорошъ въ роли Лефорта — его встрѣтили и проводили рукоплесканія публики, — о чемъ, какъ о дѣлѣ, весьма вѣрномъ, имѣемъ честь извѣстить г. фельетониста «Сѣверной пчелы».

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

1) Французскіе спектакли.

Спектакль 17-го августа. По возобновленіи въ первый разъ: MONSIEUR ET MADAME PINCHON OU CE QUE FEMME VEUT, DIEU LE VEUT, водевилъ въ одномъ дѣйствіи гг. *Баяра* и *Дюмануара*.

М-me Pinchon (г-жа Варле), предметъ обожаній цѣлаго округа, водить мужа своего, добраго и честнаго фермера (г. Руже) за носъ, одна распоряжается фермою, бьетъ слугъ своихъ, а иногда и мужа, и до того распространяетъ славу своихъ подвиговъ, что въ цѣломъ околоткѣ, всякій обманутый или битый мужъ, получаетъ названіе *Pinchon*. Не смотря на такую высокую степень славы и могущества, честолюбіе М-me Pinchon не удовлетворено и жаждетъ новаго, обширѣйшаго поля дѣйствій. Судьба, всегда благосклонная къ театральнымъ героямъ и героинямъ, незамедляетъ открыть это новое поле честолюбію прекрасной фермерши. Настаетъ день выборовъ новаго мера и М-me Pinchon интригуетъ въ пользу своего кроткаго и покорнаго супруга, надѣясь подъ его именемъ управлять околоткомъ. Но, увы! никто не хочетъ имѣть начальникомъ человѣка, который не умѣетъ управлять своей собственною фермою и котораго, къ соблазну цѣлаго околотка, дурачить и бьетъ жена. Честолюбивая фермерша находитъ средство устранить и это препятствіе, и восплаляетъ въ миролюбивомъ супругѣ своемъ такое геройское мужество, что онъ бьетъ своихъ работниковъ, кричитъ на жену и вызываетъ на дуэль одного изъ ея поклонниковъ (г-на Додель). Разумѣется, что все это происходитъ при депутатахъ назначенныхъ для выбора новаго мера и они получаютъ столь высокое понятіе о храбрости и твердости характера г-на Pinchon, что провозглашаютъ его единодушно своимъ начальникомъ. Обрадо-

ванный Pinchon зоветъ депутатовъ въ кофейный домъ, общаясь прогулять съ ними тамъ до утра, но M-me Pinchon приказываетъ новому меру лечь спать и вступаетъ, такимъ образомъ, въ отправленіе должности своего супруга.

Пьеска, какъ вы видите, не очень затѣйлива и сюжетъ довольно избитый, но она имѣла успѣхъ и въ сотый разъ доказала намъ, что талантливый артистъ можетъ доставить успѣхъ самой плохой пьесѣ. Этотъ водевиль обязанъ успѣхомъ своимъ г-ну *Руژه*, который, не только сдѣлалъ роль свою занимательною, но придавъ ей даже характеръ и значеніе; главнымъ же достоинствомъ исполненія была *неукоризненная естественность*. Мы со вниманіемъ слѣдили за игрою г-на *Руژه* и не можемъ сдѣлать ему ни малѣйшаго упрека; рѣдко случалось намъ видѣть выполненіе роли до такой степени естественное и, говоримъ смѣло, близкое къ совершенству. Ни одно движеніе, ни одинъ звукъ не нарушили гармоніи цѣлой роли, а непринужденность и естественность были доведены до природы. Обвиняють публику Александрынекаго театра въ излишнихъ вызовахъ и аплодисментахъ, мы осмѣлимся упрекнуть публику Михайловскаго театра въ излишней скромности. Господинъ *Руژه* не былъ вызванъ, а за исполненіе этой роли онъ былъ достоинъ не только вызова, но пожалуй даже и *цвѣтовъ*, которыми осыпали часто *меньше талантливыхъ артистовъ*.

Исполненіе прочихъ ролей, въ этой пьесѣ, не вышло изъ границъ посредственности: г-жа *Варле* видимо помнила, что она на сценѣ, и что на нее смотреть, а г. *Доделъ*, хотя былъ очень смѣшенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень ненатураленъ. Игра г-на *Додела* была смѣшной карикатурой той личности, которую онъ представлялъ, а не сѣрной копіей ея особенностей.

Въ тотъ же вечеръ играли: *Riche d'amour* и *Une campagne à deux*, пьесы, о которыхъ мы уже давали отчетъ въ нашемъ журналѣ.

Спектакль 20 августа.

CATHERINE OU LA CROIX D'OR, водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

Водевиль этотъ уже давно играется на обѣихъ нашихъ сценахъ, и врядъ ли кто-нибудь изъ читателей нашихъ не видалъ его. Во мнѣ онъ возбуждаетъ много воспоминаній, сладкихъ и вмѣстѣ грустныхъ; онъ напоминаетъ мнѣ мои первыя театраль-

вныя впечатлѣнія и многихъ артистовъ утраченныхъ нашею сценою: Идя въ театръ, я думалъ, что бывшя впечатлѣнія, воскреснувъ въ памяти моей, повредятъ впечатлѣнiямъ новымъ, но къ счастью ожиданiя эти не сбылись. Г-жа *Л. Майеръ*, такъ наивно, граціозно и съ такимъ чувствомъ сыграла роль *Катерины*, что я забылъ и прошлое, и настоящее, и весь превратился въ слухъ, и вниманiе. Патетическiя мѣста были исполнены съ такимъ энергически-неподдѣльнымъ одушевленiемъ, что многiе отирали не одну невольную слезу и я увѣренъ, что многимъ тѣснило грудь отъ подавленнаго чувства. Сердечное спасибо милой артисткѣ, за минуты такого чистаго и полнаго наслажденiя. Г-нъ *Варле* (Сержантъ Маренго) могъ бы лучше сыграть роль свою. Въ тотъ же вечеръ: *Un bal de banquier*. Объ этомъ водевилѣ говорили мы въ прошлой книжкѣ, и теперь не можемъ сказать ничего новаго.

Дебюты г. Давълуи (Davelouis),

ангажированнаго Дирекціею Императорскихъ Театровъ на амплу первыхъ ролей.

1) KEAN OU DESORDRE ET GENIE, comédie en cinq actes par *Alex. Dumas*. (Кинъ, или Геній и безпутство).

2) LE CHEVALIER DE SAINT-GEORGES, drame-vaudeville en trois actes, par *Mrs Melevilles* et *Roger de Beauvoir*. (Кавалеръ де-Сентъ-Жоржъ).

3) UN MARIAGE SOUS LOUIS XV, comédie en cinq actes par *Alex. Dumas*. (Бракъ въ царствованiе Людовика XV).

Для перваго знакомства своего съ публикой, г. Давълуи выбралъ роль *Кина*, въ комедіи того же имени. Выборъ очень удачный, и показывающій опытность дебютанта въ сценическомъ дѣлѣ. «Кинъ» принадлежитъ къ числу лучшихъ пiесъ французской романтической школы, на которую такъ несправедливо нападали и нападаютъ. Школа эта имѣетъ уже то великое достоинство, что убила школу классическую, что вмѣсто невиданныхъ нами личностей и неслыханныхъ рѣчей, она вывела на сцену лица и характеры, хотя часто черезъ чуръ восторженные, но близкіе намъ по чувству и говорящіе языкомъ намъ понятнымъ. Мы согласны, что про-

грессъ общества требуетъ новой драмы, драмы натуральной, но желая лучшаго, не должно безусловно порицать того что уже имѣемъ и видѣть во всемъ настоящемъ и прошедшемъ одну только черную сторону. Критикъ не долженъ быть Геростратомъ искусства и потому-то, совлекшись страстей и предразсудковъ, мы готовы признавать достоинства въ протекшемъ и настоящемъ, рукописная, въ то же время, всѣмъ попыткамъ полезныхъ нововведеній, всякому новому прогрессу.

Упомянутая нами пьеса имѣетъ литературные недостатки, о которыхъ мы, по специальности нашего журнала, не имѣемъ права говорить, грѣшитъ иногда противъ естественности, но вознаграждаетъ то и другое неотъемлемыми сценическими достоинствами. Эти-то сценическія достоинства, состоящія въ искусномъ расположеніи эффектовъ и дѣйствій и въ обиліи чувства, побудили насъ назвать выборъ этой пьесы для перваго дебюта, удачнымъ. Кроме того разнообразіе положеній, въ которыхъ находится главное дѣйствующее лице, можетъ доставить артисту возможность показать разносторонность своего дарованія, а обиліе патетическихъ мѣстъ — степень сочувствія къ исполняемымъ ролямъ и степень развитія, до которой онъ довелъ искусство. — Какъ же воспользовался дебиантъ всѣми этими выгодами? Всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ чувство доходитъ до наоса и выражается необыкновенными словами, а разрушивъ преграды приличій проявляются во всей полнотѣ и свободѣ, дебиантъ исполнилъ удовлетворительно. Такъ напр. сцена въ уборной, передъ представленіемъ Ромео и Жульеты, была исполнена хорошо, хотя въ ней недоставало желчи и ироніи, которыми напичканъ весь монологъ Кина, а послѣднія слова этого монолога: «*allons cheval de charue valabourer ton Shakespeare*» утратили въ устахъ дебианта всякое значеніе. Въ сценѣ представленія Ромео и Жульеты, дебиантъ былъ очень хорошъ, но подъ конецъ ослабѣлъ, и весьма неудачно упалъ въ обморокъ. Наконецъ сцена въ Тавернѣ съ Лордомъ Мевбуиллемъ, сцена трудная и рѣдкимъ удававшаяся, была исполнена прекрасно сначала до конца и мы не можемъ сдѣлать за нее ни малѣйшаго упрека. Въ тѣхъ сценахъ, гдѣ выражаемое чувство подавлено, когда въ груди буря и стоны, а рѣчи отрывисто и съ болью вырываются изъ устъ, въ сценахъ, въ которыхъ неподражаемо — высока Г-жа Плесси, дебиантъ былъ слабъ и холоденъ. Всѣ остальные мѣста были сыграны не болѣе какъ посредственно и довольно однообразно.

Въ *Кавадьеръ де Сень-Жоржъ*, дебютантъ оправдалъ наши первыя замѣчанія; всѣ патетическія мѣста были исполнены хорошо, а за сцену бѣшенства, возбужденнаго кровавой обидой нанесенной Сень-Жоржу Барономъ де-Тервилемъ, г-на Давълуи было весьма справедливо награждено единодушными аплодиссентами. Послѣдній актъ былъ слабѣ приведенныхъ нами сценъ, лучше однако жъ многихъ подобныхъ мѣстъ въ *Кинь*.

Не знаемъ что сказать о третьемъ дебютѣ г-на *Давълуи*; въ немъ участвовала г-жа *Плесси* и каемся, что на этотъ разъ мы не могли устоять противъ обаятельной игры несравненной артистки и предавшись волюнѣ наслажденію, невольно забыли обязанность рецензента и потому не смѣемъ ручаться за вѣрность нашихъ наблюденій. Мы загладимъ эту вину при второмъ представленіи этой пьесы, а теперь, надѣясь, что немного сказанное нами, навело уже читателей на ту точку зрѣнія, съ которой мы смотримъ на артиста, скажемъ наше мнѣніе о немъ — добросовѣстный выводъ изъ нашихъ наблюденій и впечатлѣній.

— Г-нъ *Давълуи* имѣетъ дарованіе, по дарованіе специальное. Мы надѣемся, что богатый репертуаръ нашей Французской сцены доставитъ ему много ролей, въ которыхъ онъ будетъ являться съ успѣховъ. Намъ кажется, что дарованіе г-на *Давълуи* много потеряло отъ неразборчивости въ роляхъ; онъ принадлежалъ, какъ намъ говорили, къ королевской Брюксельской труппѣ, а труппа эта, сколько намъ извѣстно, бѣдна персоналомъ и потому неумудрено, что Г-нъ Давълуи, принужденный играть роли выходившія изъ его *genre*, далъ ложное направленіе своему таланту, У насъ этого не можетъ случиться и потому мы увѣрены, что пріобрѣтеніе нашею сценою г-на *Давълуи*, есть пріобрѣтеніе полезное и что имѣя возможность играть собственно *свои роли*, оно оправдаетъ лестный пріемъ сдѣланный ему публикой.

Изъ числа артистовъ участвовавшихъ въ дебютахъ г-на *Давълуи*, мы должны упомянуть о г-жѣ *Л. Майеръ* прекрасно исполнившей роль *Анны Демба* (изъ *Кинь*).

Спектакль 31-го августа.

UN PROCÈS CRIMINEL, comedie en trois actes. (Уголовный процессъ). Пьеса эта сама по себѣ незамѣчательна; мы упоминаемъ о ней здѣсь только потому, что г-жа *Плесси* занимаетъ въ ней роль

Здѣсь какъ и вездѣ г-жа Плесси была прекрасна, и не смотря на незначительность своей роли, умѣла придать этой комедіи много занимательности.

В. ПЕТРОВЪ.

2) НѢМЕЦКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Спектакль 23-го августа.

По возобновленіи въ первый разъ: DIE QUÄLGEISTER; Lustspiel in fünf Akten von Heinrich Beck.

Принцъ (г-нъ *Ладдей*) возвращается съ двумя адъютантами своими, послѣ побѣдоноснаго похода, въ отечество и пристаесть у стараго любимца своего генерала *фонъ Пфауенъ* (г-нъ *Шварцъ*), котораго старыя раны и дряхлость лишили удовольствія побѣждать враговъ подъ знаменами принца. У генерала есть дочь, сантиментальная *Эмилиа* (г-жа *Друвановская*) и племянница, нисколько не сантиментальная *Изабелла* (г-жа *Гизель*). Одинъ изъ адъютантовъ принца, *Маіоръ фонъ Штраль* (г-нъ *Толлертъ*) любитъ сантиментальную *Эмилию* и любимъ взаимно. Другой адъютантъ, *Капитанъ фонъ Линденъ* (г-нъ *Мюллеръ*), не вѣрится въ любовь и не любитъ не сантиментальной *Изабеллы* и осмѣливается, къ довершенію своего вольнодумства, утверждать, что жизнь пустая и глупая шутка и что въ жизни есть только два наслажденія: хорошій обѣдъ и добрая бутылка вина. Подобныя мысли возмущаютъ принца и онъ рѣшается отучить отъ нихъ *фонъ Линдена*, а генералъ замѣтившій подобную-же тенденцію въ несантиментальной *Изабеллѣ*, предлагаетъ принцу составить противу капитана и *Изабеллы* заговоръ и женить ихъ во чтобы то ни стало. Заговоръ, въ которомъ участвовали также, уже помолвленные *фонъ Штраль* и *Эмилиа*,

рушится, а къ довершенію несчастія расторгается и бракъ Маіора и Эмилией, на самомъ канунѣ свадьбы. Вотъ какъ все это случилось: разговоръ рушился отъ пронизательности Изабеллы, замѣтившей, что ее непременно хотятъ выдать за капитана, а бракъ Эмилии съ маіоромъ успѣлъ расторгнуть *графъ фонъ Рада* (г-нъ *Горнике*). Графъ, для поправленія растроенныхъ обстоятельствъ самъ хочетъ жениться на Эмилии и чтобы поссорить ее маіоромъ, употребляетъ весьма замысловатую хитрость. Онъ заставляетъ камердинера своего *Шарля* (г-нъ *Замитъ*) назначить ночное свиданіе Эмилиинной горничной *Филлипинъ* (г-жа *Бейеръ*), приводитъ на мѣсто этого свиданія Маіора и пользуясь темнотою ночи увѣряетъ его, что *Шарль* объясняется не съ Филлипиной а съ Эмилией. Обстоятельства, какъ вы видите въ затруднительномъ положеніи, но на сцену является земскій судья (г-нъ *Моръ*), съ своими подчиненными, которые успѣли также подслушать разговоръ *Шарля* и *Филлипины*, и благодаря имъ и капитану фонъ *Линдену*, успѣвшему между тѣмъ влюбиться въ *Изабеллу* и вынудить признаніе у графа *фонъ Рада*, дѣло опять устроивается и даже самъ фонъ *Линденъ* женится на нечувствительной *Изабеллѣ*, тронутый его геройскимъ поступкомъ съ графомъ.

Комедія эта очень поправилась публикѣ. Г-нъ *Моръ* смѣшилъ всѣхъ почти до слезъ и былъ вызванъ. Г-нъ *Мюллеръ* и г-жа *Гизель* заслужили также одобренія публики.

В. ПЕТРОВЪ.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ.

ОДЕССКИЙ ТЕАТРЪ.

Новая русская труппа. — Итальянская опера. — Коссовскій. — Столичные гости. — Ранно. — Родольфъ. — Рядкій концертъ.

Яркая звѣзда русской сцены, выкатившаяся на горизонтъ самобытнаго оплота съ именемъ Мочаловыхъ, кажется угасла. Хотя и явился на нашей сценѣ любимцы публики, но восторгъ, или лучше сказать, любовь къ русскому театру — охладѣла! Помните, — бывало нельзя добиться билета; еще съ утра, театральная касса осаждалась толпою, такъ что и не продерешся; всѣ лица сияли радостью; громъ рукоплесканій не умолкалъ; публикѣ и артистамъ было раздольно, весело! Теперь? — одно лишь воспоминаніе, пробуждаетъ тѣ минуты, которыя, я думаю, на-долго останутся въ памяти любителей русскаго театра!

Новая сформированная труппа начала свои представленія 17-го Апрѣля, и давъ намъ нѣсколько, — отправилась въ Кишиневъ пожинать лавры. Дай Богъ ей счастливаго успѣха!... Одеситамъ она пришлась не по праву. И отъ чего бы такъ?... Ну... ужъ этотъ вопросъ трудно разрѣшить! Даже дебюты любимыхъ артистовъ не привлекали публику въ театръ. На первомъ ихъ представленіи, театръ былъ далеко не полонъ. Хотя билетанты привѣтствовали дружно, хотя зала была освѣщена ярче обыкновеннаго, — да все не то, что прежде!...

Новая труппа начала свои дебюты водевилями: «Ночной колокольчикъ», «Заемныя жены» и «Дочь русскаго актера», — для дебютовъ Гг. *Максимова*, *Микульскаго* и *Алексева*. Первый дебютировалъ въ роля Аполлона (Заемныя жены). Игра его нисколько не перемѣнилась, то есть, не подвинулась ни впередъ, ни назадъ. Мнѣ жаль провинціальныхъ актеровъ; они совер-

шени не обращаютъ никакого вниманія на свой талантъ, и играютъ для того только, чтобы сыграть. Съ такимъ талантомъ, какъ у г. Максимова, можно быть замѣчательнымъ артистомъ. Талантъ у него рѣдкій; ловкое обращеніе, соединенное съ весьма пріятною наружностью и необыкновенное разнообразіе въ роляхъ. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о его недостаткахъ: онъ часто утрируетъ свои роли; иногда у него проявляется такая жестикуляція, которую вы не встрѣтите ни въ какомъ порядочномъ обществѣ. Эти позы, эти жесты, тѣмъ болѣе бросаются въ глаза, что артистъ, послѣ благородной, милой осанки, принимаетъ вдругъ какую нибудь трагичную позу; послѣ какого нибудь водевильнаго каламбура, дѣлаетъ утрированный жестъ. Пожалуйста, молодой артистъ, обратите на это вниманіе, не подходите подъ одну категорію всѣхъ провинціальныхъ актеровъ — любовниковъ, графовъ и князей, у которыхъ, кромѣ твердо заученныхъ ролей, (и то не всегда) нѣтъ ничего подобнаго. Больно смотрѣть, если зарываютъ талантъ въ соръ житейскихъ прихотей, — невниманія къ собственному дарованію и тому подобнаго. Оправдайте слова великаго артиста П. С. Мочалова! Вы, можетъ быть ихъ и не слышали, такъ извольте, мы вамъ скажемъ: «Максимовъ, мальчикъ съ талантомъ!» Вниманіе знаменитаго трагика не ускользнуло, онъ замѣтилъ между толпою актеровъ — работниковъ, — актера, могущаго сдѣлаться артистомъ. Но я заговорился, скажемъ о его дебютѣ: роль Аполлона была исполнена имъ превосходно!

Г. *Микульскій* — старый знакомецъ. Въ этотъ разъ онъ явился въ роль Дармофдова, въ водевилѣ (Заемныя жены). Онъ былъ хорошъ, а главное — зналъ роль. Этакая страсть не учить ролей!... Ради Аллаха учите свои роли, вы этимъ много выиграете при своей прекрасной игрѣ! — Обоихъ артистовъ встрѣтили залпы рукоплесканій. Публика васъ любитъ, вы видите сами, докажете же, что и вы ее уважаете!...

Г. *Алексѣевъ*, — дебютировалъ въ роль Давида, въ водевилѣ «Ночной колокольчикъ». Онъ былъ хорошъ и увлекателенъ. Въ немъ виднѣнъ хорошей комическій талантъ, но слишкомъ односторонній, что мы замѣтили изъ другихъ его ролей. Онъ занимаетъ амплу даровитаго нашего П. Л. Мочалова. Если бы г. Алексѣевъ явился до Мочалова, конечно, онъ бы намъ понравился, но являться ему въ роляхъ Мочалова, послѣ него, весьма трудно, и онъ никогда не можетъ произвести особеннаго впечатлѣнія. Въ этотъ же вечеръ мы его видѣли въ роль Ли-

сичкина; въ водевилѣ «Дочь русскаго актера». Въ первой пьесѣ онъ былъ хорошъ, за что публика его и вызвала два раза, а въ послѣдней, — не слѣдовало бы ему и являться, потому что, мы не забыли до сихъ поръ Лисичкина — Мочалова. Помните, то мѣсто, когда онъ пѣлъ:

«И послѣ смерти моей
Вздохнетъ не разъ театръ *Одесскій*.

(вмѣсто),

Вздохнетъ не разъ театръ *Александрійскій*».

Да! мы долго, долго будемъ помнить Ивана Лукича! Въ этомъ спектаклѣ участвовалъ г. *Праяженковскій* въ роли Спармацена, въ водевилѣ «Ночной колокольчикъ», и къ всеобщему удивленію, былъ весьма хорошъ. Сколько я помню онъ былъ еще недуренъ; въ роли Лермана, въ водевилѣ «Дѣвушка-гусаръ», а въ прочихъ роляхъ, онъ лучше бы и не являлся! Театръ — чума для бездарности!... Мы опять имѣли несчастіе видѣть г. *Максина*, въ роли почти безсловесной, но и тутъ онъ былъ нестерпимъ. Намъ говорили, что мы отъ него избавились; мы было и обрадовались; но вышло напротивъ, онъ опять передъ нами! Припомните, какихъ онъ не занималъ ролей: jeune premier, дядошекъ, благородныхъ отцовъ, львовъ, и Персиваля въ «Гризельдѣ». Говорятъ, онъ и Гамлета игралъ, но я не смѣю этому вѣрить! — Хлестакова, — да! я его видѣлъ! Рѣшительно, что вамъ угодно! Вездѣ своей однообразно-флегматической игрой, не выходилъ изъ числа актеровъ ex officio; вездѣ Максимъ оставался Максимымъ!...

Г. *Шумскій* — очень молодой актеръ. Отъ него можно ожидать много хорошаго; обладаетъ прекраснымъ языкомъ, на сценѣ развязенъ и хорошъ почти въ каждой роли, если только она не выше его силъ. Обращайте больше на себя вниманія, учитесь! вотъ первыя основныя условія, безъ которыхъ нельзя быть хорошимъ актеромъ!

Актрисъ въ новой группѣ мало.

Г-жа *Иванова* — о которой я упоминалъ въ прошедшей статьѣ, съ успѣхомъ исполняетъ роли въ водевиляхъ. Въ роли Вѣрочки въ вод. «Дочь русскаго актера», она была очень не дурна.

Г-жа *Данилова* — являлась въ крошечныхъ роляхъ субретокъ и служанокъ.

Г-жа *Николаева* — всегда и вездѣ можетъ быть не лишнею. Игра ея болѣе или менѣе натуральна и жива.

Г-жа *Бардакова* — опять къ несчастію на нашей сценѣ!...

Д-цы: *Полтавцева*, *Макаровы* 1-я и 2-я. О нихъ уже было говорено. Я посовѣтовалъ бы имъ тоже самое, что и Шумскому.

Г-жа *Мочалова* — сошла со сцены, мы потеряли надежду ее видѣть.

Второй спектакль состоялъ изъ трехъ водевилей: «Путанница», «Дезертеръ» и «Вицъ-мундиръ». Въ первой пьесѣ мы видѣли г. *Полтавцева*, въ роли Вепескаго. Онъ былъ весьма хорошъ. Старайтесь молодой артистъ! мы васъ помнимъ Фрицомъ въ «Ломоносовѣ», Прындикомъ «Въ людяхъ ангелъ не жена», Леопольдомъ «Балъ въ лѣтнемъ клубѣ» и др. эти роли будутъ намъ залогомъ вашихъ будущихъ успѣховъ. Во второй пьесѣ, всѣ актеры были на своихъ мѣстахъ, всѣ исполнили роли свои довольно удачно; публика была довольна. Въ водевилѣ «Вицъ-мундиръ», Микульскій въ роли Разгульдяева былъ очень хорошъ. Эту роль можно причислить къ лучшимъ его ролямъ.

Водевиль: «Полковникъ старыхъ временъ» и «Полька въ Петербургѣ», составляли третій спектакль. Въ первомъ водевилѣ мы восхищались Ивановой, были не довольны Микульскимъ за незнаніе роли, и опять вспомнили Мочалова, роль котораго занималъ г. Алексѣевъ. Онъ былъ хорошъ, но далекъ отъ него. Вообще спектакль шелъ сухо, вяло, и только при концѣ, актеры танцуя польку, нѣсколько разшевелили публику.

Въ составъ четвертаго спектакля, вошли пьесы: «Катерина или золотой крестикъ» и «Москаль Чарвиникъ». Въ этотъ вечеръ мы не были въ театрѣ. Послѣ этихъ четырехъ представлений, Микульскій сталъ насъ приглашать на свой бенефисъ, составленный изъ пьесъ: «Супруги Арестанты», «Макаръ Губкинъ» и «Полька въ Петербургѣ», объявляя, что самъ бенефициантъ будетъ танцевать польку. Признаюсь, — интересно!... Въ первомъ водевилѣ главныя роли занимали: г. Максимовъ и г-жа Иванова, и состряпали ихъ довольно удачно. Вообще этотъ водевиль не для нашей сцены. Во второй пьесѣ Микульскій былъ восхитителемъ. Послѣ каждаго явленія онъ былъ вызываемъ по два раза. «Полька въ Петербургѣ» въ этотъ разъ non правилась. Мы ждали слѣдующаго спектакля; афиша намъ объявила: Въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ, въ бенефисъ г. Алексѣева: «Что имѣемъ не хранимъ», «Новый Робертъ» и «Купеческая дочка». Что за вкусъ!... Въ первой пьесѣ роль Мочалова (Шѣтуховъ),

исполнилъ г. *Чистяковъ*. Водевиль, который, былъ на нашей сценѣ однимъ изъ лучшихъ по исполненію, въ этотъ разъ совершенно былъ изгаженъ. Кстати! говорятъ люди, что есть маленькія неприятности въ человѣческой жизни; у г. *Чистякова*, напротивъ — большія неприятности: это его ноги! они чрезвычайно какъ ему мѣшаютъ на сценѣ; наружность его пріятная, осанка хорошая, да ноги мѣшаютъ на сценѣ. Шагнетъ — полсцены какъ и не бывало. Лучше бы ему умѣрить свои шаги, поменьше божиться, не такъ часто сжимать кулаки, — вѣдь онъ былъ бы сносенъ? Въ половинѣ втораго водевиля, я вышелъ изъ театра, а потому его и послѣдняго не видѣлъ. Да кажется не на что было и смотрѣть! Вотъ чѣмъ окончила новая труппа свои дебюты, и отправилась въ Кишиневъ.

Италянская Опера сдѣлалась у насъ какъ бы потребностью, необходимостью; мы съ наслажденіемъ всегда слушаемъ *Сеччи—Корси*, юную *Скалезе*; восхищаемся музыкою Россини, Дониццети и Верди. Но, вѣдь и хорошее прискучить! Дирекція повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же оперъ, часто доводитъ до приторности: какъ уха ни хороша, а все нельзя же черезъ силу ѣсть! Право, мы опера часто своими повтореніями и охриплыми тенорами, напоминаетъ Демьянову уху!... Правда, г-нъ *Помпелно* и не охрипльшій, да за то никуда не годится.

Послѣ перваго своего дебюта (въ *Пуританахъ* и *Кавальерахъ*), онъ больше и не являлся. (Да и не нужно!) Дирекція поставила намъ: «*Капулетти и Монтекки*». Г-жа *Грамалья* (Ромео) и г-жа *Скалезе* (Джюльета), являются въ этихъ роляхъ артистками. Г. Грамалья обладаетъ хорошимъ контральто; игра ея исполнена чувства и энергии; въ этой роли она превосходна! Въ бенефисъ *Амалии Скалезе*, давали опять «*Капулетти и Монтекки*». Артистка была осыпана цвѣтами и стихами; публика была въ восторгѣ. Да! она достойна этаго! Опера Верди «*Эльвира Арагонская*» поставлена у насъ изящно! артисты исполняютъ свои партіи въ этой оперѣ съ равнымъ достоинствомъ. У насъ ставятъ «*Робертъ Девере*», для дебюта тенора г. *Сантти*. Боюсь, чтобы и онъ не заболѣлъ коклюшемъ. Проклятый коклюшъ!...

Г-да *Мадини* и *Берлендесъ*, остаются на прежнихъ правахъ у публики. Г-да *Скалезе* и *Витали* — принадлежность оперы. Послѣдній очень прироченъ въ «*Отелло*». Г. *Вольта*, — все-

гдашній исполнитель оперцовъ, офицеровъ, начальниковъ и проч.; онъ необходимъ для нашей оперы, какъ менторъ хористовъ.

Г-нъ Коссовскій далъ намъ два концерта на виолончель въ Биржевой залѣ, и разъ игралъ въ театрѣ на чьемъ-то бенефисѣ. Поэтому я долженъ упомянуть и о немъ. Я не музыкантъ и не знатокъ музыки, но все-таки могу отличить хорошее отъ дурнаго. Ни слова, г. Коссовскій можетъ съ успѣхомъ играть въ оркестрѣ, но не давать концерты. Въ игрѣ его нѣтъ энергій, той сладкой нѣжности, душевной теплоты; въ игрѣ его виднѣн не артистъ, а только хорошій музыкантъ. У г. Коссовскаго нѣтъ *Ligato* а одно только *Staccato*. Миѣ больше понравилось въ игрѣ его дерганье смычкомъ, жестикація рукъ, поднятія глазъ къ потолку, (вѣроятно для того, чтобы вдохновиться?), какіе-то пламенные взоры, длинные волосы и движеніе нѣлаго корпуса. (Добро бы при пріятной наружности!) Неужели г. Коссовскій, думаетъ подобными штукаами придать: душу, чувство, тактъ и силу своей игрѣ? Что онъ хорошій музыкантъ, мы объ этомъ не споримъ. Композиціи его исполнены музыкальной трудности, но не красоты, какъ о нихъ нѣкоторыя говорили. Слушайте композиціи Серве и другихъ!...

Гуляя въ Пале-Рояль, случайно я узналъ о пріѣздѣ дорогихъ гостей: М. С. Щепкина, Живокина и П. И. Григорьева 1-го. Никто не думалъ о спектаклѣ, никто не надѣялся видѣть дорогихъ гостей, потому что отсутствіе русской труппы не позволяло думать, что мы увидимъ знаменитыхъ артистовъ. Но къ удивленію нашему, афиши объявили: «Жена какихъ много,» «Стряпчій подъ столомъ» и «Макаръ Губкинъ». Многіе не знали объ этомъ спектаклѣ, а потому театръ не былъ полонъ, но въ немъ было весело, радостно! Первая пьеса была назначена для дебюта самаго автора (Григорьева 1), въ роль Камельскаго. Водевиль шелъ чудно! Григорьевъ былъ въ немъ превосходенъ и натураленъ. Во время романса Вѣры Васильевны, онъ игралъ Solo на виолончели. Эта сцена у насъ всегда пропускалась. Григорьевъ былъ вызванъ два раза. Роль Надежды Александровны, исполняла г-жа *Кравченкова*, артистка Воронежскаго театра. Она что-то намъ

не понравилась; быть может, робость ея была тому причиною. *Г-жа Розонова* (Линская) мы думали, что она со сцены Таганрогскаго театра, но узнали противное. За этимъ водевилемъ, слѣвали «Стряпчій подъ столемъ». Въ этой піесѣ мы видѣли г. *Живокини* въ роль *Жовіаля* и имъ восхищались! Онъ понялъ, изучилъ эту роль, короче сказать — создалъ! Живокини неподражаемъ въ ней. Куплеты онъ поетъ чудно, такъ что нѣкоторые, публика просила повторять по два раза. Куплетъ въ устахъ его, является художественною отдѣлкою водевиля. Этотъ Московскій артистъ насъ восхитилъ, увлекъ, такъ что мы по выходѣ изъ театра, невольно повторяли имъ пѣтые куплеты. При словахъ:

Умри лишь этотъ старичокъ
«Не трати время по пустому,
Его набитый сундучокъ
Жена сейчасъ отдасть другому...
Не старичку, а молодому.»

единодушное «браво!» «bis!» «фора!» потрясли театр. *Г. Соколовъ* (Сенъ-Леонъ). Афиша выдавала его за артиста *С. Петербургскихъ театровъ*, но мы не вѣрили, смотря на его игру!... Въ заключеніе данъ былъ «*Макаръ Губкинъ*». Роль Губкина исполнялъ г. *Соколовъ*; въ этой роли онъ былъ хорошъ.

Во второй разъ дано было: «*Мирандолина*», для дебюта *М. С. Щепкина*. Геніальная игра Щепкина такъ восхитительна, неподражаема, что ей нужно удивляться и внимать. Обдуманность каждаго слова, каждой позы и жеста, глубокое знаніе человѣческаго сердца, естественность и отчетливость, — доведены до высокой степени совершенства. Щепкинъ — артистъ — художникъ! При первомъ появленіи на сцену, громъ рукоплесканій встрѣтилъ его, и не преставалъ гремять въ продолженіе всей піесы. Всѣ жадно ловили каждое его слово; въ этотъ вечеръ онъ былъ нашимъ кумиромъ. Роль *Мирандолины*, выполняла *г-жа Красченкова*. Мы не узнали ее. Эта была то живая, то невинная, то кокетка *Мирандолина* — *Красченкова*. Она достойная артистка!... Въ этотъ вечеръ публика вызвала ее два раза. И стоитъ!... *г-нъ Живокини* — въ маленькой и незначительной роли *Генриха*, былъ артистомъ. *Г. Соколовъ* (Францъ) былъ душень!... «*Москаль-Чаривникъ*» — торжество *М. С. Щепкина*! Каждая критика была бы ничтожна передъ его игрою въ этой піесѣ, такъ сказать, для него написанной, и имъ, для нея

созданной! Какъ вы Петербургцы, такъ и мы Одесситы — равно восхищались! Вы вѣрно еще не забыли въ устахъ артиста пѣсню:

«Съ того часу якъ жинился,
Переставъ журиться,» и проч.

У насъ ее повторяютъ вездѣ и каждый. Роль Тетяны, исполняла *г-жа Кравченкова*. Не смотря на то, что эта роль несколько къ ней не шла, (во первыхъ потому, что она худо владѣетъ Малороссійскимъ языкомъ), но все-таки она себя не уронила!

Маскалемъ-Чаривникомъ—явился П. И. Григорьевъ. Это былъ солдатъ, созданный талантомъ, каковъ у г. Григорьева. Шлемъ ему великое спасибо за эту роль!... Онъ насъ восхитилъ вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ! *Г. Жураховскій* (Финтикъ) — типъ полицейскаго писца! Въ этой роли онъ былъ удивительно хорошъ! не знаю, какъ-то въ другихъ?...

Третій спектакль состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: «Студентъ—Артистъ — Хористъ и Аферистъ», «Тяжба» и «Комедія съ дядюшкой».

Г. Григорьевъ (Служакинъ) былъ очень хорошъ!

Г-жа Розонова — исполняла роль Глафиры Гурьевны. Мы были довольны за ея отчетливое исполненіе роли.

Г-жа Кравченкова (Анетта) — была очень мила; жаль, что у ней голосъ слабъ. Этотъ недостатокъ ей много вредитъ.

Г. Соколовъ (Улитскій) — какъ прежде!...

Г. Живокини — исполнилъ роль «Студента — Артиста», такъ, какъ мы еще никогда не видали. Она у насъ игралась совершенно съ другимъ понятіемъ о ей. Трудность и сбивчивость, вѣроятно были причиною, — но г. Максимовъ, играя эту роль, не уронилъ ее. Не говорю о другихъ!... Сцена Гоголя «Тяжба» — была разыграна М. С. Щепкинымъ и г. Живокини. Они были неподражаемо-хороши въ этихъ роляхъ. Въ особенности М. С. Щепкинъ, въ роли Бурдюкова. Общій восторгъ съ низу до верху потрясъ театръ. Артисты были вызваны два раза. Водевиль: «Комедія съ дядюшкой» — шелъ мило, живо и хорошо. Все артисты исполняли роли свои неподражаемо. *М. С. Щепкинъ* — въ роли Фильки, также неподражаемъ, какъ и въ Михайлѣ Чупрунѣ въ «Маскаль-Чаровникъ» *г-жа Кравченкова* — была мила и восхитительна! Она рѣдкая артистка! *г-нъ Соколовъ* (Питерскій) — былъ довольно хорошъ; въ особенности переодѣвшисъ жидомъ.

Кубарева, сыгралъ самъ авторъ, такъ хорошо, какъ нельзя лучше требовать. Мы остались довольны и благодарны гг. артистамъ.

«Школа женщинъ» и «Дочь русскаго актера», были даны въ четвертый спектакль. М. С. Щепкинъ—въ роль Арнольфа, былъ какъ всегда и вездѣ—артистомъ-художникомъ. Роль Агнесы исполнила г. *Кравченко*. Въ этой роли мы замѣтили въ ней обширный талантъ. Ея наивность, чтеніе правилъ Арнольфа, простодушіе и откровенность, основныя идеи этой роли,—были ею созданы. Она была мила до-нельзя! Мы слышали, что будто-бы она ангажирована въ нашу русскую труппу. Дай Богъ, чтобъ это совершилось! Вступленіемъ ея на сцену, нашъ театръ пріобрѣтетъ не только соперницу нашей даровитой Мочаловой, но едва ли ни выше ея?!....

Г. *Григорьевъ* (Кризальдъ), исполнилъ отчетливо!

Г. *Соколовъ* (Горасъ), дурно! Игра его вовсе не артистическая.....

Г. *Живокини* и г-жа *Розоноза*, исполнили роль слугъ Арнольфа. Первый былъ превосходенъ, а вторая отъ него не отставала. Изъ уваженія къ талантамъ артистовъ, нужно бы пройти молчаніемъ объ исполненіи маленькой піескѣ «Дочь Русскаго актера», но разбирая все піесы, какія намъ ставили гости, я не хочу пропустить и эту, тѣмъ болѣе, что она шла дурно, нелѣпо, даже не смотря на то, что самъ авторъ участвовалъ въ этой піесѣ, въ роль Ушицы. Онъ является какимъ-то моднымъ франтомъ, вмѣсто отставнаго прапорщика. Не понимаемъ! быть можетъ, авторъ иначе понимаетъ эту роль, или у насъ не такъ ее исполняли. Положимъ, что и такъ! но водевилъ былъ урѣзанъ, куплеты пропущены, и даже Лисичкинъ (*Живокини*), вмѣсто перваго огромнаго монолога, проговорилъ три слова. Мы еще живо помнимъ нашего Мочалова въ этой роли, онъ былъ неподражаемъ. Исполненіе роли Ушицы *Микульскимъ*, мы гораздо ставимъ выше исполненія г. *Григорьевымъ*.

Какъ вамъ угодно, г-нъ авторъ, сердитесь на насъ не сердитесь, а мы правду говоримъ. Миѣ бы желательно было, чтобы вы сами видѣли исполненія вашего водевиля, на нашей сценѣ. Онъ въ сущности пустой, но достоинства его зависятъ отъ хорошей игры актеровъ. Кто удержался бы отъ смѣха, при видѣ *Микульскаго*, въ роли Ушицы, рыжого, въ зеленыхъ очкахъ, въ странномъ фракѣ, помѣщичьемъ картузѣ. Водевиль этотъ поддержала одна только г-жа *Кравчен-*

кова, въ роль Вѣрочки. Мы право не знаемъ, почему г. Живокини, въ роль Лисичкина, явился въ какомъ вицъ-мундирѣ?!...» Предпоследнимъ спектаклемъ были пьесы: «Любовныя проказы», второе дѣйствіе изъ комедіи «Ревизоръ» и «Стряпчій подъ столомъ». Въ первомъ водевилѣ роль Тимолеона, исполнилъ г. Григорьевъ. Намъ кажется, что Максимовъ исполнялъ ее лучше на нашей сценѣ.

Г-жа *Кравченко* (Жульета), была очень хороша.

Въ «Ревизорѣ» роль Осина, исполнилъ г. Григорьевъ, чудно! Вотъ спасибо, такъ спасибо! Неподражаемая его игра привела въ восхищеніе всю публику. Онъ артистъ съ рѣдкимъ дарованіемъ. М. С. Щепкинъ (Городничій), мы его видѣли въ цѣлой пьесѣ, и восхищались имъ! О другихъ пройдемъ молчаніемъ. Объ исполненіи «Стряпчяго подъ столомъ» я уже говорилъ.

Прощальнымъ спектаклемъ были водевилы: «Хороша и дурна, глупа и умна», «Москаль-Чаривникъ» и «Покойная почъ». Въ первой пьесѣ, все было хороши, какъ артисты. Въ особенности г. Григорьевъ (Емельянъ), и г. Живокини (Падчерыцынъ). Въ «Москаль Чаривникѣ» мы опять восхищались гг. Щепкинскимъ и Григорьевымъ. Въ антрактѣ нашъ оркестръ сыгралъ вальсъ (Воспомнаніе о Рубини), составленный Соколовымъ. Вотъ : а что г. Соколова слѣдовало бы вызвать, но наша публикашла это лишнимъ, не смотря на то, что вальсъ былъ исполненъ и составленъ чудесно. Да можно сказать, что никто и не слушалъ, исключая петыхъ дилетантовъ, прочіе же разсыпались то по коридорамъ, то въ буфетъ; иные толковали *des petits riens* въ театральномъ фойе; другіе говорили о Щепкинѣ; третьи смотрѣли въ лорнеты; все и все были заняты. На водевилѣ «Покойная почъ», данный въ заключеніе, половина публики разъѣхалась, а другая хохотала до упаду!....

Живыя картины К. Раппо, произвели у насъ *furore*. Четыре представленія съ ряду театр былъ биткомъ набитъ. Валлся малый и старый! Передъ началомъ живыхъ картинъ К. Раппо показываетъ опыты эквилибристики и жонглерства, съ удивительнымъ искусствомъ. Но чего тутъ бѣсноваться, неистовствовать, смотря на балаганщицу? Въ самомъ дѣлѣ живыя картины достойны вниманія разъ, два, три и только!.... Такъ и вышло: публика послѣ четырехъ представленій начала рѣдѣть; ложи не

наполняться; восторгъ исчезъ. Смѣтливый Раппо прибѣгнувъ къ бенефисамъ, но и это ему не помогло. Тогда онъ началъ пускаться въ пантомимы, выводитъ на сцену небывалыхъ разбойниковъ, — но и этимъ не выигралъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, слова *высшаго слоя* публики оправдались, называя его чортомъ. Вотъ видите, Раппо и разсыпался мѣлкимъ бѣсомъ, приглашая публику афишами аршина въ три, смотрѣть на аэростатическіе шары, хожденіе головой на канатѣ, путешествіе по мельницѣ. Вотъ этими штукаами онъ и уронилъ себя, и свое геркулеское достоинство. И по дѣломъ!.... Публики собралось до десяти тысячъ, (надо же чѣмъ нибудь потѣшиться!), но вмѣсто потѣхи и удовольствія толпы, вмѣсто четырехъ обѣщанныхъ аэростатическихъ шаровъ, онъ пустилъ одинъ огромный мыльный пузырь! Короче сказать — надулъ!....

Я расскажу вамъ маленькій анекдотъ: Богъ его знаетъ кто, пріѣзжій что ли, смотря на живыя картины Раппо, толкнувъ въ театрѣ сосѣда, говоря: «чортъ побери, совершенно какъ *живыя!*»

— Оставьте меня! Я вematриваюсь въ каждый составчикъ! Въ каждую жилку!....

— Да что вамъ въ нихъ, вотъ если бы живыя, другое дѣло!... Здѣсь ширма упала и картина исчезла. Публика начала кричать «bis!» «фора!» Вотъ опять явилась Венера въ купальнѣ. Говорять, К. Раппо ѣдитъ скоро въ Константинополь, — туда ему и дорога! Поменьше бы такихъ штукарей-геркулесовъ!!.... *)

Нашъ малый театръ или Гагаринскій, право не знаю, какъ его и назвать, открылся представленіемъ г-на Родольфа. Его опыты бѣлой магіи достойны вниманія. Пока онъ далъ намъ только три представленія.

У насъ въ Одессѣ, какой-то Поповъ съ своими *Туманными картинами* (Dissolving Views). Мы пока еще ихъ не видѣли. —

Хотя рѣдкій концертъ не входитъ въ составъ моей статьи, но я надѣюсь, что почтенный редакторъ «Репертуара и Пантеона,» помѣститъ на его листкахъ, нѣсколько строкъ объ этомъ замѣчательномъ концертѣ.

---

*) Одинъ изъ диллетантовъ, смотря на картины Раппо, назвалъ его *живымъ* — о!...

Бываютъ случаи, въ минуту которыхъ, невольно осматриваешся вокругъ себя и видишь, такъ сказать, много хорошаго и дурнаго, прекраснаго и гнуснаго, все то, что составляетъ нашу жизнь. Эти случаи, срываютъ мишуру свѣта, уничтожаютъ житейскій хламъ, и являютъ намъ девизъ человѣка на землѣ. Одинъ изъ такихъ случаевъ былъ у насъ въ Одессѣ, 4-го іюля 1846 года. Это концертъ юныхъ питомицъ здѣшняго института въ пользу бѣдныхъ. Не будемъ разбирать ихъ таланты, не будемъ зажигать жертвъ восторга, какъ восжигаютъ ихъ передъ великими артистами, но скромно положимъ свою лепту содѣйствія въ ихъ добромъ дѣлѣ, принося имъ благодарность.

Вступая въ свѣтъ и готовые уже понестись по его волнамъ, они не забыли то, что повторяли на своихъ ученическихъ скамьяхъ, что твердили имъ каждую минуту, и первый свой шагъ знаменуютъ благодареніемъ, и первый шагъ разлуки съ подругами запечатлѣваютъ челоуѣколюбіемъ. Свѣтъ, его обстоятельства, раздѣляютъ тѣхъ, кто шумною, рѣзвою толпою, веселился между собою; кто дивнымъ хоромъ истинныхъ подругъ возносилъ мольбы къ Небу; кто дѣлился между собою, кто жилъ жизнью, этою сладкою жизнью — юности. Теперь же, вступая въ свѣтъ, онѣ разойдутся, полетятъ въ разныя стороны, и быть можетъ не увидятся въ другой разъ никогда. И вотъ онѣ опять собрались, но уже не веселиться, не повторять наставленія, и не только просить Небо о милости, но быть его исполнителемъ, быть челоуѣкомъ — на землѣ!.....

Одесса, 12-го іюля, 1846.

W. W.

==

НОВОСТИ.

О танцѣ: *pas de trois* (Венера, Минерва и Юнона), представленномъ въ Лондонѣ въ піесѣ *Судъ Париса*, вотъ мнѣніе тамошняго Французскаго журнала: увидѣвъ этихъ трехъ танцовщицъ, мы находимся въ такомъ же замѣшательствѣ, какъ и Парисъ, и не знаемъ право которой изъ нихъ отдать предпочтеніе. Въ самомъ дѣлѣ всѣ они обладаютъ почти одинаковыми достоинствами, но однакожъ, въ различномъ родѣ. А потому хотя и можно оказать предпочтеніе которому нибудь роду но нельзя безъ несправедливости сдѣлать сравненіе между танцовщицами. Одна изъ нихъ беретъ граціею, — другая превосходитъ благородствомъ, третья — силою и проворствомъ. Въ одной владычествуетъ душа, въ другой умъ, въ третьей въ особенности — тѣло. Отличительныя черты ихъ талантовъ проявлялись въ особенности въ четвергъ вечеромъ, въ послѣднемъ дѣйствіи *Катерины*, гдѣ они всѣ трое принимали большое участіе: дѣвица Люцилія Гранъ въ (*pas de Masque*) г-жа Черито, въ характерномъ танцѣ (*pas de caractère*), который она протанцовала вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и госпожа Тальйони въ *Кизузь*. Невозможно описать энтузіазма, произведеннаго въ публикѣ этими тремя различными танцами и удовольствія доставленнаго этимъ разнообразіемъ. А потому, пусть каждая изъ этихъ танцовщицъ сохранитъ особенныя свои достоинства. Извѣстно уже наше мнѣніе о г-жѣ Тальйони. Талантъ ея истощилъ всѣ похвалы, а потому одобреніе наше было бы только слабымъ отголоскомъ всеобщихъ рукоплесканій публики. Что касается до дѣвицы Люциліи Гранъ, то мы посоветуемъ ей посвятить себя въ особенности благороднымъ танцамъ; она превосходна въ этомъ родѣ, и предназначена занять въ немъ первое мѣсто. Г-жа Черито сдѣлала большіе успѣхи, съ прошлаго года. Танцы ея пріятныя и смѣлыя, были однообразны. Теперь она сдѣлалась болѣе разнообразна и живописна. Эта танцовщица обладаетъ въ высшей степени, какъ женщина, тѣми достоинствами, которыя имѣетъ г. Сень-Леонъ, какъ мужчина, крѣпостью и упругостію — и она должна заниматься изобрѣтеніемъ новаго. — Такъ какъ мы уже начали давать совѣты, то пусть г-жа Черито и г. Сень-Леонъ, позволять намъ сдѣлать имъ одно замѣчаніе. По нашему мнѣнію, они, какъ великіе артисты, имѣютъ

тотъ недостатокъ, что слишкомъ много ищутъ рукоплескавій. При каждомъ знакѣ одобренія публики, они начинаютъ раскланиваться, а публика изъ учтивости, начинаетъ опять аплодировать. Это имѣетъ двойной недостатокъ продолжать представленія и возбуждать неприятное соперничество. Если бы они оба были обыкновенными артистами, то мы бы поняли это маленькое шарлатанство и охотно бы простили имъ это; но съ ихъ талантами, должно искать одобренія только въ законныхъ его источникахъ и именно въ трудѣ, успѣхѣ и изобрѣтеніемъ. Мы прибавимъ къ этому всему, что этотъ недостатокъ начинаетъ распространяться на всѣхъ парижскихъ артистовъ.

Опасно играть со звѣрями! рано или поздно, всегда попадешь въ бѣду! Представленія укротителей звѣрей, изъ которыхъ бѣдный фанъ-Амбургъ прославился въ Парижѣ, возбуждали всегда страхъ. Но вотъ теперь и слава и славной укротитель, поглощены ужаснымъ происшествіемъ. Пишутъ изъ Воонсукета отъ 6-го іюня, что фанъ-Амбургъ, остановившись съ своимъ звѣривцемъ на лугу близъ деревни Спитуатъ, представлялъ предъ многочисленную публику игры съ укрощенными имъ животными. Одна дѣвица спросила у фанъ-Амбурга, осмѣлится ли онъ войти въ клѣтку тигра въ ту минуту, когда дають пищу; онъ отвѣчалъ ей, что въ этомъ нѣтъ для него никакой опасности, и приказалъ тотчасъ же бросить имъ кусокъ мяса.

Поспоривъ между собою нѣсколько времени объ этой добычѣ, тигры принуждены были уступить ее одной большой тигрицѣ, которая унесла мясо въ уголокъ клѣтки чтобы съѣсть его тамъ. Три раза фанъ-Амбургъ пробовалъ тщетно вырвать у ней этотъ кусокъ говядины. Тигрица раздраженная, ревяла и махала хвостомъ. Публика начинала опасаться, но фанъ-Амбургъ увѣрялъ ее, что нечего бояться, и продолжалъ бороться съ тигрицею. Въ ту же минуту, этотъ звѣрь все болѣе и болѣе раздражаемый, и чувствуя, что его бьютъ, бросился на дерзкаго фанъ-Амбурга и повалилъ его на землю обливая кровью. Зрители тотчасъ же разбѣжались, оставивъ фанъ-Амбурга мертвого, а тигрицу яростно разрывающую когтями трупъ его. — Дай Богъ, чтобы это былъ *пуфъ* или выдумка, — присланная изъ такой страны, гдѣ подобныя штуки часто случаются, жалко бы было, чтобы этотъ бѣднякъ погибъ жертвою своего промысла, которымъ онъ и при жизни занимался съ величайшею опасностію.

ГОРОДСКІЕ СЛУХИ И ИЗВѢСТІЯ.

Дирекція Императорскихъ Театровъ постоянно заботилась объ усовершенствованіи итальянской оперы, и — слѣдовательно о доставленіи публикѣ разнообразно-эстетическаго наслажденія, — на нынѣшній сезонъ пригласила въ Петербургъ лучшихъ сюжетовъ Италіи. И такимъ образомъ, изъ старыхъ артистовъ прошлаго сезона остались только два любимца публики: *Сальви* и *Тамбурины*, а прочіе всѣ замѣнены новыми соловьями Италіи. Примадонна *Де-Джули*, о которой съ величайшею похвалою говорятъ всѣ итальянскіе журналы, владѣя изумительнымъ сопрано, вмѣстѣ съ тѣмъ отличается и превосходною методою. *Поппи*, контр-альто, замѣчательна обширностью и обработанностью голоса. Манера, какъ слышно, удивительная! Вмѣстѣ съ ними ангажированъ знаменитый теноръ *Гуаско*, превосходный басъ *Коллини*, буффо *Росси*, и другіе... Сколько наслажденія обѣщаетъ намъ будущая зима!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ стихотвореніяхъ многоуважаемаго нами артиста П. С. Мочалова, напечатанныхъ въ настоящемъ году «Репертуара и Пантеона», вкрались нѣкоторыя опечатки, въ которыхъ мы спѣшимъ извиниться и передъ почтеннымъ авторомъ и передъ публикою. «*Повинную голову — мечъ не съчтетъ*», говоритъ старая Русская пословица; и кто знаетъ трудность корректуры, тотъ безъ сомнѣнія пойметъ, что ошибки могутъ встрѣтиться и при самомъ внимательномъ чтеніи.

Въ стихотвореніи: на смерть Кольцова, послѣ стиха:

Гдѣ могила дорогаго?

пропущено Чѣмъ ее прикрыли?

также вмѣсто: *Что вы сударь? Не найдете?*

должно читать: *Что вы сударь? Не найдти!*

вмѣсто: *Но позволте догадаться*

должно читать: *Но позволте! догадался!*

вмѣсто: *Только былъ пѣвака*

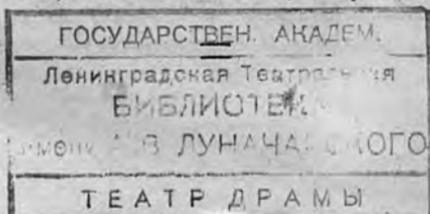
должно читать: *Только былъ писака*

вмѣсто: *Такъ здѣсь Кольцова схоронили*

должно читать: *Такъ здѣсь Кольцовъ похороненъ*

Извиняемся въ особенности неразборчивостью руки П. С. Мочалова; и надѣемся, что и онъ самъ, и публика примутъ наше извиненіе.

Ред.

ОГЛАВЛЕНІЕ XV ТОМА.

КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

	стр.
I. Элегія. Стихотвореніе <i>А. Григорьева</i>	3
II. Дугласъ черный. Драма въ пяти дѣйствіяхъ	5
III. В. В. С — вой. Стихотвореніе <i>А. Славина</i>	59
IV. Дочка его благородія. Шутка въ одномъ дѣйствіи	62
V. Прости. Стихотвореніе <i>А. Плещеева</i>	83
VI. Одинъ изъ многихъ. Эпизодъ второй. <i>Антоша. А. Григорьева</i>	84
VII. Ободреніе. Стихотвореніе <i>А. С.</i>	102
VIII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА. Софи Арну, одна изъ артистокъ прошлаго вѣка	104
IX. СИЛУЕТЫ АРТИСТОВЪ. С. Я. Марковецкій. Статья <i>А. С.</i>	109
X. Юмористика. Замѣтки Петербургскаго зѣваки на <i>Петербургскомъ гуляньи. А. Н. Андреева</i>	112
XI. Смѣсь. Мина Миничъ. <i>Ник — ова</i>	119
XII. Два стихотворенія <i>П. С. Мочалова</i> . 1) Разговоръ на Воронежскомъ кладбищѣ. 2) Не она	125

XIII.	Бывало! бывало. (Посвящ. Н. С. В.) фонъ Бейера.	129
XIV.	Три понедеѣльника. Сплетни <i>Александра Бабиночки</i> . 1) Первый понедеѣльникъ. О чемъ говорить дѣвушка, живущая на Выборгской сторонѣ не интригующая на публичныхъ маскарадахъ и незнакомая съ Итальянскою оперою. — 2) Утро послѣ перваго понедеѣльника, или первый вторникъ. Раздумье. — 3) Второй понедеѣльникъ. Мазурка. — 4) Утро втораго понедеѣльника, или вто- рой вторникъ. Три соперницы. — 5) Третій поне- деѣльникъ. Три невесты и три жениха. — 6) Утро послѣ третьяго понедеѣльника, или третій вторникъ, или разгадка, или сплетни.	146
XV.	Розанъ. Драматическая игрушка въ одномъ дѣйствиѣ. <i>Г. В. Дементьева</i>	185

КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

I.	Встрѣча, разсказъ въ стихахъ <i>А. Григорьева</i>	211
II.	Опять она! Стихотвореніе <i>А. П. Славина</i>	235
III.	МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА. Госпожа Клеронъ	236
IV.	К***. Стихотвореніе <i>А. Григорьева</i>	241
V.	Альбомъ-обличитель. Оперетта въ двухъ дѣйствиѣхъ, передѣланная съ французскаго <i>Н. И. Куликовылъ</i>	243
VI.	Визитъ сосѣду. Стихотвореніе <i>К. Сазонова</i>	287
VII.	Мадлена. Повѣсть <i>Жюля Сандо</i>	289
VIII.	Эмѣ перуэзъ. Стихотвореніе <i>А. С.....</i>	325
IX.	Оедоть да не тотъ. Оригинальный водевилъ въ двухъ дѣйствиѣхъ <i>М. И. Э.</i>	326
X.	Какъ дорожу я восторгами встрѣчи. Стихотвореніе <i>А. Бржескаго</i>	357
XI.	Путешествіе Апраксинскаго купца и благополучное воз- вращеніе. Фарсъ-водевилъ въ трехъ дѣйствиѣхъ. Сочиненіе <i>П. Г.....</i>	358
XII.	Мадонна. Стихотвореніе <i>А. С.....</i>	398

- XIII. Смѣсь. Докторскій халатъ. (*Разсказъ*). — Актриса, или двѣ встрѣчи. Быль. (*Изъ записокъ землемѣра*). — Изъ школьныхъ записокъ. — Анекдоты и Мелочи 399

КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

- I. Старыя пѣсни, старыя сказки. Стихотвореніе *А. Григорьева*. 421
- II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА. Русская драма, русская сцена. Статья *А. Григорьева*. — Старинный московскій комикъ Ожогинъ. Статья *М. Н. Макарова*. 427
- III. Молящейся дѣвущкѣ. Стихотвореніе *А. С.*. 438
- IV. МАДЛЕНА. Повѣсть *Жюль Сандо*. (Окончаніе). 439
- V. Люція. Повѣсть *А. Тримегистова*. 458
- VI. Ариша козачка. (*Разсказъ Черноморца*). 465
- VII. Дума. Стихотвореніе *А. С.*. 485
- VIII. Владимиръ Заревскій. Драма въ пяти дѣйствіяхъ 486
- IX. Опекуны. Оригинальная комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. 548
- X. Дѣдушка Назаръ Андреевичъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Скриба*. Передѣланный съ французскаго *П. С. Федоровымъ*. 583
- XI. Отрывокъ изъ комедіи: Дѣдушка Правдинъ. Соч. *У. У.* 610
- XII. Неизвѣстность. Стихотвореніе *Платона Ч***. 626
- XIII. Юмористика. Если счастливые люди? (*Нѣчто на подобіе диссертациі*). 626
- XIV. Падучая звезда. Стихотвореніе *Платона Ч***. 637
- XV. Смѣсь. Мученикъ дружбы. — Независящія обстоятельство. (*Изъ записокъ провинціала*). — Сказаніе о нѣкоемъ пріятелѣ; и, какъ онъ остался вѣчнымъ холостякомъ. 638

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЮНЬ.

	стр.
I. С. Петербургъ. Александринскій театръ. Статья А. Григорьева.	1
II. Нѣмецкіе спектакли. Статья А. Григорьева.	8
III. Каменно-островский театръ. Французскіе спектакли. Статья А. Андреева.	10
IV. Московскій театръ. Записки театрала.	19

ЮЛЬ.

I. Иностранные театры. — Парижскіе. Первое представленіе Бетти, пантомимнаго балета. — Первое представленіе Sport et Turf, Gentilhomme. — Mon voisin d'omnibus, комедія въ стихахъ. — Les quatre Reines, комедія-водевиль Полена и Лорансена.	36
II. Русскіе театры	
1) С. Петербургскіе.	
Александринскій театръ. Великодушіе или Рекрутскій наборъ, драма. — Дѣвица отшельница, водевиль. — Дѣ-	

вужка морякъ, водевилъ. — Возвращеніе г-на Мартынова. — Дебютъ M-lle Руссе, въ балетѣ: Двѣ волшебницы. — Бенефисъ г. Григорьева 2-го. — Розанъ, водевилъ. — Дядюшка болтушка, водевилъ. — Необыкновенное путешествіе гостинодворскаго купца, фарсъ-водевилъ. — Бородинская годовщина, — Новыя композиціи г. Кажинскаго. — Черный день на Черной рѣчкѣ, оригинальная комедія. — Горе отъ ума	39
Каменно-Островскій театръ. Французскіе спектакли. — Davis ou le bonheur d'être fou, комедія-водевилъ. — Un bal du grand monde	44
2) Провинціальныя театры. Театръ въ Ярославлѣ	49
III. Разныя извѣстія	55

АВГУСТЪ.

I. Иностранныя театры. — Парижскіе. Монастырская болтовня, комическая опера. — Кларисса Гарловъ, драма 57

II. Русскія театры.

1) С. Петербургскіе.

Александринскій театръ. Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ. — Заколдованный принцъ. — Комедія съ дядюшкой. — Владиміръ Заревскій. — Чего на свѣтѣ не бываетъ. — Сиротка Сусанна. — Приключеніе на водахъ. — Жена или карты. — Разбойники. — Иголкинъ. — Студентъ-артистъ, хориетъ и афферистъ. — Дѣвушка морякъ. — Эсмеральда. — Иоаннъ герцогъ Финляндскій. — Бенефисъ г. Третьякова. — Царскіе потѣшныя. — Арабская полька г. Кажинскаго. — Домовой. — Влюбленный Жидъ. — Дѣдушка Русскаго флота. 64

Михайловскій театръ. 1) Французскіе спектакли. Monsieur et M-me Pinchon ou ce que femme veut, Dieu le veut. — Catherine ou la croix d'or. — Kean ou desordre et genie. —

Le chevalier de St. Georges. — Un mariage sous Louis XV. —	
Un procès criminel. 2) Нѣмецкіе спектакли. Die Qualgeister.	75
2) ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ. Одесскій театр.	82
III. Новости.	94

~~7958~~ 7010.